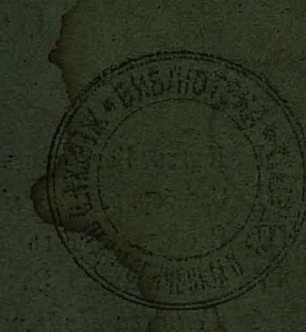
РУССКАЯ БЕСѢДА

ІЮЛЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Князь Богоборецъ. Стихотвореніе *Аполлона Корифскаго*. 1

II. Свеаборгъ. *Георгія Абова* 7

III. Свобода, любовь и вѣра. (Продолженіе). *Н. Аксакова* . 33

IV. Естественный Законъ въ Духовномъ мірѣ. (Продолженіе). *Генриха Друммонда*. Гл. III. Ростъ пер. *Л. П. Никифорова* 78

V. Послѣднія времена. Разсказъ *Я. Егорова* 88

Зарубежное Славянство.

VI. Далмація. Письмо. *С. А. Б.* 99

VII. Проклятіе или Невольница — Злата. (Продолженіе). Повѣсть изъ Сербскаго быта *архимандрита Кирилла* 113

VIII. Pax Detestata. Стих. *Гурбана Ваянскаго*. Пер. *Н. Новича*. 128

IX. **Политическое обозрѣніе** 129

Вопросы внутренней жизни Россіи.

X. Внутреннее обозрѣніе 140

XI. Орошеніе полей. *Г. И. Аристова* 156

XII. По поводу образованія и разграниченія нѣкоторыхъ епархій въ Россіи. *** 166

XIII. Одна изъ насущныхъ нуждъ русской науки настоящаго времени. *Н. Барсова* 174

РУССКАЯ БЕСѢДА

ІЮЛЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 іюля 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Князь Богоборецъ. Стихотвореніе *Аполлона Корифскаго.* 1

II. Свеаборгъ. *Георгія Абова.* 7

III. Свобода, любовь и вѣра. (Продолженіе). *Н. Аксакова* . 33

IV. Естественный Законъ въ Духовномъ мірѣ. (Продолженіе). *Генриха Друммонда.* Гл. III. Ростъ пер. *Л. П. Никифорова* 78

V. Послѣднія времена. Разсказъ *Я. Егорова* 88

Зарубежное Славянство.

VI. Далмація. Письмо. *С. А. Б.* 99

VII. Проклятіе или Невольница—Злата. (Продолженіе). Повѣсть изъ Сербскаго быта *архимандрита Кирилла* 113

VIII. Pax Detestata. Стих. *Гурбана Ваянскаго.* Пер. *Н. Новича.* 128

IX. **Политическое обозрѣніе.** 129

Вопросы внутренней жизни Россіи.

X. Внутреннее обозрѣніе 140

XI. Орошеніе полей. *Г. И. Аристова* 156

XII. По поводу образованія и разграниченія нѣкоторыхъ епархій въ Россіи. *** 166

XIII. Одна изъ насущныхъ нуждъ русской науки настоящаго времени. *Н. Барсова* 174

Стр.

XIV. Что у кого болитъ. Отвѣтъ Московскому Комитету грамотности. *Павла Аристова* 180

XV. Объявленія 191

Приложеніе. **БЛАГОВѢСТЪ**. Іюнь 1895 г.

Содержаніе: Галицкая митрополія. Главы IV (продолж.) и V церковно-историческое ислѣдованіе *Н. Д. Тихоміррова*.

Князь Богоборецъ.

Сказка.

I.

Жилъ-былъ князь въ странѣ безвѣстной—
Непомѣрно-гордый князь;
Передъ княжеской гордыней
Все дрожало преклоняясь...

Князь ходилъ въ чужія земли,
Всюду несъ огонь и мечъ:
Города предъ нимъ пылали,
Кровь рѣкой лилась отъ сѣчъ...

Побѣдители пощады
Не дарили никому—
Старцамъ, женщинамъ и дѣтямъ,
Никому и ничему!..

День отъ дня и годъ за годомъ
Слава княжая росла;
Имя ужасъ наводило,
Съ нимъ удача о́-бокъ шла!

Вывозилъ онъ изъ сожженныхъ,
Разоренныхъ городовъ
Горы сéребра и злата,
Груды скатныхъ жемчуговъ...

Въ славной княжеской столицѣ
Не домá, а все дворцы;
Князя воины богаты,
Что заморскіе купцы!..

«Слава князю! Князю—слава!» —
Раздавалося кругомъ;
Слава ὀтъ моря до мóря
Шла-всплывала рубежомъ...

Въ шумномъ хорѣ славословья
Не слыхали стоновъ-слезъ,
Хоть ко княжескому замку
За собой ихъ вѣтеръ несъ...

Гордъ былъ князь добытой славой;
Князь говаривалъ не разъ:
«Мы—сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ!
«Равныхъ въ мірѣ—нѣтъ для насъ!..

«Мы за нашей колесницей,
«Какъ диковинныхъ звѣрей,
«На цѣпяхъ на золочёныхъ
«Водимъ плѣнныхъ королей!..

«Наша воля—счастье наше.
«Воля наша—всѣмъ законъ!
«Захотимъ—къ намъ силы неба
«Сами придутъ на поклонъ!..»

А однажды, за пирушкой,
Предъ дружиной князь-гордецъ,
Выпивъ пѣннаго не въ мѣру,
Разбахвалился въ конецъ:

«Наши статуи—повсюду
«По широкимъ площадямъ!
«Захотимъ, и станутъ люди
«Имъ молиться по церквамъ!..»

—«Полно, князь!»—сказали князю,—
«Ты—великъ, но ты—не Богъ!
«Съ Нимъ помѣряться-поспорить
«Даже ты бы самъ не смогъ...»

И—безумно ослѣплённый
Буйной гордостью своей—
Князь рѣшилъ идти войною
Противъ Князя всѣхъ князей...

Вся въ тревогѣ, вся въ смущеньи—
Внемлетъ тѣмъ же днемъ страна:
«Противъ Бога, противъ Бога
«Объявляется война!»

II.

Княжьей волею—воздушный
Снаряжонъ корабль... И вотъ—
Въ немъ, что пó морю по синю,
Князь по воздуху плыветъ...

Пестрой росписью росписанъ
Кузовъ чудо-корабля;
Всюду—пушки-самопалы
Смотрятъ, князя веселя...

Князь—одинъ плыветъ, безъ войска;
И не надобно его:
Корабельныя пружины
Крѣпче войска самого!..

Тронь-ка ихъ, нажми легонько
Хоть одну иль двѣ изъ нихъ,—
Оглушатъ пальба и грохотъ
Отъ снарядовъ боевыхъ!..

Князь плыветъ; князь къ солнцу правитъ...
(Далекóнекъ путь, ой-ой!)

Князь плыветъ, проклятья сыплетъ,
Вызываючи на бой.—

«Одолѣть и Бога впору
«На такомъ-тоораблѣ,»
Мыслитъ онъ,—«война и въ небѣ,
«Чай, одна—что на землѣ!..

«Мы поборемся, посмотримъ!
«Пусть посмотрятъ: кто—кого!..
«Выходи!..»
И видитъ—туча
Держитъ прямо на него...

Грянулъ залпъ... А туча—мимо,
Пава-павой проплыла,—
Только князя, малымъ дѣломъ
Подмочила, залила...

«Выходи!..»
И чу, заслышалъ
Князь далёкій звукъ трубы...
«Ну,—подумалося князю,—
«Близокъ-близокъ часъ борьбы!..

«Что-жь! Борьба—бойцу не внóвѣ,
«Сердце тѣшится борьбой!..»
Смотритъ князь, глядитъ, и—что-же?
Комариный видитъ рой!..

Вотъ они—кружатъ, толкутся,
Подлетѣли къ кораблю;
Впереди—трубачъ играетъ:
«Прочь съ дороги! Раздавлю!..»

Ухмыльнулся князь: «Ну, это—
«Не опасные полки!
«Богатырская сноровка—
«Ростомъ нѐ взяли, мелки!..»

Что за невидаль! Съ налёту
Жалятъ въ руки и въ глаза,—
Не поспѣть и отмахнуться:
«Тьфу ты, про́пасть!.. Знать, гроза,—

«Знать сегодня дождикъ будетъ!..»
Нѣтъ отбою, сладу нѣтъ...
Комары загрызть грозятся
Князя въ цвѣтѣ силъ и лѣтъ!..

Жалятъ въ носъ; набились въ уши;
Такъ и пляшутъ передъ нимъ...
Князь—за мечъ, мечомъ-булатомъ
Машетъ въ воздухѣ своимъ...

Князь—къ пружинамъ чудодѣйнымъ,—
Срыву-сро́змаха нажметъ:
Грянутъ пушки, затрясется
Весь корабль—весь самолётъ!..

Комарамъ—и горя мало:
Невредимъ ихъ малый полкъ,—
Хоть пали безъ передышки,
Врядъ-ли выйдетъ больше толкъ!..

А комаръ-трубачъ—все трубитъ!..
Сбросилъ князь съ кудрей шеломъ,
Князь сорвалъ съ себя кольчугу,—
Бьется-мечется кругомъ...

Князь—ревмя́-реветъ отъ боли;
Глазъ не смотритъ, носъ распухъ...
Предъ напастью небывалой
Князь забылъ свой гордый духъ:

«Боже! Боже мой!..»—взмолился,—
«Помоги мнѣ, помоги!..»
Нѣтъ помо́ги, одолѣли
Побѣдителя враги...

Всталъ онъ нà-бортъ корабельный
И—долой, туда, къ землѣ...
Комары, одни, остались
На отбитомъ кораблѣ!..

Гордый князь упалъ въ болото,
Прямо въ тину головой,
И—захлебываясь иломъ—
Слышитъ голосъ:
«Братецъ мой!

«Гдѣ ужъ намъ бороться съ Богомъ?!.
«Похвальба-то не хитра—
«А посмотришь, разглядишься, —
«Не осилить комара!..»

Князь не зналъ, чей слышалъ голосъ...
Это—квакала въ тиши,
На болотинѣ, лягушка,
Забираясь въ камыши!..

Аполлонъ Коринфскій.

СВЕАБОРГЪ [1].

Впереди г. Гельсингфорса раскинутъ цѣлый рядъ островов; на югъ отъ нихъ расстилается Финскій заливъ, а на сѣверѣ, благодаря имъ, образовалась обширная и глубокая гавань, удобная для большаго флота. Въ 1550 г. Густавъ Ваза обратилъ вниманіе на природныя удобства этой мѣстности и пожелалъ основать здѣсь городъ. Но избранный имъ для этой цѣли песчаный островъ Сандгамнъ не понравился жителямъ и они скоро перебрались на материкъ, къ устью рѣки Ванды, гдѣ и заложили „Гельсингъ-Форсъ“. Въ 1616 г. Густавъ II Адольфъ посѣтилъ новый городъ и открылъ въ немъ экстренное засѣданіе шведскаго риксдага. Однако и тутъ мѣстныя условія оказались недостаточно благопріятными, почему при королевѣ Христинѣ въ 1639 г. городъ былъ перенесенъ верстъ на 5 къ западу и послѣ этого Гельсингфорсъ остался на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ красуется и развивается по настоящее время. Первые „историческіе“ дни молодаго города не были его красными днями: пожары, чума, голодъ и непріятель не разъ превращали его въ пепелъ и пустыню, поливали кровью и оглашали стонами. Затѣмъ судьба стала болѣе благосклонной къ Гельсингфорсу. Случилось такъ, что Швеція въ 1721 г. лишилась Выборга и Кексгольма, а въ 1742 г. Вильманстрандскихъ, Фридрихсгамскихъ и Нейшлотскихъ укрѣпленій. Такимъ образомъ граница была открыта. Своими собственными силами Финляндія, конечно, не могла держаться противъ Россіи; кромѣ того ежегодно на шесть мѣсяцевъ она разобщалась со своей метрополіей, почему Швеціи пришлось подумать о новой укрѣпленной позиціи противъ восточнаго сосѣда. Выборъ риксдага и короля палъ на острова, лежащіе передъ Гельсингфорсомъ.

---

[1]) 28—29 іюля сего года исполнится 40 лѣтъ со времени бомбардированія Свеаборга союзнымъ англо-французскимъ флотомъ, почему намъ желательно разсказать исторію этой замѣчательной крѣпости, пользуясь при этомъ также и нѣкоторыми шведскими источниками.

Планъ новаго укрѣпленія былъ разработанъ знаменитымъ шведскимъ инженеромъ Августомъ Эренсвердомъ. Въ 1746 г. приступлено было къ расчисткѣ лѣсовъ на избранныхъ островахъ, которые въ древнихъ преданіяхъ слыли за притоны разбойниковъ и извѣстны были подъ именемъ „волчьихъ шхеръ“ (Варгъ-шеръ), а въ 1748 г. на островѣ Густавъ-Свердѣ состоялась офиціальная закладка „твердыни Швеціи—*Свеаборга*“, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующая шведская надпись на одной изъ свеаборгскихъ каменныхъ плитъ: „Hâr har Konung Fredrik lâtit lägga den färsta stenen 1748“ — („Здѣсь король Фридрихъ велѣлъ положить первый камень въ 1748 г.“). Работы по постройкѣ „сѣвернаго Гибралтара“ велись сначала вяло, пока, въ 1756 г., руководителемъ ихъ не былъ назначенъ самъ Эренсвердъ. Онъ, возводя укрѣпленіе изъ загранитныхъ глыбъ, въ то же время строилъ плотину (набережную), закладывалъ доки и заводилъ гребную флотилію. Его плодотворная дѣятельность здѣсь не разъ прерывалась то назначеніемъ его начальникомъ арміи въ Померанію (1761—1763 г.), то производствомъ надъ нимъ слѣдствія, по ложному подозрѣнію въ излишней тратѣ имъ денегъ, то, наконецъ, государственными неурядицами Швеціи (1766—1772 г.).— Въ октябрѣ 1772 г. графъ Августъ Эренсвердъ умеръ, достигнувъ фельдмаршалскаго чина. Этого „шведскаго Вобана“ похоронили сперва въ гельсингфорской городской киркѣ; но въ 1783 г. Густавъ III приказалъ торжественно перенести прахъ славнаго строителя Свеаборга въ созданную имъ крѣпость, гдѣ надъ его могилою по сей день сохраняется прекрасный памятникъ (твореніе стокгольмскаго скульптора Сергеля), украшенный военными атрибутами и надписью: „здѣсь покоится прахъ графа Августа Эренсверда, фельдмаршала и командора ордена Е. К. В., окруженный своими твореніями: Свеаборгскою крѣпостью и гребнымъ флотомъ“. Памятникъ предназначался также и для того, чтобы „одушевлять умъ и сердце любовію ко благу отечества“. При указанныхъ обстоятельствахъ возникла крѣпость, составлявшая гордость Швеціи, пока на башнѣ ея развѣвался желто-синій флагъ.

Исторія Свеаборга вообще не богата выдающимися событіями и посему „служебныя“ отмѣтки въ его формулярномъ спискѣ очень немногочисленны. Во время государственнаго переворота въ Швеціи, въ 1772 г., новая, еще недостроенная, крѣпость была захвачена горстью шведскаго войска подъ начальствомъ барона Спренгтпортена. Подобное странное покореніе шведами своей собственной крѣпости вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что она въ то время была въ рукахъ коменданта, не сочувствовавшаго Густаву III и его реформѣ. Въ 1788 г. изъ Свеаборга вышла та эскадра галерной флотиліи, которая, подъ предводитель-

ствомъ герцога Карла, сразилось при Гогландѣ съ русскими судами, бывшими подъ командою адмирала Грейга. Шведы, приписавъ себѣ побѣду, отпраздновали ее въ Свеаборгѣ, не смотря на то, что ихъ побѣдоносный флотъ тогда же оказался запертымъ (блокадою) позади свеаборгскихъ острововъ. Въ слѣдующемъ году изъ Свеаборга вновь вышла шкерная эскадра, но она не въ состояніи была удержать своей позиціи, занятой при Свензундѣ. Болѣе удачнымъ для шведовъ оказался 1790 г.: свеаборгская флотилія одержала побѣду подъ Фридрихсгамомъ, блистательно вышла изъ затруднительнаго положенія при Біоркэзундѣ, а при Свензундѣ отомстила принцу Нассаускому прошлогоднее пораженіе.

Насталъ затѣмъ 1808 г., который совершенно измѣнилъ судьбу Свеаборга. Русскія войска перешли границу Финляндіи, причемъ отрядъ гр. Орлова-Денисова направился къ Гельсингфорсу. Аттака города произошла такъ неожиданно и быстро, что „стоявшія у воротъ и на валу орудія были взяты заряженными“. Комендантъ города, Гутовскій, бѣжалъ въ Свеаборгъ. Запасы, госпиталь и пр. достались русскимъ, которые, удобно расположившись въ городѣ, немедленно приступили къ осадѣ крѣпости, возведя вокругъ нея, по приказанію гр. Буксгевдена, батареи на всѣхъ удобныхъ и выдающихся береговыхъ позиціяхъ Гельсингфорса. Кромѣ того крѣпость была охвачена со всѣхъ сторонъ сторожевыми постами. 26 апрѣля Свеаборгъ сдался.

Исторія покоренія Свеаборга для многихъ до сихъ поръ остается темною „психологическою загадкою“ [1]). Шведы и финны упорно держатся того взгляда, что крѣпость пала *единственно* вслѣдствіе подкупа. Русскіе историки и военные писатели не отвергаютъ того факта, что въ дѣлѣ покоренія Свеаборга дѣйствовала также и „сила золотаго пороха“. Гр. Буксгевденъ, напр., въ отношеніи отъ 24 марта, писалъ военному министру Аракчееву: „наконецъ, чтобы имѣть успѣхъ, употребилъ я для того посредство людей, которыхъ расположеніе удалось мнѣ пріобрѣсть въ гарнизонѣ. Вы видите, какими средствами была мнѣ возможность найти нужные намъ способы. Они намъ довольно дороги и еще будутъ дороже, но всѣ сіи издержки не возмогутъ никогда идти въ какое-либо сравненіе съ тѣмъ важнымъ пріобрѣтеніемъ, какое можно сдѣлать съ покореніемъ Свеаборга. Я употреблялъ доселѣ экстраординарную сумму. Она теперь кончилась, а какъ вы видите, что впослѣдствіи надобно мнѣ будетъ сдѣлать гораздо важнѣйшія издержки, то прошу прислать мнѣ для таковыхъ секретныхъ расходовъ отъ 25 до 30 т. рубл.“ [2]). Графъ Арак-

[1]) Слова швед. генерала Карделя.

[2]) Описаніе Финл. войны 1808—9 гг., соч. Михайловскаго-Данилевскаго, Спб. 1841 г., стр. 49.

чеевъ отвѣтилъ: „Государь Императоръ надѣется, что если стараніемъ и опытностію вашею сила золотаго пороха ослабила уже нѣсколько пружину военную, то и окончательное уничтоженіе оной должно, кажется, исполниться“. Когда Свеаборгъ былъ взятъ, главнокомандующій представилъ наградные списки, но ходатайство его было оставлено безъ удовлетворенія, „ибо“, писалъ гр. Аракчеевъ 29 іюля, „Государь полагать изволитъ, что при взятіи крѣпости войска не столько участвовали, а успѣхъ приписываетъ единственно благоразумной предусмотрительности вашей“ [1]). Въ капитальномъ трудѣ К. Ф. Ордина о „Покореніи Финляндіи“ имѣется слѣд. письмо, отъ 6 янв. 1809 г., того же гр. Буксгевдена графу А. Н. Салтыкову, который былъ тогда товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ [2]): „во время осады кр. Свеаборга тамошняго шведскаго гарнизона Адлеркрейцева полка капитана Рейтершельда жена сколько дѣятельностью, столько же и значущимъ вліяніемъ на мужа ея, бывшаго тогда комендантомъ крѣп. Лило-остро-Сварто, а равно и на многихъ того же гарнизона офицеровъ, созванныхъ г. адмираломъ Кронштетомъ въ Совѣтъ по случаю прилагаемой конвенціи, приносила въ предпріятіи нашемъ великую пользу и не мало содѣйствовала къ склоненію того Совѣта къ сдачѣ крѣпости... Отмѣнное ея усердіе къ пользѣ государства тогда же много награждено съ обѣщаніемъ... обезпечить ее и впредь въ содержаніи.“ Рейтершельдъ не желалъ остаться въ Финляндіи, „чувствуя, что тѣмъ только пріусугубитъ навлекшее уже на себя въ Совѣтѣ подозрѣніе служившихъ съ нимъ офицеровъ“... жена капитана была оставлена своими знакомыми, узнавшими „о прежнихъ ея сношеніяхъ“... „Посему въ уваженіе оказанныхъ ею въ пользу государства важныхъ услугъ... прошу испросить позволеніе капитану Рейтершельду изъ Калуги, а женѣ его изъ Гельсингфорса, пріѣхать въ Петербургъ... и о выдачѣ на проѣздъ суммы... дабы не оглашая выданы были ей лично сіи деньги...“ „Новый сей Гибралтаръ не болѣе намъ стоилъ, какъ только нѣсколькихъ недѣль осады, нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, сотни человѣкъ и *переговоровъ*“, иронизируетъ авторъ сочиненія „Тринадцать дней или Финляндія“ (Москва, 1809 г. стр., 13) [3]). Приведенныя выписки несомнѣнно показываютъ, что военныя дѣйствія подъ стѣнами Свеаборга сопровождались также и „дипломатическими“ воздѣйствіями.

---

[1]) Тамъ же, стр. 109.
[2]) См. Покореніе Финляндіи, соч. К. Ф. Ордина, т. II, приложеніе № 60, стр. 26.
[3]) Эта книжка составлена княземъ Павломъ Гавриловичемъ Гагаринымъ. (Les treize journées ou la Finlande).

Но помимо того, при осадѣ Свеаборга всѣ обстоятельства складывались крайне неблагопріятно для шведскаго гарнизона и удачно для осаждавшихъ. За гранитными несокрушимыми стѣнами находилось, правда, 7 т. человѣкъ и болѣе 700 матросовъ; но войско это состояло преимущественно изъ необученныхъ рекрутъ. Составъ офицеровъ былъ также совершенно неудовлетворителенъ: одни изъ нихъ долго прожили, при существовавшей поселенной системѣ, какъ помѣщики на казенныхъ земляхъ и, естественно, негодовали на нарушеніе ихъ сельскаго спокойствія, другіе выслужили всякіе сроки и за старостью оказывались совершенно непригодными для строя, третьи рано стали прислушиваться къ рѣчамъ о самостоятельности Финляндіи, забывая свои прямыя обязанности и т. д. Солдаты изнурялись крѣпостными работами: они возводили ненужныя укрѣпленія, обучались строю, прорубали ледъ вокругъ острововъ на болѣе доступныхъ мѣстахъ, дежурили на валахъ, перетаскивали орудія и т. д. Затѣмъ, со стороны шведовъ допущено было много существенныхъ ошибокъ. Во время двѣнадцати-дневной русской канонады, они запальчиво отвѣчали грохотомъ своихъ пушекъ и успѣли разстрѣлять добрую половину своего пороха. Въ крѣпость допущено было много безполезныхъ людей, и въ числѣ ихъ женщины и дѣти; когда они дѣлали попытки уйти изъ Свеаборга, наше начальство очень предупредительно возвращало всѣхъ назадъ, усматривая въ ихъ лишнихъ желудкахъ и ртахъ хорошихъ для себя союзниковъ, пригодныхъ для скорѣйшаго истребленія съѣстныхъ запасовъ осажденныхъ. Стокгольмскіе историки не скрываютъ и того обстоятельства, что финны и шведы не особенно дружно уживались въ тѣсномъ сосѣдствѣ среди крѣпостныхъ верковъ. Комендантъ Свеаборга—Карлъ Олафъ Кронстедтъ (р. 1756) былъ храбрый офицеръ, опытный морякъ, покрытый славою двухъ морскихъ сраженій, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не обладалъ достаточной подготовкой для той должности, которая была на него возложена противъ его воли въ то время, когда онъ попалъ въ немилость короля (въ 1801 г.). Онъ смотрѣлъ на все съ точки зрѣнія моряка и видѣлъ во ввѣренной ему крѣпости замершій корабль, который можно взять на абордажъ. За долго еще до войны 1808 г., онъ заявлялъ, что Свеаборгъ погибнетъ, если русскіе осадятъ его зимой. По плану Эренсверда предположено было около Свеаборга, на выдающихся въ море и возвышенныхъ мѣстахъ материка, возвести родъ дополнительныхъ передовыхъ укрѣпленій; но планъ этотъ не былъ осуществленъ. Шведы точно забыли, или вѣрнѣе говоря, не предусмотрѣли возможности зимней войны съ Россіей, когда крѣпость дѣлалась болѣе доступной со стороны Гельсингфорса и за эту свою оплошность заплатили весьма дорого. Адмиралъ Кронстедтъ достаточно опредѣленно сознавалъ слабыя

стороны своего корабля и экипажа, почему тяготился ими и безпокоился за нихъ; кромѣ того, онъ оказался особенно чадолюбивымъ отцомъ, „подверженъ былъ мнительности“ и не обладалъ твердымъ характеромъ; всѣ эти особенности въ значительной мѣрѣ парализовали его мужество и честность [1]).

Русскимъ, напротивъ того, обстоятельства особенно благопріятствовали. Они безъ борьбы пріобрѣли въ Гельсингфорсѣ значительные запасы, прекрасныя квартиры и подходящія позиціи. Генералъ Сухтеленъ умно и энергично распоряжался осадными работами и былъ необыкновенно изобрѣтателенъ по части распространенія среди осажденныхъ всевозможныхъ слуховъ, деморализовавшихъ шведовъ. Онъ возводилъ укрѣпленія, готовилъ туры и фашины. Днемъ открывалъ огонь, вредившій деревяннымъ постройкамъ въ крѣпости, а ночью высылалъ трубачей, стрѣлковъ и барабанщиковъ производить ложныя тревоги. Для того, чтобы безпокоить непріятеля была организована еще особая подвижная батарея полковника Аргуна, который явился настоящимъ „будильникомъ гарнизона“ [2]). Подобными мѣрами русскіе держали осажденныхъ постоянно подъ ружьемъ и въ страхѣ, утомляя непривычныхъ солдатъ и безъ того уже обремененныхъ трудными крѣпостными работами. Мало того, желая посѣять смуту въ крѣпости, „русскіе генералы, подъ видомъ военной вѣжливости“, пересылали въ Свеаборгъ газеты съ извѣстіями объ успѣхахъ нашего оружія въ Финляндіи и неудачахъ шведовъ. Шведскіе историки подозрѣваютъ даже, что газеты эти были собственнаго изготовленія осаждавшихъ [3]). Чтобы ввести въ заблужденіе жителей Гельсингфорса о силѣ и количествѣ нашего войска, приказано было постоянно передвигать его по улицамъ города, заготовлять осадныя лѣстницы и т. п.; ночью, потихоньку, части войска выводились за городъ и на другой день онѣ вновь съ барабаннымъ боемъ вступали въ Гельсингфорсъ. Въ крѣпости подобные маневры, въ воображеніи непріятеля, по полученнымъ отъ своихъ соплеменниковъ-очевидцевъ извѣстіямъ, разростались въ несомнѣнныя свѣдѣнія о томъ, что русскіе сосредоточиваютъ несмѣтные полки, приготовили цѣлые лѣса осадныхъ лѣстницъ и, слѣдовательно, готовятся къ кровопролитному приступу [4]). При началѣ осады шведы, стрѣляя по направленію Гельсингфорса, несомнѣнно вредили городу. Чтобы пощадить мирныхъ жителей, сердобольный адмиралъ согласился на предложеніе рус-

[1]) См. соч. Бьерлинга и Монгомери (на швед. яз.) о войнѣ 1808—9 г., а также соч. П. К. Сухтелена «Картина военныхъ дѣйствій въ Финляндіи», Спб., 1832 г., стр. 46 и др.

[2]) Соч. Сухтелена, стр. 43.

[3]) Монтгомери, стр. 31.

[4]) Монтгомери, I, стр. 46.

скихъ, считать Гельсингфорсъ нейтральнымъ пунктомъ. Это было весьма опрометчиво со стороны шведовъ. Другимъ важнымъ промахомъ шведовъ было свиданіе Кронстедта съ генераломъ Сухтеленомъ и переговоры его о перемиріи. Сухтеленъ съ первыхъ же словъ коменданта догадался, что не все въ крѣпости обстоитъ благополучно, почему сперва рѣшительно отклонилъ всякое перемиріе, а затѣмъ воспользовавшись случаемъ, сразу повелъ рѣчь о конвенціи. Справедливость требуетъ прибавить, что лично Кронстедтъ рѣшилъ разрушить Гельсингфорсъ, лишь бы отстоять крѣпость [1]) и никогда не подписалъ бы условій конвенціи 25 марта, еслибы не былъ окруженъ недостойными совѣтниками. Военный Совѣтъ, къ помощи котораго онъ прибѣгалъ по болѣе крупнымъ вопросамъ, окончательно сбилъ его съ толку. Особенно сильно вліялъ на него умный и продажный полковникъ Егергорнъ (Jägerhorn) [2]). Въ силу конвенціи (25 марта) часть укрѣпленій перешла въ русскія руки, и такъ какъ до 22-го апрѣля со стороны моря не подоспѣло ожидаемое шведское подкрѣпленіе, то Свеаборгъ былъ уступленъ 26 апрѣля 1808 г.; послѣ молебствія и салюта, надъ Густавъ-Свердомъ поднятъ былъ русскій флагъ.

Итакъ, всякій безпристрастный изслѣдователь обязанъ признать, что „золото" далеко не было единственной и исключительной причиной, лишившей Швеціи ея твердыни. Нѣтъ, помимо золота, здѣсь играли существенную роль: упадокъ дисциплины въ шведскихъ войскахъ, плохой составъ ихъ офицеровъ, рядъ неблагопріятныхъ условій для одной стороны и удачи—для другой, военная ловкость Сухтелена, „мнительность" Кронстедта и пр. Шведскому опытному адмиралу навязана была обязанность коменданта „сухопутной крѣпости", иначе говоря, „зубастой щукѣ" приказано было за „кошечье приняться ремесло". Крѣпость сдалась; результаты превзошли всякія ожиданія русскихъ и все-таки главная причина ея сдачи кроется не въ измѣнѣ. „Нѣтъ, я заботливо постараюсь доказать, что *неумѣнье*, по крайней мѣрѣ *на половину*, принимало въ этомъ участіе"... писалъ современникъ и участникъ событія офицеръ шведской службы J. G. Báth (Ботъ), въ изданной имъ въ 1809 г. въ Стокгольмѣ брошюрѣ „О причинахъ сдачи Свеаборга и положеніи его во время осады" [3]).—І. Ботъ подчеркиваетъ всѣ приведенныя нами соображенія, которыя, очевидно, изъ его брошюры попали въ сочиненія Gustaf'a Montgomery, Bjorlin'a и др. Ботъ готовъ

---

[1]) Сухтеленъ, стр. 42.
[2]) Монтгомери, 31 стр.
[3]) Orsakerna till Sveaborgs Ofvergang och tillståndet under dess Belägring af J. G. Báth. Stockholm, 1809. p. 9.

даже оспаривать всякіе розсказы о „бочкахъ съ червонцами“ и т. п. (стр. 52); онъ, наконецъ, горячо отстаиваетъ часть Кронстедта, видя въ немъ „душевно-больнаго“ человѣка, лишеннаго вслѣдствіе этого недуга прежняго своего генія (стр. 52—53). Также энергично вступается за Кронстедта передъ потомствомъ и гр. Сухтеленъ въ своемъ сочиненіи о войнѣ 1808 и 1809 гг. (53, 55 и др. стр.). Лично Кронстедтъ до такой степени былъ спокоенъ душой и убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, что выговорилъ себѣ свободный возвратъ въ Швецію, желая тамъ дать отчетъ въ своемъ поведеніи. Его едва убѣдили отказаться отъ столь рискованнаго шага. Онъ остался и 12 лѣтъ спустя Кронстедтъ окончилъ свои дни въ Финляндіи „забытый и опозоренный“.

Потомство клеймитъ его, забывая о продажномъ Егергорнѣ и о членахъ преступнаго Совѣта. Особенно негодуетъ на Кронстедта Финляндія, которая устами своего поэта I. Л. Рунеберга, заклинаетъ современниковъ и потомство не называть по имени „шведскаго вице-адмирала синяго флага“, сдавшаго Свеаборгъ:

«Возьми весь мракъ могилъ сырыхъ,
Всю жизни скорбь и тьму,
И имя ты создай изъ нихъ,
И дай потомъ—ему:
Все-жь это имя, даръ могилъ,
Свѣтлѣй того, что онъ носилъ!»

Для характеристики отношенія финляндцевъ къ свеаборгскому дѣлу, передадимъ здѣсь главное содержаніе другого рунебергскаго стихотворенія „Братья“, принадлежащаго къ тому циклу его патріотическихъ твореній, которыя извѣстны подъ общимъ именемъ: „Разсказовъ фенрика Столя“. Повѣствованіе начинается описаніемъ дома одного изъ братьевъ. Домъ этотъ ютится среди обыкновенной финляндской природы; въ немъ живетъ старый, сердечный, простой и гостепріимный Іоганъ Ваденшерна. Каждый посѣтитель сего дома сразу чувствуетъ себя, какъ бы въ родномъ гнѣздѣ у добраго отца. „Не произноси только одного имени, имени, которое пусть умретъ въ нашей памяти. Говори обо всемъ и онъ выслушаетъ тебя спокойно; не называй только слова „Свеаборгъ“, чтобы не нарушить его покоя и не возмутить его духа. Все, что прежде плѣняло его сердце: его страна, вѣрность, сила и честь его народа, все, все, что окрыляло его мысль, все онъ похоронилъ въ могилѣ сихъ утесовъ, и теперь онъ каждый разъ содрогается (отъ ужаса), когда ему приходится услышать названіе этой мо-

гилы. Его старыя раны горятъ, когда звукъ „Свеаборгъ" касается его уха. Однажды, въ темный зимній вечеръ старый Ваденшерна сидѣлъ у затопленной печи, спокойно прислушиваясь къ свисту бури, шумѣвшей на дворѣ. Онъ былъ одинъ. Семья уже спала. Вошелъ прохожій, моля о пристанищѣ. Всмотрѣвшись въ пришельца, по сердцу Ваденшерна пробѣжала дрожь. То не былъ кто-либо чужой: предъ нимъ стоялъ его родной любимый братъ, котораго не видалъ 19 лѣтъ. Никто изъ чужихъ не оставался такъ долго у его дверей; ни одинъ незнакомецъ не преклонялся такъ безмолвно, какъ вновь вошедшій скиталецъ. Ни слова, ни звука! Минуты проходили за минутами, какъ бы въ присутствіи мертвыхъ. Наконецъ, пришедшій братъ трогательно раскрылъ свои объятья. На мгновеніе призывъ сердца былъ понятъ и, казалось, старый Ваденшерна былъ потрясенъ. Но то была короткая секунда: когда она миновала, онъ холодно отвернулся и рукою отклонилъ объятье. Тогда раздался голосъ отвергнутаго, глухой и ужасный, какъ вздохъ изъ могилы: „Братъ! дай льду разстаять въ твоей груди; не презирай того, кто ищетъ утѣшенья! Знаю, виновенъ я. Я осужденъ судьбой нести тяжелый гнетъ тѣхъ дней, когда сдался, не обагренный кровью, финскій воинъ, тѣхъ дней, когда твердыня Швеціи (Свеаборгъ) была продана и взята. Не я въ то время былъ тотъ сильный, который, выступя впередъ, напомнилъ о долгѣ и всталъ къ рулю событій. Скажи, что этого не сдѣлалъ я; но не сокрушай своимъ презрѣньемъ!" Онъ смолкъ, склонилъ чело и залился горячими слезами. Сказавъ что должно брату, онъ вновь, съ распростертыми руками, сдѣлалъ шагъ впередъ и ожидалъ отвѣтнаго объятья. Въ груди стараго Ваденшерна чувствовалась боль и бушевала буря. Твердою рукою онъ безмолвно снялъ со стѣны пистолетъ и направилъ его въ сердце брата. Преданье прибавляетъ, что по уходѣ брата, суровый Ваденшерна сидѣлъ безъ сна и покоя, проплакавъ вечеръ и долгую ночь; онъ плакалъ еще, какъ дитя, когда занялася заря".

Строгій приговоръ финляндцевъ надъ дѣйствіями адмирала Кронстедта произнесенъ ими преждевременно; они недостаточно вслушались въ показанія современниковъ и мало вчитались въ изслѣдованія историковъ. Вотъ что разсказываетъ, напримѣръ, г-жа Лампе (урожденная баронесса Врангель), гостившая во время войны 1808 г. въ семействѣ Кронстедта. „Однажды", говорила она,—„сидѣли мы за обѣдомъ, когда Кронстедту было передано письмо изъ Швеціи. Прочитавъ письмо, онъ поблѣднѣлъ; затѣмъ заперся въ своемъ кабинетѣ и не выходилъ оттуда три дня. Черезъ три дня вышелъ онъ, наконецъ, грустный и

убитый, и объявилъ, что долженъ сдать Свеаборгъ. Письмо онъ уничтожилъ, говоря, что одинъ принимаетъ всю вину на себя. Впослѣдствіи, онъ какъ-будто проговорился, что получилъ приказаніе изъ Швеціи сдать крѣпость, такъ какъ уже тогда было рѣшено низложить короля Густава IV" [1]). Сопоставляя это свидѣтельство съ заявленіями генерала Сухтелена, I. Бота и др. о честности и безкорыстіи Кронстедта, имѣя въ виду нравственную распущенность шведскаго правительства того времени, а также и то, что Кронстедтъ упорно желалъ ѣхать въ Стокгольмъ, чтобы тамъ оправдаться въ своихъ поступкахъ и, зная, наконецъ, что онъ передъ смертію сжегъ свои бумаги, предназначенныя для его оправданія, мы убѣждены, что Кронстедтъ, во время несчастныхъ для него свеаборгскихъ дней, остался вѣренъ своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, которыя замѣтно выдѣляли его изъ окружавшей среды, и не запятналъ своего имени ни измѣной, ни подкупностью.

18 марта 1809 г. Свеаборгъ впервые увидѣлъ въ своихъ укрѣпленіяхъ Русскаго Государя. Прибытіе Императора Александра I было встрѣчено залпомъ изъ девяти сотъ орудій самаго большаго калибра. „Превосходнѣйшее поздравленіе!" прибавляетъ князь П. Гагаринъ:— „гласъ твой разносили вѣтры по Ботническимъ отголоскамъ". Тотъ же авторъ, между прочимъ, прибавляетъ, что генералъ Сухтеленъ, обративъ вниманіе императора на тотъ порядокъ, въ которомъ разставлены были тогда пушки разныхъ калибровъ, сказалъ: „Государь! это походитъ на пушечную библіотеку!" Сколь великое заслуживаетъ уваженіе та библіотека, которая содержитъ въ себѣ всѣ рѣшительныя доказательства Государей. Въ ней находится такая логика, которая можетъ опровергнуть всѣ возразимые аргументы" [2]).

Послѣ событій 1808 и 1809 гг. Свеаборгъ мирно дремалъ вплоть до 1855 г., когда, наконецъ, послѣдовало его настоящее огненное крещеніе, во время Восточной войны. Въ теченіе этого долгаго періода крѣпость не сдѣлала никакихъ замѣтныхъ шаговъ въ своемъ ростѣ и развитіи; она обзавелась хорошей цистерной и украсилась (въ 1853 г.) соборомъ во имя св. Александра Невскаго—вотъ все, что можно отмѣтить за это время.

Восточная война 1853—56 годовъ, какъ извѣстно, разыгралась, главнымъ образомъ, на югѣ Россіи и всей своей тяжестью обрушилась на многострадальный Севастополь, которому пришлось принести большую

---

[1]) См. «Историч. Вѣст.» 1889 г., ноябрь, 453 стр.
[2]) Тринадцать дней, 1809 г., стр. 24.

искупительную жертву за наши грѣхи, за нашу косность и растлѣніе, за то, наконецъ, что правда была въ загонѣ и мы сами расхищали родину.

«..... Мы сами, о, край нашъ родной,
Тебя обрекли поруганью!»

Наше войско было велико... по спискамъ и штатамъ; его вооруженіе оказалось плохимъ, тогда какъ непріятель успѣлъ уже пріобрѣсти нарѣзное оружіе; мы скудно продовольствовали солдата и дурно обставили его службу, резервы были неудовлетворительны, а путей сообщенія почти вовсе не существовало. Наша дипломатія не стояла на высотѣ требованій времени. Начавъ войну, мы дѣлали одну ошибку за другой. Умный князь Меншиковъ не былъ вовсе полководцемъ. Истина скры-

Свеаборгъ.

валась даже отъ Императора, который вынужденъ былъ разбираться въ неясныхъ и противорѣчивыхъ реляціяхъ. „Въ послѣдній разъ требую", писалъ онъ,—„чтобы въ рапортахъ ко мнѣ писана была *одна правда* какъ есть, безъ романовъ и пропусковъ, вводящихъ меня въ совершенное недоумѣніе о происходившемъ". Лучшее, что мы имѣли, былъ нашъ черноморскій флотъ, созданный адмираломъ Лазаревымъ, да „доблесть отцовъ боевая", которая не умерла въ груди русскаго солдата. На валахъ Севастополя эта

«русская доблесть за край свой родной
Съ Европою цѣлой схватилась:—
По воздуху, моремъ, съ земли, подъ землей,—
Отовсюду погибель стремилась,
Несчетныхъ орудій и ночью, и днемъ .

Огонь свирѣпѣлъ неисходный,—
Но твердъ и спокоенъ подъ смертнымъ дождемъ
Стоялъ нашъ солдатъ благородный» [1]).

Ему дѣйствительно пришлось стоять подъ „смертельнымъ дождемъ", такъ какъ въ теченіе 11 мѣсяцевъ на него ежедневно сыпалось болѣе 4-хъ тыс. ядеръ, а за все время осады было брошено въ Севастополь 1.356,000 артиллерійскихъ снарядовъ и это на пространствѣ небольшого полукруга, имѣвшаго діаметръ всего около 900 саженъ.

«Когда жъ уступилъ,
Предъ тяжко-упорной недолей,
Не городъ, не крѣпость досталась врагамъ,
А груды развалинъ и праха»....

Севастополь палъ. Флотъ былъ погребенъ около него на днѣ моря. Все было разрушено, храмъ былъ въ развалинахъ. Съ ними надолго пало и значеніе Россіи; на ея „могущество, славу и силу" легла безотрадная тѣнь. На югѣ „ратоборцы за русскую честь" свершили все, что было въ ихъ власти; они крѣпко и свято послужили родинѣ.

Также добросовѣстно послужили родинѣ и тѣ, которые на берегахъ Балтійскаго моря, при менѣе тяжелыхъ условіяхъ, встрѣтились съ многочисленнымъ и лучше вооруженнымъ врагомъ. Уже въ апрѣлѣ 1854 г. Англія и Франція выслали свои флоты въ Балтику, съ цѣлью воспрепятствовать намъ сосредоточить свои силы на Крымскомъ полуостровѣ. Въ непріятельской эскадрѣ было болѣе 49 судовъ, 2340 орудій при 22 тысячахъ войска; впослѣдствіи эта эскадра еще нѣсколько увеличилась. Она долго лавировала въ Балтійскихъ водахъ, появляясь то у Либавы и Виндавы, то у Наргена, Экнеса и у другихъ мѣстъ, не приступая къ дѣйствіямъ, почему казалось, что она плаваетъ безъ опредѣленной цѣли и безъ заранѣе обдуманнаго плана. Начальникомъ эскадры состоялъ адмиралъ сэръ Чарльзъ Непиръ; хотя онъ и былъ извѣстенъ своей личной храбростью, однако, англичане никакихъ особыхъ надеждъ на него не возлагали. По своимъ качествамъ и дѣйствіямъ онъ напоминаетъ ту синицу басни Крылова, которая „надѣлала славы", но моря не зажгла. Воинственный „Карлушка" (какъ называли Непира въ русскихъ сатирическихъ пѣсняхъ того времени) много накричалъ и нахвасталъ, отправляясь въ кампанію съ великолѣпнымъ флотомъ, но сдѣлалъ мало. Вся его дѣятельность ограничилась блокадой береговъ, преслѣдованіемъ ку-

---

[1]) М. П. Розенгеймъ.

печескихъ судовъ и производствомъ промѣровъ. Части его эскадры заглядывали въ Выборгскую бухту, Ловизу, Роченсальмъ, Фридрихсгамъ и Біоркэ-Зундъ, но уклонялись отъ настоящихъ дѣлъ. „Непобѣдимая армада“ всюду вела себя крайне позорно; она грабила частное имущество, захватывала лайбы и купеческія суда, забирала скотъ и всякую провизію или даромъ, или за ничтожную плату; храбрые матросы армады потѣшались тѣмъ, что били стекла въ прибрежныхъ строеніяхъ, стрѣляли по телеграфнымъ станціямъ и по обывателямъ, ловившимъ рыбу, бросали иконы на полъ и т. п. Только у Экнеса (7 мая), Гангеуда (10-го мая) и Гамле-Карлебю (26 мая) англичане рѣшились обмѣняться съ нашими войсками нѣсколькими выстрѣлами и вездѣ были отбиты и прогнаны съ урономъ. Вообще же англичане предпочитали, избѣгая встрѣчъ съ русскими пушками и солдатами, разбойничать на просторѣ и грабить мирныхъ прибрежныхъ жителей. Свои темныя дѣла они освѣтили особенно яркими факелами въ Брагестадтѣ и Улеоборгѣ. 18 мая адмиралъ Плюмриджъ отрядилъ маленькую флотилію къ Брагестадту. Несмотря на то, что англійскому лейтенанту было заявлено о полнѣйшемъ отсутствіи въ городѣ войска, казенныхъ домовъ, даже таможни и вообще людей носящихъ мундиръ, не взирая на то, что онъ нигдѣ не нашелъ даже признаковъ контрабанды, этотъ „зажигатель“ истребилъ огнемъ всѣ суда, бывшія въ гавани, верфь, дегтярный заводъ, а также значительное количество ржи, соли и дровъ (на 260 т. руб.) Тоже самое и съ такой же безчеловѣчностью было продѣлано и въ Улеоборгѣ (20 мая), при чемъ мѣсто пожара было оцѣплено матросами, дабы силой воспрепятствовать жителямъ спасать свое добро. Всѣ эти возмутительныя дѣянія просвѣщенныхъ мореплавателей совершались надъ беззащитными жителями, которымъ передъ этимъ только-что розданы были, какъ бы въ насмѣшку, объявленія, за подписью Rear-Admiral Plumridge'a, извѣщавшія что онъ „намѣренъ истребить только крѣпости, военные снаряды, корабельные припасы и собственность императора Россіи“. Укрѣпленій и пушекъ не было, противодѣйствія никто не оказывалъ и тѣмъ не менѣе эти „вандалы XIX ст.“ превращали все, что могли, въ развалины и груды дымящагося пепла!

Погулявъ долго и безцѣльно по Балтійскому морю, союзники рѣшили завершить кампанію 1854 г. какимъ нибудь достойнымъ подвигомъ и для этого выбрали Бомарзундъ на Аландскихъ островахъ. Въ то время Бомарзундскія укрѣпленія не были еще достроены по задуманному въ (1829 г.) плану и представляли изъ себя не крѣпость, а только укрѣпленную казарму, состоявшую изъ гранитнаго полукруглаго двухъэтажнаго форта, длиною по линіи огня до 1800 футовъ, и трехъ ба-

шенъ, расположенныхъ отъ него въ 400 саженяхъ. Весь гарнизонъ Бомарзунда не превышалъ 2175 человѣкъ, но подъ ружье изъ нихъ можно было поставить только 1600 солдатъ. Вооруженіе форта состояло изъ 73 орудій разныхъ калибровъ; всѣхъ же орудій въ укрѣпленіяхъ острова было 112 [1]). Во главѣ гарнизона стоялъ старый полковникъ Я. А. Бодиско, одинъ изъ участниковъ похода 1812 года. Союзный флотъ два раза открывалъ свои дѣйствія противъ Аланда. Первый разъ онъ показался 9 (21) іюня; фортъ встрѣтилъ его подобающимъ образомъ. Перестрѣлка длилась недолго. Болѣе $2^{1}/_{2}$ тыс. зарядовъ израсходовалъ тогда непріятель, однако настроеніе духа нашихъ солдатъ этимъ не было испорчено. Они спокойно стояли подъ огнемъ, изощряясь въ остротахъ и шуткахъ по адресу осаждавшихъ. „Ишь, отпѣтый Агличъ, по воронамъ знать стрѣляетъ!“ говорилъ ярославецъ своему сосѣду. „Не простудись голубушка!“ крикнулъ другой, видя, что непріятельская бомба нырнула въ воду. Когда затѣмъ въ воду упало еще нѣсколько бомбъ, онъ же добавилъ; „не куражься, ухи не сваришь!“ Среди подобныхъ солдатскихъ остротъ нерѣдко слышалось и трогательное разумное слово. „Ну, ребята,“ говорилъ, напр., рядовой Леонтьевъ: „резерва намъ нѣтъ; на помощь не разсчитывай, а каждый отвѣчай за себя. Казнѣ мы стóимъ дорого. Чуть кума (т.-е. бомба) горитъ на землѣ, а ты у ней справа крестнымъ тотчасъ въ лежачку, лежача не бьетъ!“ „Что робѣть!“ говорилъ старый воинъ рекруту. „Убьютъ, такъ Богъ грѣхи отпуститъ“ [2]).

Отдохнувъ и собравшись съ силами, англо-французскій флотъ вновь подошелъ къ Бомарзунду и 26 іюля началъ высадку десанта, чтобы покончить съ грозной и строптивой крѣпостью. Теперь подъ стѣнами форта было 58 непріятельскихъ судовъ и до 11 тыс. сухопутнаго войска. Нашъ малочисленный гарнизонъ отражалъ врага до послѣдней возможности, не думая о сдачѣ. Капитану Теше, напр., командовавшему одной изъ трехъ башенъ (С.) неоднократно дѣлались предложенія о сдачѣ, но онъ отвѣчалъ выстрѣлами, пока можно было, и только окруженный врагами и раненый штыкомъ въ ногу, онъ сложилъ оружіе. Фортъ и башни одинаково дрожали подъ выстрѣлами своихъ орудій, сверкая огнемъ въ глаза непріятелю. Не отставала отъ нихъ сперва и приморская батарея у залива Лумпаренъ. Старые воины, доживавшіе свой вѣкъ на покоѣ, оставивъ семью, добровольно становились къ орудію, чтобы еще разъ послужить престолу и отечеству. Уступая силѣ фортъ сдался 4 августа,

---

1) «Инжен. Жур.» 1866, V, стр. 680.
2) «Сѣв. Пчела» 1854 г., № 168; «Рус. Инв.» 1854, № 156 и др.

потерявъ 53 человѣка убитыми и 86 ранеными [1]). Непріятельскій пароходъ „Гекла" ушелъ съ 11 русскими ядрами въ своемъ корпусѣ, а англо-французскій десантъ покинулъ островъ, оставивъ на Аландѣ не мало могилъ своихъ боевыхъ товарищей. Побѣдители, отдавая дань справедливости русскимъ офицерамъ, не обезоружили ихъ. Плѣнныхъ отправили частію во Францію, частію въ Англію. По выходѣ гарнизона, Бомарзундъ былъ разрушенъ до основанія: его взрывали порохомъ и сокрушали залпами съ иностранныхъ судовъ; вся мѣстность вокругъ него была изрыта и обезображена непріятельскими минами и ядрами; вмѣстѣ съ фортомъ и башнями пострадали также госпиталь и русская церковь при немъ.

О комендантѣ Борманзундской крѣпостцы намъ довелось прочесть въ гельсингфорской газетѣ (Hufvudstadsbladet), вскорѣ послѣ кончины Императора Александра III, слѣдующій анекдотъ, содержаніе котораго мы оставляемъ всецѣло на отвѣтственности редакціи. Разсказываютъ, что во время одной изъ послѣднихъ поѣздокъ по шхерамъ, покойному Государю пришлось зайти въ маленькую избу на Аландскихъ островахъ; заставъ въ ней двухъ стариковъ, онъ осчастливилъ ихъ нѣсколькими вопросами. Изъ полученныхъ отвѣтовъ выяснилось, что они инвалиды и были, между прочимъ, участниками обороны Бомарзунда. „Какъ-же вы такъ плохо защищали крѣпость, что она была сдана непріятелю"? „Не мы сдались", объяснили старослужилые, а комендантъ, который во время бомбардированія сидѣлъ въ погребѣ за мѣшками"!

Бомарзундской побѣдой кончилась кампанія 1854 г. Западная эскадра безъ шума поплыла домой, „спрятавъ ничтожные бомарзундскіе лавры въ трюмъ", какъ выразилась „Сѣверная Пчела" (1857 г., № 207). Диверсія не принесла желанныхъ плодовъ и успѣхи армады далеко не соотвѣтствовали тѣмъ милліоннымъ затратамъ, которыя она потребовала. Огромная гора родила маленькую мышь. Вмѣсто „кита" Непиръ поймалъ салакушку". Онъ пришелъ, увидѣлъ и не побѣдилъ", какъ писали тогда англійскія газеты. Хвастливому адмиралу неудалось „продѣть кольца сквозь ноздри грозному Левіаѳану", не довелось сокрушить твердынь Кронштадта и Свеаборга и водрузить въ ихъ стѣнахъ флага гордаго Альбіона. Всю дѣятельность Непира, по сравненію съ дѣятельностью Веллингтона, англійскій писатель охарактеризовалъ такъ: „Веллингтонъ поражалъ вооруженнаго непріятеля и щадилъ частную собственность, а Непиръ щадилъ вооруженнаго непріятеля и поражалъ частную собственность" [2]).

---

[1]) «Инженерн. Журналъ» 1866, V, 680 стр.
[2]) Сборникъ извѣстій, относ. до наст. войны, Изд. Путилова, кн. XXIII, стр. 223.

Миновала зима 1854 г. Время отъ навигаціи одного до навигаціи другого года русскіе употребили на восполненіе замѣченныхъ недочетовъ: на верфяхъ велась усиленная постройка канонерскихъ лодокъ, а въ крѣпостяхъ исправлялись верки. Много труда и денегъ было затрачено на приведеніе Свеаборга въ оборонительное состояніе. На него было обращено особое вниманіе, благодаря тому, что эскадра Непира, во время своихъ безконечныхъ рекогносцировокъ, полавировала также и въ его окрестностяхъ. Вслѣдствіе „визита“ англійскихъ судовъ (31 мая 1854 г.) Сандгаму, на этомъ островѣ также возникли новыя батареи. — Берега вокругъ крѣпости были обложены минами, которыя, впрочемъ, никакого вреда непріятелю не принесли; мы-же, при взрывѣ одной изъ нихъ, лишились маленькаго парохода „Медвѣдь“, принадлежавшаго свеаборгскому гарнизону. — Чтобы закрыть доступъ въ Гельсингфорскую гавань, на ближайшихъ флангахъ крѣпости, у острова Лонгъ-Эрнъ и въ Густав-Свердскомъ проливѣ поставлены были корабли „Іезекіиль“ и „Россія“, которые явились такимъ образомъ плавучими батареями Свеаборга. Еще раньше, во время приготовленія къ войнѣ, отъ Петербурга до Гельсингфорса на средства русской казны былъ проведенъ электрическій телеграфъ, по которому до 1858 г. передавались только русскія телеграммы; кромѣ того, отъ Петербурга до Гангэ, на финскія деньги, былъ устроенъ оптическій телеграфъ. Наконецъ, въ Свеаборгъ былъ назначенъ новый комендантъ, инженеръ-генералъ Сорокинъ; а начальство надъ всей обороной финскаго побережья ввѣрено было графу Ѳ. Ѳ. Бергу, который вмѣстѣ съ тѣмъ занялъ (въ декабрѣ 1854 г.) и постъ финляндскаго генералъ-губернатора. Назначеніемъ гр. Берга финляндцы остались недовольны, ибо „они не были созданы другъ для друга“, какъ выразился въ своихъ воспоминаніяхъ Ав. Шауманъ.

У непріятеля также произошла перемѣна въ составѣ начальствующихъ лицъ: Непиръ былъ замѣненъ контръ-адмираломъ Ричардомъ Дундасомъ, а во главѣ французскихъ судовъ былъ поставленъ Пено. Кампанія 1855 года въ Балтійскомъ морѣ открылась прежними грабежами и пожарами. Съ нашихъ судовъ и укрѣпленій наблюдали за движеніемъ флота союзниковъ, причемъ къ двумъ-тремъ отдѣльно мелькавшимъ на горизонтѣ вражескимъ кораблямъ наши вахтенные матросы до того привыкли, что не придавали имъ никакого значенія и потому иногда несчитали нужнымъ сообщать о нихъ офицерамъ. Въ концѣ мая непріятеля видѣли около Кронштадта; затѣмъ англичане отличились при Гангэ, злоупотребивъ переговорнымъ флагомъ; въ теченіе іюня союзники подходили къ Свартгольму (около Ловизы) и къ Тронг-зунду,

около Выборга. Никѣмъ незащищаемыя укрѣпленія Свартгольма были ими взорваны, а изъ Тронг-зунда они вынуждены были уйти съ урономъ, благодаря мѣткому огню нашихъ батарей [1]). Въ началѣ іюля непріятелемъ была сдѣлана неудачная попытка приблизиться къ Фридрихсгаму.

Мимоходомъ замѣтимъ, что при сопоставленіи шведскихъ и русскихъ свѣдѣній о пожарѣ г. Ловизы обнаруживается слѣдующій курьезъ. По сообщенію С.-Петербургскихъ Вѣдомостей (1855 г., № 145), заимствованному изъ „Journal de St.-Petersbourg“, англичане 23-го іюня (5-го іюля) бросали сперва въ городъ конгревовыя ракеты, а затѣмъ высадили на шлюпкахъ до 100 чел., которые, напавъ на беззащитный городъ, превратили его въ груду пепла, оставивъ до 2 т. народа безъ крова и пищи подъ открытымъ небомъ [2]). С. Г. Эльмгренъ же и Авг. Шауманъ въ своихъ воспоминаніяхъ о бомбардированіи Свеаборга и войнѣ 1854—1855 гг., опредѣленно ставятъ пожаръ гор. Ловизы въ прямую связь съ тѣми лѣсными пожарами, которые лѣтомъ (1855 г.) опустошали Финляндію. „Къ событіямъ невоеннаго характера надо отнести одинъ печальный фактъ сего чуднаго лѣта, пишетъ напр. А. Шауманъ,—это совершенное почти уничтоженіе гор. Ловизы пожаромъ 5-го іюля (23 іюня“) [3]). Кому въ данномъ случаѣ вѣрить? Рѣшеніе этого вопроса предоставляемъ усмотрѣнію читателя. Стокгольмская-же газета Aftonbladet (1857 г.) опредѣленно обвиняетъ гр. Берга въ измышленіи невѣроятнаго разсказа объ истребленіи гор Ловизы англичанами.

Буря войны приблизилась теперь къ Свеаборгу. Дождавшись нѣкотораго подкрѣпленія изъ Франціи, весь флотъ союзниковъ сосредоточился (24 іюля) передъ гранитной крѣпостью на дугообразной позиціи между островами Міелькъ и Рён-шеръ съ одной и островомъ Грохаранъ съ другой стороны. На указанномъ пространствѣ бросили якорь 77 судовъ разной конструкціи; здѣсь было 10 кораблей, 7 фрегатовъ, 2 корвета, 16 бомбардъ, 25 канонерскихъ лодокъ и т. д. Нѣсколько впереди и почти по серединѣ позиціи непріятеля находился небольшой скалистый островъ Абрагамсъ-хольмъ (или Лонгъ-Эрнъ), на которомъ французы сейчасъ же приступили къ возведенію батареи изъ земляныхъ мѣшковъ. Все расположеніе англо-французскаго флота было отлично видно

---

[1]) Воспоминанія Андрея Байкова. Воен. Сборн. 1867, № 5.

[2]) См. также Сборн. Изв., относящ. до наст. войны, изданіе Н. Путилова, кн. XXX, 1857, стр. 72—73.

[3]) См. Historiallinen arkisto, т. X, 1890 г., H-fors, стр. 249; S. G. *Elmgren*. Sveaborg bombardemang. Aug. *Schauman*. Fran sex artionden i Finland, 1893 г., тетрадь 6, стр. 166.

изъ Гельсингфорса съ горы Обсерваторіи. Едва суда заняли свои мѣста, какъ съ нихъ начали снимать снасти и нѣкоторыя выдающіяся принадлежности, почему можно было заключить о приготовленіи непріятеля къ дѣйствію. Когда гр. Бергу было донесено о расположеніи флота на указанной позиціи, то онъ,—по словамъ г. Филиппеуса, состоявшаго при немъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, — отказался повѣрить подобному извѣстію, такъ какъ на русскихъ секретныхъ картахъ мѣсто между Рён-шеръ и Грохаранъ было отмѣчено, какъ имѣющее „опасныя скалы“.

Свеаборгъ спокойно ожидалъ „грядущихъ событій“. Его защитникамъ преподано было въ сущности только два правила: избѣгать безцѣльной торопливости [1]) и стрѣлять лишь тогда, когда непріятельскія суда будутъ заходить въ сферу дѣйствія нашего огня. Послѣднимъ распоряженіемъ гарнизонъ разумно предостерегался отъ безразсудной траты боевыхъ запасовъ, ибо извѣстно было, что непріятель обладалъ дальнобойными орудіями, значительно превосходившими вооруженіе крѣпости.

Рано утромъ, въ четвергъ, 28 іюля, съ непріятельскихъ судовъ сперва донеслось до горы Обсерваторіи пѣніе псалма, а затѣмъ съ адмиральскаго корабля „Велингтонъ“ раздался сигнальный боевой выстрѣлъ. Началась осада Свеаборга и грозная картина боя стала постепенно развертываться. На крѣпость посыпался „чугунный градъ“. Сто орудійныхъ жерла ежеминутно выбрасывали тяжелые смертоносные снаряды въ одну и туже неподвижную цѣль. Свистъ ядеръ и пуль, трескъ лопавшихся бомбъ и грохотъ орудій продолжался 45 часовъ кряду. Во все время бомбардированія стояла прекрасная лѣтняя погода. Незначительный вѣтеръ дулъ по направленію къ крѣпости, отчего Свеаборгъ вскорѣ окутался густымъ пороховымъ дымомъ, изъ котораго изрѣдка мелькалъ огонь орудій, а вскорѣ показались и длинные языки пожаровъ. Первый пожаръ начался въ 10 ч. утра на Лилла-Остеръ-Сварт-э; а въ 12 ч. дня послѣдовалъ страшный взрывъ 4-хъ, взлетѣвшихъ на воздухъ бомбовыхъ складовъ на Густавъ-Свердѣ. Крѣпость запылала въ нѣсколькихъ мѣстахъ; горѣли преимущественно деревянные домики, склады и мастерскія шведскихъ временъ. При видѣ этихъ послѣдствій своей стрѣльбы, непріятель ликовалъ и вся линія его судовъ оглашалась радостными криками. Обороняющіеся, стоя средь дыма и огня, тушили и отстрѣливались, не теряя мужества. Такимъ образомъ, и флотъ, и крѣпость дышали огнемъ и гремѣли выстрѣлами.

Съ наступленіемъ темноты, выстрѣлы стали рѣже, но общая картина сраженія много ужаснѣе. Непріятель принялся бросать въ крѣ-

---

[1]) Приказъ по войскамъ Финл. 1855 г., № 4441.

пость хвостатыя ракеты, которыя свистя и шипя разсѣкали воздухъ, оставляя за собой огненный слѣдъ и освѣщая все пространство боя. — Все это, отражаясь среди темной ночи въ зеркальной поверхности моря, увеличивало впечатлѣніе и казалось, что самый „воздухъ горѣлъ".

Описанный „огненный ураганъ", съ оглушительнымъ грохотомъ орудій и пламенемъ пожаровъ, бушевалъ въ Свеаборгѣ и вокругъ него съ одинаковой силой въ теченіе всего 29 числа, слѣдующей ночи и только въ 5 ч. утра 30 іюля канонада смолкла. Тлѣвшій же огонь пожаровъ, можно было наблюдать еще и въ послѣдующіе дни.

Жители Гельсингфорса имѣли рѣдкій случай наблюдать всю эту огненную и кровавую драму отъ начала до конца съ горы Обсерваторіи, откуда все было видно, какъ на ладони. Даже невооруженнымъ глазомъ можно было видѣть самыя маленькія, едва возвышавшіяся надъ водой и находившіяся въ постоянномъ движеніи, непріятельскія суда, а также прослѣдить полетъ снарядовъ и обозрѣть весь боевой порядокъ флота союзниковъ. Поэтому на горѣ Обсерваторіи постоянно находились толпы народа, военныя власти и нерѣдко показывался гр. Бергъ со своей свитой. Свидѣтели перестрѣлки признавали огонь непріятеля весьма мѣткимъ. Относительно же отвѣтныхъ выстрѣловъ г. Elmgren писалъ, что они производились „видимо только для поддержанія мужества гарнизона и чтобы убѣдить непріятеля въ томъ, что средства обороны не были ослаблены"; „сила нашего пороха", прибавляетъ тотъ же очевидецъ, „была слаба» (254 стр.). На долю Свеаборга выпала такимъ образомъ страдательная роль и бой, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ происходилъ, можно признать неравнымъ: союзники имѣли возможность наносить намъ вредъ, оставаясь сами внѣ дѣйствія свеаборгскихъ орудій.

„Для отвлеченія вниманія войскъ", какъ писалъ въ своемъ рапортѣ Р. Дундасъ, онъ приказалъ открыть дѣйствія также противъ фланговъ Свеаборгской крѣпости. Согласно этому распоряженію, два англійскихъ парохода и фрегатъ дѣлали попытки высадить десантъ на о-вѣ Друмс-э; но эта диверсія каждый разъ съ успѣхомъ отражалась нашими войсками. Все, что непріятелю удалось достичь здѣсь ограничилось поджогомъ лѣса и поврежденіемъ телеграфа, но огонь былъ скоро потушенъ, а телеграфъ на другой же день исправленъ.

На другомъ флангѣ находился о-въ Сандгамъ, которому также пришлось принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Еще 10 іюня фрегатъ „Амфіонъ" пытался приблизиться къ острову, но привѣтствуемый на этотъ разъ огнемъ вновь воздвигнутыхъ батарей, вынужденъ былъ, послѣ 3-хъ часовой перестрѣлки уйти, оставивъ на о-вѣ Стура-Міельэ двѣ свѣжихъ могилы. (Въ предъидущемъ году, когда мимо Сандгама проходило не-

пріятельское судно, то нашимъ солдатамъ, за отсутствіемъ надлежащаго вооруженія, оставалось только раскланяться англійскимъ матросамъ, что они въ дѣйствительности и сдѣлали, высыпавъ изъ любопытства на возвышенностяхъ берега). Утромъ 28 іюля два англійскихъ корабля вновь начали обстрѣливать островъ, но, конечно, не были въ состояніи выдержать борьбы съ Сандгамомъ, который къ этому времени располагалъ уже 66-тью орудіями и капитанъ Велльзли, только утѣшая себя въ неудачѣ, могъ донести, что „причинилъ значительный вредъ одной изъ его батарей [1]). Прибавимъ кстати, что на этомъ островѣ были опущены въ могилу тѣла тѣхъ воиновъ, которые „легли костьми“ за Царя и отечество въ теченіе 28 и 29 іюля, какъ въ Свеаборгѣ, такъ и на кораблѣ „Россія“. Вскорѣ надъ ихъ могилой, въ сосновомъ лѣсу, недалеко отъ залива, былъ поставленъ простой и скромный памятникъ (по проекту проф. барона Клота). Эта пирамида, увѣнчанная чугуннымъ крестомъ, остается единственнымъ памятникомъ кровавыхъ дней 1855 г. на Балтійскомъ побережьѣ [2]).

Наиболѣе тяжелая участь во время бомбардированія Свеаборга выпала на долю корабля „Россія“: онъ оказался настоящимъ мученикомъ, опутаннымъ цѣпями въ узкомъ Густавъ-Свердскомъ проливѣ. Съ того момента, какъ „англичанинъ началъ палить“ по крѣпости, „Россія“ затряслась и застонала всѣмъ своимъ огромнымъ корпусомъ подъ навѣсными ядрами непріятеля. Снаряды перелетѣвшіе крѣпостныя стѣны, находили въ „Россіи“ новую удобную цѣль для пораженія и они съ ожесточеніемъ пробивали ея палубу и доки, впивались въ ея борты, ломали снасти, рвали въ куски ея желѣзныя части; вода „кипѣла“ отъ ядеръ вокругъ корабля. Трудно описать весь тотъ адъ войны, который проявился во всей бѣшенной силѣ на тѣсномъ пространствѣ корабля. Тутъ же приходилось переносить и дымъ, и огонь пожара, оглушающій трескъ снарядовъ, визги осколковъ; приходилось видѣть, какъ врачи производили перевязки и ампутаціи на солдатской койкѣ въ маленькой каютѣ, гдѣ полъ былъ смоченъ кровью людей и водой отъ пожарныхъ насосовъ; здѣсь же священникъ причащалъ Св. Таинъ или, съ крестомъ въ рукѣ, читалъ отходную. Неудивительно, если при подобной обстановкѣ сердце сжималось и на лбу выступалъ холодный потъ. Къ довершенію ужаса, едва не загоралась крюйтъ-камера. Но къ счастью, среди эки-

---

1) «Морской Сборн.» 1855 г. № 9.
2) См. ст. Ѳ. Нордмана въ «Морск. Сборн.» 1876 г., № 3.

пажа нашлись многіе, которые раздѣляли мысль матроса Фейхо: „все равно, братцы, что на верху, что здѣсь; ужъ если взорветъ, то всѣмъ поровну достанется“; и эти-то смѣльчаки, вмѣстѣ съ подпоручикомъ Поповымъ, вступили въ отчаянную борьбу съ огнемъ и одолѣли его: пожаръ былъ потушенъ и корабль спасенъ. Когда затѣмъ приступлено было къ задѣлкѣ пробоины подъ крюйтъ-камерой, то, къ удивленію присутствующихъ, подъ осколками въ обшивкѣ найденъ былъ образъ Спасителя и всѣмъ было ясно Кому они обязаны были своимъ избавленіемъ отъ неизбѣжной смерти! 17 часовъ кряду „Россія“ неподвижно простояла подъ убійственнымъ огнемъ, потерявъ 11 чел. убитыми, 89 ранеными и перенеся три пожара. Ночью этотъ корабль, пораженный 19 бомбами, отвезли, наконецъ, на буксирѣ въ безопасное мѣсто гавани. Поистинѣ здѣсь Балтійскіе моряки мужествомъ и терпѣніемъ встали на ряду со своими товарищами черноморцами [1]).

Утромъ 30 іюля непріятель прекратилъ огонь по всей своей линіи. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней флотъ его оставался на прежнемъ мѣстѣ. Въ ночь на 31 число въ крѣпость было брошено нѣсколько ракетъ. 30 іюля съ горы Обсерваторіи наблюдалось слѣдующее: Въ Свеаборгѣ раздался благовѣстъ соборнаго колокола, призывая обремененныхъ облегчить свою грудь у алтаря Всевышняго. Во флотѣ слышались шумъ и ликованіе. Враговъ раздѣляла тихая поверхность моря и „равнодушная природа“ сіяла обычною лѣтнею красой. Читая описаніе этого дня въ запискахъ современниковъ и зная въ то-же время, какой широкій горизонтъ открывается для зрителя съ горы Обсерваторіи, невольно вспоминаются стихи М. Ю. Лермонтова:

..... жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ? Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ:
Но беспрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

Въ 8 час. утра 1 августа, въ понедѣльникъ, флотъ неожиданно для всѣхъ снялся съ якоря и скрылся изъ виду. Въ воспоминаніе о

---

[1]) Сборн. Извѣстій, относ. до наст. войны, кн. XXX, 1857 г., стр. 98 — 113; «Морской Сборн.» 1856 г., № 12. Существуетъ такой еще анекдотъ: «Ты что тутъ дѣлаешь»? спрашиваетъ командиръ матроса Антонова. «*Виноватъ*» Ваше В-діе: бомбу швырнулъ за бортъ». («Морск. Сборн.» 1856 г., № 10).

его стоянкѣ, на скалѣ острова Абрагамсъ-хольма, гдѣ находилась мортирная батарея французовъ, осталась немногосложная надпись:

Kvagan.
Nity Hellaco.
9 et 10 août 1855. Marie.
Le Poi.
Batterie Française
par l'artillerie
de marine
et les cannonniers
Mots Olivier / Bicot
Com. De Parles
Capitaine Sapia
Modrei.

Р. Дондасъ, отдавая отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, доносилъ англійскому правительству о значительномъ числѣ разрушенныхъ имъ въ Свеаборгѣ зданій; далѣе онъ прибавлялъ: „что впереди не представлялось относительной выгоды, если-бы продолжалось бомбардированіе еще и на слѣдующій день“.—Французскій адмиралъ рапортовалъ, что „ударъ нанесенъ непріятелю жестокій“ [1]).—„Times“ довелъ до всеобщаго свѣдѣнія, что во время бомбардированія у русскихъ было убито до 2 тыс. чел., истреблено 14—15 судовъ и вообще причиненъ убытокъ въ $1^1/_2$ милл. фунтовъ стерлинговъ.—„Moniteur Universel“ пошелъ еще далѣе и заявилъ, что гор. Гельсингфорсъ лежитъ въ пеплѣ, а Sveaborg n' existe plus.—На дѣлѣ же весь вредъ, нанесенный огнемъ непріятеля, ограничился истребленіемъ значительной части деревянныхъ построекъ крѣпости, поврежденіемъ корабля „Россія“, комендантскаго дома, стоявшаго на возвышенномъ мѣстѣ и пр.; потеря людьми также оказалась невелика; убитыхъ было 55 чел., въ томъ числѣ 5 офицеровъ, а раненыхъ — 199 человѣкъ. Кромѣ того куполъ собора нашли пробитымъ однимъ ядромъ, осколокъ котораго нѣсколько задѣлъ мѣстный образъ Спасителя, а другія части снаряда вошли въ стѣну храма на незначительную глубину, гдѣ сохраняются и по настоящее время.—Такимъ образомъ, нашъ уронъ и убытки въ общей сложности нельзя назвать значительными и

[1]) «Морск. Сборн.» 1855, № 9.

комендантъ Свеаборга, не погрѣшая противъ истины, могъ донести, какъ совѣтовала ему одна иностранная газета, что „церковь, военные корабли и укрѣпленія“ остались невредимыми.—И дѣйствительно, наши орудія были цѣлы, пороху и ядеръ оставалось достаточно, людей имѣлось на лицо необходимое количество, сообщенія съ материкомъ были свободны, провіантскіе припасы мало тронуты огнемъ, а стѣны стояли безъ малѣйшаго поврежденія нетронутыми. Короче—Свеаборгъ сохранилъ славу неприступной крѣпости, „сѣвернаго Гибралтара“.—Нѣкоторыя газеты Запада негодовали на союзный флотъ и спрашивали, почему Свеаборгъ не истребленъ? Другіе органы печати (напр. Nautical Standart) иронизировали надъ англійскимъ адмираломъ и писали, что въ разсчеты Дондаса вовсе не входило производить общую атаку на укрѣпленія кораблями“, что онъ не находилъ нужнымъ превращать укрѣпленія Сеаборга въ груду развалинъ и т. п.—„Легко сказка сказывается, да не легко дѣло дѣлается“. Если-бы представилась какая-нибудь возможность вплести „сѣверный Гибралтаръ“ въ вѣнокъ побѣдъ Альбіона и Галліи, то союзники, конечно, не упустили-бы подобнаго случая. Они сдѣлали что могли: прострѣляли непрерывно 45 часовъ, бросили въ крѣпость до 22 тыс. снарядовъ, сожгли деревянныя ея постройки, но далѣе они пойти не могли, ибо лишены были къ тому главнѣйшихъ средствъ.—Надо помнить, что дессанта союзники не имѣли и что двухъ-суточная пальба настолько сильно повредила ихъ бомбарды и мортиры, что безъ исправленія дальнѣйшее ихъ употребленіе сдѣлалось не мыслимымъ; наконецъ, отдача орудій крайне вредно повліяла на прочность ихъ судовъ.—Иначе говоря, союзники были вынуждены прекратить бомбардированіе.

Вскорѣ по прекращеніи кампаніи для всѣхъ стало ясно, что тріумфъ „побѣдителей“(?) далеко не соотвѣтствовалъ первоначальнымъ извѣстіямъ.— Для сужденія о дѣйствительныхъ результатахъ, достигнутыхъ непріятелемъ, имѣется, между прочимъ, одно довольно своеобразное обстоятельство.— Незначительные успѣхи союзниковъ были причиной паники, поднявшей на ноги весь городъ Гельсингфорсъ. Жители Гельсингфорса разсуждали такъ: не можетъ быть, чтобы непріятель удовлетворился столь ничтожными результатами и если онъ на время прекратилъ стрѣльбу, то это сдѣлано имъ для того, чтобы выстроиться въ новый боевой порядокъ и сжечь городъ.—Подобнаго довода оказалось достаточно для того, чтобы началось общее выселеніе. Всѣхъ охватилъ испугъ именно послѣ того, какъ прекратилось бомбардированіе. Жители бѣжали изъ города: одни искали убѣжища въ Гаммельстадѣ (на р. Вандѣ), другіе перебрались на ближайшіе острова, третьи предпочли прямо уѣхать въ глубь страны, четвертые удовлетворились тѣмъ, что поселились въ городскомъ паркѣ

Кайсаніемъ подъ открытымъ небомъ и т. д. Городъ превратился въ какой-то цыганскій таборъ. Магазины прекратили торговлю. Банкъ своевременно отправилъ свои богатства сперва въ г. Тавастгусъ, а затѣмъ еще далѣе—въ Сентъ-Михель. Университетскую библіотеку уложили въ мѣшки. Типографія „Гельсингфорской газеты" была перенесена на островъ Врак-гольменъ (около Хег-хольменъ), гдѣ она успѣла выпустить одинъ или два нумера, которыя потомъ въ насмѣшку назывались нумерами „Вракгольмской газеты"[1]).—Самое тягостное впечатлѣніе жители Гельсингфорса испытали въ теченіе 30 и 31 іюля, т.-е. во время полнаго бездѣйствія непріятеля. Несмотря на то, что Гельсингфорсъ въ своихъ предѣлахъ имѣлъ тогда двѣ только-что построенныхъ батареи,—одну въ Брунс-паркѣ, а другую на такъ называемыхъ „Красныхъ горахъ" (Rödbergen),—союзники пощадили городъ, сдѣлавъ для него исключеніе изъ тѣхъ правилъ, коими они руководились во время этой кампаніи. Въ черту Гельсингфорса, вѣроятно, вслѣдствіе какой-то случайности, залетѣло всего два-три снаряда, изъ которыхъ одинъ былъ найденъ недалеко отъ ресторана въ Брунс-паркѣ, а другой пробилъ крышу, повредилъ печку и полъ въ зданіи теплыхъ ваннъ того-же парка[2]).

Въ заключеніе справедливость требуетъ добавить, что испытанія 1854—1855 гг. финляндцы перенесли спокойно и съ достоинствомъ. Тѣ-же изъ нихъ, которымъ суждено было встрѣтиться лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, выказали много стойкости и мужества, какъ напр. лоцманъ Седерлингъ, крестьянинъ Канконенъ, коммерціи совѣтникъ Доннеръ и др., не говоря уже о войскахъ, выполнившихъ свой долгъ вполнѣ безупречно. Мѣстное общество и правительство принимало посильное участіе въ общемъ дѣлѣ: города устраивали войскамъ проводы, сѣверная Финляндія брала умѣренныя цѣны за припасы, на счетъ финской казны было выстроено нѣсколько канонерскихъ лодокъ, на частныя средства были сформированы вольные стрѣлки и т. п.—Но „энтузіазма", какъ заявляетъ А. Шауманъ, война эта въ финнахъ не вызвала (VI, 127 стр.); особыхъ послѣдствій для себя они не ожидали, хотя надѣялись, однако, что война нѣсколько разсѣетъ ту „давящую атмосферу", которая тогда окружала ихъ. Были, правда, среди финской молодежи и такіе фантазеры—энтузіасты, которые ждали, что война положитъ конецъ русскому владычеству надъ Финляндіей и она получитъ возможность вновь броситься въ объятія старыхъ друзей, живущихъ „по ту сторону Балтійскаго моря" и вмѣстѣ съ ними и датчанами образовать „Сѣверо-европейскіе

[1]) Vrak—со шведскаго означаетъ «разбитое судно», «бракованная» вещь, а holm—островъ.

[2]) Авг. Шауманъ и Эльмгренъ.

штаты“ или „Сѣверный союзъ“. Подобныя мечтанія особенно усердно раздувалъ въ мѣстной молодежи финляндскій выходецъ Эмиль фонъ-Квантенъ своими изданіями о „Финноманіи и Скандинавизмѣ“, о „Положеніи Финляндіи“ и др., выходившими на шведскомъ языкѣ въ Стокгольмѣ. Но такихъ энтузіастовъ было немного и пылъ ихъ скоро охладѣлъ, такъ какъ шведскія войска не рѣшились присоединиться къ англо-французскимъ для совмѣстнаго дѣйствія.—Все вліяніе Швеціи свелось тогда къ тому незначительному пункту въ Парижскомъ трактатѣ, которымъ Россіи воспрещалось возобновленіе аландскихъ укрѣпленій.

Вообще-же финляндцы интересовались ходомъ Восточной войны и особенно борьбой въ Крыму и такъ какъ главнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ помѣщались въ то время въ „Русскомъ Инвалидѣ“, то финнамъ, за незнаніемъ государственнаго языка, пришлось нѣсколько поработать надъ „дешифрированіемъ“ офиціальныхъ телеграммъ, какъ игриво выразился А. Шауманъ. Оставшись вѣрными „союзниками“ русскихъ и принявъ въ войнѣ, какъ матеріальное, такъ нравственное посильное участіе, финляндцы впослѣдствіи озаботились также и о томъ, чтобы придать должное значеніе и надлежащій вѣсъ этому факту, причемъ не избѣжали нѣкотораго увлеченія въ этомъ отношеніи. „Задуманное въ 1855 г. флотомъ западныхъ державъ нападеніе на самый Кронштадтъ, было, — по выводу профес. Гельсингфорскаго университета В. Лагуса[1]), черезчуръ рискованнымъ предпріятіемъ, пока вѣрная и непокоренная Финляндія, оставалась у него за „спиной“. Впрочемъ, подобныя увлеченія были свойственны всѣмъ молодымъ „націямъ“, особенно въ тѣ періоды, когда зачиналась заря ихъ новой жизни, а время возрожденія для финляндіи, по словамъ А. Шаумана, совпало съ годами, непосредственно слѣдовавшими за Восточной войной.

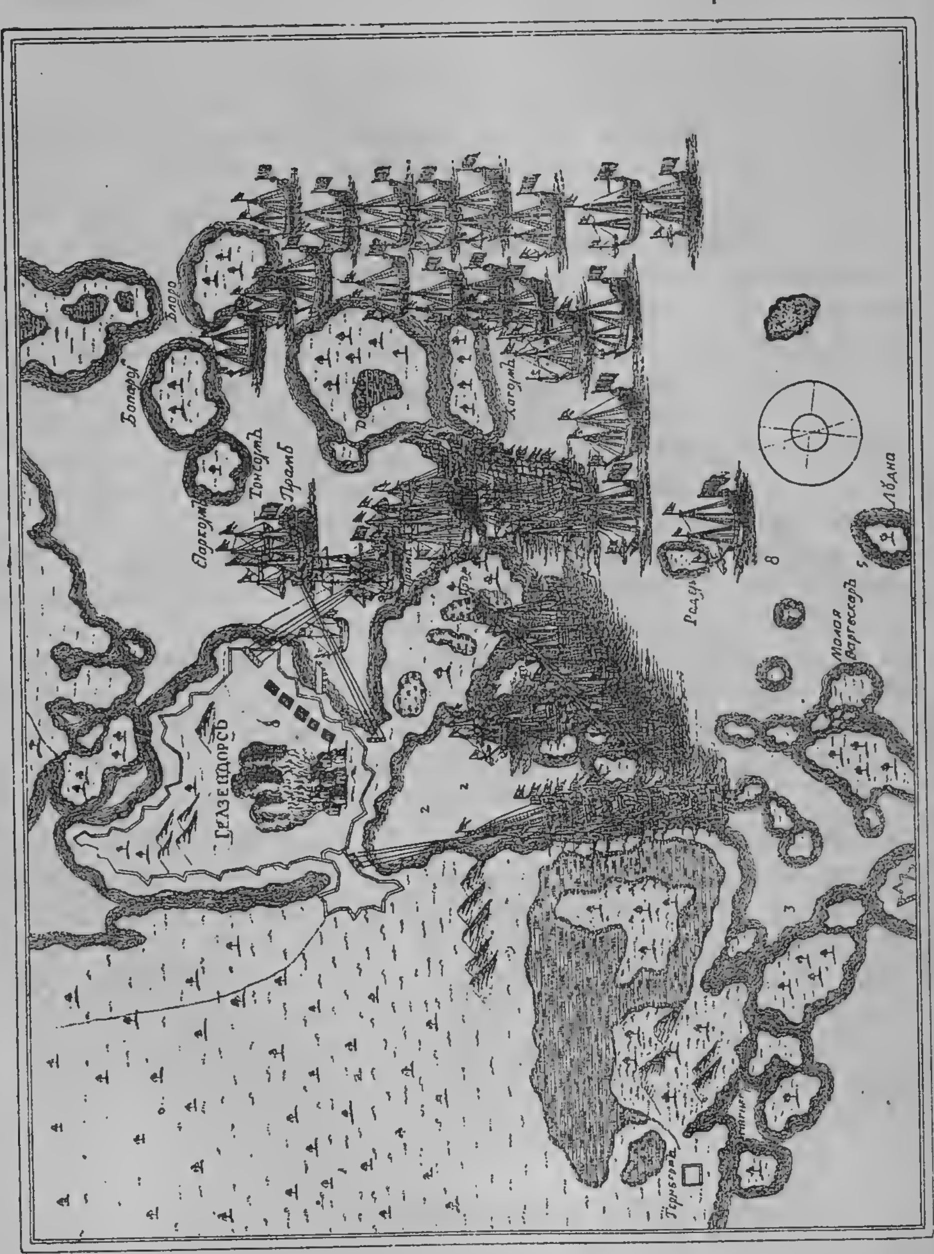
Послѣ 1855 г. Свеаборгъ вновь погрузился въ глубокій сонъ, который былъ немного нарушенъ только въ 1877—78 годахъ слухами о томъ, что любезная Англія, желая оказать услугу Оттоманской имперіи, предполагаетъ послать часть своего флота въ Балтійскія воды. Наше правительство, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ, отпустило значительную сумму на подновленіе крѣпости и, благодаря этому обстоятельству, на Свеаборгскихъ островахъ Рентанѣ, Александровскомъ, Кунгсгольмѣ и др. выросли могучіе брустверы съ грозными великанами—

---

[1]) Юбилейное торжество 2 марта 1880 г. при Александровскомъ универс., рѣчь В. Лагуса (на швед. яз.), 2 стр.

орудіями, которые въ ожиданіи будущихъ событій, какъ черные циклопы, спокойно обозрѣваютъ однимъ своимъ глазомъ безбрежную гладь Финскаго залива, растилающуюся у ихъ ногъ....

Георгій Абовъ.

Гельсингфорсъ въ 1713 г.

Свобода, любовь и вѣра.

IV.

Перерывъ, случайно возникшій въ печатаніи настоящаго ряда статей, налагаетъ на меня обязанность отчасти возобновить передъ читателемъ содержаніе всего, до сихъ поръ мною высказаннаго, а вслѣдствіе того и восполнить нѣкоторые неполноты и недостатки, естественно присущіе почти всякому, мало-мальски научному изслѣдованію. Преждевременная критика, которой подверглись напечатанныя доселѣ главы, еще болѣе оправдываетъ такого рода отступленіе, тѣмъ болѣе, что совсѣмъ не будучи понятъ критикомъ, я рискую быть перетолкованнымъ и со стороны читателя, частію по собственной винѣ моей, частію по винѣ критика, если ему удастся заразить и читателя своимъ непониманіемъ дѣла.

В. В. Розановъ почтилъ меня опроверженіемъ моихъ статей „Свобода, любовь и вѣра", появившихся въ первыхъ трехъ книжкахъ „Русской Бесѣды". Опроверженіе это такъ кратко, но въ то же самое время такъ многознаменательно и такъ любопытно, что я долженъ просить редакцію „Русской Бесѣды" перепечатать его цѣликомъ изъ іюньской книжки „Русскаго Обозрѣнія", гдѣ оно увидѣло свѣтъ. Иначе пришлось бы приводить всю „критическую замѣтку" въ видѣ выдержекъ, ибо каждое слово ея представляетъ своего рода перлъ... Чего? Пусть отвѣтитъ на этотъ вопросъ безпристрастный читатель, прочитавъ и самую замѣтку и наши на нее возраженія [1]).

---

[1]) Вотъ она, эта «критическая замѣтка».

«Въ январьской, февральской и мартовской книжкахъ **Русской Бесѣды** (1895 г.) г. Н. Аксаковъ возражаетъ въ статьѣ «Свобода, любовь и вѣра», на идеи о свободѣ, развитыя въ прошломъ году г. Л. Тихомировымъ и отчасти мною, не замѣчая, что, сколько бы въ томъ же направленіи онъ ни продолжалъ трудъ свой, онъ вовсе не достигнетъ цѣли, которую поставилъ себѣ—доказать анти-церковность нашего ученія. Ему нужно, чтобъ ея достичь, показать не разногласіе нашихъ словъ со словами знаменитыхъ учителей Церкви, но не совмѣстимость нашихъ теорій какъ въ содержаніи, такъ и особенно въ мотивахъ съ какою-нибудь вѣчною и необходимою

Мы радуемся союзу, обнаружившемуся между В. Розановымъ и Л. Тихомировымъ. Въ прошломъ году мы только чувствовали внутреннее сродство между этими писателями, не смотря на то, что они усердно опровергали другъ друга; мы только недоумѣвали тому, почему „своя своихъ не познаша". Въ настоящее время г. Розановъ отвѣчаетъ и за себя и за г. Тихомирова, признаетъ „идеи о свободѣ" общими для нихъ обоихъ, теоріи „нашими", т. е. также общими, а меня упрекаетъ въ томъ, что я не достигаю „цѣли доказать антицерковность нашего (т. е. его и г. Тихомирова) ученія". Радуюсь, что трудъ мой послужилъ основою примиренія и согласія прошлогоднихъ соперниковъ или доказалъ имъ неопознанную ими сначала тожественность ихъ теорій.

Г. Розановъ опровергаетъ трудъ мой въ самомъ еще его началѣ и упрекаетъ меня въ томъ, что я не дѣлаю въ началѣ того, что, по моимъ соображеніямъ, должно быть сдѣлано только въ концѣ, т. е. не свожу въ своего рода систему историческій или эмпирическій матеріалъ, которымъ должно руководствоваться умозрительное построеніе, имъ требуемое. Требуя отъ меня не должнаго, г. Розановъ не дѣлаетъ того, что въ правѣ были бы требовать отъ него читатели, и что въ правѣ былъ бы потребовать отъ него я, прежде, чѣмъ принять его вызовъ; онъ не отвѣчаетъ ни на одно изъ возраженій, дѣлаемыхъ ему мною въ первой книжкѣ „Русской Бесѣды". Для меня, а можетъ быть и для

чертой христіанства или Церкви,—и тогда станетъ ясно, что не только тѣ отцы Церкви, мнѣнія которыхъ онъ привелъ, не могли учить иначе, какъ онъ указываетъ, но что и всякій учитель Церкви (а мы можемъ такихъ ожидать еще) будетъ необходимо учить также. Безъ этого же мы вправѣ думать, что тѣ опредѣленныя слова, которыми онъ надѣется убѣдить насъ, относятся къ частнымъ обстоятельствамъ своего времени и мѣста, имѣли въ виду нужду дня, на которую отвѣтивъ, не сохраняютъ какой-либо принудительной силы для нуждъ нашихъ дней, совершенно противоположныхъ прежнимъ.

Въ эпохи, когда Церковь была угнетаема извнѣ, естественно было требовать для нея свободу—для сохраненія вѣры, для несмущаемости молитвъ, для проявленія всякой ревности о Богѣ; въ эпоху, когда упадокъ внутреннихъ силъ въ самихъ вѣрующихъ разстраиваетъ Церковь—выступаетъ требованіе закона, какъ нѣкотораго неуклонно принимаемаго къ исполненію требованія религіозной совѣсти. Молитва болѣе не произносится—какой свободы нужно для этого? Вѣра упадаетъ—въ чемъ ее не стѣснять? Христіанство разоряется—и что же, вѣрующіе, насколько ихъ осталось, должны отворить двери своихъ храмовъ для тѣхъ, которые хотятъ войти туда для глумленія? Конечно, они этого не сдѣлаютъ; конечно, усиливаться доказать это есть напрасный трудъ. И мы думаемъ, этотъ трудъ заключаетъ въ себѣ мало какой-нибудь «вѣры» и къ чему-нибудь «любви».

Методъ, употребляемый г. Н. Аксаковымъ, былъ ранѣе его примѣняемъ уже какъ съ логической, такъ и съ исторической своей стороны. Съ логической стороны это были знаменитыя усилія достичь заключенія общаго характера: «всѣ лебеди бѣлы», но Кукъ открылъ Австралію, и оказалось, что они бываютъ и черные. Съ исторической стороны безукоризненными блюстителями «словъ старыхъ» были фарисеи, но они были уже обличены Спасителемъ, и намъ нечего прибавлять къ Евангелію.

В. Розановъ».

читателей, молчаніе это очень понятно, ибо трудно даже представить себѣ, что могъ бы возразить мнѣ г. Розановъ, а потому молчаніе его является доказательствомъ невозможности возразить. И, однако, желаніе г. Розанова назвать меня „фарисеемъ" и усомниться публично въ томъ, чтобы я *вѣрилъ* во что либо и имѣлъ *любовь* къ чему либо, является въ немъ до такой степени господствующимъ, что онъ ради него пишетъ и печатаетъ свои возраженія... Но противъ чего? Противъ третьей статьи моей, гдѣ даже самого имени г. Розанова не встрѣчается, и при составленіи которой я даже и о самомъ существованіи г. Розанова ни разу не вспомнилъ.

Противъ чего же г. Розановъ возражаетъ?

Какъ видно изъ начала его замѣтки, — на мои возраженія „на идеи о свободѣ", развитыя въ прошломъ году г. Л. Тихомировымъ и отчасти имъ, г. Розановымъ, въ которыхъ я, будто бы не замѣчаю, „что сколько бы въ томъ же направленіи ни продолжалъ трудъ свой, я вовсе не достигну цѣли, которую поставилъ себѣ—доказать антицерковность *ихъ* (т. е. г. Розанова и г. Тихомирова) ученія". Какъ можетъ убѣдиться читатель, въ третьей статьѣ моей, я возражаю только г. Тихомирову и ни разу не упоминаю о г. Розановѣ. Дѣлаю же это я на томъ основаніи, что именно по отношенію къ свободѣ не могу предполагать у г. Розанова и г. Тихомирова общаго или, какъ выражается г. Розановъ „нашихъ теорій", а не могу вслѣдствіе категорическаго протеста противъ теорій г. Розанова—именно со стороны г. Тихомирова. Какія же это „наши теоріи", когда именно выводы г. Розанова г. Тихомировъ характеристически называетъ *звѣриными*. (Русск. Обозрѣніе 1894 годъ, Апр., стр. 903). Какъ же могъ бы говорить я о „нашихъ теоріяхъ", когда розановская теорія свободы нашла себѣ въ г. Тихомировѣ критика, стоящаго, можетъ быть и въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ самимъ собою, но во всякомъ случаѣ критика строгаго и остроумнаго, а отчасти даже и согласнаго со мною.

Приведемъ дословно отзывъ этого критика.

„Г. Розановъ, вопреки собственнымъ тетрадкамъ Исторіи, вдругъ начинаетъ завѣрять, что свободы не только не было, но и быть не можетъ, даже не должно быть. Никѣмъ, говоритъ онъ, не было замѣчено, что смыслъ свободы есть собственно субъективный и она не можетъ быть понимаема въ смыслѣ требованія универсальнаго". Почему же собственно такъ? Вотъ почему: Есть нѣкоторый внутренній процессъ, цѣльный, неразрывный, *по необходимымъ законамъ совершающійся*, принадлежностью котораго только и можетъ быть свобода". Другими словами (все это говоритъ г. Тихомировъ) существуетъ г. Розановъ, существую я, существуетъ

г. Соловьевъ. Каждый изъ насъ представляетъ нѣкоторый „процессъ", совершающійся „по необходимымъ законамъ". Воззрѣніе ничуть не новое. Высказывая его, г. Розановъ до самой макушки остается погруженъ въ „наслѣдство" прошлаго. Но что же отсюда слѣдуетъ въ отношеніи свободы? Для такого процесса, (т. е. для меня, г. Розанова и всѣхъ прочихъ людей) свобода есть *только* отсутствіе препятствій совершаться... Ея смыслъ здѣсь опредѣлененъ и плодотворенъ, какъ ясно, что плодотворно для растенія не имѣть препятствій своему росту". Вотъ какъ г. Розановъ понимаетъ свободу. Собственно онъ никакой свободы *не имѣетъ*, онъ „совершается", „по необходимымъ законамъ", онъ растетъ, какъ трава, самъ не зная зачѣмъ и почему, потому что его заставляютъ расти и цвѣсти „необходимые законы". Въ то былое время, отъ котораго, по мнѣнію г. Розанова, онъ отказывается, это воззрѣніе считалось послѣднимъ словомъ науки. Изъ него то г. Розановъ и дѣлаетъ свои отрицательные выводы. Это въ сущности весьма логично, хотя приводитъ г. Розанова къ совершенно *звѣринымъ* понятіямъ, какъ это справедливо замѣчаетъ г. Соловьевъ. Г. Розановъ, будучи „процессомъ", совершающимся „по необходимымъ законамъ", одаренъ, однако, ощущеніемъ. И онъ ощущаетъ непріятность, когда что нибудь стѣсняетъ *его* ростъ. Онъ также одаренъ сознаніемъ, и готовъ поэтому допустить, что можетъ быть и я испытываю тѣ же непріятныя ощущенія при стѣсненіяхъ моему росту. Но, размышляетъ онъ,—какое мнѣ до этого дѣло? Онъ требуетъ свободы для себя, но только для себя. (Русск. Обозрѣніе. Апрѣль, стр. 902).

Итакъ я, не могъ возражать на то, что г. Розановъ называетъ „нашими (т. е. его и г. Тихомирова) теоріями", ибо вполнѣ зналъ, что такихъ „нашихъ теорій" вовсе и не существуетъ, ибо, какъ видно изъ приведенныхъ выше словъ, г. Тихомировъ напр. теорію свободы у г. Розанова почитаетъ просто на просто нелѣпостью, а самъ, отчасти подрывая почву подъ самимъ собою, строитъ совершенно другую. Вообще по отношенію къ теоріи свободы, провозглашаемой г. Розановымъ, ему (т. е. г. Розанову) изъ самыхъ различныхъ устъ приходится слышать весьма однородные отзывы. Г. Соловьевъ назвалъ свободу г. Розанова *звѣриною*; съ нимъ соглашается въ этомъ отношеніи и постоянный оппонентъ его г. Тихомировъ. Я—не соглашающійся во многомъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, позволилъ себѣ замѣтить, что у г. Розанова совсѣмъ даже никакой теоріи свободы не существуетъ, а имѣется только наборъ словъ на тему о необходимости свободнаго рукоприкладства ко всему, на что благословитъ „грѣшныя руки" г. Розановъ, много о самомъ себѣ говорящій и разсуждающій. Прибавимъ еще, что эти „грѣшныя

руки“ обладаютъ для г. Розанова и способностью слышать, какъ явствуетъ для всѣхъ изъ словъ его: „что же грѣшнымъ рукамъ, оберегающимъ Церковь, дѣлать, *слыша* хулу на оберегаемое изъ тысячи устъ?“ Не обладай „грѣшныя руки“ слухомъ, и не было бы г. Розанову необходимости высказываться. Вся теорія г. Розанова сводится такимъ образомъ къ заявленію „грѣшнымъ рукамъ“ о его, г. Розанова, существованіи, свойствахъ и качествахъ, побуждающихъ его переносить одно и не терпѣть другого. Другой теоріи мы усмотрѣть не можемъ, а въ этой само собою усматриваемъ нѣчто *звѣриное,* какъ усматриваютъ и В. Соловьевъ, и г. Тихомировъ.

Не включая въ свою теорію *звѣриной* свободы г. Розанова, г. Тихомировъ и *вѣру* г. Розанова называетъ вѣрою Казеріо, а не христіанскою вѣрою. Для Казеріо же, по словамъ г. Тихомирова, „вѣра есть вѣра въ самого себя, въ отличіе отъ христіанской вѣры въ Бога“. „Тираду г. Розанова (о вѣрѣ) повторитъ точно также и инквизиторъ и магометанскій фанатикъ“. (Руск. Обозрѣніе 1894, сентябрь, 402, 403). Сходится ли наконецъ г. Тихомировъ съ г. Розановымъ въ ученіи о любви? Г. Тихомировъ приводитъ рядъ доказательствъ тому, что по теоріи г. Розанова можно любить только своего единомышленника. „Единомышленность, продолжаетъ г. Тихомировъ, тутъ совершенно не причемъ. Когда человѣкъ способенъ понимать и якобы любить только единомышленника, человѣка своего „дѣла“, своего „кружка“ или „партіи“, то это только означаетъ, что онъ человѣчески очень не развитъ и въ сущности никакого человѣка не понимаетъ и не любитъ. Онъ не человѣка понимаетъ, не ихъ любитъ, а извѣстную службу, извѣстную дѣятельность ихъ. Это та же „любовь“, какою мельникъ любитъ хорошій вѣтеръ. (Русское Обозрѣніе. 1894, апрѣль, стр. 907). Съ своей стороны я сказалъ бы, что любовь, какъ исповѣдуетъ ее г. Розановъ, есть любовь къ самому себѣ и своимъ отраженіямъ во внѣшнемъ мірѣ, одушевленномъ и неодушевленномъ. Вѣдь и Чертопхановъ выражалъ любовь къ крестьянамъ, когда восклицалъ, потрясая нагайкой: „моихъ трогать, моихъ? Пфю! Пфить!“ Вѣдь и Кириллъ Петровичъ Троекуровъ проявлялъ „любовь“ къ псарю Парамошкѣ, отказываясь посылать его для наказанія къ разсерженному Дубровскому: Какъ, высылать *моихъ* людей къ нему съ повинною, онъ воленъ ихъ наказывать и миловать! да что онъ въ самомъ дѣлѣ затѣялъ!—Въ этомъ смыслѣ псарь Парамошка представлялся ему частью его самого, его отраженіемъ. Если бы Дубровскій былъ силенъ и высѣкъ псаря Парамошку, Троекурову казалось бы, что его самого высѣкли,—и во всемъ этомъ сказывалась бы любовь, какъ понимаетъ ее

г. Розановъ. А ужъ извѣстно, что троекуровскимъ людямъ жилось хуже, чѣмъ собакамъ. Въ рабахъ онъ видѣлъ *части* себя, а не другихъ *себя*, т. е. не самостоятельныя личности, ближнія и родственныя ему.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, почему я не могъ возражать противъ „нашей“ для г. Розанова и г. Тихомирова теоріи. Почему? Да потому просто, что „такой нашей теоріи“ вовсе не существуетъ и что г. Тихомировъ рѣшительно отказывается отъ всякой солидарности въ теоріи. И однако, есть же *что-то* такое, что побудило меня говорить одновременно и о г. Розановѣ и о г. Тихомировѣ, *что-то* прекрасно сопонимаемое ими обоими, хотя и лежащее совершенно внѣ ихъ не согласующихся теорій. Называя г. Розанова „своеобразнымъ Дарвинистомъ“ г. Тихомировъ прямо указываетъ на это единящее *что-то* словами: „онъ (т. е. Розановъ) только дѣлаетъ „реакціонные“ выводы изъ того же строя понятій, который для другихъ служитъ основою для „либеральныхъ выводовъ“. Это же единящее *что-то* побуждаетъ и г. Розанова возражать г. Тихомирову не иначе, какъ послѣ цѣлаго ряда предварительныхъ поклоновъ. „Онъ, говоритъ г. Тихомировъ, называетъ мои статьи о свободѣ „превосходными“, онъ находитъ, что въ спорѣ противъ „Вѣстника Европы“ и г. Соловьева я „вообще сильнѣе своихъ противниковъ“, что „мой перевѣсъ въ мысли, доказательности такъ чрезмѣренъ, что противникамъ не остается ничего кромѣ казуистики словъ“. Даже относительно моего центральнаго возраженія ему самому г. Розановъ замѣчаетъ: „во всякомъ случаѣ это очень умно, очень содержательно и въ трехъ страничкахъ здѣсь выражено болѣе мысли, чѣмъ сколько на 13 страницахъ ее сумѣлъ выразить г. В. Соловьевъ“. И вотъ, доказавъ, какъ говорилъ Пушкинъ, на страницахъ Русскаго Вѣстника, что въ одномъ мезинцѣ г. Греча (т. е. г. Тихомирова) болѣе ума и таланта, нежели въ головахъ многихъ рецензентовъ“, Ѳ. В. Булгаринъ (т. е. г. Розановъ, возстановившись на страницахъ „Русскаго Обозрѣнія“), снова возвѣщаетъ намъ о „нашихъ“, т. е. его и г. Тихомирова „теоріяхъ“—теоріяхъ совершенно различныхъ, но клонящихся къ однимъ и тѣмъ же реакціоннымъ выводамъ, къ одной и той же реакціонной цѣли, которая для г. Розанова олицетворяется только въ вожделѣніи къ рукоприкладству и апологіи рукоприкладства. Объединяющимъ началомъ и являются для г. Розанова и г. Тихомирова именно эти „реакціонные выводы“, къ которымъ клонятся ихъ несхожія разсужденія.

На ряду со всѣми дѣлаемыми мною лично ему возраженіями (въ первой моей статьѣ), г. Розановъ не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить,

что я сравнивалъ его съ г. Тихомировымъ отнюдь не въ смыслѣ сходства проповѣдуемыхъ ими философскихъ или якобы-философскихъ теорій, а только по вожделѣніямъ, ради которыхъ они эти теоріи строятъ, причемъ ясно указываю въ чемъ именно заключается это сходство, а отчасти намекаю и на существенное различіе. Сходство, указываемое мною, заключается въ томъ, что оба они т. е. г. Розановъ и г. Тихомировъ разсуждаютъ о томъ, чего не знаютъ, что оба они, какъ пауки тянутъ изъ себя свою собственную нить, будучи оторванными отъ соединяющаго вереницу временъ преданія, не вѣдая его и не заботясь о немъ, что оба они сочиняютъ отъ собственнаго ума своего православіе, ставя черезъ то православную вѣру и православную церковь въ зависимость не только отъ того „чего не было вчера и чего можетъ не быть завтра", какъ говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ, т. е. отъ всего временнаго и притомъ даже наноснаго, но и отъ „реакціонныхъ" своихъ вожделѣній, т. е. отъ того, что никакой дѣйствительности и никакой реальности никогда не имѣло и не имѣетъ, а составляетъ именно только похотствующій помыселъ извѣстнаго кружка, извѣстной части людей.

Но, и сопоставляя въ этомъ отношеніи г. Розанова и г. Тихомирова, я указалъ тогда же и на качественное между ними различіе, которое и выскажу теперь съ большею опредѣленностью. Г. Тихомировъ, какъ видно изъ цѣлаго ряда статей его, задался неблагодарною, а, можетъ быть, и зловредною задачею построить своего рода философію реакціи, — и въ этомъ отношеніи онъ очевидно учится, совершенствуется, идетъ впередъ, уклоняется отъ своей цѣли, часто противорѣча самому себѣ, будучи увлекаемъ логическою послѣдовательностью сужденій. Вырвись онъ изъ хомута, въ который имѣлъ несчастію запречься, и мысль, своенравная мысль несомнѣнно вывела бы его на совершенно другую дорогу. Откажись онъ отъ желанія все повернуть по своему, все рѣшить по своему уму, при помощи нѣсколькихъ на́ скоро подхваченныхъ руководствъ, а приступи онъ въ смиреніи къ изученію русла русской жизни, имъ покинутаго, — русла со всѣми его искривленіями и уклоненіями, имѣющими каждое свое, извѣстнаго рода оправданіе въ исторіи, а не выступи сразу въ качествѣ вселенскаго, оторваннаго отъ преданія судіи—и онъ постепенно пришелъ бы къ истинѣ, которую, вѣроятно, и ищетъ. Какъ бы то ни было, а онъ все-таки пытается построить болѣе или менѣе послѣдовательнымъ путемъ философію реакціи, къ которой присталъ онъ, оправдать ее философскими построеніями. Г. Розановъ только подвываетъ на реакціонныя темы черезъ подборъ возможно болѣе громкихъ, а подчасъ и возможно болѣе страшныхъ словъ. На ряду съ слышащими и молящими грѣшными руками и тому подобными нелѣпостями, которыя обильно извлекъ изъ одной

только статьи г. Розанова для цѣлаго фельетона г. Буренинъ, мы встрѣчаемъ цѣлыя ряды страшныхъ, пугающихъ образовъ, подобранныхъ для того, чтобы доказать необходимость рукоприкладства къ дѣлу церковному и общественному безъ указанія даже того, кому принадлежатъ эти руки и съ оговоркою только того, что эти руки суть руки „грѣшныя“. Страшными чертами рисуетъ г. Розановъ мерзость запустѣнія нашего времени, все въ виду того же самого спасающаго рукоприкладства. Кѣмъ и какъ будетъ оно совершаться—для него въ сущности все равно, только бы не оскудѣвало оно, только бы не отсутствовало. „Для вѣка, въ существѣ своемъ не имѣющаго никакой вѣры, вопіетъ онъ, не должно бы по справедливости быть и никакой свободы“. „И страданія здѣсь нѣтъ, какъ нѣтъ его въ темнотѣ для слѣпорожденнаго, въ глухотѣ для глухого“. „Не поднимается грѣшная рука закрыть уста хулящія. Есть воля къ этому, есть сознаніе объ этомъ, есть передъ нами святой законъ; но вотъ онъ лежитъ и кто же подниметъ его? кто, кого совѣсть не омрачена, подниметъ каноны, напомнитъ молитвы, обѣщанія? можемъ ли мы вспомнить тайну искупленія міра?“ (Свобода и вѣра). Такъ какъ ни передъ этимъ воплемъ ни о какой хулѣ не упоминается, да не говорится о ней и дальше, то читатель рѣшительно никакимъ образомъ не можетъ понять о какой хулѣ идетъ или можетъ итти рѣчь, точно также какъ не можетъ понять какой законъ предписываетъ грѣшнымъ рукамъ закрывать уста хулящія, не предоставляя права хулящимъ устамъ удерживать грѣшную руку, и почему законъ этотъ лежитъ на землѣ и кто же долженъ поднять его и для чего, когда г. Розановъ не открываетъ даже содержанія этого загадочнаго закона, во всякомъ случаѣ ни съ Церковью ни съ Евангеліемъ ничего общаго не имѣющаго. О какой волѣ, о какомъ сознаніи идетъ рѣчь, понять точно также нельзя, какъ нельзя понять и того, о какихъ, канонахъ молитвахъ и обѣщаніяхъ говоритъ въ данномъ случаѣ г. Розановъ. Все это только „жупелы“, „тимпаны“ и тому подобныя страшныя слова, которыми старается онъ напугать воображенія, раздуть дикія страсти въ пользу какого бы то ни было рукоприкладства, вмѣсто того, чтобы спокойно, совѣстливо, съ любовью и состраданіемъ изображать реальныя черты воистину печальной религіозной дѣйствительности и тѣмъ во истину содѣйствовать уврачеванію. Можетъ быть г. Розановъ полагаетъ по наивности своей, что такъ дѣйствовали Саванароллы, Арнольды и Миличи, стяжавшіе себѣ репутацію не только пламенности, но и своего рода фанатизма. Я читалъ и Саванароллу и Милича Кромежирскаго и другихъ, такого рода пропокѣдниковъ, а потому смѣю завѣрить г. Розанова, что въ проповѣдяхъ ихъ весьма строго поддерживалась логическая связь, понятія были не прыгающими, а опредѣленными и картины

рисовались стройныя, цѣльныя и взятыя изъ реальнаго міра, а не изъ воображаемаго. Если и являлись преувеличенія, то они истекали болѣе изъ потрясеннаго состоянія души говорящихъ, чѣмъ изъ желанія запугать слушателей въ свою пользу. Что можетъ быть ужаснѣе и по своему краснорѣчивѣе крестовой проповѣди Бернарда Клервалійскаго, но и она построена по законамъ логики и имѣетъ дѣло съ ясными и отчетливыми понятіями, рисуетъ дѣйствительность, а не подбираетъ „жупелы и тимпаны“ для разжиганія страстей. „Пусть бы затоптали, пророчески повелѣваетъ г. Розановъ, оберегающихъ, которыхъ, и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, не стоило бы беречь... но вѣдь и кого же стоило бы беречь въ наше время“... Вѣдь и грудной ребенокъ, видя, какъ подняли руку надъ его мамкой, кричитъ и протягиваетъ ручонки, чтобы ее защитить; какъ же требовать, чтобы народы не дѣлали подобнаго движенія, когда поднимается рука на церковь ихъ, когда хула открывается на самого Бога?“ После всѣхъ этихъ грозныхъ воззваній невольно отдыхаетъ душа не болѣе мирныхъ уподобленіяхъ и разсужденіяхъ г. Розанова, вродѣ напр. расужденій о томъ, что „у воды въ горшкѣ нѣтъ ничего общаго съ выплеснувшеюся изъ него водою“. Сравненіе не резонъ и не доводъ, совершенно справедливо говоритъ старинная пословица.

Но мирныя разсужденія сами по себѣ по крайней мѣрѣ безвредны и даже не увеличиваютъ общественной путаницы понятій, а тѣмъ болѣе не дѣйствуютъ на страсти. Пристрастіе же г. Розанова къ пугающимъ образамъ и страшнымъ словамъ вродѣ своего рода „жупеловъ“, „металовъ“ и „тимпановъ“ объясняется прежде всего тѣмъ, что, силясь сказать что либо и вслѣдствіе того занять какое-нибудь мѣсто въ общественномъ водоворотѣ, онъ не имѣетъ никакого представленія ни о дѣйствительныхъ требованіяхъ Церкви, ни о дѣйствительныхъ скорбяхъ и печаляхъ ея, ни о дѣйствительномъ положеніи современнаго религіознаго общества, неприглядномъ, можетъ быть, и во многихъ и очень многихъ отношеніяхъ. Оттого-то дѣло и не идетъ у него дальше „жупеловъ“ и „металовъ“, т. е. вполнѣ общихъ и избитыхъ до стереотипности подвываній на реакціонныя темы вродѣ: „падаетъ вѣра... посмѣвается толпа... молитва болѣе не произносится, христіанство разоряется, разстроивается Церковь, чувствуется упадокъ внутреннихъ силъ, вѣрующіе должны отворить двери своихъ храмовъ для тѣхъ, которые хотятъ туда войти для глумленія“ и т. д. Все это — общія мѣста, заслоняющія реальную дѣйствительность, а не разъясняющія ее. Но этими же страшными и пугающими картинами, къ которымъ вообще любили во всѣ времена прибѣгать сектанты всякаго рода, разъясняется зато, можетъ быть, необходимость появленія лже-пророка вродѣ г. Розанова. Ужь не это ли самое

и составляетъ цѣль всѣхъ запугиваній со стороны г. Розанова? Вѣдь вся статья „Свобода и вѣра“ знакомитъ прежде всего съ его личными свойствами и качествами, съ тѣмъ, что можетъ переносить онъ и чего не можетъ терпѣть, съ его содержаніемъ и съ тѣмъ что его содержанію мѣшаетъ, а потому и должно подлежать ограниченію. Вѣдь и идея равенства не нравится ему прежде всего потому, что „равенство есть только требованіе, чтобы никто не стоялъ выше меня, но не есть опредѣленіе *сколько-нибудь сносной высоты, на которой стоялъ бы я самъ*“.

Но не въ томъ, разумѣется, дѣло.

Г. Розановъ неудомѣваетъ, почему я ссылаюсь на consensus patrum на согласное ученіе отцовъ Церкви, а не указываю „на несовмѣстимость ихъ (т. е. г. Розанова и Тихомирова) теоріи съ какою-нибудь вѣчною и необходимою чертою христіанства или Церкви“. Прежде всего считаю долгомъ возразить на это, что отличеніе существеннаго отъ не существеннаго или, что то же самое, необходимаго и вѣчнаго отъ случайнаго и временнаго въ понятіи и его осуществленіи представляетъ изъ себя чисто-философскую работу критика, которая и была бы такимъ образомъ моею работою, а не самоопредѣленіемъ Церкви. Мое же опредѣленіе, моя критическая работа не имѣютъ отнюдь того значенія, которое имѣетъ самоопредѣленіе Церкви, выразившееся устами признанныхъ ею отцовъ. Кромѣ того, развѣ есть вѣчное и не вѣчное, необходимое и не необходимое въ Церкви т. е. не въ христіанскомъ обществѣ той или другой страны, а именно въ Церкви? Въ христіанскомъ обществѣ, каково бы оно ни было, можетъ имѣть мѣсто не только не вѣчное и не необходимое, но даже и сомнительное, какъ свидѣтельствуетъ знаменитое выраженіе бл. Августина, противополагающее necassaria и dubia. Въ Церкви вѣчно все,—и эта то именно вѣчность, тожественность въ вѣкахъ и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ, существенныхъ признаковъ Церкви. Не существеннаго, не необходимаго въ Церкви нѣтъ и не можетъ быть, какъ нѣтъ и не можетъ быть въ ней ничего сомнительнаго. Сущность возраженія г. Розанова сводится такимъ образомъ къ тому, зачѣмъ мы, говоря философскимъ языкомъ, прибѣгаемъ къ анализу, а не къ синтезу, т. е. зачѣмъ мы приводимъ черты изъ самосознанія и самоопредѣленія Церкви, а не прибѣгаемъ къ помощи собственнаго своего діалектическаго построенія, какъ пытается дѣйствовать онъ, сочиняя понятія. На это отвѣчаемъ: потому дѣйствуемъ мы такъ или потому начинаемъ съ такого дѣйствованія, — статья наша еще не окончена,—что Церковь есть живое данное, историческое цѣлое, а не философскій постулатъ. Природу живыхъ тѣлъ слѣдуетъ изучать въ ея проявленіяхъ; жизнь—

въ ея самоопредѣленіи. Впрочемъ, если такого философскаго построенія, доказательствъ такого несогласія „нашихъ“ т. е. г. Розанова и г. Тихомирова теорій съ основными чертами христіанства и Церкви не дѣлаю я самъ—авторъ статьи, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы такое разногласіе не указывалось приводимыми мною отцами, какъ не слѣдуетъ и того, чтобы они основывали проповѣдуемое на обстоятельствахъ времени, на примѣненіи къ этимъ обстоятельствамъ, а не на недвижныхъ вѣчныхъ истинахъ христіанства. Большинство приведенныхъ нами выдержекъ изъ св. Отцовъ и ставитъ такимъ образомъ свободу вѣры, а на ряду съ тѣмъ и невозможность и преступность всякаго принужденія въ живую связь съ самою сутью ученія христіанскаго. Приведу только три примѣра, ранѣе уже приведенныхъ, но окончательно непонятыхъ г. Розановымъ, если только онъ не умышленно заставляетъ своего читателя имѣть неправильное представленіе о самомъ предметѣ спора.

„Если призываетъ Богъ и призываетъ самъ, говоритъ Златоустъ, то могутъ ли быть достойны прощенія не обращающіеся къ Нему? Пусть никто не обвиняетъ Бога. Ибо не отъ призывающаго происходитъ невѣріе, а отъ неповинующихся. Но скажешь: можно было бы привести и нежелающихъ? Нѣтъ; Богъ не дѣлаетъ насилія или принужденія. И кто, призывая къ почестямъ, вѣнцамъ, пиршествамъ и торжествамъ, станетъ влечь кого-нибудь противъ воли и связаннаго? Никто; потому что это свойственно принуждающему. Въ геенну онъ посылаетъ противъ воли, а въ царствіе призываетъ добровольно; въ огонь ведетъ связанныхъ и плачущихъ, а къ безчисленнымъ благамъ не такъ, ибо самыя блага не были бы вожделѣнны, если бы они по свойству своему не были бы таковы, чтобы къ нимъ стремились добровольно и по сознанію великаго ихъ достоинства“. (Русск. Бесѣда I, 11). Есть ли хотя малѣйшее основаніе предполагать, что слова эти, какъ утѣшаетъ себя г. Розановъ, относятся къ частнымъ обстоятельствамъ своего времени и мѣста, „имѣли въ виду нужду дня, на которую, отвѣтивъ, не сохраняютъ уже силы для нуждъ нашихъ дней, совершенно противоположныхъ прежнимъ“? Имѣется ли въ словахъ Златоуста хотя бы малѣйшій намекъ на обстоятельства мѣста и времени, на что либо преходящее, случайное, а не вѣчное? Невозможность принужденія выводитъ Златоустъ изъ природы Божества, не желающаго спасенія противъ воли спасенныхъ, изъ природы человѣка, какъ существа, призваннаго къ свободѣ и самоопредѣленію, и изъ природы тѣхъ благъ, которыя манятъ и призываютъ человѣка къ добру и спасенію, составляя обѣтованную награду добра? Чѣмъ же является все это? временнымъ или вѣчнымъ? Развѣ Богъ девятнадцатаго столѣтія не есть Богъ перваго и Богъ всѣхъ временъ? Развѣ измѣнились блага,

обѣтованныя человѣку и призывающія его къ добру и спасенію? Развѣ стало инымъ призваніе и назначеніе человѣка или Богъ измѣнилъ по отношенію къ нему свои требованія и согласенъ довольствоваться вынужденнымъ добромъ и подневольною вѣрою? Нѣтъ! разумѣется нѣтъ. Изъ вѣковѣчныхъ началъ исходитъ разсужденіе Златоуста, а потому вѣковѣчное же значеніе имѣютъ и выводы, къ которымъ приводитъ оно. Въ дни Златоуста Богъ, очевидно, желалъ, чтобы, призванный имъ къ спасенію человѣкъ достигалъ этого спасенія путемъ личнаго свободнаго своего самоопредѣленія; на этомъ желаніи Божіемъ основывалось въ тѣ дни и къ нему приспособлялось все домостроительство спасенія. Съ какого же времени стало иначе и можетъ ли быть вообще иначе, пока мы вѣруемъ, по словамъ апостола, что „вѣренъ обѣщавшій".

Дивишься ты, пишетъ Исидоръ Пелузскій, почему Христосъ не убѣдилъ предателя признавать добродѣтель благомъ, хотя нерѣдко слышалъ онъ бесѣду о добродѣтели, вѣрнѣе же сказать и не было бесѣды, въ которой онъ не слыхалъ о ней. А я удивляюсь, почему ты, зная что такое свобода, могъ дивиться сему. Ибо не насиліемъ и самоуправствомъ, но убѣжденіемъ и добродушіемъ уготовляется спасеніе человѣковъ. Посему всякій полновластенъ въ собственномъ своемъ спасеніи, чтобы и увѣнчиваемые и наказываемые справедливо получали то, что сами избрали". (Русская Бесѣда I, 11). Или, сообразно измѣнившимся временамъ, потерпѣла измѣненіе и Божественная справедливость, а потому и не избирающіе могутъ почитаться достойными увѣнчиванія, если внѣшнія воздѣйствія противъ воли привлекаютъ ихъ къ нему? Есть ли въ словахъ Исидора Пелузскаго хотя какой либо намекъ на обстоятельства мѣста и времени, побуждающія его приспособляться къ нимъ и смотрѣть на предметъ такъ, а не иначе?

„Аѳанасій Александрійскій, осуждая всякое стремленіе къ принужденію и приневоливанію въ дѣлѣ вѣры, указываетъ на совершенно противоположный образъ дѣйствій Христа, который только стучится въ каждую душу съ любовною рѣчью жениха Пѣсни Пѣсней: Душе моя, невѣста моя, отвори!—и терпѣливо ждетъ, когда Ему не отворяютъ". Если г. Розановъ знаетъ, что Христосъ въ теченіи временъ измѣнилъ это отношеніе свое къ душѣ человѣческой, то пусть откроетъ намъ это, дабы мы пожалѣли о немъ и его заблужденіи, ибо мы знаемъ, что такого измѣненія нѣтъ и не можетъ быть, ибо знаемъ и вѣруемъ, что „Іисусъ Христосъ вчера и сегодня и во вѣки тотъ же". (Евр. XIII, 8). Если же призываетъ, а не принуждаетъ, и терпѣливо ждетъ Онъ, когда не внемлютъ зову Его, хотя и не перестаетъ ревновать Онъ о человѣческомъ спасеніи, то призывать же, а не принуждать должны и мы,

радѣя о спасеніи ближнихъ, ибо иначе мы не были бы послѣдователями Его, ибо иначе не изображался бы, не пріобрѣталъ бы въ насъ образа Христосъ (Галат. IV, 19), помимо котораго не можемъ мы имѣть основанія для христіанской дѣятельности нашей, „ибо никто не можетъ положить другого основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Христосъ. (I Кор. III, 11). Не отъ приспособленій ко времени, не изъ временныхъ нуждъ и состояній Церкви выводили такимъ образомъ отцы предосудительность и излишность принужденія въ вѣрѣ и въ нравственномъ совершенствованіи, а изъ самой сути домостроительства ко спасенію, изъ вѣковѣчной истины, лежащей въ основѣ его. Въ чемъ же заключается эта истина по отношенію къ тремъ приведеннымъ выше свидѣтельствамъ? Въ свое время выразилъ я ее словами: основной законъ вѣры и нравственности христіанской есть законъ свободы и свободнаго самоопредѣленіи человѣческаго въ согласованіи съ Божественными призывомъ и предначертаніемъ". (Русск. Бесѣда I, ст. 11). Этими словами я только передаю основу тѣхъ цитатъ, которыя теперь снова воспроизвелъ передъ читателями.

Поясню и пополню все до сихъ поръ высказанное еще слѣдующею выдержкою изъ Златоуста.

„Если кто хочетъ итти за Мною (Матѳ. XVI, 24). Взгляни, какъ непринудительною дѣлаетъ Онъ рѣчь Свою. Не сказалъ: хотите ли или не хотите, а должны... но если кто хочетъ итти за Мною. Я не принуждаю, не заставляю, но дѣлаю каждаго господиномъ своего выбора; оттого и говорю Я: если кто хочетъ. Ко благамъ зову Я, а не къ бѣдствіямъ и тяготамъ, не къ наказанію и къ карѣ, когда приходилось бы принуждать. И сама уже вѣдь природа дѣла достаточна для того, чтобы привлекать. Такъ говоря, больше притягивалъ Онъ, ибо принуждающій зачастую отвращаетъ; оставляющій же слушателя господиномъ себѣ привлекаетъ скорѣе. Заботливое служеніе могущественнѣе насилія. Потому и Онъ говорилъ: если кто хочетъ! Ибо велики, говорилъ Онъ, подаваемыя Мною блага и таковы, чтобы доброю волею стремиться къ нимъ. Дающій золото и предлагающій сокровища не съ принужденіемъ призываетъ къ нимъ. Если къ нимъ призываютъ безъ принужденія, то тѣмъ болѣе къ благамъ небеснымъ. Если же природа дѣла не побуждаетъ тебя стремиться, то не достоинъ ты брать, а если возьмешь, то не къ добру будетъ взятое. Въ виду того-то Христосъ не вынуждаетъ насъ, а склоняетъ, щадя насъ. (Homiliae in Mathaeum. Cantabrigiae 1839 Г. II Homil. 55 p. 121. Существующій русскій переводъ, передавая основную мысль, не передаетъ всей силы отдѣльныхъ выраженій, а потому мы и должны

были замѣнить его своимъ. Бесѣды на Матѳ. Москва, 1887 г., ч. II, стр. 425). Въ основѣ спасенія лежитъ такимъ образомъ добровольное, свободное стремленіе спасающагося къ благамъ небеснымъ, вызываемое только природою самихъ этихъ, подаваемыхъ Христомъ благъ и ничѣмъ инымъ болѣе; блага эти сами по себѣ способны порождать свободное стремленіе. Остающійся равнодушнымъ къ заманчивости и привлекательности этихъ благъ, и потому не имѣющій въ себѣ свободнаго, добровольнаго стремленія къ нимъ, если и получилъ бы такія блага, то получилъ бы, какъ недостойный, только во вредъ самому себѣ, вслѣдствіе чего и Христосъ призываетъ, а не приневоливаетъ, именно *щадя* людей. Если же *щадитъ* Христосъ, то тѣмъ болѣе должны щадить и Христовы. Неужели же можно еще предполагать, что осужденіе принужденія и приневоливанія у Златоуста, равно какъ и защита свободы и самоопредѣленія являются плодомъ его приспособленія къ духу времени, а не послѣдствіемъ выводомъ, изъ вѣскихъ и недвижныхъ истинъ христіанства? Явствуетъ ли теперь для г. Розанова „несовмѣстность“ отрицанія необходимости христіанской свободы и проповѣданія необходимости принужденія, т. е. „ихъ теоріи“ „съ какою-нибудь вѣчною и необходимою чертою христіанства или Церкви“? А между тѣмъ трое изъ приведенныхъ нами въ настоящемъ случаѣ свидѣтельствъ входили безъ всякихъ съ нашей стороны подчеркиваній и примѣчаній, въ числѣ многихъ другихъ отеческихъ свидѣтельствъ, и въ составъ вызвавшихъ его „критическую замѣтку“ статей и были только не поняты имъ, г. Розановымъ, что и побудило насъ сдѣлать вышеизложенныя поясненія.

Само собою разумѣется, что нелѣпость теоріи принужденія и приневоливанія вытекаетъ не изъ одной только приведенной выше „вѣчной и необходимой черты христіанства“, но и изъ многихъ другихъ столь же вѣчныхъ, и необходимыхъ. Правильнѣе было бы сказать, „что нѣтъ самомалѣйшей черты, которою не исключалась бы возможность такой теоріи, ибо въ христіанствѣ, въ Церкви все гармонируетъ между собою, все подчинено закону вѣковѣчнаго единства“, составами и связями, будучи соединяемо и скрѣпляемо какъ одно тѣло (Колос. II 19). И это относится въ равной степени и къ жизненной полнотѣ Церкви и къ самому ея ученію. Несовмѣстимое въ ученіи съ однимъ членомъ необходимо должно быть несовмѣстимо и со всѣмъ организмомъ ученія, несовмѣстимо и съ каждымъ изъ его членовъ, а потому и извергается, какъ чуждое. Если одни отцы указывали на принужденіе, какъ на несовмѣстимое съ необходимымъ для спасенія свободнымъ самоопредѣленіемъ человѣческимъ, а вслѣдствіе того и съ основною волею Божества, создавшаго человѣка по образу Своему и по подобію (т. е. именно въ качествѣ свободно самоопредѣляющагося

существа), то другіе указываютъ на несовмѣстимость принужденія съ самымъ понятіемъ о вѣрѣ вообще и христіанской по преимуществу.

И такого рода свидѣтельства собраны мною въ статьѣ моей, а г. Розановъ только не понялъ ихъ по отсутствію необходимыхъ для него поясненій. Повторимъ на этотъ разъ только приведенное уже прежде свидѣтельство Тертулліана: „Берегитесь покровительствовать нерелигіозности, устраняя свободу религіи и свободный выборъ поклоняемаго Божества (писано къ язычникамъ), воспрещая мнѣ чтить, что я *хочу*, чтобы заставить меня чтить то, что не *хочу* чтить. Гдѣ Богъ, любящій вынужденное поклоненіе?! — О, высшее безбожіе! о безпримѣрный позоръ! Ввели обычай воспрещать по свободнымъ прихотямъ человѣческимъ, такъ что уже нельзя и быть Богомъ иначе, какъ по постановленію сената. Нѣтъ ничего болѣе нерелигіознаго, чѣмъ религіозное принужденіе (Apologie 23 Ad nation. 10). Не дѣло религіи и не дѣло силы вынуждать религію, которая должна восприниматься свободно, ибо и жертва требуется только отъ добровольнаго духа. Такимъ образомъ, если и насъ принудите (писано къ язычникамъ) къ жертвоприношенію, ничего не услужите богамъ вашимъ, ибо жертвоприношенія отъ нежелающихъ они не желаютъ, если не любятъ пререканія, что противно природѣ Божества“ (ad Scapulam 2). Возможность какого бы то ни было принужденія исключается, такимъ образомъ для Тертулліана съ одной стороны противностью его самой природѣ вѣры или религіи, а съ другой противностью его волѣ Божіей, такъ какъ Богъ не можетъ желать вынужденнаго поклоненія. Побуждающій побуждаетъ ближняго оскорблять Божество вынужденнымъ поклоненіемъ. Правда, эту послѣднюю невозможность онъ распространяетъ и на боговъ языческихъ или, точнѣе, и на языческое представленіе о богахъ, но неужели мыслимо исключеніе христіанскаго Бога, Бога истиннаго изъ этого общаго понятія о природѣ Божества и должнаго Ему поклоненія. Но противорѣчитъ по Тертулліану возможности принужденія и природа религіи или вѣры. Что называетъ онъ религіею и что такое религія? Живая связь и живое соотношеніе между Богомъ и человѣкомъ. Христіанское понятіе о вѣрѣ какъ разъ совмѣщаетъ въ себѣ оба эти элемента т. е. и воздѣйствіе Божіе на человѣка въ видѣ призыва, призыванія и отвѣтъ со стороны человѣка въ видѣ покорности зову, слѣдованія ему, убѣжденности, что вѣренъ призывающій. Этимъ зиждующаяся на откровеніи христіанская вѣра и отличается отъ субъективной вѣры, лежащей въ основѣ всякаго научнаго признанія.

На эту существенную черту христіанской вѣры указалъ я между прочимъ въ первой статьѣ моей, ссылаясь и на слова Спасителя: „никто не приходитъ ко Мнѣ, если не призоветъ его Отецъ“, и на слова апостольскія, и на слова Златоуста, поясняющія Писаніе (стр. 14). „И вѣра не принадле-

житъ вамъ, ибо вы не сами, предваривъ Бога увѣровали, но послушались, когда были призваны. — Достоинство твое не отъ тебя, но отъ благодати Божіей. Укажешь ли на вѣру, она отъ призванія.—Вѣра ведетъ начало свое отъ Отца, переходитъ на Сына, довершается Духомъ Святымъ. Живой корень вѣры—Отецъ; вѣтвь неувядающая—Сынъ; безсмертный плодъ ея — Духъ Святой (Златоустъ. См. Русск. Бесѣда, I, 14). Какое же значеніе въ этомъ попечительствѣ о вѣрѣ могутъ имѣть „грѣшныя руки человѣческія", о приложеніи которыхъ къ дѣлу такъ радѣетъ г. Розановъ. Предположимъ себѣ, если можно, человѣка, котораго „не призываетъ Отецъ", который еще безусловно чуждъ божественному призыву. Грѣшныя руки, покровительствуемыя г. Розановымъ, напрасно будутъ стараться всадить ему вѣру, которая можетъ слѣдовать только за призывомъ, которая можетъ быть только Божіимъ даромъ, и которая безъ того не имѣла бы спасительной силы, какъ раціональное умозаключеніе оторваннаго отъ Божественнаго міра деиста. Такой случай среди насъ, въ средѣ, гдѣ приходится намъ жить и дѣйствовать, представляется, однако, немыслимымъ. „Вѣра отъ слышанія, а слышаніе отъ Слова Божія. Но спрашиваю: развѣ они не слышали? Напротивъ, по всей землѣ прошелъ голосъ ихъ и до предѣловъ вселенной слова ихъ" (Римл. X. 17, 18). Въ каждой душѣ среди христіанскаго міра звучитъ, хотя бы и тихо и еле слышно ему, призывный гласъ Божества; каждая душа освѣщается свѣтомъ, освѣщающимъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ (Іоаннъ I, 9). Въ чемъ же вѣра? Въ свободной покорности и свободномъ послушаніи зову, въ свободномъ слѣдованіи свѣту, въ свободномъ воспріятіи Божія дара. Въ каждую крещеную душу „послалъ уже Богъ Духа Сына Своего, взывающаго: Авва! Отче! (Гал. IV. 6; Римл. VIII. 15). Въ чемъ же вѣра? Въ свободномъ слѣдованіи этому Духу, въ свободномъ Ему самоподчиненіи. Откуда же и отчего невѣріе? Отчего полувѣріе, маловѣріе, суевѣріе и искаженная вѣра? „Омрачилось несмысленное ихъ сердце", (Рим. I, 21) говоритъ апостолъ. Шумъ внѣшней жизни и многоязычный говоръ всякихъ другихъ голосовъ сдѣлалъ ихъ какъ бы глухими къ раздающемуся въ нихъ, а можетъ быть и неумолкаемому Божественному призыву. „Предалися они въ похотяхъ сердецъ своихъ всякой нечистотѣ или осуетились въ умствованіяхъ своихъ (Римл. I. 24, 21, 25) такъ что они затмили истину Божію ложью, а потому они уже, видя не видятъ и слыша не слышатъ и не разумѣютъ. (Матѳ. XIII. 13). Духовную глухоту и слѣпоту представляетъ изъ себя невѣріе. Умѣстны около такого рода сердецъ врачъ, апостолъ и проповѣдникъ. Слова ихъ, будучи отзвуками Духа, еще живущаго и въ сердцѣ глухого и слѣпого

по духу, дѣлаютъ слышнымъ и ощутимымъ ему Его давно не отличаемый зовъ, а слѣдуетъ разъ только поддаться живительному Его вліянію, чтобы возможность религіознаго возстановленія открылась вполнѣ. Умѣстны около такого сердца и свѣтлыя дѣла „сыновъ свѣта", ибо въ нихъ полуослѣпшій способенъ увидать яркій отблескъ того же свѣта, который слабою искрою горитъ и мерцаетъ еще въ немъ самомъ,—а черезъ то расширится или разверзнется и вполнѣ зажмуренное давно или смежившееся духовное око его. Невѣріе и въ томъ и въ другомъ случаѣ замѣнится вѣрою, какъ свободнымъ слѣдованіемъ призыву и свѣту. Но умѣстно ли по отношенію къ подобнаго рода сердцамъ принужденіе? Разумѣется, нѣтъ. Насаждающія вѣру „грѣшныя руки" не могутъ замѣнять призывный гласъ Отца, а вѣра, не являющаяся откликомъ на этотъ призывъ, не есть уже вѣра. Психологическій фактъ невозможности вызова вѣры принужденіемъ подмѣчали не только приведенные мною въ моей статьѣ отцы Церкви, но и язычники. Ѳеодорикъ Готскій говорилъ, что не можетъ повелѣвать религіей, ибо никто противъ воли не вѣритъ и не можетъ быть принуждаемъ вѣрить противъ воли (Cassiodor. Varior II. 27). Нельзя принудить человѣка видѣть и слышать въ себѣ то, чего онъ не видитъ и не слышитъ. Безумно говорить: летай! тому, у кого нѣтъ крыльевъ. Можетъ ли окрылять какое бы то ни было принужденіе? Вѣра есть свободный откликъ человѣка на обращенный къ нему зовъ Божества и только обладая этою свободою, будучи свободною, имѣетъ она свое достоинство, спасительную силу свою и мощь. Противоположна ей подневольная, вынужденная вѣра бѣсовъ, которые, имѣя ее по природѣ своей, не могутъ вырвать ее изъ себя, искоренить ее изъ себя. Для нихъ вѣра—не свободная дѣятельность, а готовое, данное состояніе, отъ котораго не могутъ они освободиться. „И бѣсы вѣруютъ—и трепещутъ". (Іак. II. 19). Оттого то Христосъ „со властью и силою повелѣваетъ нечистымъ духамъ" (Лук. IV, 36, Марк. I, 27) и только призываетъ къ себѣ людей, говоря: „если кто хочетъ итти за Мною" (Матѳ. XVI, 24). Ему нужна ихъ свобода, какъ условіе вѣры, ведущей къ оправданію и спасенію. Вѣра, повторимъ это снова, есть свободный отзывъ человѣка на открывающій зовъ Божества, а потому принуждать или понуждать къ вѣрѣ такъ же нелѣпо и такъ же безсмысленно, какъ „декретировать свободу".

Вѣра свободна по самому существу своему и не свободною, т. е. вызываемою или обусловливаемою какимъ бы то ни было принужденіемъ, быть не можетъ, ибо въ такомъ случаѣ подобіе ея, каррикатура ея не есть уже вѣра. „Правда Божія черезъ вѣру въ Іисуса Христа во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ, ибо нѣтъ различія (Римл. III, 22). „Авраамъ, которому какъ и сѣмени его, не закономъ, но праведностью вѣры да-

ровано обѣтованіе быть наслѣдникомъ міра, есть отецъ всѣхъ насъ, по вѣрѣ потомковъ Авраама (т. е. не по содержанію вѣры, а по существу самой вѣры, какъ духовной дѣятельности) предъ Богомъ, Которому онъ повѣрилъ, животворящимъ мертвыхъ и называющимъ несуществующее, какъ существующее. Онъ, сверхъ надежды, повѣрилъ съ надеждою, черезъ что сдѣлался отцомъ многихъ народовъ, по сказанному: такъ будетъ сѣмя твое (Римл. IѴ, 13, 16—18). И не изнемогалъ въ вѣрѣ, не помышлялъ, что тѣло его почти столѣтняго уже омертвѣло, и утроба Саррина въ омертвѣніи; не поколебался въ обѣтованіи Божіемъ невѣріемъ, но пребылъ твердъ въ вѣрѣ, воздавъ славу Богу и будучи вполнѣ увѣренъ, что Онъ силенъ и исполнить обѣщанное. Потому и вмѣнилось ему въ праведность“ (IѴ, 18—22).

Всѣ вѣрующіе во Христа — іудеи и язычники являются для апостола потомками Авраама по вѣрѣ, вмѣняемой ему въ праведность, а потому и наслѣдниками обѣтованія. Свободна ли была въ этомъ случаѣ вѣра праотца вѣрующихъ — Авраама? Если бы онъ не могъ не вѣрить, если бы какая нибудь внѣшняя сила понуждала его къ тому, если бы какія либо внѣшнія, стороннія соображенія, кромѣ сознанія, что вѣренъ обѣщающій (Евр., X, 23), руководили имъ, то при чемъ же была бы праведность, почему бы въ праведность вмѣнилася ему вѣра? Но именно потому то, что онъ могъ не вѣрить, что все внѣшнее склоняло его къ невѣрію и однако онъ повѣрилъ Богу, сверхъ надежды повѣрилъ съ надеждою и не изнемогъ въ вѣрѣ, чуя, что Обѣщающій силенъ и исполнить обѣщанное,—сдѣлалъ вѣру актомъ свободнаго своего самоопредѣленія, вѣра эта и вмѣнилась въ праведность ему, а черезъ него и всѣмъ вѣрующимъ подобно ему. „Такъ Авраамъ повѣрилъ Богу, а это вмѣнилось ему въ праведность. Познайте же, что вѣрующіе суть сыны Авраама“ (Галат. III, 6, 7). Вѣрующіе?—но какъ вѣрующіе: свободно или по принужденію, если и возможна такая вѣра? Разумѣется, только вѣрующіе свободно. Если свободная вѣра Авраама именно по свободѣ своей вмѣнилась ему въ праведность, то и „сыны Авраама“, суть только свободно вѣрующіе. Въ этомъ смыслѣ апостолъ потомковъ Авраамъ по плоти и по закону, который былъ данъ, какъ печать и ознаменованіе вѣры, называетъ дѣтьми рабы, а потомковъ по обѣтованію и вѣрѣ въ обѣтованіе дѣтьми не рабы, но свободной (Галат. IѴ, 22—27). Итакъ, братія, мы дѣти не рабы, но свободной (Галат. IѴ, 31). Почему? Потому что мы потомки свободной вѣры Авраама, а вѣра, усыновляющая насъ Аврааму, есть свободная вѣра. „Итакъ, братія, стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ и не подвергайтесь опять игу рабства“ (Галат. ѴI). „Къ свободѣ при-

званы вы, братія, только бы свобода ваша не была поводомъ къ плоти, но любовію служите другъ другу, ибо весь законъ въ одномъ словѣ заключается: люби ближняго своего, какъ самого себя" (Галат. V, 13, 14). „Господь есть Духъ, а гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода. Мы же всѣ открытымъ лицомъ (т. е. вполнѣ свободно, вполнѣ непосредственно, безъ всякаго сторонняго вмѣшательства), какъ въ зеркало взирая на славу Господню, преображаемся въ тотъ же образъ отъ славы въ славу, какъ отъ Господня Духа (2 Кор. III, 17, 18). Можно ли представить себѣ лучшую апологію свободы спасающаго самоопредѣленія человѣческаго, имѣющаго свободную вѣру своимъ источникомъ. „Такъ говорите и такъ поступайте, какъ имѣющіе быть судимыми по закону свободы. (Іак. II, 12). Будьте же исполнителями слова, а не слушателями только (припомнимъ, что вѣра отъ слышанія, а слышаніе отъ слова Божія), обманывающими самихъ себя... Но кто вникнетъ въ законъ совершенный, законъ свободы и пребудетъ въ немъ, тотъ, будучи не слушателемъ забывчивымъ, но исполнителемъ дѣла, блаженъ будетъ въ своемъ дѣйствованіи" (Іаков. I. 22, 25).

Я почти сожалѣю объ этихъ приведенныхъ мною, по необходимости, разъясненіяхъ. Они нужны были мнѣ для того, чтобы доказать, что и въ приведенныхъ мною въ моей статьѣ свидѣтельствахъ отцовъ Церкви уже заключается указаніе „на несовмѣстимость теорій г. Розанова и Тихомирова съ какою нибудь необходимою и вѣчною чертою христіанства или Церкви", какъ напр. въ послѣднемъ разобранномъ мною случаѣ съ самимъ понятіемъ о вѣрѣ и ея природѣ. Такимъ же точно образомъ можно было бы доказать и несовмѣстимость теорій этихъ и съ самимъ понятіемъ о Церкви, но все это, не будучи выражено моими словами, и безъ того уже заключается въ приведенныхъ мною въ разбираемой г. Розановымъ статьѣ свидѣтельствахъ отцовъ—и только то обстоятельство, что все это осталось для г. Розанова вполнѣ непонятнымъ и боязнь, что не понятымъ можетъ остаться все это и для нѣкоторыхъ читателей, побудили меня согласиться на эти, требуемыя г. Розановымъ объясненія, а тѣмъ не подкрѣпить, но развѣ только ослабить производимое статьею впечатлѣніе. Разъясненія мои, какъ бы полны, хороши и основательны они не были сами по себѣ, всегда будутъ оставаться только *моими* объясненіями и, какъ таковыя, не могутъ почитаться чертами самоопредѣленія церковнаго. *Мои* объясненія легче и перетолковывать, и перетасовывать и опровергать болѣе или менѣе ловкими софизмами. Вполнѣ понятно, что всякому противнику и г. Розанову въ томъ числѣ пріятнѣе видѣть передъ собою ихъ, чѣмъ неотразимый строй свидѣтельствъ самоопредѣленія церковнаго, вполнѣ обличающихъ „ихъ теоріи". По-

лезнѣе для нихъ вызвать меня на объясненія отъ своего лица и отъ своего имени. Но для предупрежденія попытки торжества надъ истиною считаю долгомъ предупредить читателей, что теоріи гг. Розанова и Тихомирова опровергаются не моими, болѣе или менѣе слабыми разъясненіями высказаннаго святыми отцами, а самимъ содержаніемъ высказаннаго ими, къ каковому содержанію я и прошу возвратиться читателя, если его хотя сколько нибудь могли смутить разсужденія и оговорки г. Розанова. Я далъ только болѣе или менѣе вѣрную руководящую нить къ пониманію; они выражаютъ незыблемую истину церковную.

Но г. Розановъ негодуетъ и на самый избранный мною способъ доказательства „антицерковности" ихъ „ученія черезъ противопоставленіе ему обильныхъ свято-отеческихъ свидѣтельствъ. Возставая противъ свободы вообще, г. Розановъ не доволенъ тѣмъ, что такой способъ доказательства въ значительной степени стѣсняетъ *ихъ* свободу сочинять православіе по своему соизволенію. Онъ требуетъ отъ меня, чтобы я доказалъ несовмѣстимость „нашихъ", какъ говоритъ онъ, теорій съ какою нибудь вѣчною, необходимою чертою христіанства или Церкви, не замѣчая, что именно эта несовмѣстимость, безъ всякихъ съ моей стороны поясненій, многократно уже указывается въ самомъ приведенномъ мною сводѣ свидѣтельствъ. Мнѣ незачѣмъ было разсуждать самому, когда до меня разсуждали сильнѣйшіе и славнѣйшіе. Вызвавшій негодованіе г. Розанова методъ доказательства „антицерковности" изобрѣтенъ не мною; онъ установленъ и освященъ исконнымъ обычаемъ Церкви, отъ имени которой мнѣ и предстояло дать отвѣтъ „*ихъ* теоріямъ". Онъ — этотъ методъ заключается только въ слѣдованіи преданію и прекрасно выражается слѣдующими классическими словами Винкентія Леринейскаго. „Истинно и собственно каѳолическимъ, какъ видно изъ самаго слова, слѣдуетъ почитать то, что обнимаетъ всѣхъ вообще. Но это достигается только тогда, когда мы слѣдуемъ всеобщности, древности и согласію. Мы слѣдуемъ древности, если не отступаемъ нисколько отъ тѣхъ убѣжденій, древнее исповѣданіе которыхъ ясно для насъ. Мы слѣдуемъ согласію, если и изъ самой древности принимаемъ къ руководствованію опредѣленія всѣхъ или почти всѣхъ пастырей и учителей". Такъ, по мѣрѣ возможности и вѣдѣнія нашего, поступили и мы, взявъ опредѣленія главнѣйшихъ и особо уважаемыхъ пастырей и учителей. Такъ поступали между прочимъ и вселенскіе и иные соборы, полагая въ основу своихъ разсужденій болѣе или менѣе многочисленныя выдержки изъ возможно большаго числа св. отцовъ. Такими выдержками искони подтверждалося, что исповѣдуемая вѣра „есть вѣра праведная, унаслѣдо-

ванная отъ св. отцовъ“ и наоборотъ отвергалося всякое иноученіе, какъ противоположное и противорѣчащее преданію или просто на просто не согласное съ нимъ, имъ не подтверждаемое. (Подробнѣе см. „Не угашайте духа“ стр. 66). „Обратившись къ словамъ св. отцовъ, пишетъ между прочимъ Кириллъ о Несторіи, постараемся принять ихъ за главное руководство и испытывая самихъ себя: въ вѣрѣ ли мы?—будемъ наши собственныя сужденія, сколь можно вѣрнѣе, соображать съ ихъ вѣчными и непорочными мыслями“. И странное дѣло! Бывали, конечно, случаи, когда уличаемые иномыслящіе пытались противопоставлять одни выдержки другимъ или противопоставлять однихъ церковныхъ писателей другимъ, но никогда, положительно никогда не оправдывали они себя голословною оговоркой, что можетъ быть, у тѣхъ же отцовъ найдется что либо и противорѣчащее только что приведенному и потому клонящееся въ ихъ пользу. А между тѣмъ именно къ такому-то способу самоутѣшенія и самооправданія и прибѣгаетъ г. Розановъ. Оттого то и требуетъ онъ отъ меня умозрительнаго построенія. „Только тогда, говоритъ онъ, станетъ ясно, что не только тѣ отцы Церкви, мнѣнія которыхъ онъ привелъ, не могли учить иного, какъ онъ указываетъ (т. е. противорѣчить самимъ себѣ), но что и всякій учитель Церкви (а мы можемъ такихъ ожидать еще) будетъ необходимо учить также. Безъ этого же мы въ правѣ думать, что тѣ опредѣленныя слова, которыми онъ надѣется убѣдить насъ, относятся къ частнымъ обстоятельствамъ своего времени и мѣста, имѣли въ виду нужду дня, на которую отвѣтивъ, не сохраняютъ какой либо принудительной силы для нуждъ нашихъ дней, совершенно противоположныхъ прежнимъ“.

Надѣюсь, что на приведенныхъ выше примѣрахъ,—а сказанное относится и ко всѣмъ остальнымъ,—я доказалъ уже съ достаточною убѣдительностью, что св. отцы проповѣдывали необходимость свободы и предосудительность принужденія, отнюдь не примѣняяся къ обстоятельствамъ своего мѣста и времени и отнюдь не имѣя въ виду нуждъ дня или по крайней мѣрѣ только ихъ, а исходя изъ самой природы вѣры, изъ необходимости свободнаго самоопредѣленія человѣческаго, изъ направленной ко спасенію воли Божіей, изъ самаго домостроительства спасенія и т. д. Они доказывали именно несовмѣстимость теоріи г. Розанова не съ одною какою, но со многими, безспорно „вѣчными и необходимыми чертами христіанства или Церкви“. Только г. Розановъ остался глухимъ и слѣпымъ къ этимъ многократнымъ и многочисленнымъ указаніямъ и принудилъ меня къ предлагаемымъ въ настоящее время поясненіямъ.

Г. Розановъ утѣшаетъ себя надеждою, что приведенныя мною свидѣтельства св. отцовъ, будучи, можетъ быть, вызваны только нуждами дня, только обстоятельствами мѣста и времени, не сохраняютъ какой-либо принудительной силы „для нуждъ нашихъ дней, *совершенно противоположныхъ* прежнимъ“. Надѣюсь, что я уже отчасти разрушилъ или поколебалъ это самоутѣшеніе г. Розанова. Вполнѣ сдѣлать я этого не могъ, такъ какъ г. Розановъ захотѣлъ поразить меня, не дождавшись окончанія моей статьи, заставъ развитіе мысли моей еще только на половинѣ. Но въ чемъ видитъ г. Розановъ совершенную противоположность нашихъ дней прежнимъ по отношенію къ религіознымъ нуждамъ? Почему наше время представляется г. Розанову находящимся въ какомъ-то совершенно особенномъ положеніи? Если сравнить его съ временами, недавно прошедшими, то исключительною особенностью явится, если можно такъ выразиться, только своего рода тоска по религіи, религіозное пробужденіе съ одной стороны, а съ другой—негодованіе на это колеблющееся пробужденіе, идущее не твердыми еще и не вѣрными шагами и не сразу входящее въ искомую форму,—негодованіе, по отношенію къ которому гг. Розановъ и Тихомировъ являются главными запѣвалами, стремящимися доказать, что можно быть религіозными учителями, ничего порядкомъ не зная и ни съ чѣмъ въ преданіи не стѣсняясь. Если сравнить наше время со всею вереницею давно-прошедшихъ временъ, то и тогда желательной для г. Розанова „совершенной противоположности“ все-таки далеко не получится. Церковь всегда была раздираема ересями, и зачастую въ этомъ отношеніи положеніе ея представлялось гороздо болѣе даже печальнымъ, хотя сама она и проявляла гораздо болѣе напряженія и силы, въ лицѣ нѣкоторыхъ, отдѣльныхъ членовъ ея. Съ самыхъ уже раннихъ поръ приходилось ей имѣть дѣло и съ монтанистами, и съ іудействующими безчисленнаго количества оттѣнковъ, и съ многоглавою гидрою гностицизма, и съ манихействомъ, ширившимся и распространявшимся повсюду. Затѣмъ ереси почти непрерывною чередой выступали другъ другу на смѣну. Холодность къ религіи не была диковинкою уже съ того времени, какъ недобровольно присоединилися къ Церкви и римская армія, и синклитъ и дворъ, а затѣмъ и варварскіе народы подподавшіе вліянію восточнаго и западнаго Рима. Невѣріе не разъ и не два поднимало свою голову, выражаяся то въ собственномъ своемъ, незамаскированномъ видѣ, то подъ видомъ „безвѣрной вѣры“, ничѣмъ въ сущности отъ него не отличающейся. Золотого вѣка своего, Церковь, какъ цѣлое, на землѣ еще не имѣла; онъ лежитъ только впереди ея. Печальную, крайне печальную картину состоянія церковнаго изображаютъ передъ нами и Григорій Богословъ, и Зла-

тоустъ, и Исидоръ Пелузскій, не жалѣя красокъ и не почитая предосудительнымъ такое обличеніе. Приведемъ для краткости только слова Кирилла Іерусалимскаго, представляющій одно изъ самыхъ мягкихъ описаній недуговъ церковнаго общества: „Отступленіе и нынѣ есть. Ибо люди отступаютъ отъ истинной вѣры, и нѣкоторые проповѣдуютъ Сыно-Отечество, а другіе дерзаютъ говорить, что Христосъ изъ небытія въ бытіе приведенъ. Отступили люди отъ истины, *чешемы слухомъ* (2 Тим. II, 4). Слово лестное для самолюбія—и всѣ слушаютъ съ удовольствіемъ. Слово объ обращеніи—и всѣ отвращаются. Большая часть отступила отъ правильныхъ понятій и удобнѣе избираютъ злое, нежели соглашаются на доброе. Вотъ то отступленіе, послѣ котораго надо ожидать врага". (Русск. пер., стр. 316). Не было недостатка и въ даровитыхъ нарушителяхъ церковнаго покоя. Не одинъ Левъ Толстой поднимался изъ области гностицизма; своего рода христіанскій соціализмъ имѣлъ своимъ представителемъ талантливаго Карпократа, проповѣдника аномизма; сиріецъ Бардесанъ привлекалъ къ ереси пѣснотворческою силой; Ѳеодоръ Мопсуестскій былъ во всякомъ случаѣ опаснѣе Владиміра Соловьева и превосходилъ его и ученостью и талантомъ. Ничто не оправдываетъ такимъ образомъ предположеній г. Розанова, что исключительный характеръ нашихъ дней требуетъ и исключительныхъ мѣръ, что нужды нашихъ дней совершенно противоположны прежнимъ. Всѣ эти завѣренія и возгласы не имѣютъ подъ собой рѣшительно никакой почвы. Никакихъ исключительныхъ мѣръ не требуется по той простой причинѣ, что никакого исключительнаго положенія не существуетъ, какъ это ясно для всякаго съ церковной исторіей мало-мальски знакомаго. Все дальнѣйшее изложеніе, служащее какъ бы подтвержденіемъ противуположной мысли, представляетъ у г. Розанова только дикій наборъ дикихъ возгласовъ, предназначенныхъ для всеобщаго перепуга и для оправданія появленія „лжепророковъ" въ лицѣ гг. Розанова и Тихомирова. Невольно припоминаются такіе же возгласы всевозможныхъ сектантовъ; возвѣщавшихъ появленіе антихриста и паденіе вѣры и кормившихся проповѣдью своею. „Въ эпохи, когда Церковь была угнетаема извнѣ, естественно было требовать для нея свободу (?) для сохраненія вѣры, для несмущаемости молитвъ, для проявленія всякой ревности о Богѣ". Такъ разрѣшаетъ г. Розановъ. Мы видѣли уже, что выразители церковнаго убѣжденія—отцы доказывали необходимость свободы, исходя изъ другихъ совершенно побужденій, и что г. Розановъ только не понялъ этихъ побужденій. Но теперь, по мнѣнію г. Розанова иныя времена и иныя требованія. „Въ эпоху, когда упадокъ внутреннихъ силъ въ самихъ вѣрующихъ разстраиваетъ Церковь, такъ разсуждаетъ онъ, — выступаетъ требованіе закона (какого:

гражданскаго или церковнаго?) какъ нѣкотораго неуклонно принимаемаго (почему?) требованія религіозной совѣсти" (чьей?). Неопредѣленность выраженій, побудившая меня поставить всѣ эти вопросы, требуетъ болѣе точнаго выраженія мысли.

„Законъ есть нѣкоторое неуклонно принимаемое къ исполненію требованіе религіозной совѣсти, а этотъ законъ въ свою очередь предъявляетъ свое требованіе (къ кому?), когда упадокъ внутреннихъ силъ въ самихъ вѣрующихъ разстраиваетъ Церковь". Таковъ единственный смыслъ, который можно придать сочетанію словъ, производимому г. Розановымъ. Но и при такомъ построеніи смыслъ остается все-таки чрезвычайно еще туманнымъ и гадательнымъ. О какомъ законѣ говоритъ г. Розановъ: о законѣ церковномъ, о законѣ нравственномъ или о законѣ государственномъ? Выраженіе „неуклонно принимаемый къ исполненію" намекаетъ на необходимость полицейскаго содѣйствія, а слѣдовательно и на законъ государственный. Но какой именно подразумѣвается законъ? существующій въ положительномъ законодательствѣ или долженствующій еще быть изданнымъ ad hoc, а пока носящійся только въ воображеніи г. Розанова? Но имѣется ли уже такой законъ или слѣдуетъ еще его придумать, во всякомъ случаѣ назначеніе его—подъемъ внутреннихъ силъ въ самихъ вѣрующихъ, для предотвращенія разстройства церковнаго, ибо упадокъ таковыхъ силъ разстраиваетъ въ настоящее время Церковь. Въ чемъ же можетъ заключаться такой законъ? Каковы предъявляемыя имъ требованія, которыя, по словамъ г. Розанова, уже выступаютъ (гдѣ и въ чемъ?) въ нашу эпоху, когда упадокъ внутреннихъ силъ въ самихъ вѣрующихъ разстроиваетъ Церковь. Закона вообще для этой цѣли, разумѣется, нѣтъ. Ни о чемъ такомъ не задумывается г. Розановъ. Для него достаточно только слова „законъ" и признанія закона этого требованіемъ религіозной совѣсти. Но религіозной совѣсти чьей? Самихъ вѣрующихъ, пораженныхъ упадкомъ внутреннихъ силъ? Религіозной совѣсти малаго стада, не подвергнувшагося этому пораженію? Религіозной совѣсти извѣстнаго кружка? Или, наконецъ, отвлеченной религіозной совѣсти, которую нужно еще опредѣлить? Требованія въ этихъ четырехъ случаяхъ могутъ быть несомнѣнно весьма различны, а потому и законъ, выражающій эти требованія, можетъ быть тоже весьма различенъ. Но г. Розановъ ни надъ чѣмъ этимъ не задумывается. Для него достаточно внушительныхъ громкихъ словъ „законъ", „требованія религіозной совѣсти (разумѣется, когда они выражаются въ видѣ закона) и—что важнѣе всего „неуклонная принимаемость къ исполненію". Собственно говоря, эта „неуклонная принимаемость" является единственною, конкретною чертою во всемъ изложеніи г. Розанова, ибо законъ его загадаченъ и

безсодержателенъ, а религіозная совѣсть представляется еще болѣе туманной. Что же касается неуклонной принимаемости, то это намѣченный фактъ, для котораго тотчасъ же можетъ быть призванъ и исполнитель, согласный дѣйствовать даже и безъ выясненія остальныхъ элементовъ неопредѣленной тройственности. Еще болѣе дикіе возгласы слѣдуютъ за этимъ указаніемъ на требованія закона, являющагося неуклонно принимаемымъ требованіемъ религіозной совѣсти въ предотвращеніе разстроивающаго Церковь упадка внутреннихъ силъ въ самихъ вѣрующихъ. „Молитва болѣе не произносится—какой свободы нужно для этого? Вѣра упадаетъ—въ чемъ еще ее не стѣснятъ? Христіанство разоряется—и что же, вѣрующіе, насколько ихъ осталось, должны отворить двери своихъ храмовъ для тѣхъ, которые хотятъ туда войти для глумленія". Послѣднее изобрѣтеніе г. Розанова совсѣмъ уже лишено смысла. Самая широкая проповѣдь свободы религіозной совѣсти, даже когда она исходитъ изъ чисто мірскихъ, госудурственныхъ, а не церковныхъ побужденій, даже когда она и не зиждется на словахъ и свидѣтельствахъ отцовъ Церкви, къ которымъ относится и кощунственное глумленіе, такъ какъ въ статьѣ моей я говорю только ихъ языкомъ,—не оправдываетъ глумленія надъ чужою вѣрою, какова бы ни была она, врыванія въ чужіе храмы, каковы бы они ни были, и не протестуетъ противъ государственныхъ законовъ, воспрещающихъ всякое святотатство такого рода. Напротивъ только отсутствіе религіозной свободы такого рода ободряетъ отчасти къ враждебному отношенію къ чужой святынѣ, къ непризнаванію ея святости для другихъ. Доказательствами тому переполнена вся исторія.

Ложное пониманіе религіозной святыни не разъ побуждало и врываться въ храмы, и оскорблять религіозное чувство и заблуждающихся и стоящихъ на высотѣ правоты безусловной, какъ только устранялось уваженіе къ религіозной совѣсти въ самой себѣ, къ ея правому или неправому, но искреннему отношенію къ Божеству, — къ религіозной совѣсти чужого раба? „Кто ты, осуждающій чужого раба? восклицаетъ апостолъ. Передъ своимъ Господомъ стоитъ онъ или падаетъ—и будетъ возстановленъ, ибо силенъ Богъ возстановить его". (Римл. XIѴ, 4). Каждый изъ насъ за себя дастъ отчетъ Богу; не станемъ же болѣе судить другъ друга, а лучше судите о томъ, какъ бы не подавать брату повода къ претковенію или соблазну (Римл. XIѴ, 12, 13). Будемъ искать того, что служитъ къ миру и ко взаимному назиданію (XIѴ, 19). Для чего моей свободѣ быть судимой чужою совѣстью, говоритъ тотъ же апостолъ. (1 Кор. X, 29). Совѣсть есть сила на того только, кто обладаетъ ею, направленная,—мѣрило и законодатель для его только

дѣйствій, а не повелитель и приневоливатель внѣшнихъ. Общественная, коллективная совѣсть, направлена также только на обладающихъ ею, на входящихъ въ строй зиждущагося на ней общенія, а не налагательница ярма закона на внѣшнихъ. Принявъ на себя такое противорѣчащее ей назначеніе, она отвергала бы самое себя, самую сущность свою и содержаніе, ибо, дѣйствуя такъ, обращалась бы въ внѣшнюю мѣрку, требовала бы отъ людей, чтобы они не совѣстью своей руководились, не по совѣсти жили, не по совѣсти вѣрили и исповѣдывали. Храмы вѣрующихъ защищены отъ врыванія глумящейся толпы не нарушающими свободу законами, не отрицаніемъ правъ чьей бы то ни было религіозной совѣсти, а напротивъ, зиждущимся на свободѣ правиломъ suum cuique,— вѣчнымъ, но осмѣиваемымъ въ настоящее время началомъ справедливости (aequitas), выражающимся и словами Христа: „какъ вы хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними", и словами апостола: „для чего моей свободѣ быть судимой чужою совѣстью", составляющими естественное послѣдствіе завѣта: „не судите, да не судимы будете". Попиравшіе свободу религіозной совѣсти агенты отступившаго Рима врывались для глумленія въ собранія альбигойцевъ и въ храмы гугенотовъ. Аріане и другіе еретики врывались для глумленія въ православные храмы. Римскіе язычники нарушали многообразную святость христіанскихъ молитвенныхъ собраній. И все это потому, что свободы религіозной совѣсти они не признавали, что свою частную или коллективную совѣсть ставили они внѣшнимъ мѣриломъ другихъ. Церковь осуждала даже исповѣдниковъ, ради мученій и смерти сокрушавшихъ статуи, языческихъ боговъ, оскорблявшихъ мнимую святость языческихъ религіозныхъ церемоній, мотивируя осужденіе свое тѣмъ, что всѣ такого рода насильственныя дѣянія вызываютъ злобу язычниковъ, искушаютъ ихъ на грѣхъ, поднимаютъ въ нихъ злыя чувствованія. Только въ уваженіи религіозной совѣсти всѣхъ — религіозной совѣсти правой равно какъ и заблуждающейся — Церковь усматривала охрану неприкосновенности религіозной своей святыни, сочувствуя въ этомъ отношеніи государству, какъ охранителю правила suum cuique.

Мы упомянули о заблуждающейся совѣсти, приноровляясь къ всеобщему пониманію словъ, къ современному человѣческому языку. Но бываетъ ли въ дѣйствительности совѣсть обманывающая, совѣсть заблуждающаяся? Нѣтъ! совѣсть есть праведный, нелицемѣрный судія во внутреннемъ судилищѣ каждаго человѣка. Просмотрите Писанія, глубокаго сердцевѣдѣнія, глубокаго психологическаго анализа которыхъ немыслимо, разумѣется, отрицать; они свидѣтельствуютъ о томъ. Никогда не говорятъ они о совѣсти кривой, ложной, злой, обма-

нывающей, а говорятъ только о совѣсти немощной, о совѣсти, количественно утратившей часть своего свѣта, часть своей ясности. Если свѣтъ, который въ насъ, есть тьма, то какова же тьма. Очевидно, что допускается ими только большая или меньшая сумрачность совѣсти, какъ допускается большая или меньшая немощность ея и слабость. Искра свѣта всегда есть, всегда остается въ качествѣ внутренняго обличителя и внутренняго судіи. Худою называемъ мы совѣсть только тогда, когда она причиняетъ намъ скорбь и мученія, т. е. тогда именно, когда производитъ она въ насъ спасающую свою работу, проявляетъ неугасающее свое достоинство. Если совѣсть причиняетъ намъ скорбь и мученіе, творитъ вообще безпокойство, то она есть добрая совѣсть въ полномъ значеніи этого слова; добрая же совѣсть, сама по себѣ, есть уже, разумѣется, добро. Но и немощная, слабая совѣсть все же творитъ болѣе, чѣмъ полная тьма и своею работою все же подвигаетъ къ свѣту и къ истинѣ, хотя по неполнотѣ своего проявленія и удовлетворяется неправымъ содержаніемъ мирится съ нимъ. Если же мы сдѣлаемъ свою совѣсть мѣриломъ не только своей, но и чужой дѣятельности, не только своего, но и чужого самоопредѣленія, обратимъ содержаніе ея въ многообразное ярмо закона, обязательное для ближнихъ и притомъ еще, какъ выражается г. Розановъ, „неуклонно пріемлемое“ въ виду, вѣроятно, многообразнаго же полчища аргусовъ за симъ наблюдающихъ,—не будетъ ли все это съ нашей стороны не только посягательствомъ на совѣсть ближняго, какъ источникъ самоопредѣленія, но и стремленіемъ къ полнѣйшему ея упраздненію.

На маломъ сравнительно примѣрѣ съ дивною мощью выясняетъ это священное право совѣсти самой по себѣ, — совѣсти слабаго, равно какъ и совѣсти сильнаго, — великій апостолъ народовъ, сохранявшій безукоризненность и по правдѣ законной. Сильнымъ въ вѣрѣ былъ для него тотъ, кто не различаетъ пищи, кто увѣренъ, что можно ѣсть все, и не различаетъ дней, зная, что всѣ они равны передъ Господомъ, тогда какъ немощный ѣстъ овощи и различаетъ дни. Что же? Внушаетъ ли апостолъ сильному поработить своей совѣсти совѣсть немощнаго? Предписываетъ ли онъ немощному заглушить въ себѣ голосъ собственной совѣсти и подчинить ее державной совѣсти сильнаго. Нѣтъ! всеконечно, нѣтъ. Всякій долженъ для него имѣть мѣриломъ свидѣтельство своей совѣсти, свидѣтельство своего *ума*—νοῦς, какъ совокупности силъ духовныхъ. (Римл. XIV, 1—5). Отсюда не слѣдуетъ, конечно, чтобы апостолъ считалъ и сильныхъ и немощныхъ одинаково правыми, одинаково совершенными. Разумѣется, нѣтъ. Но и сильные и немоществующіе при этомъ условіи и только при немъ одинаково стоятъ на правомъ пути,

внѣ котораго никакая заслуга и никакое оправданіе невозможны. „Кто различаетъ дни, для Господа различаетъ и кто не различаетъ дни, для Господа не различаетъ. Кто ѣстъ, для Господа ѣстъ, ибо благодаритъ Бога и кто не ѣстъ, для Господа не ѣстъ и благодаритъ Бога. (Римл. XIѴ, 6). Каждый изъ насъ за себя дастъ отчетъ Богу“ (12). Что же оказывается, если сильному удается поработить совѣсть слабаго? Какой плодъ приноситъ такое порабощеніе? „Ты имѣешь вѣру? имѣй ее самъ въ себѣ, передъ Богомъ. Блаженъ, кто не осуждаетъ себя въ томъ, что избираетъ. А сомнѣвающійся, если ѣстъ, осуждается; потому что не по вѣрѣ, а все, что не по вѣрѣ—грѣхъ“. (Римл. XIѴ. 22, 23). Итакъ, сильный ли въ вѣрѣ порабощаетъ совѣсти своей совѣсть немощнаго, немощный ли въ сонмѣ подобныхъ ему силится подчинить своей мѣркѣ совѣсть сильнѣйшихъ, плодъ порабощенія въ обоихъ случаяхъ остается одинъ и тотъ же—жизнь не по совѣсти, жизнь не по вѣрѣ, а жизнь не по вѣрѣ есть грѣхъ. Порабощеніе совѣсти ближняго равносильно упраздненію совѣсти или, точнѣе, покушенію на такое упраздненіе, ибо всецѣлымъ, полнымъ торжествомъ такое покушеніе вѣнчаться не можетъ. Совѣсть заглушается, обрекается на бездѣйствіе и коснѣніе, тормозится въ жизненномъ отношеніи и въ жизненной силѣ, хотя всецѣло уничтожаема или искореняема быть не можетъ. Но если обрекается на коснѣніе совѣсть многихъ, то поражается, повергается въ бездѣйствіе, замираніе и соборная (коллективная) совѣсть того общественнаго союза, къ которому эти увѣчимые въ совѣсти люди принадлежатъ или въ которомъ они ожичислятся, слабѣетъ связь общенія и духовный подъемъ, отъ него ожидаемый.

Знаемъ возраженіе, готовое уже сорваться съ устъ нашихъ противниковъ. Не разъ, не два, а десятки и сотни разъ прибѣгало уже къ нему невѣріе, силящееся въ общежитіи выдавать себя за вѣру, а, можетъ быть, и заправду мнящее себя таковою. „Совѣсть, скажутъ они, бываетъ различная, подсказываетъ различное, а въ великомъ множествѣ людей замираетъ и окончательно, т. е. все равно какъ бы вовсе и не существуетъ“. Мудрые міра сего, провозглашающіе таковую хулу на совѣсть, а можетъ быть, и на Духа, въ совѣсти дѣйствующаго и черезъ совѣсть взывающаго, мнятъ себя, очевидно, мудрѣе Писанія, мудрѣе Церкви, мудрѣе Отцовъ, бывшихъ и сущихъ ея выразителями. До состоянія льна курящагося можетъ умалиться въ человѣкѣ совѣсть, но всецѣло загаснуть она не можетъ, и свѣтъ, проливаемый ею, остается все тѣмъ же, не вечерѣющимъ свѣтомъ, все равно блещетъ ли онъ ярче всякаго солнца или мерцаетъ и свѣтится малѣйшею искрою. Всегда и во всякомъ случаѣ онъ есть отблескъ всегда одного и того же свѣта, освѣщающаго всякаго

человѣка, приходящаго въ міръ, и разнится въ силѣ, въ объемѣ, а не въ самой своей сущности и природѣ. Оставаясь всегда тожественнымъ по происхожденію своему, этотъ свѣтъ совѣсти всегда, каковъ бы ни былъ онъ, сохраняетъ и тожественность своего значенія и въ жизни человѣческой и въ домостроительствѣ человѣческаго спасенія, ибо только опредѣляемое имъ, по его предрѣшенію и указанію совершаемое добро имѣетъ нравственное достоинство, ведетъ къ оправданію, а все въ нравственной области помимо его производимое, есть грѣхъ, по словамъ апостола.

Сравнительно малъ примѣръ яденія и неяденія, которымъ поясняетъ апостолъ стремленіе къ порабощенію совѣсти ближняго и послѣдствія такого покушенія, ибо современная апостолу религіозная жизнь не представляла болѣе великихъ по замыслу своему покушеній. Златоустъ сопровождаетъ рѣчь апостола слѣдущими словами: „Ты не только не созидаешь, какъ думаешь, (т. е. совершая порабощеніе) говоритъ апостолъ, но разоряешь и разоряешь не человѣческое дѣло, а Божіе; притомъ разоряешь не для чего либо важнаго, но для маловажной вещи — брашна ради. Потомъ, дабы такою снисходительностью не утвердить брата въ худыхъ мысляхъ, опять обращается къ положенію и говоритъ такъ: „вся бо чисто, но зло человѣку, претыканіемъ ходящему“, то есть съ лукавою совѣстью. Ежели ты принудишь, и онъ станетъ ѣсть, ни малой не будетъ въ томъ пользы. Не явства дѣлаютъ нечистымъ, а расположеніе съ какимъ ѣшь. Посему, ежели не исправишь расположеніе, то весь твой трудъ напрасенъ, даже вреденъ. Иное дѣло почитать что нечистымъ и иное ѣсть, что почитаешь нечистымъ. Въ послѣднемъ случаѣ грѣшишь ты вдвое: своимъ споромъ усиливаешь предразсудокъ и заставляешь ѣсть почитаемое нечистымъ. Доколѣ не убѣдишь, дотолѣ не принуждай“. (Толкованіе на посланіе къ Римл. 1855 стр. 616 сл.).

Только то творится человѣкомъ на добро и на спасеніе, что внушается совѣстью, опредѣляется совѣстью, составляетъ выраженіе совѣсти; все же, помимо ея совершаемое, есть грѣхъ, если не принадлежитъ къ области безразличнаго. Прислушаемся же къ словамъ того же Златоуста: „И прежде слово довольно доказало намъ, что въ насъ лежитъ естественный законъ добра и зла; но чтобы доказательство было намъ яснѣе, займемся и теперь опять тѣмъ же предметомъ. Что Богъ при самомъ сотвореніи человѣка сдѣлалъ его знающимъ и то и другое, это показываютъ люди. Такъ всѣ мы, когда грѣшимъ, стыдимся... Опять, когда бранятъ насъ худыми словами, мы называемъ это обидой и сдѣлавшихъ это влечемъ въ судъ... Такъ знаемъ мы, что такое порокъ и что добродѣтель.

Это самое и Христосъ, показывая и объясняя, что Онъ заповѣдуетъ не что либо новое или превышающее нашу природу, *но то, что искони уже вложилъ въ нашу совѣсть*, по изреченіи многихъ тѣхъ блаженствъ сказалъ такъ: елико аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы и вы творите имъ такожде (Матѳ. VII, 12). *Не нужно*, говоритъ, множества словъ, ни *пространныхъ законовъ, ни разнообразнаго наставленія; воля твоя да будетъ закономъ*. Хочешь ты получать благодѣянія? облагодѣтельствуй другого; хочешь, чтобы тебя миловали, помилуй ближняго; хочешь, чтобы тебя любили? полюби самъ; хочешь пользоваться первенствомъ? уступи его другому: *Самъ будь судьею, самъ будь законодателемъ твоей души*" (Сл. къ Антіох. нар., 439). Въ силу чего же можетъ представляться такой нравственный самосудъ человѣку и такое широкое самозаконодательство воли? Златоустъ указываетъ на природу, на содержаніе, искони вложенное Христомъ въ нашу совѣсть, на самую совѣсть, какъ непогрѣшимое мѣрило. Можетъ ли быть нравственность чисто природною, прирожденною? „И грѣхъ и добродѣтели не въ природѣ человѣка. Овца никогда не можетъ быть сварливою, потому что она отъ природы кротка; волкъ никогда не можетъ сдѣлаться кроткимъ, потому что свирѣпость у него отъ природы. (Оттого кротость не составляетъ добродѣтели овцы, какъ и свирѣпость — вины волка). Законы природы не нарушаются и не колеблются, но остаются неизмѣнными. Во мнѣ не такъ; но бываю и свирѣпымъ, когда захочу и кроткимъ, когда пожелаю, потому что я не связанъ природою, но одаренъ свободнымъ произволеніемъ". (Слово о Лазарѣ, 178). „Со стороны Бога величайшее благодѣяніе, что Онъ нашу совѣсть и волю расположилъ любить добродѣтель, а противъ грѣха враждовать еще до совершенія ихъ на дѣлѣ. Итакъ, какъ сказалъ я, знаніе о той и о другомъ положено въ совѣсть всѣхъ людей, и мы *не нуждаемся ни въ какомъ учителѣ, чтобы узнать объ нихъ*, а самое исполненіе *предоставлено уже свободѣ*, старательности и трудамъ нашимъ. Почему такъ? Потому, что если бы Богъ все сдѣлалъ даромъ природы, мы остались бы безъ вѣнцовъ и безъ наградъ (т. е. и безъ заслуги); и какъ безсловесныя за тѣ совершенства, которыми обладаютъ они по природѣ, не могутъ получать ни наградъ ни одобренія, такъ и мы не получили бы ничего этого. Ибо совершенства естественныя служатъ къ похвалѣ и чести не обладающихъ, а давшаго ихъ. Такъ вотъ почему Богъ не предоставилъ всего природѣ. Съ другой стороны, не допустилъ Онъ и свободѣ взять на себя все бремя и знанія и исполненія, чтобы она не ужаснулась труда добродѣтели; напротивъ, *совѣсть* предписываетъ ей что дѣлать, а къ исполненію этого она сама приноситъ отъ себя труды". (Слово къ Антіох. нар., 441).

Итакъ, по ученію Златоуста, руководительницею осуществляющейся свободы, какъ творческаго самоопредѣленія человѣческаго является и должна являться совѣсть, въ силу искони вложеннаго въ нее Богомъ содержанія. Усыпаетъ ли и замираетъ ли эта совѣсть такъ легко и такъ часто, какъ завѣряютъ хулители? Опять у того же Златоуста найдемъ мы болѣе чѣмъ подробный отвѣтъ. „Для чего же Богъ и поставилъ въ душѣ нашей этого непрерывно бодрствующаго и неусыпнаго судью — разумѣю совѣсть? Ибо нѣтъ, нѣтъ между людьми ни одного судіи, столь неусыпнаго какъ наша совѣсть. Внѣшніе судіи и деньгами подкупаются, и лестію смягчаются и отъ страха потворствуютъ, и много есть другихъ вещей, которыя извращаютъ правоту ихъ суда; но судилище совѣсти ничему такому не подчиняется: станешь ли сулить деньги, будешь ли льстить и угрожать или другое что дѣлать,—она произнесетъ строгій приговоръ на грѣховные помыслы— и сдѣлавшій грѣхъ самъ осуждаетъ себя, хотя бы никто другой не обвинялъ его. И это дѣлаетъ совѣсть не однажды не дважды, но многократно и во всю жизнь и хотя бы прошло много времени, она никогда не забываетъ сдѣланнаго, но сильно обличаетъ насъ и при совершеніи грѣха и до совершенія и по совершеніи и особенно по совершеніи“. (Бесѣды о Лазарѣ, 116). „Взгляни въ душу грѣшника—и увидишь, что умъ (νοῦς), какъ на судилище взошелъ на царскій престолъ совѣсти и подобно судіи сидитъ, разставляетъ вокругъ помыслы, какъ палачей, истязуетъ душу и терзаетъ за грѣхи, крѣпко встаетъ на нее, между тѣмъ, какъ никто не знаетъ о семъ, кромѣ Бога это видящаго“. (Тамъ же, стр. 47).

Итакъ свободное самоопредѣленіе человѣка само собою приводило бы къ добру, къ нравственному совершенству, будучи руководимо недремлющимъ и неподкупнымъ педагогомъ, судьею и стражемъ—совѣстью, отъ Бога пріемлющей сущность своего содержанія. На пути къ этому добру, къ этому нравственному совершенству возстаетъ препятствіемъ только отсутствіе или недостаточность свободнаго самоопредѣленія, возникающая вслѣдствіе того, что человѣкъ отдается во власть внѣшнихъ обстоятельствъ, позволяетъ внѣшнему міру опредѣлять себя и свою дѣятельность, отдается въ большей или меньшей степени во власть внѣшняго воздѣйствія. Жизнедѣятельность человѣка, въ виду этого-то слабаго или сильнаго, сознательнаго или несознательнаго, произвольнаго или непроизвольнаго порабощенія становится въ большей или меньшей степени механическимъ отголоскомъ механическихъ силъ внѣшняго міра. Властелинъ природы становится рабомъ внѣшняго міра, какъ всякая составная часть его, какъ всякая часть міроваго механизма. Гнетущую и толкающую его механическую силу, приз-

навая се въ себѣ какъ склонность, наклонность, влеченіе, тяготѣніе къ чему либо, страсть, похоть и т. п., нерѣдко почитаетъ онъ въ самообольщеніи своею волею, своимъ самоопредѣленіемъ и облекаетъ ихъ маревомъ не существующей для него свободы.

„Я царь! Я свободенъ!“ мнитъ напр. скупецъ въ родѣ Пушкинскаго рыцаря, сидя надъ своими золотыми грудами и не замѣчая того, что онъ самъ служитъ имъ и притомъ „какъ алжирскій рабъ, какъ песъ цѣпной“, что не онъ даетъ имъ опредѣленіе а они опредѣляютъ его и всю его жизнедѣятельность, хотя матеріальныя воздѣйствія металла на матеріальный міръ сопровождаются въ этомъ мірѣ одними явленіями, а, коснувшись психической природы человѣка, разрѣшаются и другими отголосками, послѣдствіями, (рефлексами) вполнѣ однородными первымъ по характеру механической необходимости, по отсутствію начала свободы и произволенія. Въ другихъ примѣрахъ, въ другихъ натурахъ воздѣйствія внѣшняго міра являются болѣе многосложными, болѣе разнообразными, чѣмъ въ скупцѣ, но порабощеніе можетъ оставаться въ той же силѣ, достигать еще большихъ предѣловъ, или являться только болѣе или менѣе малосильнымъ тормазомъ въ дѣлѣ продолжающагося еще подвига свободы, самоопредѣленія человѣческаго. Чѣмъ же является совѣсть въ такого рода натурахъ — а мы всѣ болѣе или менѣе таковы? Замираетъ ли она совсѣмъ, прекращаетъ ли она вполнѣ свою дѣятельность, свое обличеніе? Мы уже видѣли, что такой смерти, такому уничтоженію она по природѣ своей не причастна. Она только заглушается гуломъ другихъ отголосовъ, раздающихся во внутреннемъ мірѣ человѣка въ качествѣ отголосковъ внѣшняго міра, затеривается въ ихъ числѣ, становится въ извѣстной степени отъ нихъ не отличимой, смѣшивается съ ними, утрачиваетъ ясность свою и отчетливость, но всецѣло преобразить своей дѣятельности не можетъ. Внутренній голосъ по прежнему продолжаетъ раздаваться въ порабощенномъ человѣкѣ, по прежнему совершаетъ въ немъ карающее свое назначеніе, хотя иногда „стенящій и трясущійся, какъ Каинъ“, и не въ состояніи отличить, въ чемъ собственно заключается волнующее его безпокойство,—и тщетно ищетъ забыться въ новомъ и новомъ подчиненіи міровому круговороту.

Что предписалъ бы въ этомъ случаѣ всевѣдущій врачъ? Возвратъ къ свободѣ, отрѣшеніе отъ гнета давящихъ внѣшнихъ воздѣйствій, попытку стряхнуть порабощающія цѣпи проявленіемъ воли, самоопредѣленія, духовный подвигъ, нудящій свободу, какъ нудится царство Божіе... Такъ разсуждалъ бы врачъ — христіанскій философъ. Божественный врачъ исцѣленіе такого недуга усматривалъ въ обновленіи, въ возрожденіи свыше, ведущемъ за собою возстановленіе исконной

свободы. Въ чемъ можетъ заключаться помощь со стороны ближняго или со стороны сонма ближнихъ такому возрожденію, обновленію, высвобожденію человѣка? Въ усиленіи и облегченіи въ немъ голоса совѣсти черезъ убѣжденіе словомъ или дѣломъ, черезъ согрѣвающую дѣятельность людей, которая, будучи сама дѣйствіемъ вѣры, способна и пробуждать вѣру. Г. Розановъ предлагаетъ и совѣтуетъ принужденіе, не имѣя въ усмотрѣніи своемъ другихъ средствъ. Но что такое принужденіе само по себѣ и къ чему можно принуждать, т. е., что можетъ быть его послѣдствіемъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ до чрезвычайности простъ и при томъ до чрезвычайности ясенъ, такъ какъ онъ можетъ быть только одинъ и исключаетъ возможность всякаго другого отвѣта. Принужденіе есть такое, посредственно или непосредственно носящее матеріальный характеръ внѣшнее воздѣйствіе, которое имѣетъ своею цѣлью вызовъ матеріальнаго же внѣшняго дѣйствія со стороны принуждаемаго или устраненіе такого же внѣшняго дѣйствія съ его стороны. Если принуждающій въ своей дѣятельности руководствуется образцомъ или, употребляя техническій терминъ, лекаломъ добра, то дѣятельность его сводится къ механизаціи добра, къ механическому производству добра черезъ ближнихъ въ качествѣ инструментовъ. Но механическое добро отнюдь не есть добро въ нравственномъ значеніи этого слова. Нравственное состояніе ближнихъ, какъ инструментовъ, не повышается черезъ него ни на іоту, а потому ни на іоту же не подвигается дѣло спасенія ихъ. Что вноситъ принужденіе въ душу и въ остатокъ нравственнаго міра принуждаемаго? Еще одно внѣшнее обстоятельство какъ опредѣляющее воздѣйствіе, въ дополненіе къ тому сонму внѣшнихъ обстоятельствъ, которымъ, въ качествѣ опредѣляющихъ силъ, уступилъ онъ свое самоопредѣленіе, поработилъ свою свободу. Оно является дополненіемъ къ тому недугу, которымъ уже страдаетъ онъ, а потому служитъ къ увеличенію и усложненію недуга, а не къ исцѣленію отъ недуга. Но именно этотъ-то самозданный недугъ и препятствуетъ спасающему воздѣйствію совѣсти, вложенной и настроенной самимъ Богомъ; именно этотъ-то самозданный недугъ и противится дѣлу Божьему внутри человѣка. Принужденіе, какъ увеличивающее недугъ, служитъ къ вящему заглушенію совѣсти въ человѣкѣ, а потому и къ погибели человѣка. Въ чемъ же можетъ заключаться принужденіе ради религіозныхъ цѣлей? Приведенные нами когда-то отцы, примѣнительно къ обстоятельствамъ своего времени, отожествляли его съ внесеніемъ въ человѣческую душу „страха Кесарева“ въ качествѣ руководящаго, двигающаго, побуждающаго мотива. Для г. Розанова прописываемый имъ движущій мотивъ долженъ былъ бы, примѣнительно къ нашему времени, отожествляться съ

страхомъ полицейскаго чина или полицейскаго взысканія. Что же? освобождаетъ онъ внесеніемъ этого страха и безъ того уже заглушенную совѣсть или еще болѣе заглушаетъ ее, обрекаетъ ее на еще большую порабощенность? Но вѣдь совѣсть — гласъ Божій, и вся бѣда заключается въ томъ, что она заглушается гуломъ другихъ голосовъ. Исцѣленіе ли произведетъ прибавка еще одного новаго голоса къ оглушающему концерту? Но вѣдь совѣсть — свѣтъ Божій въ человѣкѣ, и вся гибель человѣка отъ того происходитъ, что гряда облаковъ заволакиваетъ свѣтъ этотъ и омрачаетъ его для человѣка. Улучшится ли дѣло отъ того, что прибавлено будетъ еще одно новое облако? Нѣтъ! разумѣется, нѣтъ! погибель людей вслѣдствіе всѣхъ такого рода мѣропріятій будетъ только болѣе обезпечиваема; къ спасенію ихъ будетъ такого рода мѣропріятіями полагаться только новый тормазъ.

Знаемъ, напередъ знаемъ софистическую уловку противниковъ. „Принуждаемые, скажутъ они, чрезъ принужденіе, пожалуй, и не спасутся; вынужденная нравственность и лицемѣрное благочестіе, сдѣланныя для нихъ обязательными, послужатъ только къ вящей ихъ погибели. Но вѣдь они уже обречены на погибель; они погибли бы и безъ того, какъ чада погибели. Не спасая ихъ, направленное на нихъ и сдерживающее ихъ принужденіе очиститъ, однако, поприще для спасенія другихъ, облегчитъ другимъ требующееся спасеніе“. Ну, а кто же облекъ васъ властью сокрушать тростники надломленные и погашать льны курящіеся, совершать человѣкогубительство, предварять Божій судъ и Божіе дѣло, опредѣляя по своему „чадъ погибели“? Если Богъ и язычникамъ предоставилъ свободу и время, „дабы они искали Бога, не ощутятъ ли Его и не найдутъ ли, хотя Онъ и не далеко отъ каждаго изъ насъ, ибо мы имъ живемъ и движемся и существуемъ“ (Дѣян. XVII 27 — 28), то почему же вы предвосхищаете власть Его и судъ Его по отношенію къ тѣмъ, у которыхъ исканіе Бога ясно и неясно, сознательно и несознательно сказывается все болѣе и болѣе на сотни ладовъ? Почему вы знаете „не ощутятъ ли они Бога и не найдутъ ли Его“ и полагаете тормазъ ихъ обновленію? Вы скажете, можетъ быть горделиво: „Неправда наша открываетъ правду Божію. Что дѣлать? Будемъ дѣлать зло, чтобы вышло добро“, какъ высказывали нѣкоторые, по словамъ апостола. Отчего же не сказать тогда прямо съ отцами-іезуитами, могущими въ этомъ случаѣ служить образцомъ откровенности, что цѣль оправдываетъ средства, что для блага однихъ можно-де принести въ жертву другихъ? Но дѣланіе зла ради того, чтобы вышло добро, осуждено апостоломъ и утвержденіе, что такъ учитъ христіанство, признано имъ клеветою. (Римл. III, 8). Нельзя же стрѣшаться отъ Христа

для торжества дѣла христіанства. Впрочемъ можетъ ли еще быть добро для многихъ изъ принужденія многихъ, добро для вѣрующихъ и колеблющихся изъ принужденія колеблющихся и невѣрующихъ. Колеблющіеся въ невѣріи и колеблющіеся въ вѣрѣ будутъ одинаково подвергаемы принужденію, а потому и увѣченію въ свободѣ и въ совѣсти, какъ и невѣрующіе, признаваемые „чадами погибели", а потому, если и не будутъ прямо обрекаемы принужденіемъ на погибель, то во всякомъ случаѣ спасеніе ихъ будетъ существенно тормозиться черезъ нарушеніе или искушеніе ихъ свободы. Вѣрующіе? Для нихъ бы кажется опека могла почитаться совершенно излишней. Но развѣ не отзовется и на нихъ губительною заразою усиленная фабрикація безвѣрной вѣры? Что вѣрить? къ чему напрягать вѣру, когда безъ того волей-неволей приходится проявлять ее и безъ всякаго внутренняго напряженія соблюдать, независимо отъ нея, истекающіе изъ нея завѣты. А лицемѣріе— естественное послѣдствіе принужденія? Развѣ неизвѣстны заразительныя его свойства? Страшно приводить слова Павла о вліяніи пришедшихъ отъ Іакова на Петра, пребывавшаго въ Антіохіи, когда вмѣстѣ съ нимъ лицемѣрили и прочіе іудеи, такъ что даже Варнава былъ увлеченъ ихъ лицемѣріемъ (Галат. II 12, 13).

После затянувшагося разсужденія о совѣсти и омраченіи ея отсутствіемъ или ограниченностью свободнаго самоопредѣленія вернемся снова къ опасенію г. Розанова, что ищущіе религіозной свободы затребуютъ, чтобы „вѣрующіе, сколько бы ихъ ни осталось, открыли свои храмы для врыванія глумящейся толпы". Какъ ни лишено смысла это высказываемое г. Розановымъ опасеніе, а мы уже дали на него возраженіе и снова вернемся къ нему, чтобы не осталось и слѣда страшныхъ словъ, которыми г. Розановъ пытается произвести желанный ему переполохъ общественнаго мнѣнія. Могутъ ли потребовать этого сторонники религіозной свободы? Разумѣется, нѣтъ. Если необходима для меня свобода религіозной моей совѣсти, то потому только, что она необходима и для всѣхъ, какъ условіе религіознаго развитія всѣхъ. Если такая свобода составляетъ необходимое для меня, неотъемлемое мое право, то потому только, что она составляетъ неотъемлемое право всѣхъ. Если я хочу, чтобы на охранѣ моего права стоялъ не мой кулакъ, не зависящая отъ меня расправа въ видѣ какого бы то ни было со стороны моей рукоприкладства, а justitia, suum cuique tribuens, то уже черезъ это я ставлю подъ охрану того же уважаемаго мною начала справедливости всякое религіозное чувство и всякую религіозную святость другихъ. Почему же не имѣетъ этой увѣренности г. Розановъ? почему онъ дрожитъ за свободу православныхъ храмовъ отъ глумленія врывающейся толпы въ то самое

время, когда расширяется рамка религіозной свободы? Да потому только, что онъ не признаетъ общаго для всѣхъ закона, потому что онъ „не можетъ вѣрить и сохранять вѣру въ истинность своего содержанія, не требуя для него свободы жизни, движенія, распространенія и въ то же время *ограниченій* для всего, что этому мѣшаетъ"; потому что онъ „въ законы чужой жизни заглянуть не можетъ и не долженъ, насколько самъ вѣритъ и хочетъ жить" (стр. 269), а потому и не можетъ уважать чужого религіознаго чувства. Для него свобода привлекательна только, какъ привилегія на ограничиваніе другихъ. Для г. Розанова, какъ самъ говоритъ онъ въ началѣ „Свободы и вѣры", идея „равенства" представляется чѣмъ-то нелѣпымъ и предосудительнымъ. Мы же съ глубокимъ уваженіемъ относимся ко всему этому, ибо, помимо уже доводовъ разума, все это указуется намъ и Писаніемъ и ученіемъ Церкви, какъ оно высказывается святыми отцами. Приведемъ на удачу одинъ только примѣръ изъ огромнаго количества имѣющихся въ нашемъ распоряженіи. „Законную власть не обращай въ варварство безчинными нравами, но украшай приличными ей дѣлами; съ унывающими духомъ обходись кротко, *низшихъ уравнивай съ высшими* и тогда возжешь свѣтлый пламенникъ правосудія, потому что *справедливость служитъ поджогою свѣтильнику добраго правленія*" (I 208). "Ничего не возможно столь славнаго у людей и столь похвальнаго передъ Богомъ, какъ придти въ состояніе дѣлать, что хочешь, а хотѣть и дѣлать всегда то, что *справедливо.* Такъ какъ возможность придти въ такое состояніе дается съ правомъ начальствовать, то сораствори съ этимъ правомъ *человѣколюбіе,* чтобы и послѣ начальствованія быть прославляемымъ" (Соправителю Серапіону II, 15). „Прекрасно, безцѣннѣйшій, управишь начальнически свое служеніе, если будешь неуклоннымъ хранителемъ *справедливости,* равно далекимъ отъ несправедливой и вражды и милости, а мечъ соблюдешь, сколько можно, незапятнаннымъ, предотвращая паденія угрозами" (Соправителю Авзонію III, 263). Обращаемъ вниманіе г. Розанова на эти перечисляемые св. отцемъ признаки христіанскаго правительства и христіанскаго государства: кротость, человѣколюбіе, справедливость, равненіе всѣхъ, снисходительность и т. п. Все это подъ гулъ проповѣди его и подобныхъ ему уже находится у многихъ въ подозрѣніи, и многими выражается стремленіе причислить все это какъ можно скорѣе къ сонму „забытыхъ словъ".

Но въ Церкви, если вѣрить г. Розанову, уже произошла или должна произойти существенная перемѣна; Церковь должна измѣниться въ самомъ существѣ своемъ. Свобода, видите ли, нужна была ей только тогда, „когда она была угнетаема извнѣ",—нужна была „для сохраненія вѣры, для

несмущаемости молитвъ, для проявленія всякой ревности о Богѣ“. Теперь же „выступаетъ требованіе закона, какъ нѣкотораго неуклонно принимаемаго къ исполненію требованія“. Прежде Церковь, независимо отъ угнетенія извнѣ, въ немъ или и при отсутствіи его, была областью свободы, какъ обитель Духа Святаго: идѣ же Духъ Господень—тамъ свобода. Прежде члены Церкви, какъ вѣрующіе, какъ освобожденные опознанною истиной, призывались къ свободѣ, къ стоянію въ свободѣ. Прежде полагалось, что всѣ освобожденные Сыномъ по истинѣ свободны (Іоаннъ VIII 36). Прежде вѣрилось, что и сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнія въ свободу славы дѣтей Божіихъ (Римл. VIII, 21). Прежде вѣрующіе приглашались вникнуть въ законъ совершенный, законъ свободы и пребывать въ немъ (Іак. I, 25)—и имъ внушалось поступать, какъ имѣющимъ быть судимыми по закону свободы (Іак. II, 12). Прежде руководившіеся Писаніемъ отцы разсуждали, что „Божественная Премудрость, чтобы не приходилось намъ доискиваться, что такое добродѣтель, собственное изволеніе каждаго положивъ въ основаніе совершеннѣйшему дѣлу, изрекла: вся елика хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ (Матѳ. VI, 12), а посему, имѣя въ себѣ самомъ правило добродѣтели, не ищи его у другихъ, но пользуйся домашнимъ сокровищемъ (Исидоръ Пелузск. IV, 54). Прежде утверждалось, что „Божественная благодать въ союзѣ съ человѣческимъ усердіемъ спасаетъ человѣка, потому что не одно призваніе (всѣ призваны, но не всѣ послушны), но и изволеніе званыхъ содѣлываетъ спасеніе, ибо призваніе сдѣлалось не принужденнымъ и невольнымъ, но добровольнымъ (Исидоръ Пелузск. IV 51). Теперь, по словамъ г. Розанова, все это уже не имѣетъ силы, отмѣнено, упразднено или должно упраздниться въ силу провозглашаемыхъ имъ реформъ. „Теперь, вѣщаетъ онъ, выступаютъ требованія закона, какъ нѣкотораго неуклоннаго принимаемаго къ исполненію требованія религіозной совѣсти“. Итакъ, настaлъ конецъ изволенію, самоопредѣленію свободному, какъ основамъ спасенія въ союзѣ съ призывающею благодатью; выступаютъ „требованія закона, какъ нѣкотораго, неуклонно пріемлемаго къ исполненію требованія“. При чемъ же остается слово апостола, что дѣлами закона не оправдается никакая плоть (Галат. II, 16)? И это—священымъ закономъ Моисеевымъ, а не предлагаемымъ г. Розановымъ закономъ, само содержаніе котораго остается еще намъ неизвѣстнымъ! При чемъ же слово апостола: закономъ я умеръ для закона, чтобы жить для Бога (Галат. II, 19)? При чемъ же наконецъ, слова того же апостола, что *конецъ* закона Христосъ, къ праведности всякаго вѣрующаго (Рим. X, 4), что законъ данъ былъ по причинѣ преступленій *до времени* пришествія сѣмени, къ которому относится обѣтованіе (Галат. III, 19), что только

„до пришествія вѣры мы заключены были подъ стражею закона, *до того*, какъ надлежало открыться вѣрѣ (Галат. III, 23), что законъ былъ для насъ дѣтоводителемъ ко Христу, дабы намъ оправдаться вѣрою (Галат. III, 24)? При чемъ же полнота временъ, закончившая наше порабощеніе вещественнымъ началамъ міра,—полнота времени, когда Богъ послалъ Сына Своего, который родился отъ жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконныхъ, дабы намъ получить усыновленіе? А какъ вы—сыны, то Богъ послалъ въ сердца ваши Духа Сына Своего, вопіющаго: Авва Отче! (Галат. IV, 4—6). Неужели снято съ насъ ярмо закона Моисеева для того только, чтобы мы приняли на себя законъ г. Розанова? Но вѣдь и законъ Моисеевъ далеко не во всей полнотѣ своей былъ „неуклонно принимаемымъ къ исполненію требованіемъ". Допустимъ даже, что законъ г. Розанова будетъ и относительно точнымъ и правильнымъ уложеніемъ православія, ничѣмъ въ содержаніи своемъ не возмущающимъ совѣсти истинно православныхъ людей. Сохранитъ ли исполненіе его основную суть христіанства, въ особенности при обращеніи его въ форму „неуклонно принимаемыхъ къ исполненію требованій?" Не будетъ ли такая попытка кощунственнымъ глумленіемъ надъ самою сутью христіанства, надъ отличительною его чертою? И законъ Моисеевъ былъ только мѣриломъ для внѣшняго выраженія правоты духовной въ обрядовыхъ и бытовыхъ своихъ предписаніяхъ, а не закономъ духа и внутренняго настроенія,—закономъ дѣлъ, а не законодательствомъ внутренняго міра, не выражаемымъ въ видѣ какихъ бы то ни было предписаній. „Если утверждающіеся на законѣ суть наслѣдники, то тщетна вѣра, бездѣйственно обѣтованіе, ибо законъ производитъ гнѣвъ, потому что, гдѣ нѣтъ закона, нѣтъ и преступленія (Рим. IV. 14, 15), но мы знаемъ, что законъ, если что говоритъ, говоритъ состоящимъ подъ закономъ, такъ что заграждаются всякія уста и весь міръ становится виновенъ передъ Богомъ, потому что дѣлами закона не оправдается передъ Нимъ никакая плоть; ибо закономъ познается грѣхъ. Но нынѣ, независимо отъ закона, явилась правда Божія,—правда Божія черезъ вѣру въ Іисуса Христа во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ" (Римл. III, 19—22). Христіанство въ образѣ закона выражаемо быть не можетъ, ибо предписываемо, декретируемо можетъ быть только внѣшнее выраженіе, дѣло, а не внутреннія движенія духа, заправляющаго дѣлами, могущія быть только послѣдствіями свободнаго воздѣйствія благодати на свободную совѣсть. Вѣра безъ дѣлъ мертва, по словамъ апостола. Но и дѣло, не являющееся выраженіемъ вѣры, мертво и безжизненно. Вѣра дѣйствуетъ любовью, по словамъ апостола, и совершаетъ дѣла любви, но тѣ же дѣла, производимыя безъ любви, заправ-

ляемой вѣрою, не имѣютъ и тѣни нравственаго достоинства. Можно предписывать исполненіе дѣлъ совершенно по содержанію подобныхъ тѣмъ, которые творятся любовью, но нельзя предписывать ни любви, ни вѣры; а потому ни та, ни другая, никогда не будутъ дѣлами закона, а все совершаемое безъ нихъ будетъ всегда мертворожденнымъ и бездѣйственнымъ для спасенія. Говоря объ упраздненіи за несвоевременностью требованій свободы и о выступаніи требованія закона, какъ нѣкотораго неуклоннаго требованія, г. Розановъ ни болѣе ни менѣе какъ упраздняетъ сущность всего христіанства.

Мало вѣрности и во всей картинѣ современнаго религіознаго состоянія и положенія Церкви, изображаемой г. Розановымъ для запугиванія читателей и для оправданія какъ замѣны христіанства внѣшнимъ закономъ, имѣющимъ соотвѣтствующее ему содержаніе, такъ и вообще необходимости исключительныхъ мѣръ. „Молитва не произносится болѣе— какой свободы нужно для этого? Вѣра упадаетъ—въ чемъ еще ее не стѣснять? Христіанство разоряется—и что же, вѣрующіе, на сколько ихъ осталось, должны отворить двери своихъ храмовъ для тѣхъ, которые хотятъ войти туда для глумленья?“ Если не произносятся болѣе молитвы, упадаетъ вѣра и разоряется христіанство, то, конечно, не нужно увеличеніе и расширеніе свободы для того, чтобы они продолжали не произноситься, продолжали упадать и разоряться. Но во имя этихъ отрицательныхъ послѣдствій, ради нихъ и съ такою цѣлью никто и не говоритъ о свободѣ вѣры и религіозной совѣсти. Желающіе такого исхода, напротивъ, съ злорадствомъ встрѣчаютъ каждое проявленіе стѣсненія, какъ споспѣшествующее, по ихъ мнѣнію, паденію вѣры и Церкви. Полезно, однако, задуматься надъ вопросомъ: не виновна ли въ религіозныхъ бѣдствіяхъ этихъ проповѣдь подневольныхъ молитвъ, вынуждаемой вѣры и извнѣ-обязательнаго христіанства? Не отъ себя дадимъ отвѣтъ на этотъ вопросъ; произнесемъ его выше приведенными словами Златоуста: „принужденіе ведетъ зачастую къ отвращенію“. Несвободная вѣра или, что то же самое, безвѣрная вѣра постепенно замираетъ и глохнетъ, перестаетъ быть живою силою.

Впрочемъ, вѣдь и вся изображаемая г. Розановымъ, ради цѣлей запугиванія, картина, никакой дѣйствительности не отвѣчаетъ и составляетъ только плодъ празднаго воображенія. Живущій сколько нибудь церковною жизнью знаетъ хорошо, что число церквей на Руси не убавилось, а прибавилось, что церкви эти, какъ и въ стародавнія времена, всегда полны-переполнены народомъ, правда, преимущественно сѣрымъ, но что же дѣлать, коли сѣра сама земля, по преимуществу мужицкая. Какъ и въ старые дни, стало быть

Блещутъ главы церквей золоченыя,
А господскихъ слугъ и молельщиковъ,
Что травы въ степяхъ, что песку въ моряхъ.

Если подчасъ формальны эти молитвы, то виновато въ этомъ развѣ только старое, а никакъ уже не новое время, т. е. не то, что есть въ немъ, въ этомъ времени специально новаго, отличительнаго передъ старымъ. Живущіе хотя сколько нибудь церковною жизнью знаютъ точно также очень хорошо, что далеко не одни только необразованныя сословія шлютъ своихъ представителей въ согласный сонмъ молящихся, что льнутъ обильно къ народу церковному изъ всѣхъ слоевъ русскаго народа. Если маложизненна эта вѣра, если слабъ переходъ ея въ жизнь и дѣятельность, то въ этомъ виновно уже опять не специально новое время, а длинная вереница подготовившихъ его десятилѣтій. Правда, существуетъ великое множество невѣрующихъ на всѣхъ степеняхъ невѣрія, но это великое множество въ сущности только ничтожная горсть въ общей численности народа. Если же маложизненна, малонапряженна вѣра всѣхъ или покрайней мѣрѣ вѣра многихъ, то естественно долженъ являться и малый отбросъ отвращающихся. Если печально вообще состояніе церковнаго общества или народа церковнаго, то естественно и появленіе бѣглецовъ изъ него. Среди всеобщаго оскудѣнія не можетъ не быть полныхъ банкротовъ. Но и въ этой горсти все болѣе и болѣе сказывается за послѣдніе дни все съ большею и большею силой тоска по религіозной родинѣ, начинается броженіе, предвѣщающее возвратъ. Приходятъ уже единицы къ жизни духа и къ духу жизни, возрождаясь и возрождая другихъ. Вообще религіозное состояніе нашего времени, вопреки заявленіямъ г. Розанова, не заключаетъ въ себѣ ничего исключительнаго и не требуетъ, вопреки его же завѣреніямъ, никакихъ исключительныхъ мѣръ, а тѣмъ болѣе не оправдываетъ и не уполномочиваетъ къ принятію какихъ либо исключительныхъ мѣръ, противныхъ самому естеству церковному. Напротивъ, слѣдуетъ только желать, чтобы возстановилась и дѣйствовала ровная и напряженная закономѣрность Церкви, не разъ спасавшая ее въ болѣе трудныя времена отъ значительно большихъ опасностей, и чтобы ослабленіе придавливающихъ и равняющихъ стѣсненій открыло въ ней постепенно уста новымъ свѣтиламъ во славу Божію и на благо людей.

Изливая свое негодованіе на время и общество, среди котораго приходится жить ему, г. Розановъ не позабылъ и меня, взваливъ на меня, какъ уже говорилъ я, бредъ своего воображенія, какъ будто я могъ когда нибудь думать что нибудь подобное, хотя бы даже и въ бреду. „Конечно, усиливаться доказать это (т. е. милостиво приписываемый мнѣ г. Розановымъ сумбуръ) есть напрасный трудъ. (Еще бы!) И мы

думаемъ, этотъ трудъ заключаетъ въ себѣ мало какой-нибудь „вѣры“ и къ чему нибудь „любви“. Это замѣчаніе г. Розанова представляется мнѣ совершеннѣйшимъ перломъ, именно по тому, что не имѣетъ оно никакой связи со всѣмъ изложеніемъ, и что такъ блистательно-наивно это отсутствіе всякой связи. Хоть бы какой нибудь намекъ на причину думанія и на поводъ къ нему. Dixi et animam levavi! — вѣроятно, подумалъ г. Розановъ, приписавъ эту очевидно давно уже и внѣ всякой связи съ изложеніемъ и съ самимъ предметомъ изложенія задуманную шпильку по моему адресу. Любовно прощаю г. Розанову эту наивную попытку самоутѣшенія. Вѣдь необходимо же ему утѣшаться въ томъ, что онъ не возражаетъ мнѣ ни на одно изъ многочисленныхъ моихъ возраженій ему въ первой статьѣ моей о свободѣ, любви и вѣрѣ, ибо очевидно не имѣетъ что возразить, а произноситъ слово суроваго осужденія только послѣ третьей статьи, въ которой о немъ даже и не говорится.

Остановимъ вниманіе читателей на превосходящемъ всякія ожиданія заключеніи г. Розанова. „Методъ, употребляемый г. Н. Аксаковымъ, былъ ранѣе его примѣняемъ уже какъ съ логической такъ и съ исторической своей стороны. Съ логической стороны это были знаменитыя усилія достичь заключенія общаго характера: всѣ лебеди бѣлы—путемъ счета всѣхъ лебедей, гдѣ либо попадавшихся. Дѣйствительно, въ теченіе семнадцати вѣковъ „всѣ лебеди были бѣлы“, но Кукъ открылъ Австралію и оказалось, что они бываютъ и черные“. Радуюсь первому случаю, когда обнаруживается знаніе г. Розановымъ хотя чего либо, о чемъ приходится ему говорить. Хотя не Австралію, а *нѣкоторую* часть Австраліи открылъ дѣйствительно Кукъ и въ Австраліи дѣйствительно лебеди бываютъ черны. Но этимъ и заканчивается проблескъ вѣрнаго изложенія. Бѣлыхъ лебедей, гдѣ бы то ни было попадавшихся, разумѣется, никто не считалъ и знаменитыхъ усилій для вывода общаго заключенія, что всѣ лебеди бѣлы, разумѣется, никогда не существовало, а потому и не было ни съ чьей стороны разочарованія, когда съ открытіемъ Австраліи оказалась наличность и черныхъ лебедей. Примѣръ, принимаемый г. Розановымъ за событіе, за историческую дѣйствительность, представляетъ изъ себя не „знаменитыя усилія“, а только довольно извѣстную фикцію, не помню кѣмъ изъ логиковъ впервые сочиненную для доказательства того, что индукція можетъ всегда оказаться не полною, а потому и ничего не доказывающею, такъ какъ мало доказательства того, что что-либо *такъ есть*; надо доказать еще, что оно *такъ и должно быть*. Положеніе, что всѣ лебеди бѣлы, если бы оно и основывалось на перечетѣ всѣхъ гдѣ-либо попадавшихся лебедей, нарушилось бы открытіемъ

Австраліи, родины и обители черныхъ лебедей, только отчасти, ибо положеніе, что бѣлы всѣ лебеди Стараго свѣта, того свѣта, для котораго было сдѣлано заключеніе и о которомъ только и шла рѣчь, оставалось бы во всей своей силѣ. И до нынѣ, несмотря на сдѣланное Кукомъ открытіе, всѣ лебеди того свѣта для котораго дѣлалось заключеніе, остаются тѣмъ не менѣе бѣлыми и черный лебедь явился бы для него чуждымъ, немыслимымъ; желающій видѣть чернаго лебедя долженъ покинуть предѣлы Стараго свѣта и внѣ его искать предметъ своихъ вожделѣній.

Число отцовъ православной Церкви, такихъ отцовъ, писанія которыхъ она открыто признала и признаетъ почти дословными выраженіями исповѣдуемой Ею истины (на такихъ преимущественно и ссылались мы), къ несчастію ничтожно въ сравненіи съ числомъ „бѣлыхъ лебедей", а, по всеобщему убѣжденію церковному, эти бѣлые лебеди Церкви, т. е. отцы ея, никогда не двоили правды, не противорѣчили самимъ себѣ, а въ положительномъ ученіи церковномъ и другъ другу. Каждый изъ нихъ, вопреки надеждамъ г. Розанова, могъ бы сказать вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ: Вѣренъ Богъ, что слово наше къ вамъ не было то „да", то „нѣтъ", ибо Сынъ Божій Іисусъ Христосъ, проповѣданный у васъ нами, не былъ „да" и „нѣтъ", но въ Немъ было „да" въ славу Божію черезъ насъ. (2 Кор. I, 18—20). Для полноты индукціи намъ не зачѣмъ было такимъ образомъ достигать численной полноты приводимыхъ выдержекъ и тѣмъ разрушать надежду г. Розанова на существованіе вѣры, въ возможность „чернаго лебедя" между Отцами.

Достаточно такихъ свидѣтельствъ, какъ свидѣтельства Златоуста, Аѳанасія Великаго, Григорія Богослова, Исидора Пелузскаго и другихъ. Достаточно и убѣжденія въ томъ, что они высказывались не на время, не примѣняясь къ условіямъ мѣста и времени, чего не замѣтилъ только г. Розановъ, а на всѣ времена и на всѣ вѣки, исходя изъ самого понятія о вѣрѣ, изъ самого понятія о домостроительствѣ спасенія, зиждущагося на непреложной волѣ Божества и на самоопредѣляющейся, свободной природѣ человѣка, созданнаго, чтобы быть образомъ и подобіемъ Божіимъ, ибо по способности и обязанности свободнаго самоопредѣленія человѣкъ и является подобіемъ Божества, по Исидору Пелузскому (III, 95); а такъ же и изъ самаго понятія о Церкви Христовой, какъ институтѣ спасенія. Все это служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что вожделѣннаго для г. Розанова „чернаго лебедя" въ средѣ отцовъ православной Церкви нѣтъ и не будетъ,—не будетъ даже и въ томъ случаѣ, если и украситъ ее, также по ожиданію г. Розанова, вереница новыхъ свѣтилъ, ничѣмъ по достоинству не уступающихъ старымъ.

Преданіе идетъ съизначала и разъ навсегда установило себѣ точное и опредѣленное русло. „Но если бы даже мы или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѳема. Какъ прежде мы сказали, такъ и теперь говорю вамъ: кто благовѣствуетъ вамъ не то, что вы приняли, да будетъ анаѳема". (Галат. I. 8, 9). Въ Церкви не можетъ возникнуть новаго въ противорѣчіе старому безъ нарушенія Церкви и ея преданія, которымъ живетъ она и держится. Въ Церкви не можетъ открыться Австраліи съ новою породою лебедей, ибо Церковь будетъ всегда только тамъ, гдѣ всѣ лебеди бѣлы. Церковь повсюдна, тожественна въ пространствѣ, какъ и во времени, а потому куда бы она ни проникала, она несетъ свою благодать и свои законы, а не подчиняется условіямъ мѣста и времени, климата и географическихъ вліяній, способныхъ и лебедя окрасить въ черную краску, какъ придаютъ они черный или бронзовый цвѣтъ внѣшнему человѣку. Въ Церкви не можетъ быть открывателя Кука; только запамятованное можетъ оживляться и выступать съ новою силою, да недвижимыя истины могутъ озарять своимъ свѣтомъ все большій и большій кругъ жизненныхъ отношеній, и производить все большее и большее оплодотвореніе и одухотвореніе жизни и образовъ, ею принимаемыхъ. Впрочемъ, и Кукъ не въ очерченномъ и опредѣленномъ пространствѣ, а внѣ его, за его предѣлами, за областью установившагося общаго заключенія нашелъ своего „чернаго лебедя". Ему пришлось переступить границы Стараго свѣта, чтобы встрѣтиться съ чернымъ лебедемъ, нарушающимъ строй, этого свѣта. Подобно тому нельзя обрѣсть желаемаго г. Розановымъ „чернаго лебедя" и въ области православія; но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы его нельзя было найти индѣ. И Кальвинъ, сжегшій Михаила Сервета, былъ безспорно отцомъ, но кальвинистской церкви, т. е. своего рода Австраліи по отношенію къ православію. Вотъ уже и одинъ черный лебедь на отраду и удовольствіе г. Розанову. Наконецъ, если бы г. Розановъ былъ знакомъ съ нашими статьями по „Вопросу о свободѣ совѣсти", онъ нашелъ бы какъ разъ подходящія для себя изреченія Августина, Іеронима, Бернарда Клервалійскаго и многихъ другихъ свѣтилъ Запада и изумился бы обилію болѣе или менѣе сродственныхъ ему „черныхъ лебедей". Если бы онъ заглянулъ въ западный Codex juris canonici, онъ воспрянулъ бы душою отъ убѣжденія, что всѣ лебеди черны, а бѣлыхъ лебедей совсѣмъ даже и не существуетъ; на него пахнуло бы и духомъ Латеранскаго собора, и альбигойскими войнами, и преддверіемъ инквизиціи и іезуитизма—и съ ужасомъ, можетъ быть, взглянулъ бы онъ отъ этихъ краевъ на ту жалкую, еретическую область, въ которой не

только живутъ бѣлые лебеди, но гдѣ черныхъ лебедей нѣтъ даже и въ поминѣ. Какъ въ Старомъ свѣтѣ, такъ и въ области православія остается незыблемымъ правило: всѣ лебеди бѣлы, а за этой областью можно открыть и такую область, въ которой всѣ лебеди будутъ черными и гдѣ бѣлый лебедь будетъ жалкою аномаліей. Но зачѣмъ же г. Розановъ свои австралійскія соображенія и свою австралійскую философію рѣшается провозглашать отъ имени православія и православной Церкви, тормозя внутренніе успѣхи православія, отпугивая отъ него, споспѣшествуя процвѣтанію, задержанію и развитію невѣрія, противъ котораго самъ же издаетъ дикіе вопли? Лучше ужь прямо проповѣдывать излюбленную Австралію, чѣмъ вести такую же проповѣдь подъ личиною православія, будто бы отъ Церкви и будто бы на охрану ея. И безъ того уже австралійскій лебедь не разъ пытался водвориться на православныхъ русскихъ водахъ; и безъ того уже не мало залетныхъ лебедей носится надъ ними черными тѣнями. Да не подумаютъ, однако, что мы признаемъ г. Розанова агентомъ Рима, проповѣдникомъ Рима или чего бы то ни было подобнаго. Избави, Боже! мы просто почитаемъ его незнающимъ того, о чемъ рѣшается говорить и судить, и просто совѣтуемъ ему предварительно поучиться, т. е. пріобрѣсти предварительныя знанія и навыкнуть къ логическому мышленію, а не проводить въ жизнь самого себя съ своимъ невѣдѣніемъ и несвязнымъ бредомъ.

Къ сожалѣнію предѣлъ отвѣта не позволяютъ мнѣ достаточно просвѣтить г. Розанова относительно фарисеевъ. Увы! и фарисеи понадобились ему только для непрозрачнаго намека на мою особу. „Съ исторической стороны безукоризненными блюстителями „словъ старыхъ“ были фарисеи, но они были уже обличены Спасителемъ и намъ нечего прибавлять къ Евангелію“. Такъ говоритъ онъ. Но „старыми словами“ являются для насъ слова преданія, унаслѣдователями котораго и хранителями были отцы, сами въ свою очередь состоящіе по отношенію къ намъ завѣщателями. „Хвалю васъ, братія, что вы все мое помните и держите преданіе такъ, какъ я преподалъ вамъ“. (1 Кор. XI, 2). „Итакъ, братія, стойте и держите преданія, которымъ вы научены или словомъ или посланіемъ нашимъ“. (2 Ѳесс. II, 16). Явно, что глумленіе г. Розанова падаетъ на автора вышеприведенныхъ словъ, ободрявшаго къ храненію преданія, бывшаго притомъ и однимъ изъ первыхъ звеньевъ длинной цѣпи его. Но въ словахъ г. Розанова имѣется и крупная историческая ошибка. Фарисеи были не болѣе всѣхъ вообще вѣрующихъ евреевъ своего времени блюстителями „старыхъ словъ“, т. е. закона и пророковъ, священныхъ въ глазахъ каждаго. За это блюденіе „старыхъ словъ“ Христосъ не только не порицалъ ихъ, а скорѣе долженъ былъ бы одобрять. Но фарисеи были

изобрѣтателями и ревнителями такъ-называемой „огорожи закона“, т. е. цѣлой сѣти новыхъ требованій и новыхъ толкованій, приспособливающихъ законъ къ обстоятельствамъ мѣста и времени, къ нуждамъ дня, къ средѣ въ которой приходилось жить имъ, и уже, конечно, къ нуждамъ самихъ фарисеевъ. Назначеніе этой „огорожи“ заключалось въ томъ, чтобы во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ недостаточно опредѣлялась грань между разрѣшаемымъ и неразрѣшаемымъ, подчинить жизнь каждаго израильтянина ряду новосочиненныхъ, подъ видомъ закона, предписаній, дабы окончательно устранить свободу произволенія. Казуистически скрѣпляя всѣ эти новыя требованія авторитетомъ закона и присосѣживаясь къ власти, фарисеи исподволь придавали своимъ изобрѣтеніямъ значеніе именно „неуклонно принимаемыхъ къ исполненію требованій религіозной совѣсти“. Противъ этихъ-то *новшествъ*, подтасовываемыхъ подъ старину, возставалъ нерѣдко Христосъ, противопоставляя ученіе Свое не столько смыслу дѣйствительнаго закона, сколько новшествамъ и толкованіямъ фарисеевъ, изучавшихъ Писаніе только въ приспособленіяхъ къ временнымъ нуждамъ и потому проглядѣвшихъ предсказаннаго имъ Мессію. Самое стремленіе создать „огорожу“ и заботу о ней называлъ Христосъ „закваскою фарисейской“, отъ которой на всѣ времена завѣщалъ беречься. Явно, что не ко мнѣ во всякомъ случаѣ примѣнимо, по существу своему, названіе фарисея. Къ кому примѣнимъ обличенный Евангеліемъ нравственный недугъ фарисеевъ — лицемѣріе и тщеславіе, судить уже, конечно, также не мнѣ. Область намековъ предоставляю всецѣло въ распоряженіе г. Розанова. Пусть утѣшается ею на здоровье!

Н. Аксаковъ.

Естественный законъ въ Духовномъ мірѣ.

Профессора Генриха Дрюммонда.

(Продолженіе).

ГЛАВА III.

Ростъ.

Развѣ не легкость написана на фронтонѣ всѣхъ величайшихъ твореній. Развѣ всѣ они не говорятъ намъ, не о великомъ усиліи, а о великой мощи? Не смертная усталость, а божественная сила сказывается во всѣхъ великихъ дѣлахъ; теперь мы всегда, правда, думаемъ, что можемъ совершать великія дѣла при помощи желѣзныхъ полосъ и нашего пота, но увы! выходитъ только, что мы теряемъ нѣсколько лишнихъ фунтовъ нашего вѣса.

(Рёскинъ).

Nunquam aliud natura, aliud sapientia dixit.

(Ювеналъ).

Посмотрите на полевыя лиліи, какъ онѣ растутъ. (Нагорная проповѣдь).

Особенное значеніе имѣютъ эти слова Христа потому, что Тотъ, Кто ихъ говоритъ, создалъ и лилію. Тутъ передъ нами какъ-бы изобрѣтатель, описывающій свою машину. Онъ сотворилъ лилію, сотворилъ и меня, и то и другое по одному и тому же великому принципу. Но такъ какъ людямъ трудно изучать самихъ себя, то Онъ указываетъ на родственное явленіе, чтобъ научить насъ жить естественной и свободной жизнью, — жизнью, которую Богъ раскроетъ для насъ безъ всякихъ съ нашей стороны тревогъ, подобно тому, какъ онъ раскрываетъ цвѣтокъ. Въ словахъ Спасителя нѣтъ призыва къ наблюденію природы, вообще Онъ указываетъ на лиліи не для того, чтобъ мы только любовались ихъ красотой или созерцали нѣжность и силу ихъ стебля и листа. Онъ обращаетъ наше вниманіе на то, какъ онѣ растутъ, какъ безъ заботъ и тревогъ цвѣтокъ пышно распускается, какъ не ткавши, сотканы его листки,

какъ безъ труда всѣ его сложныя ткани образовались сами собой и какъ безъ усилія весь цвѣтокъ постепенно является готовымъ изъ рукъ Божіихъ пышнѣе, чѣмъ Соломонъ во всей своей славѣ.

Такъ, говоритъ Онъ,—и вы, люди, вѣчно тревожимые и изсушаемые заботой, должны расти, не заботясь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Если траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ, кольми паче васъ, маловѣры!“

Этотъ урокъ изъ жизни природы былъ вполнѣ новъ въ тѣ дни, но всѣ люди въ настоящее время, имѣющіе хоть немного вѣры, знаютъ эту христіанскую тайну сложной жизни. Помимо даже этой притчи о лиліи, ошибки прошлаго научили или показали большинству изъ насъ, какъ безумно тщетно тревожиться, и мы отказались отъ мысли, что заботясь, можно прибавить себѣ росту, хотя на одинъ локоть. Но едва мы утвердили нашу жизнь на этой спокойной увѣренности въ Бога, какъ начинается новая и болѣе важная тревога.

На этотъ разъ мы тревожимся не о тѣлѣ, а о душѣ. Для временной жизни мы имѣемъ примѣръ лиліи, но какъ будетъ расти наша духовная жизнь? Какъ стать намъ лучшими людьми? Какъ возрасти намъ въ благодати? Какими заботами можемъ мы прибавить себѣ локоть въ духовномъ ростѣ и достигнуть полноты совершенства? И такъ какъ мы плохо знаемъ, какъ это сдѣлать, то прежняя тревога возвращается, и наша внутренняя жизнь становится снова мучительной борьбой, полной раскаянія и сожалѣній. Въ итогѣ оказывается, что мы перенесли наши тревожные помыслы съ тѣла на душу. Наши усилія христіанскаго роста являются только рядомъ ошибокъ и, вмѣсто того, чтобъ возвышаться въ красотѣ святости, наша жизнь полна ежедневныхъ мукъ и униженій.

Причина этого ясна: мы забыли притчу о лиліи. Наши мучительныя усилія справедливы по своему чувству, но вполнѣ ложны въ существѣ: существуетъ только одинъ законъ роста какъ для духовнаго, такъ для тѣлеснаго міра, для животнаго и для растенія, для тѣла и для души, такъ какъ ростъ есть органическое явленіе. И законъ, въ силу котораго является ростъ въ благодати, есть опять-таки тотъ же самый, который мы можемъ прослѣдить, взирая на то, какъ растетъ лилія.

Стараясь провести глубже аналогію между тѣломъ и душой, нужно въ ростѣ лиліи обратить вниманіе на двѣ вещи, на двѣ знаменательныя черты всякаго роста:

Во-первыхъ, на самопроизвольность.

Во-вторыхъ, на таинственность.

1) Самопроизвольность. Существуютъ три источника, которыми можно руководиться для доказательства самопроизвольности роста. Первый — это наука и ея доводы лучше всего выражены въ словахъ Спасителя: „Лиліи, говоритъ Онъ,—не трудятся, не прядутъ“, т. е. онѣ растутъ автоматически, самопроизвольно, не заботясь, не волнуясь, не думая. Этотъ законъ одинаково примѣнимъ во всѣхъ случаяхъ, какъ къ растенію, такъ и къ животному, какъ къ тѣлу, такъ и къ душѣ. Ребенокъ растетъ, напримѣръ, безъ всякихъ усилій. Одно или два простѣйшихъ условій выполнены, и ростъ совершается. Онъ такъ же мало думаетъ объ условіяхъ, какъ и о послѣдствіи; онъ выполняетъ условіе по привычкѣ, а послѣдствія естественно вытекаютъ сами собой. Оба процесса постоянно слѣдуютъ изъ года въ годъ безъ всякаго съ его стороны участія, помимо его воли. Никому не придетъ въ голову приказывать ребенку расти. У докторовъ нѣтъ рецепта для роста. Они могутъ сказать, какъ ростъ можетъ быть задержанъ или ослабленъ, но самъ процессъ не подлежитъ контролю; это—одно изъ тѣхъ немногихъ, но многозначительныхъ явленій, которыя природа хранитъ въ своихъ рукахъ. И никакой врачъ душевный точно также не имѣетъ рецептовъ для духовнаго роста. Относительно этого чаще всего задаютъ вопросы и, въ большинствѣ случаевъ, получаютъ на нихъ ложные отвѣты. Врачъ душевный можетъ предписать болѣе внимательное отношеніе, больше молитвы, больше самоотверженія, больше христіанскихъ дѣлъ. Это все средства очень полезныя, но не для роста; они, правда, могутъ содѣйствовать росту, но душа растетъ, какъ и лилія,— безъ усилій, безъ думъ, безъ заботъ. Руководства набожности, съ сложными правилами для совершенствованія въ христіанской жизни, хорошо бы поступали, если бы обращались къ простотѣ природы, и внимательныя къ себѣ души, ищущія освятиться борьбой, вмѣсто того чтобы освятиться вѣрой, избѣгли бы многихъ униженій, если бы почерпали свои ботаническія свѣдѣнія изъ Нагорной проповѣди. Въ дѣйствительности не можетъ и быть иного принципа роста. Это—жизненный процессъ. И пытаться заставлять что-нибудь рости такъ же нелѣпо, какъ пытаться помогать приливу моря или восходу солнца. Другой доводъ въ пользу самопроизвольности роста даетъ намъ опытъ всего человѣчества. Ребенокъ не только растетъ безъ усилій, но даже всѣ усилія не содѣйствуютъ его росту. Ни одинъ человѣкъ, сколько онъ ни думалъ, не прибавилъ себѣ росту, хотя бы на локоть. Точно такъ же, какъ ни одинъ человѣкъ путемъ только усилій надъ своей душой никогда не приблизился ко Христу. Самъ Христосъ не усиліями достигъ Своего роста. И тотъ, кто мнитъ приблизиться къ Его таинственному величію тревожными усиліями, въ дѣйствительности только удаляется отъ Него. Жизнь

Христа распускалась изъ божественнаго зародыша, составлявшаго сосредоточіе Его природы, и который развертывался такъ же естественно, какъ цвѣтокъ изъ почки. Цвѣтку можно подражать, но всегда отличишь искусственный цвѣтокъ отъ живого. Можно вылѣпить человѣка изъ воска, но всегда безъ труда отличишь ихъ разницу. И такая же точно разница между естественнымъ ростомъ христіанскаго принципа и нравственной его копіей. Одно естественное, другое—механическое. Одно ростъ, другое—наростаніе. Таково, согласно современной біологіи, и существенное различіе между живымъ и неживымъ, между организмомъ и кристалломъ. Живой организмъ растетъ, мертвый кристаллъ увеличивается. Первый жизненно растетъ извнутри, кристаллъ же присоединяетъ къ себѣ новыя частицы извнѣ. Вся разница между христіаниномъ и моралистомъ заключается въ этомъ. Дѣятельность христіанина изнутри, моралиста же—съ поверхности. Одинъ изъ нихъ представляетъ изъ себя организмъ, въ сердце котораго вложенъ живымъ Богомъ живой зародышъ, другой же—кристаллъ, можетъ быть и прекрасный, но все-таки кристаллъ, и потому нуждается въ жизненномъ принципѣ роста.

Отсюда ясно то, что иногда очень трудно разсмотрѣть, почему спасеніе съ самаго начала не тождественно съ нравственностью. Это потому, что спасеніе не требуетъ нравственности; нѣтъ, наоборотъ, оно требуетъ такой высокой нравственности, которая недостижима для моралиста, цѣль спасенія—достигнуть полноты совершенства духа, характера и жизни Христа. Нравственность, на пути къ этому совершенству, можетъ значительно приблизиться къ Нему, но никогда не можетъ Его достигнуть. Это доступно только жизни. Требуется нѣчто обладающее громадной силой движенія, роста, силой, преодолѣвающей всѣ препятствія, чтобъ достигнуть совершенства. Поэтому человѣкъ, имѣющій въ себѣ эту великую образующую силу, эту жизнь,—ближе къ цѣли, чѣмъ тотъ, кто остается при одной морали. Послѣдній никогда не можетъ достигнуть совершенства, первый же *долженъ*. Жизнь должна развиваться по своему типу, а будучи зародышемъ, подобнымъ Христу, она должна доразвиться до Христа. Мораль въ крайнемъ случаѣ развиваетъ характеръ въ одномъ или въ двухъ направленіяхъ; она можетъ порой усовершенствовать какую-нибудь добродѣтель, но не можетъ усовершенствовать ихъ всѣ. А въ особенности она не даетъ никогда той законченной гармоніи совокупностей, того совершенства, тона всего оркестра, которая составляетъ характеристическую черту жизни. Совершенная жизнь не есть просто обладаніе способностями, вполнѣ согласованными между собой, стремящимися къ одной цѣли, совершенной работѣ всего организма. Не сказано, что характеръ выработается во всей своей полнотѣ въ этой жизни. Это былъ

бы слишкомъ короткій періодъ для такого дивнаго развитія. Въ этой жизни виденъ только не налившійся еще колосъ, иногда даже только былинка, но уже много обѣщающая. Нелѣпо смѣяться надъ благочестивымъ человѣкомъ за его несовершенства. Былинка вещь, повидимому, ничтожная; вначалѣ она растетъ близко къ землѣ, ее часто грязнятъ, мнутъ и топчутъ ногой. Но это вещь живая. Большой мертвый камень, лежащій рядомъ съ нею, имѣетъ гораздо болѣе величественный видъ, но онъ навсегда останется камнемъ. А что будетъ съ этой маленькой былинкой, еще не открылось.

Убѣдившись, что ростъ можетъ быть только синонимомъ живого автоматическаго процесса, излишне искать третьяго ряда аргументовъ въ писаніи. Въ немъ ростъ всегда изображается языкомъ физіологіи. Переродившаяся душа есть новая тварь. Христіанинъ—новый человѣкъ во Іисусѣ Христѣ. Онъ прибавляетъ локоть за локтемъ къ своему росту, подобно и ветхому человѣку, но при томъ, пободно поэту, онъ рожденъ, а не сотворенъ, и плоды его характера не сфабрикованныя, а живыя дѣла, выросшія изъ тайнаго зародыша; это плоды живого Духа. Они не продукты нашего климата, а тропическія растенія изъ страны болѣе богатой солнечными лучами.

II) Во-вторыхъ помимо, самопроизвольности, у роста есть и другая характеристическая черта: его таинственность.

Отъ этого свойства зависитъ вѣроятно то, что такъ мало людей понимающихъ истинный характеръ роста. Мы крайне не духовно разбираемъ самыя простыя духовныя явленія. Лилія растетъ таинственно вопреки силѣ тяготѣнія, развивая свой тяжелый стебель и листъ кверху.

Дивно разукрашенный тайной невидимой рукой цвѣтокъ развивается неизвѣстно какъ, но мы не удивляемся этому. Ежедневно это совершается. Это—природа, это—Богъ. Мы настолько, по крайней мѣрѣ, духовны, чтобъ понимать это. Но, когда душа тихо возвышается надъ міромъ, развивая свои слабыя добродѣтели вопреки жалу грѣха, и таинственно преобразовывается по образу Христа, мы отрицаемъ, что эта сила происходитъ не отъ человѣка. Мы приписываемъ это его сильной волѣ, высокому идеалу, результату его добродѣтели, христіанскому вліянію. Духовный его характеръ, говоримъ мы, есть просто плодъ заботливаго труда, самообузданія и самосовершенствованія. Такимъ образомъ мы допускаемъ чудо относительно лиліи, но не относительно человѣка. Лилія можетъ рости, но человѣкъ долженъ заботиться, трудиться и ткать.

Теперь предположимъ на минуту, что путемъ суроваго труда, и самообузданія, человѣкъ можетъ достигнуть очень значительной высоты характера. Мы не отрицаемъ, что это возможно, но мы отрицаемъ, что

этотъ процессъ есть христіанство. То уже, что вы можете дать себѣ отчетъ въ немъ, доказываетъ, что это не ростъ. Ростъ таинственъ; особенность его состоитъ въ томъ, что вы не можете дать въ немъ отчета.

Таинственность, какъ отлично замѣтилъ Мозлей (Mozley), есть признакъ духовнаго рожденія. И на этотъ признакъ указываетъ и самъ Христосъ: „Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь откуда приходитъ и куда уходитъ; такъ бываетъ со всякимъ, рожденнымъ отъ Духа.“ Признакъ духовности въ томъ, что вы не можете сказать откуда она приходитъ и куда уходитъ. Если вы можете сказать это, если вы можете указать на философскіе принципы, на ученіе, на вліяніе, на силу воли, на благопріятныя окружающія условія, то это не ростъ. Это можетъ быть вполнѣ честное, замѣчательное и цѣнное подражаніе, но это не настоящая вещь. Плоды его изъ воска, цвѣты искусственны, и вы можете сказать откуда они приходятъ и куда уходятъ. Изъ этого слѣдуетъ, что христіанинъ представляетъ собою исключительное явленіе. Вы не можете объяснить его себѣ. И еслибъ могли, онъ не былъ бы христіаниномъ. Мозлей отлично обрисовалъ намъ оба характера въ слѣдующихъ словахъ: „Возьмите обыкновеннаго человѣка изъ этого міра,—всѣ его мысли, дѣла, всѣ его понятія объ обязанностяхъ всецѣло заимствованы имъ изъ той среды, въ которой онъ живетъ. Это заимствованный образецъ: онъ добръ, какъ и всѣ люди. Онъ дѣлаетъ по обязанности то, что вообще считается приличнымъ и хорошимъ людьми, среди которыхъ ему суждено жить. Онъ отражаетъ на себѣ установленное мнѣніе. Онъ слѣдуетъ его руководству. Его стремленія и задачи жизни опять-таки взяты изъ окружающаго міра и продиктованы ему этимъ міромъ. Что міръ считаетъ почетнымъ, желательнымъ, выгоднымъ и добрымъ, то является таковымъ и въ его глазахъ, и онъ къ этому стремится. Всѣ его побужденія являются изъ очевиднаго источника. Нелѣпо было бы говорить, что въ такомъ характерѣ есть что-то таинственное, потому что онъ весь сложился подъ извѣстными внѣшними вліяніями,—вліяніями общественнаго мнѣнія и голоса міра“. Откуда является такой характеръ, мы видимъ; можно сказать, что его источникъ и его происхожденіе явны и ощутимы, и мы ихъ также хорошо знаемъ, какъ и физическія причины многихъ обыденныхъ явленій.

Но вотъ существуютъ извѣстные характеры, извѣстные склады ума, о которыхъ по справедливости можно сказать, что не знаешь откуда это является и куда уходитъ. Это тѣ, что выдаются изъ толпы, не проникаются атмосферой и воззрѣніями окружающаго ихъ общества и производятъ на все вліяніе, указывающее на небесное происхожденіе. Встрѣчая такую личность, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ: какъ можетъ она

обладать своими свойствами? Неужели же она заимствовала ихъ изъ окружающаго общества? этого не можетъ быть потому, что все въ ней вполнѣ отлично отъ того, что встрѣчается въ этомъ мірѣ. Внушено ли ей вліяніемъ народной массы, какъ простымъ религіознымъ фанатикамъ? Этого тоже не можетъ быть потому, что ея типъ вполнѣ отличенъ отъ тѣхъ, которые воспламеняются подъ вліяніемъ порывовъ одушевленія. Въ этихъ личностяхъ нѣтъ ничего стаднаго, а напротивъ, все тутъ блещетъ своеобразіемъ. Нѣтъ ни малѣйшаго отраженія моды или тона внѣшняго міра; все въ нихъ проистекаетъ изъ внутренняго источника,—и это тѣ созданія, о которыхъ Евангеліе говоритъ: „не знаешь откуда они приходятъ".

Мы всѣ встрѣчали людей этихъ двухъ различныхъ типовъ. Одни въ высшей степени почтенные, честные, добродѣтельные, можетъ быть, немного холодные, и вообще при тщательномъ критическомъ анализѣ съ отпечаткомъ фабрикаціи; другіе же съ слѣдами божественнаго дыханія; они не менѣе добродѣтельны, но добродѣтель ихъ иная; они не менѣе скромны, но по иному, являясь носителями духа міра и спокойствія безъ малѣйшей искусственности, а съ врожденной естественностью. Васъ поражаетъ больше всего въ нихъ отпечатокъ другого міра; и вы совсѣмъ не подготовлены къ тому, что они сдѣлаютъ, скажутъ, что съ ними станетъ, потому что они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ отдаленной силы, и не смотря на ихъ мягкость и открытость, присутствіе въ нихъ этой силы всегда наполняетъ васъ особеннымъ къ нимъ уваженіемъ. Человѣкъ никогда не чувствуетъ противорѣчія своей собственной жизни, никогда не слышитъ стука машинъ, посредствомъ которыхъ онъ пытается сфабриковать свои основныя черты, пока не очутится въ присутствіи такихъ личностей. Тогда только онъ отличаетъ разницу между искусственной фабрикаціей и естественнымъ ростомъ. Тогда только онъ замѣчаетъ полевыя лиліи, и какъ онѣ растутъ.

Мы теперь видѣли, что духовный ростъ есть процессъ поддерживаемый и охраняемый самопроизвольнымъ и таинственнымъ внутреннимъ принципомъ. Этотъ принципъ самопроизволенъ даже по своему происхожденію, потому что дышетъ, гдѣ хочетъ; таинственъ по своимъ проявленіямъ, потому что мы не можемъ сказать, откуда онъ приходитъ; таинственъ по своимъ цѣлямъ, потому что не знаемъ куда уходитъ; поэтому весь этотъ процессъ выше насъ; не мы его вырабатываемъ, а находимся въ его власти, потому что „Богъ производитъ въ насъ и хотѣніе и дѣйствіе по своему благоволенію". Не мы дѣйствуемъ, „но созданы во Христѣ Іисусѣ на добрыя дѣла, которыя Богъ предназначилъ намъ исполнить".

Здѣсь можно спросить въ видѣ возраженія: значитъ, въ жизни христіанина не можетъ быть никакого противорѣчія? Человѣкъ становится какъ бы простой глиной въ рукахъ горшечника? Ветхій человѣкъ уничтоженъ, и вмѣсто него является новый, не отвѣтственный за свою душу?

Мы не касаемся здѣсь извѣстнаго вопроса о равновѣсіи между вѣрою и дѣлами, мы просто разсматриваемъ ростъ полевыхъ лилій съ одной спеціальной точки зрѣнія, мы желаемъ уяснить себѣ состояніе ума христіанина по отношенію къ его духовному росту. Это состояніе, прежде всего должно быть чуждо всякихъ заботъ. Мы отстаиваемъ не бездѣйствіе духовныхъ силъ, а духовное спокойствіе.

Христосъ возстаетъ не противъ труда, а противъ тревоги мысли, и мы коснулись этого возраженія больше съ цѣлью возстановить сказанное.

Прибѣгая снова къ аналогіи, мы спросимъ себя: какое отношеніе существуетъ между работой и ростомъ ребенка? Сознательнаго отношенія здѣсь не существуетъ вообще. Ребенокъ никогда не думаетъ работать ради своего роста. Работа одно, а ростъ совсѣмъ другое, и то же самое по отношенію къ духовной жизни. Поэтому, если спрашиваютъ: правъ ли христіанинъ, дѣлая безустанныя и мучительныя усилія ради своего роста, то отвѣтъ можетъ быть только одинъ: нѣтъ, онъ совсѣмъ не правъ и глубоко ошибается. Когда ребенокъ ѣстъ или отказывается отъ неудобоваримыхъ веществъ, онъ не говоритъ, что все это будетъ содѣйствовать его росту. Или, когда онъ бѣгаетъ взапуски, онъ не думаетъ, что это на локоть увеличитъ его ростъ. Будетъ ли все это содѣйствовать его росту или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, если онъ объ этомъ тревожится, то это тревожное состояніе только вредитъ его росту. И вотъ на это-то обстоятельство мы и хотимъ обратить особенное вниманіе. Заботы полныя тревоги—безполезны и неумѣстны. Природа гораздо болѣе щедра, чѣмъ мы думаемъ. Одаривъ насъ силой, она не требуетъ обратно части ея для нашего роста. Она и безъ того позаботится о немъ.

Отдавайте вашъ трудъ и ваши заботы другимъ, говоритъ она, и довѣрьте мнѣ вашъ ростъ. Если Богъ содѣйствуетъ нашему духовному росту, образуетъ новую тварь внутри насъ, то безумно постоянно нашими грубыми пальцами тянуть лепестки кверху. Мы должны предоставить творящей рукѣ дѣлать свое дѣло. Это Богъ даетъ ростъ. И мы никогда не сознаемъ, какъ мало уяснили себѣ основной принципъ христіанства, пока мы не поймемъ того, до какой степени всѣ мы склонны стремиться восполнить то, что есть свободный даръ Божій. Если Богъ творитъ свое дѣло надъ христіаниномъ, то пусть послѣдній будетъ спо-

коенъ, зная, что это Богъ. А дѣло, нужное ему, онъ всюду найдетъ безъ тревоги и заботъ.

Для жаждущаго роста есть всегда дѣло, и при томъ такъ много и такого суроваго и великаго дѣла, что работнику необходимо освободиться отъ всякихъ излишнихъ заботъ, пока онъ исполняетъ свою задачу. Если бъ сила, расходуемая на попытки увеличить свой ростъ, употреблена была на исполненіе условій роста,—мы навѣрное выросли бы на нѣсколько локтей. Личное дѣло христіанина главнымъ образомъ обусловлено ими.

Обратите хоть на мгновеніе вниманіе въ чемъ же состоятъ условія и каковы ихъ соотношенія. Для своего роста растенію нужно тепло, свѣтъ, воздухъ и влага. Въ поискахъ ли за этими условіями или за соотвѣтствующими имъ духовными условіями состоитъ дѣло человѣка? Отнюдь нѣтъ. Это еще не дѣло христіанина. Развѣ растеніе ищетъ этихъ условій? Нѣтъ, эти условія сами являются къ услугамъ растенія. Оно также не производитъ ни тепла, ни свѣта, ни воздуха, ни влаги, какъ и своего стебля. Оно находитъ ихъ вокругъ себя въ природѣ. Оно просто спокойно стоитъ съ листьями, распростертыми какъ бы въ безсознательной молитвѣ. И природа изливаетъ на него эти и другія щедроты, купая его въ солнечныхъ лучахъ, изливая на него въ изобиліи питательный воздухъ, нѣжно оживляя его ночною росою.

Благодать—такой же свободный даръ, какъ и воздухъ. Господь Богъ—наше солнце. Онъ роса Израиля. Человѣку не приходится создавать эти условія, какъ и свою душу. Онъ стоитъ окруженный ими, купаясь въ нихъ, ими онъ живетъ и движется и существуетъ.

Зачѣмъ же ему искать ихъ? Скорѣе онѣ ищутъ его. Развѣ онъ не чувствуетъ, какъ они, эти условія со всѣхъ сторонъ тѣснятъ его, безпрестанно взываютъ къ нему? Развѣ онъ не слышитъ, какъ они стонутъ, когда человѣкъ не желаетъ ихъ? И такъ не въ этомъ еще его дѣло. Голосъ все попрежнему призываетъ его къ спокойствію.

Условія, какъ и внутреннее начало роста, даются природой, и человѣку остается только довершить это дѣло, приложивъ одно къ другому. Онъ ничего не создаетъ, ничего не увеличиваетъ, ни о чемъ не долженъ тревожиться. Его единственная обязанность пребывать въ этихъ условіяхъ, оставаться въ нихъ, дозволять благодати снисходить на него и спокойно знать, что это дѣло Божіе.

Какъ только человѣкъ забываетъ это, противорѣчіе начинается и разростается въ теченіе всей его мучительной жизни. Онъ борется, стремясь къ бо́льшему росту, вмѣсто того, чтобъ стремиться вернуться къ надлежащему состоянію. Онъ обращаетъ церковь въ мастерскую, тогда,

какъ Богъ предназначилъ быть ей прекраснымъ садомъ. И даже его кабинетъ, гдѣ должна царить только тишина—тишина тѣхъ горъ, гдѣ ростутъ лиліи,—полонъ стука и грохота машинъ. Человѣку, правда, часто придется бороться съ своимъ Богомъ, но не изъ-за роста. Жизнь христіанина очень сложна. Евангеліе есть благая вѣсть мира. Но нѣтъ въ мірѣ людей болѣе безпокойныхъ, чѣмъ христіане, христіане, ложно понявшіе природу роста. Жизнь для нихъ есть постоянное самоосужденіе, потому-что они не растутъ. И результатомъ является не только потеря спокойствія. Сила, которая какъ будто тратится на дѣло Христа, вся расходуется на лихорадочную тревогу души. До тѣхъ поръ, пока дѣятельность церкви будетъ направлена на ростъ, отъ нея ничего не останется для міра. Время у солдатъ не идетъ на пріобрѣтеніе денегъ для покупки оружія, на отысканіе пищи и одежды, на устройство ихъ жилища. Все это дается имъ царемъ, чтобы имъ было больше свободы на борьбу. Точно также и воинъ Христовъ снабженъ всѣмъ. Его Царь хотѣлъ сдѣлать его свободнымъ для дѣла Божьяго царства.

Итакъ, задача христіанской жизни, въ концѣ концовъ, сводится къ ратому, чтобъ пребывать въ должномъ положеніи во Христѣ. Много работы совершается на палубѣ корабля, пересѣкающаго Атлантическій океанъ. Но вся эта работа не содѣйствуетъ ходу корабля. Мореплаватель только снаряжаетъ свое судно: онъ устанавливаетъ руль и паруса надлежащимъ образомъ, и вотъ чудо совершается.

Такъ всюду: Богъ творитъ, человѣкъ пользуется.

Все дѣло міра состоитъ только въ томъ, чтобъ пользоваться уже существующими силами.

Богъ даетъ и вѣтеръ, и воду и тепло; человѣкъ только отдается вѣтру, заставляетъ колеса разсѣкать воду, поршень двигаться и, ставъ такъ передъ лицомъ Божіимъ, онъ видитъ, какъ всѣ силы всемогущества Божія начинаютъ дѣйствовать въ его душѣ. Онъ подобенъ дереву, посаженному у рѣки, листья его зелены, и оно всегда приноситъ плоды.

Таково глубокое поученіе, выносимое нами изъ созерцанія лиліи. Это голосъ природы, повторяющій слова Спасителя: „Пріидите ко Мнѣ, и Я упокою васъ“.

(Продолженіе будетъ).

Послѣднія времена.

Разсказъ.

Я занимался спѣшной работой по собиранію статистическихъ свѣдѣній о земледѣліи и сельской промышленности въ одномъ изъ уѣздовъ N—ой губерніи. Срокъ подачи этихъ свѣдѣній уже истекалъ, и я страшно торопился. Набѣгавшись за день по деревнямъ и помѣщичьимъ усадьбамъ, я, усталый и измученный, возвращался къ вечеру домой, въ занимаемую мною комнатку въ крестьянской избѣ деревни К—на, и тотчасъ же принимался за работу, которая продолжалась иногда до разсвѣта. Добытыя за день цифры стройными рядами размѣщались по графамъ составленной мною таблицы. Я былъ радъ, когда заполнялась одна страница за другою; работа кипѣла; цифры такъ и вертѣлись въ головѣ, сталкивались, складывались, умножались... Но иногда, словно по капризу, онѣ начинали разбѣгаться, путаться между собою, прятались куда-то, не слушались меня. Я раздражался; утомленное вниманіе уставало слѣдить за ними, подкарауливать и задерживать на лету, чтобы тотчасъ же водворить ихъ на мѣсто жительства въ той именно клѣткѣ моей таблицы, которая для нихъ предназначалась. Обязанность чисто полицейская. Работа усложнялась и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что крестьяне не одинаково считали десятину: въ одномъ обществѣ была одна мѣра, въ другомъ—другая, таблица же понимала казенную десятину въ 2,400 кв. саж., отчего показанія крестьянъ расходились между собою.

Ходъ мѣстной торговли полевыми произведеніями... плюсъ... минусъ... Поденная плата мужчинъ, женщинъ... Урожай—средній... выше средняго... Тщательно разлинованная бѣлая страница пестрила въ глазахъ, цифры врали; огарокъ свѣтилъ тускло и неровно, задуваемый вѣтромъ въ щели дребезжащаго, плохо сколоченнаго окна. Подъ самымъ ухомъ надоѣдалъ комаръ, выводя свою ноющую безконечную пѣсню. То оглушающе залаетъ въ сѣняхъ собака, то вдругъ громко забредитъ кто-нибудь изъ хозяевъ, спавшихъ въ повалку за перегородкой... Усатый

рыжій таракан стремительно выбѣгает изъ-подъ крышки стола, останавливается, щупаетъ мое перо, лижетъ чернила... Гоняясь за цифрами я отмахивался отъ комара, успѣвшаго выбрать себѣ удобное мѣстечко на моей шеѣ, тыкалъ перомъ въ усатаго таракана, ловко убѣгавшаго опять въ свой укромный уголокъ подъ столомъ, курилъ, ерошилъ волосы, открывалъ и закрывалъ окно, разсчитывая почерпнуть бодрость въ глубинѣ лѣтней ночи, — ничто не помогало. Приходилось оставить на сегодня работу. Промучившись еще съ полчаса, я легъ на жесткую постель и погасилъ свѣчу.

Начинался разсвѣтъ. На блѣдно-зеленоватомъ востокѣ, какъ серебряная стружка, выкатился нарождающійся мѣсяцъ. Въ избѣ, за перегородкой слышался чей-то тихій говоръ, вѣроятно говоръ бабки, хозяйской матери, имѣвшей обыкновеніе вставать раньше всѣхъ другихъ членовъ семьи. Дребезжащій, старческій голосъ повременамъ прерывался нѣжнымъ, робкимъ, дѣтскимъ шепотомъ.

— Громъ не будетъ гремѣть,—мужикъ мохомъ обростетъ. Бревно въ крови поворотится, звучалъ старческій голосъ мѣрно, однозвучно.— И выведется весь мужской корень... И въ полѣ семь бабъ надъ однимъ мужичьимъ слѣдомъ будутъ стоять и спорить. Одна скажетъ: мой мужъ прошелъ! а другая скажетъ: нѣтъ, мой!.. И загорится небо и земля; и вывезетъ нашъ бѣлый царь на своихъ бѣлыхъ плечахъ невѣрнаго царя басурманскаго...

Около моей кровати въ перегородкѣ между досками была щель. Я повернулъ голову и съ любопытствомъ началъ отыскивать взоромъ бесѣдовавшихъ между собою лицъ. Закоптѣлая низенькая комнатка съ голыми, неотесанными стѣнами; грязное полотенце на гвоздѣ; хозяйскій сѣрый кафтанъ съ шапкой и кушакомъ; уголъ широкой русской печи и край засореннаго остатками ужина стола. Таковъ былъ видъ съ моего наблюдательнаго поста. Я заинтересовался слышаннымъ. Мнѣ казалось, что я слышу голосъ далекаго, далекаго прошлаго, когда богатое воображеніе первобытнаго человѣка, подавленное страхомъ предъ могучими силами природы, одухотворяло видимые предметы, пытаясь разъяснить то, что для темнаго, неразвитаго ума не поддавалось разъясненію. Это былъ голосъ съ того свѣта. Устами бабки говорили наши отдаленные предки; не даромъ такъ сжата, правильна и картинна была ея рѣчь, очевидно, давно сложившаяся и отъ поколѣнія къ поколѣнію переходившая какъ пророчество.

Начинающійся день наполнялъ розовымъ полусвѣтомъ комнату, гдѣ шла бесѣда, и я скоро разглядѣлъ сѣдую голову старухи на печи. Это и была сама разсказчица. Она лежала на спинѣ, лицомъ къ темному

углу печи, подложивъ подъ голову полушубокъ. Лица ея мнѣ не было видно. Зато прямо противъ меня глядѣло свѣжее дѣтское личико дѣвочки лѣтъ одиннадцати. Она лежала рядомъ съ бабкой на томъ же изголовьи, облокотясь на тонкія бѣлыя рученки, какъ то бываетъ съ херувимами, нарисованными на иконахъ и потолкахъ въ церкви. Задумчивые, широко открытые, какъ бы проникающіе въ таинственную даль, глаза ея были устремлены на противоположную стѣну отъ печки и, казалось, они видѣли тамъ, далече за стѣнами все то, что рисовалъ бабкинъ разсказъ. По временамъ она оставляла свою неподвижную, какъ бы застывшую позу, и тогда русая головка повертывалась въ сторону бабки и быстрый шепотъ спрашивалъ:

— Когда же все это будетъ?

— Когда послѣднія времена придутъ, дитятко.

— А скоро это будетъ?

— Про то Богъ знаетъ. Можетъ быть ужь и пришли... Слышь, холера по народу гдѣ-то ходитъ.

По лицу дѣвочки пробѣжала какая-то напряженная мысль. Казалось, ей видятся эти послѣднія времена... большое поле, и это поле страшное, пустое—нѣтъ на немъ ни одного человѣка, ни одного живого существа. Вотъ выбѣгаютъ изъ лѣса семь бабъ въ бѣлыхъ рубахахъ, съ распущенными волосами, плачущихъ. Онѣ бѣгутъ по мертвому полю, наклоняются, разглядываютъ чьи-то слѣды на землѣ и вдругъ начинаютъ махать руками и спорить... Слышатся крики:—„Мой!“—„Нѣтъ мой!..“ Картина мѣняется. Мертвое желтое поле принимаетъ розовый отливъ, потомъ красный... Да это кровь. Кровь все прибываетъ, прибываетъ, и откуда она только берется? Вотъ ея, наконецъ, накопилось столько, что лежавшее среди поля тяжелое бревно всплыло, перевернулось кривымъ бокомъ книзу и поплыло по полю, колыхаясь въ густой человѣческой крови... Бѣлый царь на бѣлой лошади... Навстрѣчу ему, окруженный блестящимъ войскомъ, выѣзжаетъ невѣрный царь басурманскій, весь закованъ въ латахъ, голова съ пивной котелъ, плечи—косая сажень... Бѣдный бѣлый царь! У него нѣтъ ни друга, ни жены, ни войска, ни сына, — всѣ они полегли на мертвомъ полѣ, въ битвѣ съ невѣрнымъ царемъ, всѣ погибли, и въ ихъ-то крови плавало тяжелое бревно...

— Бабушка, за что-же Богъ наказываетъ такъ людей?

Въ голосѣ дѣвочки слышится жалость, болѣзненное выраженіе искажаетъ нѣжныя черты лица. Глаза готовы заплакать.

— За грѣхи, моя милушка... Господь въ наказаніе намъ посылаетъ потопъ, голодъ, моръ... Не образумятся ли люди, не вспомнятъ

ли Господа Бога. Если не образумятся, не вспомнятъ, то онъ отдаетъ приказаніе китамъ, на которыхъ стоитъ земля, чтобы они пошевелились...

— А вотъ ты говоришь—холера...

— Господь посылаетъ въ испытаніе... много грѣха накопилось на людяхъ. Праведники ужъ не могутъ этого грѣха поднять, мало ихъ... Перетянулъ грѣхъ людской и неправда добрыя дѣла въ мірѣ людскомъ... Охъ, Царь небесный, Батюшка!.. Согрѣшили грѣшные мы!..

— Ты говоришь—ходитъ... Какъ же это она ходитъ?..

— Кто?

— Да холера-то? Видала ты когда-нибудь ее?...

— Я не видѣла, а старики разсказываютъ, что была она у насъ... Въ нашей деревнѣ была.

— Какая же она изъ себя? Черная, страшная?..

— Нѣтъ, кормилка, и не черная и не страшная, а какъ бы жаръ трясучая... Вотъ что въ печи, аль надъ свѣчкой жаръ бѣлый бываетъ, безъ дыму... Его не видно, а онъ есть... Или еще: лѣтомъ на изгородяхъ и на избахъ видно при солнышкѣ, какъ свѣтъ переливается, дрожитъ... Ровно изгородь-то изъ воды сдѣлана, колышется подъ жаромъ-то.

— Я видѣла, бабушка:—какъ студень дрожитъ.

— Вотъ, вотъ... Такъ и холера. Ее не видно, какъ мы видимъ дерево, али человѣка, а у ней все есть: и ноги, и руки, и голова, и туловище. Ходитъ она невидимо по землѣ, ходитъ не какъ люди, а какъ гады ползаетъ... Отъ земли она подняться сама собой не можетъ, буде по дереву, либо по камню... Она не видитъ, а только запахъ чуетъ и голосъ человѣческій слышитъ. Когда она идетъ по землѣ, то человѣкъ можетъ это слышать: на рукахъ и ногахъ у ней желѣзные когти, и она ими стучитъ, царапаетъ. Живетъ она на днѣ моря и безъ Божьяго повелѣнія не можетъ двинуться, ровно окоченѣлая.

Лихіе люди другой разъ пускаютъ холеру нарочно въ рѣки и колодцы, это злые люди, нехорошіе... Большіе грѣшники, они знаютъ, что имъ прощенія отъ Бога не будетъ на томъ свѣтѣ за ихъ неправедную жизнь—ненавидящіе люди, колдуны, убивцы — вотъ они и думаютъ: „чѣмъ намъ однимъ погибать, такъ пусть гибнетъ съ нами и весь крещеный міръ".

— Что же такихъ людей въ острогъ не посадятъ? Почему не убьютъ?..

— Не знаютъ, дѣвочка. Какъ ты злого человѣка узнаешь? Онъ, вѣдь, самъ не скажетъ... Былъ у насъ,—старики разсказывали,—такой

случай: вѣдьма жила одна, холеру въ народъ пускала и сама холерой оборачивалась... Да это длинная сказка... Не пора ли намъ вставать; ужь день бѣлый, и куры съ насѣсти слетѣли... О-хо-хо!.. Царица Небесная, Матушка!.. Никола милостивый...

Старуха широко зѣвнула и перекрестила ротъ. Потомъ она подняла голову съ намѣреніемъ вставать, повидимому, но внучка, съ разгорѣвшимся отъ любопытства лицомъ, схватила ее за руку.

— Бабушка, милая, разскажи... Теперь вездѣ, говорятъ, холера ходитъ... Ну-же, баба... Вставать еще рано,—мамка спитъ, тятька и всѣ спятъ.

Дѣвочка ласкалась, какъ кошка, называла бабку самыми ласковыми словами. Признаюсь, я совершенно раздѣлялъ желаніе дѣвочки. Своеобразный взглядъ старухи на существо холеры былъ любопытенъ, и я невольно сближалъ его со взглядомъ науки на тотъ-же предметъ. Къ удивленію моему, много оказывалось общаго между тѣмъ и другимъ, если отбросить, разумѣется, все фантастическое, сказочное. Коховскія запятыя, невидимыя для глаза... сцѣпленіе запятыхъ въ колонны (движеніе, напоминающее движеніе пресмыкающихся)... Заразительность воды (бактеріи размножаются въ водѣ)... Холера не можетъ подняться на высоту (относительно высокія мѣста—горы—безопасны въ смыслѣ заболѣванія)... Все это конечно подмѣчено народной наблюдательностью, но затемнено, обезображено суевѣріемъ, вымысломъ и невѣжественной глупостью. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ продолженія разсказа. Улегшись поудобнѣе, я ближе пододвинулся къ щелкѣ, отчего наскоро сколоченная изъ дровъ и досокъ моя кровать чуть не обрушилась. Старуха подозрительно оглянулась въ мою сторону, но, успокоенная молчаніемъ за стѣной, опять легла на свое мѣсто. Разговоръ продолжался тише, но я все-таки могъ, съ нѣкоторыми усиліями, правда, слышать то, что говорилось старухою въ отвѣтъ на неотвязчивыя требованія внучки. Вотъ ея разсказъ:

... И люди думали, что настали послѣднія времена. Земля не родила хлѣба, засуха сожгла землю, скотъ палъ, появился моръ на людей. Каждый думалъ, ложась спать, что утромъ не встанетъ. Люди ужь не боролись со смертью, они надѣвали съ вечера бѣлые саваны, такъ и спали. Утромъ вставали и убирали мертвыя тѣла, таскали ихъ баграми въ большую яму. Пришло время — и мертвыхъ некому хоронить стало: тѣла валялись и гнили въ избахъ...

И нанесъ Богъ тогда въ деревню добраго человѣка—солдата, въ шинели, съ тесакомъ у бока. Пришелъ онъ ночью, постучался въ одну избу—тихо; постучался въ другую—какъ въ гробу все тихо. „Что за

чудо!“ думаетъ солдатъ: — „ни огня нигдѣ нѣтъ, ни голоса человѣческаго не слышно... даже собаки не лаютъ“. Однако голодъ не свой братъ, и ночлега тѣло проситъ. „Спятъ мужики“, думаетъ. Подошелъ къ одной избушкѣ, видитъ: раскрытое окно... и—скокъ прямо въ избу! А въ избѣ старуха, древняя-предревняя, въ саванѣ, на лавкѣ лежитъ и смерти дожидаетъ. И стала она солдата просить, чтобы ушелъ онъ изъ избы. „У меня“, говоритъ, „былъ мужъ, пять сыновей, внуки и внучата,—всѣхъ ихъ одинъ по одному прибрала холера. Сегодня мой чередъ“. Выслушалъ солдатъ и говоритъ:

— Я твоей холеры не боюсь. Пусть придетъ, попробуетъ...

И легъ спать у окна, на старухино мѣсто, и саблю возлѣ боку положилъ.

— Это, говоритъ, у васъ лихой человѣкъ завелся, холеру въ народъ пущаетъ.—Да ты не спишь ли, милушка?

— Нѣтъ, бабушка, не сплю.

— Ну, слушай! Жила тогда дьячиха у насъ, знахарка, все книжку читала, да травы собирала. Травами она, бывало, лѣчила народъ. Лѣкарскую свою часть оченно хорошо знала, человѣка она могла испортить, отъ ея глаза, недобраго да угрюмаго, человѣкъ самъ не въ себѣ дѣлался...

— Пустяки это, бабушка! У насъ въ школѣ учитель говорилъ, что въ колдовство нельзя вѣрить.

Дѣвочка, проговоривъ это, казалось, такъ и просила, чтобы бабка опровергнула только-что высказанное ею мнѣніе. Такъ много заманчиваго и страшнаго въ колдовствѣ.

И старуха не замедлила съ опроверженіемъ:

— Вретъ твой учитель, сказала она, недовольная тѣмъ, что авторитетъ ея поставленъ на одну доску съ авторитетомъ учителя. Колдовство есть и было, и будетъ. Ему надо вѣрить и беречься лихого и недобраго человѣка. Вонъ недавно въ Сосницахъ свадьбу испортилъ колдунъ, всѣхъ поѣзжанъ въ медвѣдей оборотилъ. Вся округа у него въ рукѣ: присушить ли кого, вора ли указать, кровь заговорить, — и заговоритъ, и присушитъ, и вора укажетъ. Вѣрь, дѣвонька! Въ ковшъ поглядитъ — все видитъ. Захочетъ извести человѣка — слѣдъ вынетъ. Вотъ, милая, какіе колдуны-то бываютъ. Вотъ отчего ихъ не любятъ, боятся. Они все знаютъ и все имъ открыто. Они чорту душу продаютъ, прости Господи!.. Почемъ мы съ тобой знаемъ, что онъ въ ступѣ толчетъ, али кипятитъ въ горшкѣ? А онъ знаетъ. Ему открыто, а намъ закрыто. Ты думаешь, онъ глядитъ такъ, зря на тебя? Анъ, нѣтъ! Не успѣешь шагу ступить, какъ запоешь пѣтухомъ, а нѣтъ со-

бакой залаешь... Выпьешь стаканъ воды, а вода-то заговоренная, глядь — жаба въ середкѣ у тебя и завелась. Ружье заговариваютъ — чего? желѣзо! Бойся ихъ, ангельчикъ! Кланяйся пониже, буде встрѣтишь, а еще лучше не встрѣчай, семь верстъ кругу дай да не встрѣчай... Учитель!.. Уменъ больно. Нѣтъ, ты стариковъ послушай! Лаской да поклономъ обойди лихого человѣка. Упаси Богъ, лихой человѣкъ навяжется! Еще въ гробъ вгонитъ — это хорошо! А то до гроба-то пока дойдешь — жизнь проклянешь...

Не знаю, что думала дѣвочка въ это время. Она молчала, — но потому ли, чтобы вслухъ высказаннымъ сомнѣніемъ не смутить разсказчицу, или же она поддавалась вліянію взрослаго человѣка и понемножку начинала вѣрить тому, во что вѣрилъ старый, пожившій, да еще родной, къ тому же, человѣкъ. Обо всемъ этомъ я хотѣлъ поговорить съ ней на другой день. Теперь же мысли мои приняли иное направленіе.

Болтовня старухи натолкнула меня на размышленіе, касающееся недавнихъ прискорбныхъ событій — холерныхъ безпорядковъ. И мнѣ стали ясны и озлобленіе, и жестокость, которыя появляются иногда у *обдѣленнаго знаніемъ* человѣка по отношенію къ *знающему*. „Упаси Богъ такой человѣкъ навяжется“... „Поклономъ да угожденіемъ обойди“ *знахаря*, т. е. знающаго человѣка, въ рукахъ у котораго *сила*, хотя и нечистая (непонятная, необъяснимая для *незнающаго*, темнаго человѣка)... Съ такимъ взглядомъ трудно иначе и держать себя, какъ держитъ обдѣленный: боится всего, сторонится, потому что *знахарь* (*знающій* — то-жъ) — огонь, съ которымъ надо обращаться умѣючи: огонь варитъ пищу, но онъ же производитъ и пожары. Это ножъ, который рѣжетъ хлѣбъ, дѣлаетъ пастуху свистульку; но онъ же распарываетъ животы и перерѣзываетъ горла, смотря по тому, въ чьихъ рукахъ находится. У „лихого“ человѣка, чувствующаго за собой „неотмоленный грѣхъ“, человѣка, который и *не надѣется на спасеніе у Бога*, огонь и ножъ — ужасныя орудія: ему все равно „въ аду кипѣть“. Сторонись такого человѣка: онъ *знаетъ*, какія слѣдствія будутъ, если онъ свое знаніе приложитъ такъ или иначе къ жизни; онъ можетъ поступить хорошо, и дурно, и если не поступаетъ хорошо, то значитъ *не хочетъ хорошо поступить*. Онъ во зло употребляетъ дарованное ему судьбой или случаемъ знаніе. Смотри за такимъ человѣкомъ въ оба, держись стороной и знай, что за пазухой у *знахаря* много такихъ штукъ, *знаніе* которыхъ тебѣ не дано. Но если судьба столкнетъ тебя съ нимъ на одной дорожкѣ? Какъ ты отъ него уйдешь? Сумѣй отъ него избавиться тѣми средствами, *какія тебѣ извѣстны*...

Вся штука въ смыслѣ „добрый“ и „злой“. Одна и та же сила у „добраго“ и „злого“ проявляются различно. Старая дьячиха, обладавшая *знаніемъ* тайной силы травъ, могла быть и „доброй“ и „злой“. Ея воля. Тутъ никто, никто ей не поперечитъ, не укажетъ, потому что темный умъ, какъ въ потемкахъ, какъ въ лѣсу передъ этой тайной. Благо или зло замышляетъ *знахарь*? Если польза людямъ есть — это благо, и знаніе это дается Богомъ; въ противномъ случаѣ—оно дается нечистой силой. А съ нечистой силой борьба коротка: не помогаетъ молитва — ложись и умирай. Но если человѣкъ къ тому же обладаетъ злой волей? Если въ немъ корысть заговорила? Куда уйти? гдѣ найти спасеніе отъ такого человѣка?.. Есть только два средства: первое—доказано ужасомъ холерныхъ безпорядковъ („отравляютъ воду“, „живыхъ хоронятъ“ и т. п.). Такъ поступаютъ тѣ, у кого нѣтъ своего разумѣнія, кто теменъ, ничтоженъ, жалокъ, при сознаніи, что онъ защищаетъ свою жизнь и жизнь близкихъ ему людей — жены, матери, семьи. Онъ чувствуетъ себя въ положеніи загнаннаго въ западню и пойманнаго зайца, который, говорятъ, передъ смертью больно кусается. Отчаяніе придаетъ ему силу. Человѣкъ же, какъ говорится, „развязываетъ свои руки“, т. е. слагаетъ съ себя всякую нравственную отвѣтственность за свои поступки. Онъ обороняется. Онъ не хочетъ безропотно умереть. Онъ *все* готовъ снести, претерпѣть, но когда приходится отдавать послѣднюю свою собственность — шкуру, безъ всякой видимой причины и вины—тогда онъ на нѣкоторое время дѣлается звѣремъ. И кто же изъ насъ, образованныхъ людей и *христіанъ*, снесетъ заушеніе, оплеваніе и пр. безъ протеста, иногда грубаго, звѣрскаго же? А вѣдь здѣсь человѣкъ глубоко и искренно убѣжденъ, что онъ стоитъ за свое право—жить. Ни въ какой другой формѣ онъ не можетъ выразить протеста противъ кажущагося грѣха, насилія. Вѣдь такой жалкій и темный человѣкъ *не считаетъ себя жестокимъ*, а—тѣхъ, кто отравляетъ, по его мнѣнію воду, подсыпаетъ порошки въ провизію, заставляетъ въ корчахъ и мукахъ страдать его милое ненаглядное дитя, невинное созданіе, ангельскую душеньку; милую добрую жену, съ которой такъ много пережито хорошихъ и горькихъ минутъ, любимую сестру, родную мать,—съ роду никому не дѣлавшихъ не только не дѣлавшихъ, но и не желавшихъ зла. *Вотъ кто жестокіе и безжалостные люди*, думаетъ такой человѣкъ, и разноситъ больницы—притонъ невѣдомыхъ ему людей, гнѣздо ужаснаго *знанія*, которое по всякимъ божескимъ и человѣческимъ законамъ должно бы итти ему на пользу, а пользы нѣтъ...

Такъ думаетъ невѣжественный человѣкъ, бѣдный и жалкій, неизвѣстно за что и про что, за чьи грѣхи принужденный умирать...

Онъ превратился въ звѣря, руки у него развязаны, и онъ борется, какъ знаетъ...

Кто же виноватъ?

Единственное средство отъ всякихъ такихъ ужасовъ—просвѣщеніе. Пусть *знающій* и *добрый* человѣкъ подойдетъ къ тебѣ и объяснитъ твоему темному уму, гдѣ правда, гдѣ свѣтъ, чтобы ты могъ, какъ птенецъ подъ крыльями орлицы, укрыться отъ умственныхъ стужи и холода въ темную безпріютную ночь. Найди такого добраго человѣка и повѣрь ему...

Но гдѣ же найти?..

Занятый своими мыслями, я пропустилъ часть изъ дальнѣйшаго разсказа бабки...

... Перекрестился солдатъ и махнулъ своей вострой саблей, говорила старуха:—только искорки посыпались отъ желѣзныхъ когтей... и *она*, какъ мѣшокъ, грузно упала за окошко... „Ну“, говоритъ, „старуха, вставай, не будетъ *она* больше трогать крещеныхъ... Я, говоритъ, твою холеру саблей зарубилъ. Не бойся, давай ужинать собери, а завтра найдемъ виноватаго!“

Встала старуха ни жива ни мертва, собрала солдату ужинать... Что же ты думаешь, дѣвонька моя,—нашли вѣдь *ее* подлую, холеру-то! Велѣлъ солдатъ собраться всѣмъ, кто въ живыхъ былъ, утромъ, и велѣлъ показать руки: у всѣхъ руки какъ руки, а у дьячихи поперекъ пальцевъ на обѣихъ рукахъ черныя полосы — какъ саблей ударено... „Вотъ она, говоритъ, холера ваша?

— Ой страшно, бабушка!

— Вотъ глупенькая! Надо Богу молиться, что народъ крещеный отъ смерти спасся... А она—страшно...

— Что же, *она* перестала ходить?

— И, родная! Тутъ *ей* и конецъ приключился. Взяли мужики *ее*, да въ срубъ, а срубъ-то подожгли...

— Кого это, бабушка, неужели дьячиху?

— А то кого же? Она, вѣдь, старая вѣдьма, въ холеру-то оборачивалась, по ночамъ ходила, души христіанскія губила...

— Бабушка...

— Да что, родная, — перебила старуха хотѣвшую говорить дѣвочку:—Есть такіе, что глаза отвести могутъ: ты глядишь на него, а онъ нырнетъ въ ковшъ съ водой и пропалъ... Али, къ примѣру, нарисуетъ на стѣнѣ лодку, сядетъ въ нее и поминай какъ звали! Уѣдетъ... Никакіе замки и крѣпи не подержутъ.

— Бабушка! Да вѣдь дьячиха-то могла бы тоже отвести глаза.

— А крестъ-то на что?.. Крестомъ ее, противъ креста нечистая сила во вѣкъ не устоитъ. Сказываютъ: лѣзла изъ огня-то, невидимкой сдѣлалась, такъ по багру узнавали... Чей багоръ задрожитъ, значитъ, затрясется это она поганая... Ну, и багоръ въ огонь...

Послѣдній лучъ сомнѣнія, казалось, звучавшій въ голосѣ дѣвочки, пропалъ: столько было вѣры и искренняго негодованія въ разсказѣ бабки...

— Ты давича говорила—послѣднія времена... Кто же про это знаетъ? И бревно, и кровь...

— Въ книгахъ написано... Опять же святые отцы черезъ благочестивыхъ людей даютъ знать намъ... Недавно страннику, сказываютъ, было видѣніе: вышелъ изъ лѣсу навстрѣчу къ нему, весь въ бѣломъ, большой-пребольшой человѣкъ. Странникъ испугался... А тотъ ему: — „не бойся, человѣче! Я Николай Чудотворецъ. Погляди черезъ правое плечо“. Поглядѣлъ странникъ черезъ правое плечо: хлѣба видимо-невидимо понаставлено.—„Теперь гляди черезъ лѣвое плечо!“ Поглядѣлъ странникъ черезъ лѣвое плечо,—все мертвыя тѣла, все тѣла... „Вотъ, человѣче,“—говоритъ Микола Милостивецъ,—„запомни и разскажи людямъ: и хлѣба будетъ много, да ѣсть его некому будетъ“... И сталъ невидимъ. Книга тоже съ неба, сказываютъ, упала... Охо-хо! Царица Небесная, Микола Милостивый, согрѣшили мы грѣшные!.. Знать послѣднія времена пришли...

Долго, когда уже всѣ въ домѣ встали—и дѣвочка, и старуха—я не могъ уснуть. Я не спалъ всю ночь. Я все думалъ о разсказѣ старухи. Что это? Бредъ сумасшедшаго? Сколько вѣры, самой крѣпкой, истинной вѣры во все то, что говорила она! Можетъ быть такіе разсказы живутъ уже тысячи лѣтъ въ народѣ. Но наши школы, наши арміи преданныхъ дѣлу народа слугъ и друзей, — гдѣ вы сильные и смѣлые, гдѣ вы бодрые бойцы? Я взглянулъ на мою таблицу—она тоже говорила о *послѣднихъ временахъ...* Невѣжество и нищета... нищета духовная и матеріальная! Гдѣ народъ? Его нѣтъ — ни въ таблицѣ моей, ни въ жизни; за него дѣйствуютъ проходимцы, вродѣ солдата бабкинаго и странника. И тотъ и другой творятъ *чудеса*. Народъ ждетъ чего-то ужаснаго и спасеніе отъ этого ужаснаго видитъ только *въ чудѣ*. Въ свою силу и въ силу своей мысли онъ, какъ будто, не вѣритъ. За кѣмъ-нибудь надо итти! За кѣмъ же онъ пойдетъ?

Грустно мнѣ было. Грустно еще и потому, что я зналъ множество, подобныхъ вышеприведенному, разсказовъ, въ изобиліи появляющихся именно въ трудныя времена, въ *послѣднія*. Къ нимъ прислушиваются даже и тѣ, кто не вѣритъ такимъ росказнямъ. Очевидно, мысль народная мятется, теряется въ путяхъ, въ догадкахъ, ощупью

ищетъ дорогу и, не находя ея, обращается къ чудесной старинѣ, къ старымъ людямъ, къ чертовщинѣ, къ чудесамъ. Не весело встрѣтилъ я восходящее солнышко, не весело взглянулъ на свои таблицы, надъ которыми съ такимъ увлеченіемъ съ вечера работалъ. Мнѣ хотѣлось бросить все и уйти, уйти куда-нибудь дальше отъ людей. Безплодныя старанія! Никому ни на что не годная и не нужная работа! Я чувствовалъ себя такъ, какъ будто самъ повѣрилъ въ послѣднія времена.

Но я ошибался.

Довольно было пяти минутъ при встрѣчѣ съ дѣвочкой, довольно было взглянуть въ ея глаза, умныя и ясныя, услышать серебристый и добрый ея смѣхъ, когда я сказалъ, что слышалъ ихъ разговоръ ночью,— и всѣ мои опасенія исчезли. Старуха—пускай она говоритъ, пусть своими источенными старыми зубами грызетъ камень! Что пользы увѣрять ее, что это вредно для зубовъ. Все равно не увѣришь, да и не долго ей осталось жить. Посмѣемся надъ нею, но посмѣемся не зло, пусть нашъ смѣхъ будетъ веселый и добрый, какъ смѣхъ дѣвочки. Это даже хорошо—ея разсказы страшные; они только признакъ времени смутнаго, признакъ кристаллизующейся новой народной мысли. Они, разсказы эти, безъ всякой опасности могутъ быть повторены даже въ школѣ, и это даже хорошо, если ихъ будутъ разбирать въ школѣ, на ряду съ баснями и сказками. Они не помѣшаютъ кристаллизаціи, какъ ни что ей не помѣшаетъ. Какъ ни ничтожна крупица знанія, даваемая школой, но эта крупица—лучъ солнца. Я видѣлъ этотъ лучъ на лицѣ дѣвочки. Какъ солнце, днемъ онъ будетъ свѣтить ярко, и только развѣ ночью, когда солнце спрячется, онъ на время померкнетъ вблизи умирающей грубой старины, подъ нашептываніе бабушкиныхъ сказокъ.

Як. Егоровъ.

ЗАРУБЕЖНОЕ СЛАВЯНСТВО.

Далмація.

(Письмо).

Прошлымъ годомъ образовалось въ Вѣнѣ общество для поднятія въ хозяйственномъ отношеніи Далмаціи, по почину чешскаго аристократа, графа Ивана Гарраха. Цѣль общества: при участіи самихъ далматинцевъ и при помощи центральнаго правительства въ Вѣнѣ поднять хозяйственное благосостояніе Далмаціи.

Общество прежде всего стремится къ постройкѣ въ Далмаціи желѣзной дороги, которая бы соединялась съ сѣтью государственныхъ австро-венгерскихъ желѣзныхъ дорогъ. Невѣроятно, но таково на самомъ дѣлѣ: эта страна на Адріатическомъ морѣ, благодаря которому Австрія считается приморскимъ государствомъ, не имѣетъ ни одной желѣзной дороги. Существуетъ только внутренняя дорога между Сплѣтомъ-Шибеникомъ-Книномъ, построенная правительствомъ 20 лѣтъ тому назадъ, и то по настояніямъ одного италіанскаго общества, разрабатывающаго угольный рудникъ въ „промонскихъ" горахъ (гдѣ былъ нѣкогда древній римскій городъ Промона). Общество это хотѣло построить дорогу на свой счетъ. Правительство, чтобы не уступить этому обществу пользованіе страною, само построило эту дорогу. Но такъ какъ она соединяетъ только три мѣста въ срединѣ Далмаціи и осталась обособленной, то странѣ не приноситъ пользы, а государство несетъ постоянныя приплаты.

Въ настоящее время въ Босніи сооружается желѣзная дорога отъ Сараева до Сплѣта (въ средней Далмаціи), которая бы соединяла Боснію съ Адріатическимъ моремъ, съ Далмаціей. Новая линія Травникъ-Бугойно уже готова въ Босніи и будетъ продолжена до далматинской границы. Но въ Далмаціи еще не дѣлаютъ ничего.

Вообще въ Вѣнѣ въ правительственныхъ кругахъ мало занимались этой далекой землей, а къ тому же теперь мадьяры выжимаютъ всё соки въ особенности изъ Босніи и Герцеговины для столицы своей Будапешта. И потому, если бы я хотѣлъ правдиво описать экономиче-

ское состояніе этого края, мнѣ бы пришлось набросать очень мрачную картину.

Народъ у моря жилъ „поморствомъ“. Бока-Которская и Дубровницкая республика славились на морѣ своимъ торговымъ мореходствомъ до начала нашего вѣка. Пароходы (не мѣстные, но иностранные) убили торговое мореходство, и народъ погибъ въ хозяйственномъ отношеніи. А дальше отъ моря, во внутренней Далмаціи народъ — сплошь простые земледѣльцы, не видавшіе ничего и обрабатывающіе землю первобытнымъ способомъ.

Въ Далмаціи есть одна внутренняя шоссейная дорога, построенная французами. Французы за краткое время своего владѣнія сдѣлали чудеса для хозяйственнаго благосостоянія Далмаціи, образовали удобное сообщеніе, построили мосты, учредили охрану лѣсовъ, не говоря уже о другихъ культурныхъ преобразованіяхъ. (Французы объявили равноправность вѣроисповѣданій и освободили православныхъ отъ юрисдикціи римокатолическаго духовенства). Послѣ французовъ всѣ успѣхи прекратились.

Здѣсь я немного остановлюсь, чтобы отмѣтить дни, знаменательные въ новой исторіи Далмаціи.

Вмѣстѣ съ гибелью независимыхъ балканскихъ государствъ, особенно независимыхъ князей въ Босніи и Герцеговинѣ, это приморье, называемое Далмація, также утратило возможность вести самостоятельную народно-государственную жизнь. Изъ за обладанія Далмаціей воевали Венгрія, Венеція и турки.

Послѣ многихъ тщетныхъ усилій, республика венеціанская взяла наконецъ Далмацію около 1420 г. послѣ того, какъ ей сдались главные приморскіе города. Въ этомъ году республикѣ подчинены слѣдующіе города:—Задръ, Нинъ, Шибеникъ, Трогиръ, Сплѣтъ и острова: Хваръ, Брачъ, Корчула. Князь Іоаннъ, отъ имени венгерскаго короля Сигизмунда, управляетъ изъ Цетины мѣстностями: Ключемъ, Травникомъ (въ Босніи) и Синемъ, Клисомъ, Омишемъ (въ Далмаціи).—Макарска и Неретва принадлежатъ къ воеводству Кульміи (въ Герцеговинѣ) и подчинены Сандалю Храничу. — Бока Которская (Каттаро) предалась Венеціи также. Такимъ образомъ при Сигизмундѣ прекращается владычество венгерскихъ королей надъ приморскими городами и островами. Внутренняя Далмація еще подчинена Венгріи: король венгерскій сохраняетъ верховную власть, но управляютъ маленькіе царьки и вассалы.

Затѣмъ Сигизмундъ началъ войну противъ венеціанской республики. По заключенному договору Сигизмунду опять была предоставлена внутренность верхней Далмаціи, а Республикѣ все приморье, кромѣ Дубровника.

Дубровникъ, въ то время городъ свободный, подъ покровительствомъ венгерскаго короля, которому выплачиваетъ небольшую дань. Бока-Которская остается подъ властью Республики, которая даетъ ей названіе „Венеціанской Албаніи“.

Это такъ называемое венеціанское „старое владѣніе“ (possesso vecchio).

Вслѣдствіе турецкаго нашествія, границы значительно измѣнились. Турки распространились по всей Далмаціи, до самаго моря. Республика удержала только укрѣпленные на морѣ города и острова.

По договору, заключенному въ Карловцахъ (1699 года) проведены слѣдующія границы между Венеціей и Турціей: въ верхней Далмаціи черезъ слѣдующія мѣста: Книнъ, Синь, Врлика, Вргорацъ, Читлукъ, Клекъ;—въ Бокѣ-Которской: отъ Суторины до Герцегноваго, Рисна и Каттара. Все пространство между этими границами (кромѣ Дубровника) названо было республикою: „новое завоеваніе“ (Acquisto nuovo).

По договору, заключенному въ Пожаревцѣ, распространено владычество республики за помянутыя выше границы (Книнъ-Вргорацъ). Но увеличеніе это было незначительно. Говорятъ, что турки подкупили инженера Жарковича, проводившаго границы. Новая граница называется „новѣйшее завоеваніе“ (Acquisto nuovissimo).

Вотъ венеціанская Далмація, существующая и по сей день. Въ такомъ видѣ застала ее французская революція и Наполеонъ I, погубившій Венеціанскую республику и столько другихъ государствъ и династій.

Пока еще велись переговоры о мирѣ въ *Campoformio*, Австрія послала генерала Руковину занять Далмацію. 1-го іюля австрійское войско взяло Задръ, а 1-го августа довершено занятіе „Венеціанской Албаніи“ (Боки Которской). Австрія начала вводить свое управленіе, но тутъ Далмація перешла къ Франціи по Пресбургскому договору. 19-го февраля 1806 г. французы заняли Далмацію, въ то время, какъ русскіе взяли Боку Которскую. Въ іюлѣ 1807 г. французы уничтожили сельскую республику въ Полицахъ за то, что маленькая республика эта вошла въ союзъ съ русскими противъ нихъ.

31-го января 1808 погибла Дубровницкая республика. Французы захватили ее и вели изъ Дубровника военныя дѣйствія противъ Боки Которской. Въ этомъ году русскій флотъ вышелъ изъ Адріатическаго моря.

Французы отмѣнили венеціанское управленіе и сразу же начали свои преобразованія, чрезвычайно благотворныя въ административномъ смыслѣ. Въ политическомъ отношеніи произошла слѣдующая перемѣна:

До указу Наполеона I, Дубровникъ, Бока Которская и островъ Корчула образуютъ *Дубровацкую провинцію*, а верхняя Далмація присоединена къ области *Иллирскихъ провинцій*, столицей которой была Люблянa.

Наполеонъ I хотѣлъ возродить старую Иллирію!

Въ 1813 и 1814 г. Австрія снова заняла войсками Далмацію и удержала ее до настоящаго времени. Сначала она сохраняла французскую администрацію. Но французскаго духа не стало. Черезъ нѣсколько лѣтъ началось движеніе въ пользу церковной уніи.

Здѣсь надо упомянуть, что все далматинско-славянское населеніе съ радостью приняло вѣсть о прибытіи русскаго флота и желало вступить въ переговоры съ русскими о дѣйствіяхъ противъ французовъ. Въ сочувствіи этомъ къ Россіи не было разницы между православными и католиками.

Лучше всего это видно изъ образа дѣйствій маленькой Полицкой республики. „Полица"—это мѣстность за Сплѣтомъ, состоящая изъ 12 селъ и принадлежащая теперь къ административной общинѣ Сплѣта. Съ тѣхъ поръ, какъ стали падать народныя династіи на Балканскомъ полуостровѣ, за все время войнъ Венеціи съ Венгріей, потомъ во время турецкаго нашествія, мѣстность эта сохраняла свою административную самостоятельность и называлась „Республика Полицкая". Народъ избиралъ своего князя. Маленькая республика признавала надъ собой верховную власть венгерскихъ королей, послѣ же гибели Венгріи сдѣлалась независимой. Всѣ жители ея римокатолики *). И все-таки эта республика, во время переворотовъ начала этого вѣка, искала союза съ русскими войсками и воевала вмѣстѣ съ ними противъ французовъ.

Далматинскіе славяне дѣйствовали такъ подъ вліяніемъ народнаго чувства, такъ какъ они знали, что русскіе—славяне. Съ другой стороны ихъ побуждала къ этому непріязнь къ французамъ, которыхъ священники ихъ объявили врагами Церкви...

Теперь станемъ продолжать.

Вышеупомянутое общество въ Вѣнѣ между прочимъ сбратило особенное вниманіе на большія природныя богатства этой страны: прекрасное мѣстоположеніе, море и чудесный климатъ. Все побережье лѣтомъ бываетъ чрезвычайно удобно для морского купанья, а зимою въ Далмаціи бываетъ теплѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ на морскомъ берегу не было снѣга, а если и выпадалъ, таялъ тотчасъ-же. На островахъ далматинскихъ тоже не бываетъ снѣга. Въ Дубровникѣ и

---

*) Но прежде были православными и навсегда сохранили въ церкви славянскую литургію.

Которѣ, кромѣ апельсиновъ и лимоновъ, растущихъ на открытомъ воздухѣ и цвѣтущихъ даже среди зимы, вы увидите и высокія плодоносныя пальмы (palma dactilifera).

Красотою и пріятнымъ климатомъ извѣстна повсюду и прославлена Абація возлѣ Рѣки (Fiume). Но любое мѣстечко въ Далмаціи можетъ поспорить съ Абаціей. Здѣсь только нѣтъ хорошихъ путей сообщенія (а путешественники избѣгаютъ ѣздить по морю) и нѣтъ никакихъ удобствъ. Помянутое общество замѣтило эти недостатки и постарается ихъ устранить. Оно построитъ въ Далмаціи гостиницы. Уже собранъ капиталъ въ 400.000 гульденовъ для постройки двухъ гостиницъ въ Которѣ и Дубровникѣ и лѣчебницы (Curstation) въ немъ же. Такъ что первымъ долгомъ общество это будетъ знакомить свѣтъ съ этой прекрасной, малоизвѣстной землей, чтобы обратить на нее общее вниманіе и привлечь сюда путешественниковъ. Начало уже сдѣлано.

И иностранцы стали знакомиться съ Далмаціей. Въ прошломъ году пріѣзжало сюда много путешественниковъ, которые наслаждались Далмаціей каждый по своему: кто переѣзжалъ съ острова на островъ, дивясь волшебной красотѣ голубого неба, кто любовался остатками древнихъ римскихъ укрѣпленій, величественныхъ и въ развалинахъ. Притомъ отсюда вездѣ открыта дорога въ Черногорію „—соколиное гнѣздо“, которая также привлекаетъ путешественниковъ.

Поэтому-то и мнѣ захотѣлось написать нѣсколько словъ о Далмаціи для „Р. Б.“. Мною руководитъ тутъ чувство любви къ отечеству, но, полагаю, что сдѣлаю пріятное и читателямъ этого славянскаго повременника, сообщивъ имъ кое-что объ этой забытой славянской землѣ.

Далмація — узкая полоса земли, между 42 — 44 град. широты и 32—37 град. долготы. Съ востока съ нею граничатъ Боснія и Герцеговина, съ юга — Черногорія, съ сѣвера Истрія (отдѣльная австрійская провинція), а съ запада —Адріатическое море. Съ сѣвера принадлежатъ къ Далмаціи слѣдующіе острова: Рабъ (Arbe), Пагъ (Pago), Сильба (Selve), Олибъ (Ulbo). На материкѣ съ сѣвера крайній городъ ея— Нинъ, а съ юга — округъ Спичъ, граничащій съ черногорскимъ приморьемъ.

Далмація получила свое имя еще со временъ древняго Рима. Во время римской имперіи Далмація была значительно больше и захватывала собою нѣкоторую часть Истріи, Босніи, Герцеговины и Черногоріи. Теперь пространство ея уменьшилось до вышесказанныхъ границъ, какою оставила ее Венеціанская республика и застали французы, а потомъ австрійскій захватъ.

Въ послѣднее время произошла небольшая перемѣна. Турція, владѣя Босніей, имѣла два выхода къ Адріатическому морю, Клекъ (на Неретвинскомъ каналѣ) и Суторину (въ Бокѣ Которской, возлѣ Герцегноваго). Эту узкую полоску на морѣ уступила Турціи бывшая Дубровацкая республика, изъ политическихъ соображеній, чтобы вмѣсто нѣсколькихъ хищныхъ сосѣдей около своего маленькаго государства имѣть только одного. Теперь эти мѣста также принадлежатъ Босніи и Герцеговинѣ, но земли эти заняты Австріей. Притомъ, по опредѣленію Берлинскаго трактата 1878 г., Австрія заняла съ юга и Спичъ (общину въ 5000 человѣкъ) отъ Черногоріи до приморья, отданнаго Черногоріи (Баръ и Ульцинъ). По этому же трактату Австрія имѣетъ морской полицейскій надзоръ въ Черноморскомъ приморьи.

Далмація теперь отдѣльная австрійская провинція или губернія. Главный городъ Задръ, мѣстопребываніе губернатора (точнѣе: намѣстника, или по-нѣмецки Statthalter'а), и лицомъ этимъ бываетъ генералъ, облеченный военной и гражданской властью. Жителей въ Далмаціи 500,000 чел. Изъ нихъ 100,000 православныхъ, а остальные всѣ римокатолики.

Я уже говорилъ вамъ о сѣверныхъ далматинскихъ островахъ и продолжу о нихъ. Вся Далмація окружена островами, большими и маленькими, между тѣмъ, какъ берега Италіи по другую сторону Адріатическаго моря, совершенно пусты и голы. Кромѣ вышепомянутыхъ острововъ Далмаціи болѣе замѣчательны: Углянъ (Ugliano), Брачъ (Brazza), Хваръ (Lesina), Висъ (Lissa), Корчула (Curzola), Млѣтъ (Меледа). Есть и еще множество меньшихъ. Среди моря—островъ Пелагружа (Relagosa), находящійся на равномъ разстояніи отъ Далмаціи и отъ Италіи, почему Италія и оспариваетъ у Австріи обладаніе этимъ островомъ. Всѣ большіе острова населены. На меньшіе острова пріѣзжаютъ далматинцы на время, пасти скотъ или ловить рыбу.

Эти острова—краса Далмаціи. Но и на материкѣ природа восхитительна. Острова только еще болѣе оттѣняютъ очаровательность страны.

Берега Далматинскіе прекрасны. Подобно Греціи, вся земля изрѣзана заливами и пристанями. Проѣзжая по Далмаціи, путешественникъ то видитъ себя въ береговой излучинѣ, то въ широкомъ морѣ, которому не видно конца, то снова вступаетъ въ мирный заливъ, какъ въ озеро. Сербскій писатель Любиша выразился о Бокѣ Которской, что тамъ природа, шутя, творила чудеса; то же можно сказать и о всей Далмаціи.

Въѣзжая въ Далмацію извнѣ, обычнымъ путемъ по морю, изъ Тріеста или Рѣки, попадешь въ Задрскій протокъ и по немъ въ

главный городъ Задръ. Каналъ Задрскій тянется по материку и между островами до Шибеника и прерывается лишь въ одномъ мѣстѣ.

Возлѣ Шибеника (Sebenico) большая гавань, въ которую попасть можно черезъ очень узкій морской проливъ. Изъ гавани выходитъ каналъ и протекаетъ во внутрь страны до города Скрадина и до водопада на рѣкѣ Ркѣ. Водопадъ на Ркѣ красивѣйшій въ Европѣ.

Въ срединѣ Далмаціи—Сплѣтъ (Spalato—15,000 жителей), самый большой ея городъ, самый важный по торговлѣ, благодаря его мѣстоположенію; ему готовится прекрасная будущность отъ соединенія его съ Босніей желѣзной дорогой.

Передъ Сплѣтомъ раскинулась Кастельская долина. Ее можно назвать *Ривьерой* Далмаціи. Это долгое ровное приморье отъ Трогира (Trau) до Сплѣта и моря, защищенное съ сѣвера горами. Названіе его Кастели произошло отъ семи Кастелей (кастель—за́мокъ), воздвигнутыхъ нѣкогда для защиты отъ турецкаго нашествія. По минованіи опасности возлѣ каждаго Кастеля выросли мало по малу городишки и всѣ вмѣстѣ носятъ общее имя „Кастели".

Сплѣтъ тоже извѣстенъ со временъ Рима. Здѣсь въ заливѣ, на морскомъ берегу, римскій императоръ Діоклетіанъ построилъ величественный дворецъ и, по отреченіи отъ престола, поселился въ своемъ дворцѣ. Когда варвары разрушили большой римскій городъ Салону (близъ Сплѣта), римляне оттуда перебрались въ Діоклетіановъ дворъ. Новое поселеніе получило прозвище по этому дворцу (Palatium-Spalato).

Отъ дворца Діоклетіанова сохранились стѣны и даже одинъ цѣлый памятникъ. Это былъ римскій храмъ, хотя нѣкоторые археологи утверждаютъ, что это мавзолей самого Діоклетіана. Во всякомъ случаѣ въ мірѣ немного такихъ важныхъ римскихъ памятниковъ, настолько хорошо сохранившихся.

За Сплѣтомъ, на разстояніи получаса пути, Солинъ (Salona), въ настоящее время—деревня. Тутъ находятся развалины древней Салоны, въ которыхъ уже нѣсколько лѣтъ производятся раскопки. Углубляясь во внутрь страны, увидите на горѣ крѣпость Клисъ, знаменитую въ исторіи Далмаціи средняго времени. Изъ крѣпости этой сербы (извѣстные подъ особеннымъ именемъ „ускоковъ"), бѣжавшіе отъ нашествія турокъ изъ Босніи и Старой Сербіи, давали сильный отпоръ турецкимъ войскамъ и могли держаться долгое время. Исторія этихъ „ускоковъ" имѣетъ большую важность. Дѣйствительно, они оставили въ исторіи свое имя. О нихъ много было писано на западѣ и слѣдъ этого остался въ итальянской литературѣ. Но составилось о нихъ неправильное мнѣніе, и

писалось много неправды, какъ и теперь вообще на западѣ поддерживаются ложныя понятія о многихъ обстоятельствахъ славянской жизни. *Ускоковъ* описывали самыми безбожными разбойниками, которые безжалостно проливали человѣческую кровь и совершали много другихъ злодѣйствъ. Въ особенности извѣстны они, какъ гусары (пираты). Но на самомъ дѣлѣ все это происходило иначе.

Ускоки, что показываетъ ихъ названіе, это—бѣжавшіе изъ сербскихъ земель въ Далмацію и тутъ все время воевавшіе съ турками. Преимущественно собирались они около Клиса и здѣсь, изъ этого укрѣпленія, обороняли отъ турокъ проходъ черезъ ущелье къ морю. Но когда больше не стало силъ бороться, и Венеціанская республика отказала имъ въ помощи, послѣ всѣхъ чудесъ храбрости, выказанной ими и воспѣтой въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ, они оставили Клисъ. Тогда Австрійскій дворъ предложилъ имъ переселиться въ Сѣнь, близъ Рѣки (Fiume), на что они и согласились. Въ Сѣни они возобновили борьбу съ врагами, также воспѣтую въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ. Какъ величайшій витязь изъ „ускоковъ“ славится и до сихъ поръ Иванъ Сѣнянинъ (Сербскія народныя пѣсни Вука Стефановича Караджича. Книга III). Поселясь въ Сѣни, на морскомъ побережьи, они сдѣлались хорошими моряками и стали воевать на морѣ. По пути они часто захватывали въ плѣнъ и венеціанскія галеры. Наконецъ, вслѣдствіе частыхъ жалобъ Венеціанской республики и Турціи, Австрія переселила ускоковъ во внутрь Хорватіи, гдѣ они и утратили свое особенное имя.

Изъ Сплѣта, послѣ восьмичасового плаванія на пароходѣ, пріѣзжаешь въ Гружъ, близъ Дубровника. Это большая гавань, окруженная планинами (горами), которыя съ юга и съ запада защищаютъ гавань отъ морскихъ валовъ, а съ другой стороны — отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Притомъ Гружъ настоящая пристань Дубровника. Изъ Гружа до Дубровника всего четверть часа ѣзды въ коляскѣ.

И у Дубровника есть своя маленькая гавань. Но Дубровникъ построенъ на каменистой возвышенности надъ моремъ и совершенно отъ него не защищенъ. Передъ Дубровникомъ открывается широкое море. Да и гавань его слишкомъ мала; въ нее входятъ только незначительные корабли и пароходики.

О Дубровникѣ и прошломъ его нечего говорить славянскимъ читателямъ.

Могу вкратцѣ упомянуть и о Бокѣ. Изъ Дубровника въ заливъ Бококоторскій можно пріѣхать на пароходѣ въ четыре часа. У входа въ Боку заливъ широко разливается передъ городомъ Герцегновымъ. Потомъ онъ опять суживается, становится такимъ тѣснымъ, что большія

суда могутъ пройти въ немъ по одиночкѣ. Это мѣсто называется „Вериги“, потому что въ прежнее время его загораживали цѣпями. Пройдя черезъ „Вериги“, опять встрѣчаешь два залива, одинъ по лѣвую сторону, кончающійся возлѣ города Рисна, а другой — по правую сторону, кончающійся у Котора.

Заливъ этотъ длиною въ 15 километровъ. О красотѣ его нечего распространяться, онъ славится ею, какъ второй Босфоръ. Надъ нимъ подымаются высокія герцеговинскія и черногорскія горы. Сейчасъ же по входѣ въ заливъ становится видна огромная гора черногорская Ловченъ, подымающаяся надъ самымъ Которомъ. За Ловченомъ Цетинье. Изъ Котора идетъ дорога въ Черногорію и пересѣкаетъ на планинѣ границу, которая видна и съ моря, такъ что передъ Черногоріей море открыто. Изъ Котора въ Цетинье ѣхать можно въ экипажѣ. Ѣзды до границы часа три.

На всѣхъ вершинахъ Боки въ австрійскихъ границахъ воздвигнуты крѣпости, глядящія на Черногорію. Въ Бококоторскомъ заливѣ Австрія строитъ теперь свой арсеналъ для одной части своего флота. Заливъ такъ просторенъ и удобенъ, что въ немъ могъ бы умѣститься весь европейскій флотъ.

Въ климатическомъ отношеніи надо сказать, что въ Бокѣ среди зимы царствуетъ весна. На горныхъ вершинахъ зимою бѣлѣетъ снѣгъ, а у моря цвѣтутъ апельсины и лимоны.

Вотъ бѣглый очеркъ Далмаціи. Если бы я хотѣлъ говорить о языкѣ, обычаяхъ и одеждѣ, мнѣ бы понадобилась кисть Макарта.

Одежду въ каждомъ селѣ носятъ различную. Обычаи также различаются во многомъ. Между городомъ и деревней въ Далмаціи полная противоположность: въ городахъ обычаи западные (итальянскіе), новые, а по селамъ — первобытные, славянскіе. Въ городахъ преимущественно говорятъ по-итальянски, и для самихъ славянъ это былъ единственный культурный языкъ. Сами славяне говорятъ различными нарѣчіями. Далмація въ этнографическомъ отношеніи настоящая пестрая мозаика. Но огромное, подавляющее большинство — славяне. По оффиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, во всей Далмаціи итальянцевъ только 30,000, всѣ остальные — славяне. Въ городахъ, въ особенности за время владычества Венеціанской республики, итальянскій языкъ сдѣлался государственнымъ и удержался до сихъ поръ, какъ языкъ культурный. Въ послѣднее время обстоятельства измѣнились. Теперь всѣ школы — славянскія, за исключеніемъ нѣсколькихъ итальянскихъ.

Но все-таки основной типъ у славянъ одинъ. Остались только нѣкоторыя историческія особенности, но и тѣ мало-по-малу сглаживаются.

На островахъ, въ верхней Далмаціи, говорятъ особеннымъ нарѣчіемъ, которое, по выговору и нѣкоторымъ словамъ гораздо болѣе сербскаго приближается къ старославянскому и русскому языкамъ. Жители сухой земли зовутъ ихъ „морлаками“ и „влахами“.

По мнѣнію Вука Стефановича Караджича, эти островитяне настоящіе древніе хорваты, которые прежде сербовъ переселились въ Далмацію и до нихъ еще перебрались на острова. Но правдоподобно и другое предположеніе, что это первые древнѣйшіе славяне, пришедшіе въ римскую Далмацію еще съ аварами и другими варварскими народами, окончательно свергнувшіе римское владычество и покорившіе иллировъ.

Вопросъ этотъ любопытенъ для спеціалистовъ, которымъ и предоставляю его рѣшеніе.

Мы начало исторіи своей считаемъ отъ пришествія хорватовъ и сербовъ въ VII вѣкѣ. Хорваты заняли верхнюю Далмацію, а сербы нижнюю. Границей между ними была рѣка Цетина. И граница эта сохранялась въ теченіе долгаго времени, такъ какъ верхняя Далмація въ отношеніи вѣры, политики и народности стала жить по хорватски и подпала подъ вліяніе запада, а нижняя Далмація осталась сербскою землею, не исключая и самый Дубровникъ, эту самостоятельную республику, платившую дань сербскимъ государямъ. Дань эту Дубровникъ давалъ сначала Нѣманичамъ, затѣмъ ихъ наслѣдникамъ и наконецъ босанскимъ королямъ, которые также считались наслѣдниками сербской короны Нѣманичей. И всегда эта дань называлась *сербской*.

Но въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи во всякомъ случаѣ не надо забывать послѣднихъ перемѣнъ, происшедшихъ во время турецкаго нашествія. Турки проникли во всю Далмацію до самаго моря. Съ собою вели они много народа изъ сербскихъ земель. Потомъ, когда турецкое владычество было сломлено, народъ бѣжалъ къ морю, въ Далмацію, и здѣсь боролся противъ нихъ.

Я упомянулъ объ ускокахъ. Ускоки были только одной частичкой сербскаго народа, имѣвшей свою особенную судьбу. Но нахлынуло много другихъ, которые и остались навсегда въ Далмаціи. Народъ этотъ переходилъ сюда особенно въ то время, когда Венеціанская республика воевала съ Турціей за обладаніе Далмаціей. Венеціанская республика призвала на помощь сербовъ изъ сосѣднихъ турецкихъ земель и снабжала ихъ оружіемъ для борьбы съ турками. Предложеніе это сербскій народъ принялъ съ радостью, какъ и другое подобное предложеніе со стороны Австріи, когда при патріархахъ Чарноевичахъ переселилось до 100,000 сербовъ въ Венгрію изъ Старой Сербіи. Сербы считали Венеціанскую республику за свою освободительницу и съ тѣхъ поръ въ на-

родѣ осталось пріятное воспоминаніе о венеціанскомъ *дожѣ*, потому что онъ дѣйствительно помогалъ бѣглецамъ, насколько было можно и къ тому же далъ имъ *привилегію*—incredibile dictu—исповѣдывать православную свою вѣру. Привилегія эта впослѣдствіи была отнята, по настояніямъ римскаго духовенства, и православные должны были переходить въ римокатолическую вѣру. Только въ послѣднее время республики позволено было немногимъ православнымъ жителямъ, оставшимся неокатоличенными, исповѣдывать свою вѣру, но священники православные остались подъ юрисдикціей римокатолическихъ епископовъ до занятія Далмаціи французами.

Нашествіе гунновъ, аваровъ и славянъ вытѣснило иллировъ и положило конецъ римскому владычеству въ Далмаціи. Славяне получили преимущество въ странѣ. Но на морѣ еще остались независимые и самоуправные римскіе города (муниципіи) съ правительственными уставами, какъ и въ Италіи. Эти муниципіи: Задръ, Шибеникъ, Трогиръ, Сплѣтъ, Дубровникъ, Которъ. И Дубровникъ и Которъ были населены римлянами, но эти два города въ Далмаціи раньше другихъ подчинились славянскому элементу. Которъ призналъ верховную власть Сербскихъ королей, а муниципій Дубровникъ сдѣлался республикой и въ немъ развилась славянская письменность.

Дубровникъ—самый блестящій примѣръ процесса, совершавшагося въ этнографическихъ условіяхъ Далмаціи. Онъ въ основѣ своей былъ латинскій муниципій. Но не смотря на всю свою полную самостоятельность, не могъ бороться съ вліяніемъ, такъ сказать, этнографическимъ также, какъ обороняться отъ вліяній политическихъ. Кровь людская обливала Дубровникъ и проникла черезъ твердыя его стѣны, черезъ которыя не могли войти въ него иностранныя войска до французской оккупаціи. Дубровникъ остался самостоятельнымъ муниципіемъ, и въ немъ господствовали языки латинскій и итальянскій. Но они были и остались только языками государственными, и вообще, какъ языки культурные и дипломатическіе. Потомъ получилъ преобладаніе языкъ славянскій, сербскій, когда Герцеговина завоевала въ этнографическомъ отношеніи Дубровникъ для славянства. Языкъ этотъ мало-по-малу изъ народнаго сдѣлался культурнымъ и государственнымъ. Латинскій Дубровникъ превратился въ большое культурное средоточіе отъ среднихъ вѣковъ до нашего времени.

Послѣ этого слѣдуетъ обратить вниманіе на другое народное движеніе, возникшее во время турецкихъ нашествій и потомъ во время ихъ отступленія. Сербы перенесли свою народную этнографическую границу черезъ рѣку Цетину и распространились по всей Далмаціи. Языкъ ихъ

„штокавскій“ (въ которомъ мѣстоименіе „что“ передается словомъ: „што“) сталъ преобладать во всей Далмаціи. Лучше всего могъ бы я описать эту сторону Далмаціи слѣдующимъ опредѣленіемъ: Далмація—приморье, на которомъ въ верхней Далмаціи живутъ босняки,—въ Дубровникѣ до сѣверной стороны Бококоторскаго залива—герцеговинцы, а по южной сторонѣ этого залива—черногорцы. Въ этнографическомъ отношеніи поморье подпало подъ вліяніе этихъ земель, а въ культурномъ и церковномъ—подъ вліяніе запада.

Движеніе это еще не прекратилось.

Покойный ученый нѣмецкій, профессоръ университета, Бидерманъ въ изслѣдованіи своемъ „Этнографія Далмаціи“, раздѣлилъ далматинцевъ по народностямъ слѣдующимъ образомъ: 350.000 сербовъ и 150.000 хорватовъ. Подраздѣленіе это имѣетъ у него историческое и этнографическое основаніе. Историческими фактами доказалъ онъ, когда, какимъ образомъ и въ какихъ мѣстностяхъ селились хорваты изъ Далмаціи и какъ переходили сюда сербы. Хорваты переселялись въ Хорватію, Венгрію, въ нижнюю Австрію и въ Италію. Дѣйствительно, доказательства эти неопровержимы. И поверхностный взглядъ можетъ подмѣтить слѣдующія другія перемѣны, происшедшія въ Далмаціи. Знаменитые и могущественные князья далматинскіе Шубичи, въ Венгріи, стали называться Зрини; графы Кеглевичи также были князьями въ верхней Далмаціи, переселились въ Венгрію, сохранили свое имя, но въ настоящее время они мадьяры.

Напротивъ, извѣстныя знаменитыя семьи въ Далмаціи переселились изъ Босніи, Герцеговины, Старой Сербіи. Въ XVII вѣкѣ епископъ римской церкви въ Макарской, Павловичъ, доказалъ фамильными документами свое происхожденіе изъ королевскаго дома Нѣманичей.

Этотъ историко-этнографическій вопросъ возбуждаетъ теперь въ Далмаціи политически-народныя распри между сербами и хорватами. Народная борьба и стремленія политическія и религіозныя затемнили ясное пониманіе взаимныхъ отношеній. Я не хочу вмѣшиваться въ эти распри. Я привожу здѣсь только дѣйствительные факты, выясненные наукой, относительно которыхъ могу опереться на неопровержимыя доказательства и авторитеты.

Вотъ еще одна этнографическая черта.

Извѣстно, что часть народа въ Далмаціи называется *морлаками* или влахами (по итальянски: *morlacchi*, по сербски: *влахи*). Много написано изслѣдованій по вопросу: откуда это имя и что это за народъ. Вопросъ этотъ не рѣшенъ окончательно. Поэтому и я не хочу пускаться въ рѣшеніе вопроса, но скажу въ поясненье только нѣсколько словъ.

По всей верхней Далмаціи, отъ Неретвы на сѣверъ, приморцы, („чакавцы“, говорящіе „ча“ вмѣсто “што“) жители островов и побережья, а также горожане (элементъ итальянскій и классы образованные) называютъ „морлаками“ или „влахами“ всѣхъ безъ исключенія сельскихъ жителей во внутренней Далмаціи, какъ католиковъ, такъ и православныхъ. Потомъ это названіе перешло къ сербамъ, новымъ переселенцамъ за время турецкаго нашествія. Въ Дубровникѣ, напротивъ, римокатолики называютъ „влахами“ только православныхъ жителей. Этимъ снова подтверждается положеніе: сербы суть „влахи“. Въ Бокѣ названія этого не было никогда.

Названіе „морлакъ“ дается въ насмѣшку сельскимъ и особенно православнымъ жителямъ. Теперь и оно исчезаетъ.

Относительно происхожденія этого имени есть предположеніе, что въ древнія времена въ Далмаціи, по горнымъ мѣстамъ сначала жили „влахи“ (румыны) въ пастушескомъ состояніи. Ихъ называли морлаками, кѣмъ они и были (отъ слова: Mauro-Valach); съ теченіемъ времени они ославянились, а названіе ихъ осталось на всѣхъ славянскихъ жителяхъ. Теорію эту развиваетъ Бидерманъ въ упомянутой книгѣ, но онъ приходитъ къ такому заключенію: что морлаки эти были въ дѣйствительности настоящими болгарами!

На этомъ закончу мой очеркъ.

Вышелъ онъ пестрой мазаикой. Но таково настоящее состояніе этой страны,—смѣсь разныхъ обычаевъ, одеждъ, нарѣчій, которая называется Далмаціей.

Повторяю снова: Далмація, въ сущности своей, земля славянская. Говорятъ въ ней однимъ языкомъ, который я называю сербскимъ, рядомъ съ итальянскимъ, который въ настоящее время въ Далмаціи остается только языкомъ культурнымъ. Этнографическій процессъ близится къ концу.

Заключеніе это имѣетъ для меня большую важность. Поэтому я не огорчаюсь, что эта статья моя такъ кратка и несовершенна. Братья славяне обратятъ вниманіе на эту землю и сами дополнятъ недосказанное. Если желаніе мое исполнится, я считаю цѣль свою достигнутою.

Руководясь этою мыслью, я не пишу вамъ о послѣднихъ событіяхъ этого года. Вѣроятно, вамъ доставятъ свѣдѣнія изъ другаго источника, и я могу о нихъ промолчать. Явленія эти неутѣшительны. Борьба сербовъ и хорватовъ все продолжается подъ лозунгомъ: Сюда сербы! сюда хорваты! Борьба эта искусно разжигается съ австрійской стороны.

Въ послѣднее время она обострилась религіозной пропагандой. Хорваты подхватили програму Ватикана, начертанную въ извѣстной энцикликѣ папы Льва XIII о соединеніи Церквей. Хорватскія газеты призываютъ православныхъ сербовъ къ *уніи*. Но такъ какъ сербскіе органы не откликаются на этотъ зовъ, то хорватскія газеты „Obzor", „Hrvatska", „Narodni list" съ большимъ ожесточеніемъ нападаютъ на православныхъ сербовъ, призывая римокатолическихъ священниковъ къ борьбѣ съ сербами, о которыхъ пишутъ, что они заражены „проклятымъ византійствомъ", потому что противятся *святой уніи*.

Римокатолическій епископъ въ Сплѣтѣ Накичъ посѣтилъ архіепископа Стадлера въ Сараевѣ и епископа Штросмайера въ Дьяковѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Ѣздилъ онъ на договоръ, какъ ввести славянское богослуженіе въ римокатолическихъ церквахъ. Это богослуженіе вызываетъ противленіе со стороны большинства римокатоликовъ: римокатолики въ Хорватіи возстали противъ славянской литургіи, которую начали вводить по распоряженію загребскаго архіепископа Посиловича. Но въ Далмаціи отлично извѣстно, что епископъ Накичъ былъ противъ славянской литургіи въ своей епархіи, гдѣ славянская служба существовала издавна. Теперь возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ онъ вдругъ сдѣлался ея сторонникомъ? Изъ этого выводится заключеніе, что на славянское богослуженіе смотрятъ, какъ на средство привлекать православныхъ къ уніи.

Это печальная затѣя. Печально это положеніе дѣлъ, когда снова разгораются религіозныя войны. Но мы утѣшаемся надеждою, что все кончится хорошо. Побѣдить долженъ геній Славянства!

С. А. Б.

Проклятіе, или невольница—Злата.

(Продолженіе).

VIII.

На другой день, рано утромъ, жена механжіи—хозяина постоялаго двора—отправилась къ турчанкѣ Адиле и просила ее побывать въ конакѣ Рашидъ-Беговича и разузнать—дѣйствительно ли тамъ находится какая-то плѣнница сербка.

Турчанка надѣла свое верхнее платье, закрыла лицо покрываломъ и пошла въ конакъ Рашидъ-Беговича. Ее туда приглашали два дня тому назадъ, но ей раньше было некогда, а теперь представлялся случай сразу покончить два дѣла.

Въ домѣ Рашидъ-Беговича жила одна старая турчанка по имени Дуржана, надзиравшая за гаремомъ.

Носился слухъ, что это была отуреченная сербка. Въ молодости красивую дѣвушку захватили въ неволю, привезли въ Нишъ и подарили одному богатому турку, родственнику Рашидъ-Беговича. Она такъ и осталась незамужнею и постоянно сидѣла въ своей горенкѣ, турецкую же вѣру приняла по принужденію.

Такіе-то слухи носились о Дуржанѣ; но сама она никому не разсказывала о своемъ прошломъ.

Всѣ дѣла, относившіяся до гарема, проходили чрезъ ея руки. Если какая изъ постороннихъ женщинъ желала проникнуть въ гаремъ, то она должна была сперва явиться къ старой Дуржанѣ.

Адиле дружила съ Дуржаной и поэтому надѣялась, что она ей навѣрно скажетъ, есть ли въ домѣ Рашидъ-Беговича какая-либо новая невольница-сербка. Адиле постучала въ ворота. Вскорѣ калитка отворилась; привратница впустила ее внутрь гарема и проводила къ старой Дуржанѣ.

Онѣ поздоровались и вступили въ бесѣду. Дуржана разсказала ей о томъ дѣлѣ, по которому она приглашала ее къ себѣ, и поручила ис-

полнить его. Тогда Адиле осторожно спросила Дуржану: „говорятъ, будто бы вашъ молодой ага женится... правда ли это, сорендумъ-кадуне? (госпожа кадуна)“.

Старая турчанка отвѣтила:

„Да, молодой ага поймалъ было хорошую перепелочку и посадилъ ее въ клѣтку; но клѣтка отворилась, перепелочка выпорхнула, и теперь ага очень опечалился и сердечно тоскуетъ...“

—„Я ничего не понимаю. Скажи, пожалуйста, по душѣ, что случилось“? проговорила Адиле.

Дуржана объяснила ей, какъ молодой ага былъ въ гостяхъ въ Соколъ-Бани, какъ похитилъ какую-то молодую красавицу сербку, какъ желалъ эту сербку отуречить и на ней жениться — даже назвалъ ее „Джульзандой“, какъ эта сербка черезъ нѣсколько времени какимъ-то чудомъ исчезла и, не смотря на тщательные поиски, ее нигдѣ не могли отыскать...

Дуржана не нашла возможнымъ разсказать Адиле всѣ подробности о бѣгствѣ Златы и лишь сообщила немногое, между прочимъ, что ее спасъ одинъ изъ служившихъ у Рашидъ-Беговича сербовъ.

Для Адиле сказаннаго было вполнѣ достаточно; она узнала то, что желала, и могла слышанное сообщить женѣ хозяина.

Выпивъ чашку турецкаго кофе, Адиле простилась съ Дуржаной.

Около дома ее поджидала жена механджіи, завидѣвъ которую, Адиле съ восхищеніемъ громко воскликнула:

„Счастливая вѣсть! Сербка убѣжала!“

Затѣмъ все разсказала ей, что сама узнала отъ старой турчанки.

Жена механджіи немедленно побѣжала домой и сообщила все мужу.

Механджія, радуясь слышанному, явился въ постоялую избу, гдѣ Милойко сидѣлъ на лавкѣ и въ нерѣшительности подумывалъ: не уйти ли ему домой, или же еще поискать Злату. Онъ еще надѣялся, не скажетъ ли ему чего-нибудь механджія, и потому часто поглядывалъ на него, какъ будто бы чего-то ожидая.

Механджія, однако, упорно молчалъ. Милойко проговорилъ: хозяинъ я хочу уйти. Дольше оставаться здѣсь, видно, незачѣмъ. Моей Златы нѣтъ какъ нѣтъ!.. Но, братъ, я расплачусь съ тобою, прежде чѣмъ отправлюсь домой, и Милойко принялся развязывать концы кушака, въ которомъ сербскіе поселяне обыкновенно держатъ деньги.

— Послѣ разсчитаемся, отвѣтилъ хозяинъ и прибавилъ: — хочу тебѣ кое-что сообщить, но только запомни хорошо: ни словомъ передъ кѣмъ бы то ни было не проговорись, если тебѣ твоя голова дорога и моей жалко.

Дочь твоя, дѣйствительно, была въ Бѣлградѣ, и чуть было не отуречили ее, но нѣсколько дней тому назадъ ее освободилъ одинъ сербъ, служившій въ домѣ Рашидъ-Беговича. Она бѣжала, но куда? Богъ знаетъ.

Услышавъ это, Милойко поблѣднѣлъ и стоялъ, точно ошеломленный громомъ; но чувство радости о спасеніи его дочери вскорѣ охватило его до такой степени, что онъ, какъ снопъ, повалился бы на землю, если бы хозяинъ постоялаго двора не поддержалъ его.

Придя въ себя, но еще испытывая сильное волненіе, Милойко спросилъ хозяина:

— Правда ли то, что ты мнѣ сказалъ?

— Да, — это правда, только поберегись, не говори такъ громко.

Милойко поднялъ глаза къ небу и воскликнулъ дрожавшимъ голосомъ:

— Слава Тебѣ, Господи Боже, слава милости Твоей!.. Злата моя спасена! Она не отуречена! Она быть можетъ уже возвратилась домой!..

Съ чувствомъ благодарности взглянулъ Милойко на механжію и сказалъ ему:

— Хвала и тебѣ, добрый братъ! Ты возвратилъ меня и мою жену къ новой жизни..... Навѣрно моей Златы теперь нѣтъ уже въ Бѣлградѣ! Она спасена! О, Боже мой, гдѣ-то теперь моя дорогая дочь?..

Милойко собрался было въ обратный путь, но механжія посовѣтовалъ ему переночевать, сказавъ: „завтра новый день, новая надежда“.

Милойко послушался добраго хозяина и, обращаясь къ нему, сказалъ: „Ты еще будешь спать, когда я оставлю твой домъ; прошу тебя, подсчитай, сколько я тебѣ долженъ“, и развязалъ конецъ кушака. Тамъ былъ завязанъ одинъ только бешлукъ (25 коп.). Милойко, уходя изъ дому въ Бѣлградъ, взялъ съ собою два бешлука. Одинъ въ дорогѣ издержалъ, другой прибeрегалъ на обратный путь. Механжія не только не взялъ ничего за постой и харчи, но приготовилъ ему на дорогу два пшеничныхъ хлѣба и еще кое-что изъ съѣстного и, уложивъ все это въ его котомку, простился съ нимъ, пожелавъ ему счастливаго пути. Объ одномъ только механжія убѣдительно просилъ Милойка: никому ничего не разсказывать. Своему дворнику механжія приказалъ проводить Милойка до Царьградскихъ воротъ.

Плохо спалось Милойкѣ, онъ былъ точно на иголкахъ, и будь у него крылья, онъ такъ бы и полетѣлъ домой, чтобы скорѣе увидѣть свою любимицу Злату.

IX.

На четвертый день къ вечеру Милойко добрался до Мозгова.

Приближаясь къ своему дому, онъ какъ отъ усталости, такъ и отъ сильнаго волненія, что увидитъ свое дорогое дитя—Злату, едва переводилъ духъ.

Взобравшись на гору, откуда хорошо видно было его хату, Милойко остановился; онъ будто не могъ идти домой, будто въ то время какое-то предчувствіе задерживало его...

Въ это время жена его Мара сидѣла въ тѣни орѣховаго дерева и что-то шила. Около нея лежала вѣрная собака. Какъ только Милойко показался у воротъ, собака залаяла. Мара подняла глаза и, завидѣвъ Милойка, вскочила и бросилась ему на встрѣчу.

Мужъ не успѣлъ и поздороваться съ женою, какъ она его спросила:

— Ты привелъ съ собою Злату? Гдѣ Злата?

— Злата? переспросилъ въ недоумѣніи мужъ. Вѣдь она пришла. Злата здѣсь. Что-жъ она не встрѣчаетъ своего отца? Мара, я хочу ее видѣть. Позови Злату!

— Такъ Златы нѣтъ! съ горечью молвила жена. Ты не отыскалъ ее; а я... я думала... Скажи, Милойко, гдѣ-же наша дочь? Неужели она не вернется и мы не увидимъ ее?

Милойко опустилъ голову на грудь и глотая слезы проговорилъ:

— Мара, я не отыскалъ нашей Златы!

И Милойко и Мара горько заплакали.

Послѣ того, какъ Милойко немного отдохнулъ и закусилъ, Мара спросила его:

— Но гдѣ же ты такъ долго пропадалъ? Развѣ этотъ проклятый Бѣлградъ такъ далеко? Сегодня вѣдь прошло одиннадцать дней, какъ ты ушелъ изъ дому.

— Очень далеко, отвѣчалъ Милойко; казалось мнѣ, что я пришелъ на край свѣта... Если бы была, по крайней мѣрѣ, какая польза, то не жалко было бы труда и лишеній.

Мара съ нетерпѣніемъ ждала, что мужъ разскажетъ ей подробно о своемъ путешествіи, но не хотѣла тотчасъ тревожить его разспросами.

Глубоко вздохнувъ и немного помолчавъ, Милойко постепенно разсказалъ женѣ, какъ онъ совершилъ путь въ Бѣлградъ, что съ нимъ приключилось въ дорогѣ; какъ въ Бѣлградѣ онъ попалъ на хорошаго человѣка, хозяина постоялаго двора, какъ онъ бродилъ по Бѣлградскимъ улицамъ, видѣлъ множество домовъ съ рѣшотчатыми окнами;

какъ онъ останавливался и вглядывался, не покажется ли ему откуда-нибудь Злата, и наконецъ, какъ жена этого добраго хозяина отъ какой-то турчанки узнала, что Злата, дѣйствительно, была спрятана въ домѣ Рашидъ-Беговича, но что ее какой-то сербъ садовникъ освободилъ, и она куда-то убѣжала и что еще не отурчена.

Кого только я по дорогѣ ни встрѣчалъ, каждаго распрашивалъ о нашей Златѣ, — продолжалъ Милойко,—но никто не могъ мнѣ ничего сказать. Думалъ я, что встрѣчу ее здѣсь, дома, но, какъ видишь, не такое наше счастье!..

Мара вздохнула и сказала:

— Не даромъ мнѣ эта старая гадалка говорила: „Злата избавится отъ неволи, отъ вѣры не отступитъ, — но врядъ-ли, вы ее когда-нибудь увидите".

Затѣмъ Мара сообщила мужу, — какой ей въ слѣдующую ночь по его уходѣ въ Бѣлградъ приснился страшный сонъ.

— Снится мнѣ, расказывала Мара,—какой-то большой праздникъ. Мы присутствуемъ съ тобою на этомъ праздникѣ, и съ нами Злата. Злата вся въ бѣломъ, на головѣ вѣнокъ; но она какъ-то сторонится отъ насъ. Гляжу, а у нея на горлѣ рана. Изъ этой раны кровь бьетъ ключемъ. Господи! что это такое? Хочу броситься къ ней, она отскочила отъ меня... Потомъ у нея вдругъ появились крылья, она тихо-тихо поднимается надъ землею. Послѣднія слова, какія она сказала, были: „проклятіе на тебя и на твой родъ!" — Кому она это сказала, не знаю; но только я видѣла, что въ это время она подняла очи къ небу. — Я проснулась и вся дрожала какъ листъ. До разсвѣта я не смыкала глазъ.

Не понравился этотъ сонъ Милойку, но онъ утѣшалъ жену словами: „сонъ — ложь, а Богъ — истина. Онъ нашу Злату защититъ, и мы ее увидимъ.—Только дай Богъ, чтобы она была жива"!

Въ это время и Мирко успѣлъ пригнать овецъ съ пастбища. Услышавъ, что возвратился отецъ, онъ ихъ и не загонялъ въ овчарню, а бѣгомъ пустился въ избу, восклицая: „бабо, бабо! привелъ ты сестрицу? Отыскалъ ты Злату?! Гдѣ же она, покажи ее!!"

Милойко смутился и, подавленнымъ голосомъ, сбивчиво отвѣчалъ:

— Подожди, сынъ мой! Злата придетъ... Не бойся, она не отуречилась"...

Увидѣвъ, что сестра не вернулась, Мирко горько заплакалъ.

Вѣсть о возвращеніи Милойка изъ Бѣлграда, привлекла въ его домъ нѣсколько ближнихъ сосѣдей и сосѣдокъ. Между ними былъ и старый, уже намъ знакомый, дядя Радэ.

Всѣ оплакивали неудачу Милойки. Одинъ только дядя Радэ, оперщись подбородкомъ на палку, которую онъ держалъ въ рукахъ, стоя задумчиво, относился ко всему съ твердостью истаго философа.

Когда плакавшіе поуспокоились, онъ обратился къ присутствующимъ съ такими словами: „Братья! Четыреста уже лѣтъ мы плачемъ и сокрушаемся по нашимъ сыновьямъ и дочерямъ, наши плачъ и сокрушенія помогли ли намъ сколько нибудь? И еще 400 лѣтъ будемъ рыдать, убиваться, но что въ этомъ? если мы будемъ малодушны, какъ слабыя женщины! Самъ я, человѣкъ уже старый, бывалъ во многихъ странахъ, гдѣ живутъ сербы; но нигдѣ я не замѣчалъ, чтобы сербы турокъ или турки сербовъ любили. Вездѣ тоже, что и у насъ. Рѣдко встрѣчается мѣстность, чтобы мать не оплакивала своего сына, сестра своего брата. Это такъ!

Съ турками мирно жить невозможно... Вамъ всѣмъ извѣстно что я служилъ проводникомъ и занимался немного торговлей. Два-три мѣсяца тому назадъ я былъ въ Шумадіи. Многое я тамъ узналъ. По Шумадіи замѣтно броженіе. Идутъ толки, о чемъ-то совѣщаются... — какъ мнѣ шепнулъ на ухо одинъ знакомый. А о чемъ толкуютъ и къ чему приготовляются... объ этомъ не нужно распространяться... это слишкомъ великое дѣло. Быть можетъ, дастъ Богъ, оттуда пробьется лучъ свободы... Я уже старъ, и трудно мнѣ дожить до того времени и своими глазами увидѣть его. Впрочемъ... жизнь въ рукахъ Божіихъ... Прошу васъ и всѣхъ остальныхъ убѣдительно: Призоветъ меня Богъ раньше къ себѣ, и я не доживу до этого радостнаго дня, живите между собою въ мирѣ и согласіи, будьте храбры, не два раза въ жизни умирать!.. Впрочемъ лучше и умереть,.. чѣмъ глядѣть своими глазами на неистовства турокъ надъ нами и надъ дѣтьми нашими... Это совѣтуетъ вамъ старый дядя Радэ, и вы хорошенько это запомните, если не желаете постоянно плакать и убиваться по вашимъ дочерямъ и сыновьямъ!“...

Какъ только дядя Радэ кончилъ свою рѣчь всѣ и мужчины и женщины точно въ одинъ голосъ проговорили: „Дай Богъ,—въ добрый часъ!“

Никто не слушалъ съ такою жадностію слова дяди Радэ, какъ Милойко. Пока дядя Радэ говорилъ, онъ держалъ сжатымъ кулакъ; а когда дядя Радэ окончилъ свою рѣчь, онъ въ изступленіи, съ яростію поднявъ кулакъ вверхъ, проговорилъ:

— Слушай дядя Радэ, клянусь моимъ Миркомъ и моей Зла... Ахъ! нѣтъ у меня Златы. — Клянусь моимъ Миркомъ: если доживу до того времени, о которомъ ты намекнулъ, убью хоть одного турка и отомщу за мою Злату, пусть меня послѣ турки на куски изрѣжутъ.

Ужъ было поздно; дядя Радэ шепнулъ сосѣдямъ, что пора по домамъ; Милойко—съ дороги и ему нуженъ отдыхъ.

Пожелавъ другъ другу „доброй ночи,—всѣ разошлись.

Между тѣмъ Мирко подъ говоръ уснулъ сладко. Одну руку подложилъ подъ щеку, а другую на бедро и спалъ, какъ ягненокъ. Румянецъ разлился по его лицу, точно свѣжая махровая роза. Отецъ и мать подошли къ нему, долго на него любовались и въ одно слово сказали:

„Боже! сохрани намъ хотя это одно дитя! А Злата... Злата, видно, для насъ потеряна"...

X.

Оставимъ родителей Златы жить въ надеждѣ на встрѣчу съ нею и возвратимся къ Златѣ, чтобы узнать, какая судьба постигла ее на чужбинѣ.

Вотъ мы опять на томъ же самомъ роковомъ мѣстѣ, въ тѣни того же самаго дерева, гдѣ, когда-то веселые и довольные, играли Мозговскіе пастухи: въ городки, лапту и въ невольники,—въ тѣни этого дерева изъ подъ котораго Рашидъ-Беговичъ насильно похитилъ и увелъ Злату, чтобы она служила ему вѣрною женою...

Цареградская дорога въ то время пролегала на Нишъ, Делиградъ, Брзанъ. Здѣсь она уклонялась влѣво и, оставивъ Моравскую равнину въ сторонѣ, тянулась черезъ Паланку—въ старину „Бѣлая церковь"—на Бѣлградъ.

Во всѣхъ этихъ городахъ, за малымъ исключеніемъ, поселились и проживали турки. Этимъ-то путемъ довели Злату до Бѣлграда.

Рашидъ-Беговичу бояться было некого и нечего. Но все же, чтобы не привлекать посторонняго вниманія, когда немного подальше отъѣхали, онъ приказалъ Сеизу переодѣть Злату. Сеизъ вынулъ изъ мѣшка какой-то старый ферменъ (родъ мужского жилета) и какое-то длинное платье и нарядилъ въ нихъ Злату, обвивъ ей голову чалмой.

Такъ переодѣтая, бѣдная Злата, противъ своей воли, должна была ѣхать въ Бѣлградъ.

Злата на пути долго плакала и что-то втихомолку причитывала, но когда изнемогла отъ плача, то слышались только ея всхлипыванія и глубокіе вздохи. На рѣдкіе вопросы она совсѣмъ не отвѣчала, только всхлипывала.

Въ пути ее стерегли, какъ зѣницу ока. Предлагали ей закуски, которыя везли съ собою въ мѣшкѣ изъ Соколъ-Бани, но Злата отказы-

валась принимать что-либо изъ пищи. Строго-на-строго запретили ей съ кѣмъ бы то ни было въ дорогѣ говорить, а тѣмъ болѣе пытаться бѣжать.

Турки—великодушный народъ въ отношеніи своихъ „животныхъ“. Турчинъ скорѣе самъ будетъ голодать, но только, чтобы его конь былъ сытъ. Турокъ рѣдко загонитъ лошадь. Онъ никогда не ложится спать прежде, чѣмъ осмотритъ своего коня, особенно же въ дорогѣ. Но теперь Рашидъ-Беговичъ, доѣхалъ въ Бѣлградъ изъ Мозгова въ неполные три дня, тогда какъ обыкновенно на этотъ путь необходимо употребить не менѣе четырехъ сутокъ.

На третій день, какъ разъ, когда турки творятъ пятую молитву, Рашидъ-Беговичъ прибылъ въ Бѣлградъ и остановился передъ своимъ конакомъ (домомъ). Ворота были заперты. Турки по своему обычаю, рано приходятъ домой, и рѣдко можно ихъ встрѣчать послѣ сумерокъ въ городѣ. Сеизъ постучалъ кольцомъ въ ворота. Немного погодя послышался за воротами голосъ: „Кимъ деръ?!“ (Кто тамъ). Сеизъ отвѣтилъ: „Свой! Молодой ага возвратился съ дороги. Отворяй!“ Ворота отворились, еще два сеиза подскочили и приняли лошадей.

Возвратившись домой, ага поспѣшилъ представить Злату своему отцу. Когда съ нея сняли временное одѣяніе, и она осталась въ прежнемъ своемъ деревенскомъ платьѣ, Рашидъ-Беговичъ взялъ ее за руку и повелъ къ отцу. Злата затрепетала, умоляя отпустить ее на волю. Молодой ага глядѣлъ на нее, трепещую и блѣдную, съ нескрываемой любовью и шепталъ ей:

— Полно, не бойся. Мы ничего дурного тебѣ не сдѣлаемъ. Ты такъ прекрасна, что я захотѣлъ тебя взять въ жены. Ты будешь госпожею, будешь счастлива... Идемъ же!

Впереди молодого аги выступалъ съ фонаремъ въ рукахъ слуга, который черезъ нѣсколько минутъ распахнулъ передъ ними двери въ покои отца. Тамъ у камина, поджавъ ноги, сидѣлъ на коврѣ старый Рашидъ-Беговичъ. Передъ нимъ стоялъ маленькій, круглый желтый подносъ; на подносѣ помѣщались крошечная чашечка и кофейникъ съ кофе. Въ рукахъ онъ держалъ трубку съ чубукомъ чуть ли не саженной длины. Цѣлыя облака табачнаго дыма окутывали стараго агу и мѣшали видѣть его.

Старый турокъ только что поужиналъ, присѣлъ выпить кофе и покурить. Онъ поджидалъ,—не пріѣдетъ ли сынъ. Молодой Рашидъ-Беговичъ вошелъ въ комнату. Злату онъ оставилъ за дверьми. Приблизившись къ отцу, онъ отвѣсилъ ему три низкихъ поклона и по турецкому обычаю сдѣлалъ ему „темене“ (т.-е. провелъ правою рукою отъ

подбородка вверхъ до маковки), на что старый Рашидъ Беговичъ отвѣтилъ тѣмъ-же и поздравилъ его съ счастливымъ возвращеніемъ. Затѣмъ онъ освѣдомился у сына, какъ родные приняли его въ Соколъ-Банѣ, хорошо ли было ему въ гостяхъ и въ дорогѣ?

Молодой Рашидъ-Беговичъ отозвался съ похвалою о гостепріимствѣ своихъ родныхъ, разсказалъ, что въ дорогѣ ему было хорошо, и прибавилъ, что на обратномъ пути онъ поймалъ такую перепелочку, равной которой не сыщешь въ мірѣ, и тутъ же подвелъ Злату за руку къ отцу со словами: „Вотъ, бàбо, эта перепелочка! Желаю имѣть ее кадуней и надѣюсь, что ты не будешь противиться моему желанію...“

Услышавъ слова „бàбо“, Злата вспомнила, что и она имѣетъ „бàбу“—и вздрогнула сдерживая подступившія къ горлу рыданія.

Старый Рашидъ-Беговичъ съ видомъ знатока окинулъ взглядомъ Злату, которая не смотря на горе и усталость, поразила его своей красотою. „Славно, сынокъ! твое счастье, и да благословитъ тебя Аллахъ“! воскликнулъ онъ, посматривая то на сына, то на Злату.

Затѣмъ онъ подозвалъ къ себѣ дѣвушку, протянулъ ей руку, котору она должна была поцѣловать.

— Не бойся, сказалъ старый турокъ, ты будешь счастлива, потому что мой сынъ добрый человѣкъ, и я буду любить тебя, какъ дочь свою. Здѣсь ты найдешь то, чего тебѣ и не снилось. Богатство, почетъ.

Злата молчала, боясь взглянуть на старика, между тѣмъ какъ слезы душили ее и она едва держалась на ногахъ.

Старый Рашидъ-Беговичъ, немного помолчавъ, ударилъ въ ладоши. Явился слуга, которому приказано было увести Злату и отдать ее на попеченіе извѣстной намъ уже турчанкѣ Дуржанѣ. Затѣмъ онъ обратился къ стоявшей тутъ же старой служанкѣ и что-то долго говорилъ ей потурецки, но такъ тихо, что ничего нельзя было разобрать. Служанка поклонилась въ землю и вышла. Злата послѣдовала за ней. Обѣ прошли два-три покоя, но вотъ показался слабый свѣтъ. На низенькой табуреткѣ стоялъ подсвѣчникъ, въ которомъ мерцала свѣча; около подсвѣчника лежали щипцы. Въ углу комнаты, поджавъ подъ себя ноги, сидѣла старая турчанка Дуржана; въ рукахъ у нея былъ чубукъ. Облака табачнаго дыма клубились надъ ея головой, и въ этомъ дыму она походила болѣе на привидѣніе, чѣмъ на живое существо...

Войдя въ комнату, служанка низко поклонилась Дуржанѣ и что-то ей долго докладывала по-турецки. Дуржана слушала съ напряженнымъ вниманіемъ, то посматривая на Злату, то одобрительно кивая головою. Наконецъ она промолвила: „пеки“, т. е. „хорошо“ и приказала служанкѣ снять щипцами нагаръ со свѣчи. — Въ комнатѣ стало

свѣтлѣе. Дуржана перевела взоръ свой на Злату, которая, опустивъ голову, похожа была на преступника, стоявшаго передъ судомъ. „Подойди ко мнѣ, дурочка, подойди! — Не бойся!“ Злата неохотно подвинулась и поцѣловала руку у старой турчанки. Дуржана, вглядѣвшись пристально въ Злату, сказала: „хорошая дѣвочка, красивая перепелочка!“ Затѣмъ, немного помолчавъ, она глубоко вздохнула и трижды воскликнула: „Аллахъ, аллахъ, аллахъ!“ Опять немного помолчавъ, ударила въ ладоши. Явилась служанка, и Дуржана что-то сказала ей по турецки.

Служанка принесла тюфякъ и въ другомъ углу комнаты приготовила для Златы постель.

Старая турчанка предложила Златѣ поужинать; но горе несчастной было сильнѣе голода, и дѣвушка, поблагодаривъ, отказалась отъ пищи. Дуржана велѣла ей ложиться спать. Усталая и измученная тяжелымъ и длиннымъ переѣздомъ, Злата только-что прикоснулась головою къ подушкѣ, какъ сейчасъ же и заснула глубокимъ сномъ. Она вѣроятно, проспала бы до утра, если бы то, что ей приснилось, вдругъ не сдавило тяжелымъ чувствомъ страха ея наболѣвшую грудь, ея истрадавшееся сердце. Ей снилось, будто она идетъ вдоль какой-то большой рѣки. Вдругъ у нея подъ ногами обрывается берегъ, и она падаетъ въ воду.— Тогда на ея крикъ, откуда ни возьмись, явился какой-то неизвѣстный человѣкъ, вытаскиваетъ ее изъ воды, спасаетъ ей жизнь, и куда-то исчезаетъ. Въ тотъ же мигъ налетаетъ на нее большая собака и хватаетъ ее прямо за горло... Она такъ явственно почувствовала острые зубы этой собаки на своемъ горлѣ, что вскрикнула, и проснулась, дрожа всѣмъ тѣломъ. „Гдѣ я?“—проговорила Злата и съ большимъ трудомъ могла сообразить, гдѣ она и что было съ нею.

До разсвѣта она не могла уже больше уснуть. Старая Дуржана крѣпко спала въ своемъ углу, точно послѣ бани. Стало уже свѣтло. Въ открытое окно изъ сада вѣяло свѣжестью и ароматомъ цвѣтовъ, доносилось щебетанье птицъ. Злата хотѣла встать, да боялась разбудить старую турчанку. Но вотъ она на-цыпочкахъ подошла къ окну, выходившему въ садъ, и сквозь частыя рѣшетки увидѣла прекрасный и большой садъ, много цвѣтовъ и деревьевъ. Она посмотрѣла вверхъ. Тамъ голубѣло безпредѣльное лазурно-глубокое небо, цвѣтъ котораго напомнилъ ей послѣднее утро надъ родною кровлею, когда вотъ также всходило солнце, и надъ окномъ щебетали ласточки. Отецъ, мать, братъ, вся семья, родимое село, предстали передъ нею, и она зашаталась отъ охватившаго ее горя. Слезы горячимъ потокомъ лились по щекамъ, несчастная шептала молитвы и тихонько рыдала.

Домъ Рашидъ-Беговича находился немного ниже мечети, расположенной недалеко отъ нынѣшняго театра, близъ Чукуръ-чесме. Это былъ громадный домъ, построенный по турецкому стилю: онъ имѣлъ много оконъ за рѣшетками и множество торчавшихъ надъ крышею дымовыхъ трубъ. Домъ былъ кругомъ обнесенъ высокою каменною стѣною.—Казалось, что за этою высокою каменною стѣною ничего нѣтъ...

Но мы просимъ читателя, хотя на одинъ часъ, послѣдовать за нами внутрь этого таинственнаго дома, чтобы увидѣть, что скрывается за этою каменною стѣной. Богатые турки имѣютъ обыкновенно два двора и два дома. Одинъ домъ носитъ названіе „дишерлукъ“, т.-е. съ выходомъ прямо на улицу,—въ немъ турки принимаютъ гостей мужчинъ. Тутъ же помѣщается прислуга, и на дворѣ расположены службы, какъ-то: конюшни, скотный дворъ и т. д. Сзади находится другой домъ, въ которомъ бываетъ гаремъ и живутъ жены хозяина. Прислуга, если ее не зовутъ, подъ страхомъ смерти не смѣетъ показываться въ этомъ домѣ и на этомъ дворѣ.

Допускалось исключеніе только для садовника, и ему была отмежевана черта, переступать которую ему запрещалось.

Садъ Рашидъ-Беговича былъ очень великъ, онъ занималъ площадь въ десятину, а то и больше.

Ни одинъ народъ, не ухаживаетъ съ такою любовью за своими садами и огородами, какъ турки.

Въ саду Рашидъ-Беговича были всевозможные сорта плодовыхъ деревьевъ. Тутъ были рѣдкіе образцы грушъ, яблокъ, сливъ, вишень, черешень, персиковъ, абрикосовъ, винограда, а также разныхъ цвѣтовъ и т. д.

Передъ домомъ Рашидъ-Беговича былъ устроенъ красивый фонтанъ. Садъ этотъ былъ настоящій земной рай. За этимъ садомъ присматривалъ нарочно приставленный садовникъ, хорошо понимавшій свое дѣло. Садовникъ этотъ былъ человѣкъ смирный и почтенный, пользовавшійся большимъ довѣріемъ въ домѣ Рашидъ-Беговича. Какой вѣры и народности былъ этотъ садовникъ, никто не зналъ. Онъ говорилъ чистымъ сербскимъ языкомъ, съ герцеговино-черногорскимъ произношеніемъ.

Въ одно утро этотъ садовникъ чѣмъ-то въ саду занимался и какъ разъ подъ окномъ той комнаты, въ которой жили Злата съ Дуржаной.

Въ это утро Злата встала раньше обыкновеннаго. Она поглядѣла въ окно сквозь рѣшетку и замѣтила садовника.

Солнце только что восходило...

Садовникъ два раза чихнулъ, оглянулся на всѣ стороны, чтобы его кто-нибудь не увидѣлъ, повернулся къ востоку... и перекрестился.

Злата, наблюдавшая за нимъ, про себя подумала: „Боже мой и здѣсь есть люди, которые крестятся животворящимъ и честнымъ крестомъ!“ и тотчасъ отстранилась отъ окна.

Заглянемъ теперь внутрь дома Рашидъ-Беговича. Турецкіе дома въ это время строились изъ смѣшаннаго матеріала, т.-е. дерева и кирпича, и раздѣлялись на двѣ половины.

Въ одной половинѣ, какъ мы уже сказали, жили мужчины, а въ другой помѣщались женщины—гаремъ.

Внутрь дома вели двѣ лѣстницы налѣво и направо.

Лѣстницы оканчивались на самомъ верху обширной полукруглой галлереей, кругомъ которой виднѣлись двери, ведшія въ жилыя комнаты. По серединѣ этой галлереи, были сѣни, выходившія въ садъ на большую террассу, на которой турки охотно отдыхали наслаждаясь своимъ кейфомъ.

На галлереѣ стояли шкафы съ посудой.

Комнаты были устланы турецкими коврами.

Вокругъ стѣнъ стояли турецкіе диваны, и на нихъ лежали красныя или зеленыя подушки съ вышитыми по нимъ такъ называемыми „соломоновыми“ буквами.

Въ каждомъ углу дивана помѣщался маленькій тюфячекъ, на которомъ турки поджавъ ноги охотно отдыхали.

На стѣнахъ были развѣшаны разныя вышитыя простыя полотенца, а также и вышитые длинные „яглуки“ изъ тонкаго полотна и „чевре“— вышитые золотомъ носовые платки, какъ украшеніе комнатъ.

Въ стѣнахъ были вдѣланы деревянные шкафы для сбереженія разныхъ вещей, платья и постели.

Рядомъ находилась потайная комната, для храненія драгоцѣнныхъ вещей, а также и денегъ. Середину потолка въ комнатахъ, особенно же въ залѣ, украшала искусная рѣзьба.

Возлѣ спальни былъ ходъ въ маленькую баню, въ которой стояла печь, а около стѣны у печи большой глиняный горшокъ, всегда наполненный теплою водой.

XI.

Въ этотъ-то для того времени роскошный домъ помѣстили оторванную отъ своихъ родителей Злату. Все, что ее окружало, было роскошно, драгоцѣнно и великолѣпно, по сравненію съ тѣмъ, что она видѣла у своихъ родителей.

Однако ей, бѣдной, и этотъ домъ и все въ немъ казалось настоящей могилой. Ничто ее не занимало, кромѣ одной мысли: отецъ, мать, братъ ея Мирко, Мозгово, зеленые луга и мозговскіе пастухи, съ которыми она такъ охотно играла въ городки, лапту и невольники.

Въ это утро, какъ только Дуржана встала, Злата одѣлась въ свое деревенское платье и обула опанки.

Ей хотѣлось причесать и голову, такъ какъ за эти три дня своего невольнаго путешествія она не расчесывала волосъ, и вся голова у нея, залохматилась, а коса спуталась.

Красавица Злата имѣла чудную косу, каштановаго цвѣта, длиною—ниже пояса. Но она стѣснялась спросить гребенки у Дуржаны.

Еще въ тотъ вечеръ, когда служанка, по приказанію старика Рашидъ-Беговича, передала Злату на попеченіе и подъ надзоръ старой турчанки, Дуржана не понравилась ей, и дѣвушка смотрѣла на нее, какъ на своего палача, враждебно, хотя и должна была скрывать это.

Старая Дуржана спросила Злату: отдохнула ли, хорошо ли спала и не снилось ли ей что-нибудь? Затѣмъ повернулась къ ней, внимательно ее разсмотрѣла и повторила слова, сказанныя ей вечеромъ, когда только привели къ ней Злату: „хорошая дѣвочка, прелестная перепелочка!“

Слова эти, хотя и прозвучали ласково, вызвали въ Златѣ еще бо̀льшую ненависть къ старой Дуржанѣ.

Немного спустя, откуда-то изъ боковыхъ комнатъ, собралась цѣлая толпа турчанокъ. Онѣ говорили съ Дуржаной что-то по турецки, посматривая постоянно на Злату.

Бѣдная Злата, встревоженная и испуганная, боязливо оглядывалась то въ одну, то въ другую сторону, точно свободная пташка, первый разъ попавшая въ клѣтку.

Одна изъ турчанокъ, среднихъ лѣтъ, отдѣлилась отъ толпы, подошла къ Златѣ и ласково ее спросила:

— Откуда ты, милая?

Злата въ полголоса отвѣтила:

— Изъ Мозгова...

Дуржана, услыхавъ слово „Мозгово“, вздрогнула и смутилась.

Среднихъ лѣтъ турчанка продолжала разспрашивать Злату:

— Какъ тебѣ нравится у насъ? Хорошо-ли?

Злата молча кивнула головою.

— Ты останешься у насъ, да?

— Хочешь быть моей невѣсткой? я буду тебя любить, какъ свою дочь!

Злата промолчала...

Природная красота и скромность Златы такъ понравились этой турчанкѣ, что она подошла къ ней еще ближе, обняла и поцѣловала ее въ лобъ, отъ чего Злата вздрогнула, точно ужаленная змѣею. Что жь однако она могла подѣлать? Такъ должно было быть!..

Въ тотъ же день пригласили портного и приказали снять мѣрку и сшить поскорѣе новое платье для Златы.

Черезъ нѣсколько дней, все было готово и доставлено.

Наканунѣ пятницы, при торжественной обстановкѣ, Злату переодѣли.

Старая служанка получила приказаніе сводить Злату въ домашнюю баню, вымыть и надѣть ей шелковую рубашку. Затѣмъ заплели Златѣ косу, одѣли въ шаровары и казакинъ, вышитый чистымъ золотомъ, опоясали шелковымъ поясомъ (баядеръ), надѣли на голову феску съ золотою кистью, на ноги чулки и вышитые золотомъ туфельки.

Такъ переодѣтая Злата представилась глазамъ турчанокъ какимъ-то волшебнымъ существомъ, настоящимъ ангеломъ.

Увидя Злату, онѣ, въ порывѣ восхищенія, всплеснули отъ удивленія руками, но сейчасъ же сплюнули... чтобы ее не сглазить.

Среднихъ лѣтъ турчанка подошла къ Златѣ, обняла ее, поцѣловала и сказала ей: „Да благословитъ тебя Аллахъ“

Это была мать Изединова—Джемиле.

Джемиле что-то долго говорила по-турецки съ Дуржаной, еще разъ обняла и поцѣловала Злату, а затѣмъ какъ она, такъ и прочія турчанки разошлись въ свои комнаты.

Злата, какъ стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ ее переодѣвали, такъ и осталась безъ движенія, но затѣмъ начала оглядываться — не увидитъ ли гдѣ своего деревенскаго платья, но его нигдѣ не было. У нея остался одинъ только поясъ, какъ воспоминаніе о родинѣ.

Дуржана принялась осматривать Злату и спереди, и сзади, и съ боку и сказала ей: „однако, дочь, ты красавица! Не сглазить бы тебя!“

— Пожалуй,—отвѣтила Злата тихимъ голосомъ.

XII.

Старая Дуржана, послѣ того, какъ изъ устъ Златы услышала „Мозгово“, стала еще нѣжнѣе и сердечнѣе относиться къ несчастной дѣвушкѣ; точно между обѣими возникла вдругъ какая-то родственная связь. Дуржанѣ было приказано быть ласковою съ Златой и оберегать

ее, учить ее турецкому языку, незамѣтнымъ образомъ, мало-по-малу, вызвать въ ней расположеніе къ турецкой вѣрѣ и подготовить ее въ кадуни (жены).

Дуржана и безъ этого приказанія поступала хорошо съ Златою, однако не хотѣла учить ее по-турецки, а тѣмъ болѣе располагать ее къ турецкой вѣрѣ...

Однажды весь гаремъ отправился въ баню. Для турчанокъ это самый праздничный и веселый день. Въ банѣ онѣ проводятъ цѣлый день. Тамъ ѣдятъ, пьютъ кофе, шербетъ, лимонадъ, веселятся—и музыка играетъ.

Дома осталась только Дуржана и Злата; онѣ разговорились. Старая турчанка спросила:

— И такъ ты, милая, изъ Мозгова! Но, скажи, другъ мой, кто твои родители?

— Мой отецъ, сказала дѣвушка, Милойко, а мать моя—Мара. У меня еще есть братъ Мирко.

Злата вздохнула, и слеза задрожала на ея рѣсницахъ.

Дуржана съ участіемъ взглянула на дѣвушку и тихо промолвила:

— Великъ Аллахъ. Не бойся. Она глубоко задумалась и шептала про себя:

— Да... да, такъ, это похоже... Наконецъ Дуржана не вытерпѣла и стала вновь разспрашивать Злату.

— Ты говоришь, твоего отца зовутъ Милойко, а имя матери Мара, но какъ звали дѣда... не помнишь-ли?

— Станимиръ, произнесла твердо Злата.

— Что ты сказала? поблѣднѣвъ и вздрогнувъ, воскликнула Дуржана. Не можетъ быть, нѣтъ, нѣтъ, ты ошиблась...

— Станимиръ, повторила дѣвушка.

Дуржана еще сильнѣе вздрогнула и отвернулась отъ нея, чтобы скрыть свое волненіе. Глаза старой турчанки были полны слезъ; воспоминанія тѣснились въ ея головѣ, и дорогіе образы все ярче и ярче возникали передъ нею.

— Да, продолжала Злата, моего дѣда звали Сантимиромъ, а бабушку Миланой. Отецъ не разъ мнѣ говорилъ, что у него была единственная сестра Смиля.

— Это вѣрно, подтвердила, забывшись, Дуржана.

— Отецъ мой, говорила дѣвушка, рано лишился сестры, такъ что едва помнитъ ее. Смиля была несчастна. Ее вотъ также, какъ и меня похитили турки, и съ той поры о ней нѣтъ никакого слуху. Ахъ Дуржана, добрая Дуржана, если-бы я могла видѣть мою бѣдную тетку!.. и Злата горько заплакала...

(Продолженіе будетъ).

PAX DETESTATA...

(Изъ Гурбана-Ваянскаго).

На миръ и тишину родного края
Мнѣ горько и мучительно глядѣть!
Здѣсь даже бурѣ нечего задѣть—
Она лишь ропщетъ, мимо пролетая!
Безропотно, какъ стадо на убой,
Мы движемся гонимые судьбой.
Не драма—этотъ длинный рядъ мученій:
Тамъ драмы нѣтъ, гдѣ мѣста нѣтъ борьбѣ!
Безъ висѣлицъ, безъ тюремъ, безъ гоненій
И даже безъ проклятія судьбѣ—
Мы, словно кто подрѣзалъ наши жилы,
Теряемъ незамѣтно кровь и силы.
И сами же виною мы во всемъ:
Мы спимъ, когда добро къ намъ въ дверь стучится,
Но кровь играетъ въ насъ, когда случится,
Что заднимъ ходомъ тьма взойдетъ въ нашъ домъ;
Предъ недругомъ мы бѣлымъ флагомъ машемъ—
И обнажаемъ мечъ предъ другомъ нашимъ!
Миръ нашихъ селъ, затишье городовъ
Я ненавижу всей своей душою!
Когда же насъ разбудитъ грозный зовъ!
Очнитесь предъ летящей въ васъ стрѣлою!
И зазвучитъ гулъ пушекъ и набатъ,
И легіоны войскъ заговорятъ?
Земля дрожитъ отъ пушечнаго гула...
Куда дѣвалась гордая орда,
Что насъ ногой топтала безъ стыда?
Исчезла—или къ намъ она примкнула?..
Все это сонъ—гляди: вездѣ покой,
Ни вѣры нѣтъ, ни силъ въ странѣ родной!

Н. Новичъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Недавно у сѣверныхъ береговъ Германіи происходило блестящее морское торжество, по видимой своей сторонѣ вполнѣ мирнаго и культурнаго характера, но съ довольно яркою политическою окраской. Мы говоримъ объ открытіи Кильскаго канала. Казалось бы, что это дѣло одной Германіи, которое должно радовать или веселить однихъ только нѣмцевъ. Но, нѣтъ! Германскому Императору захотѣлось показать, что его каналъ имѣетъ всемірное значеніе, какъ торговый путь, болѣе выгодный для судовъ въ смыслѣ сокращенія времени при переходѣ изъ одного моря въ другое. И вотъ, подъ такимъ благовиднымъ предлогомъ онъ пригласилъ въ Киль, для вящаго торжества, суда другихъ государствъ. Никогда еще Европа не видала такого собранія судовъ разныхъ національностей, какъ на этотъ разъ. Здѣсь были и военныя и купеческія суда, было выставлено все лучшее, какъ бы на показъ всѣмъ народамъ. Открытіе канала сопровождалось блескомъ и пышными празднествами. Все это само по себѣ, конечно, прекрасно и должно вызывать добрыя чувства, какъ и всякое дѣло, направленное къ преуспѣянію культуры и взаимнаго сближенія націй. Но въ томъ-то и бѣда, что сквозь ту оболочку, какою нѣмцы прикрыли торжество открытія своего канала, просвѣчиваютъ дѣйствительныя цѣли Германіи. Для всѣхъ ясно, что каналъ прежде всего важенъ для самой Германіи въ стратегическомъ отношеніи, для усиленія ея собственнаго морского могущества. Благодаря такому кратчайшему пути между двумя морями, Германія во всякое время быстро можетъ направить свой флотъ или въ Балтійское море противъ Россіи, или въ Нѣмецкое противъ Франціи. Съ другой стороны, торговое значеніе канала, на которое такъ настойчиво указываютъ нѣмцы, легко можетъ обратиться въ простую фикцію. Вѣдь Германіи ничто не препятствуетъ закрыть его для судовъ той державы, какая можетъ оказаться въ немилости у нея... А вѣдь все измѣнчиво подъ луною; и уже много лѣтъ слышится бряцанье германскаго оружія...

Такъ или иначе, но новооткрытый каналъ можетъ радовать и доставлять удовольствіе только тройственному союзу. Что касается Россіи и Франціи, то онѣ не могутъ закрывать глаза на оборотную сторону медали, а глядя на внѣшнюю декорацію, какою обставлено открытіе канала, онѣ, безъ сомнѣнія, видятъ и ту скрытую цѣль, которая искусно задрапирована.

При всемъ томъ и Россія и Франція участвовали въ этихъ торжествахъ на ряду съ другими. Кажется, вполнѣ естественно было бросить въ Лету приглашеніе Германіи и показать нѣмцамъ, что „дескать, у насъ съ вами нѣтъ ничего общаго въ этомъ вашемъ дѣлѣ“. Но какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, такъ и въ жизни народовъ бываетъ такъ, что одно думаемъ, а другое дѣлаемъ, жмемъ по-пріятельски другъ-другу руку, а на самомъ дѣлѣ показываемъ свою силу, чтобы на всякій случай немножко попугать. Соблюдая международную деликатность, Россія и Франція не сдѣлали отказа Германіи и послали свои эскадры на кильскія торжества.

Въ Россіи спокойно смотрѣли на эту международную деликатность. Совсѣмъ иначе во Франціи. Тяжело было французскому національному патріотизму видѣть, какъ Германія торжествуетъ на французскія деньги, забранныя во время войны въ 1870 г. Рана, нанесенная Германіей Франціи, слишкомъ для нея чувствительна, чтобы можно было ее залѣчить въ двадцать пять лѣтъ. И вотъ, Германія приглашаетъ Францію въ Киль, приглашаетъ очень дружелюбно, а въ сущности Франція должна явиться въ домъ своего злѣйшаго врага, чтобы посмотрѣть, какъ этотъ врагъ укрѣпляется, усиливается на ея счетъ, да кромѣ того, салютовать ему, поднимать его флагъ и проч. Дѣло очень щекотливое для французскаго національнаго самолюбія. Французскому правительству предстояла трудная задача. Надо было выйти изъ этого затрудненія. Но какъ? Въ этомъ случаѣ французское правительство поступило вполнѣ благородно: оно исполнило, такъ сказать этикетъ вѣжливости по отношенію къ своей сосѣдкѣ, не роняя въ тоже время своего достоинства и чести Франціи. Дѣло было поставлено такимъ образомъ, что Россія и Франція явились къ нѣмцамъ въ гости,—но только для того, чтобы онѣ, какъ двѣ подруги, живущія далеко одна отъ другой, могли встрѣтиться на распутьи при удобномъ случаѣ, привѣтствовать другъ дружку и опять показать всему міру и врагамъ своимъ въ особенности, что онѣ другъ друга никому не дадутъ въ обиду. Съ обѣихъ сторонъ явилось въ Киль по три военныхъ судна одинаковой конструкціи,—явились, вмѣстѣ въ одно время, расположились вмѣстѣ, обмѣнялись взаимными визитами, выпили за здоровье другъ друга и разошлись. Такое поведеніе двухъ эскадръ подъ носомъ самой Германіи произвело на Германскаго императора не

пріятное впечатлѣніе, но за то во Франціи оно имѣло громадныя послѣдствія. Сначала въ странѣ разными партіями высказывалось неудовольствіе на правительство за то, что оно приняло приглашеніе Германіи, На министра иностранныхъ дѣлъ сыпались порицанія. Шовинисты не преминули пустить въ сторону Россіи нѣсколько колкостей и несправедливыхъ упрековъ. Но когда въ Килѣ двѣ эскадры повели себя такъ тактично, и такъ безукоризненно насчетъ чести и достоинства Франціи, то страна осталась вполнѣ довольна этимъ. Довѣріе и расположеніе къ правительству получили прочную устойчивость. Министерство Рибо все болѣе одерживаетъ побѣды надъ парламентской оппозиціей.

Министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото показалъ тѣ политическія послѣдствія, какія обнаружились для Франціи послѣ ея сближенія съ Россіей. Онъ впервые съ трибуны назвалъ „союзомъ“ связь Франціи съ Россіей. Это слово „союзъ“ магически подѣйствовало на весь парламентъ. Гоблэ тутъ же потребовалъ отъ министра объявить, въ чемъ заключается этотъ союзъ. Дипломатическій тактъ удержалъ министра отъ неумѣстной и во всякомъ случаѣ рискованной откровенности. Но спустя нѣкоторое время въ „Figaro“ появилась статья одного компетентнаго лица, въ которой указывается дѣйствительное значеніе „союза“ Франціи съ Россіей, даются ясные намеки на то, какія сокровенныя цѣли онъ можетъ имѣть въ виду. Франко-русскій союзъ имѣетъ строго оборонительный характеръ и чуждъ всякихъ воинственныхъ замысловъ, могущихъ возбудить кровавыя столкновенія. Но съ другой стороны и Россія и Франція, при взаимной поддержкѣ, постепенно, но твердою поступью, идутъ къ достиженію своихъ цѣлей, будь то на дальнемъ Востокѣ или же въ Египтѣ. Таковъ смыслъ статьи „Figaro“, можетъ быть, почерпнутой изъ того источника, который такъ ясно отмѣченъ „союзомъ“.

Политика Англіи въ послѣднее время терпѣла однѣ неудачи. Хитрая и двуличная Англія при всякомъ удобномъ случаѣ готова ловить рыбку въ мутной водѣ или же чужими руками жаръ загребать. Даже Германія, около которой Англія раньше вертѣлась, теперь стала смотрѣть на нее косо. На Востокѣ престижъ Англіи пошатнутъ. Во время войны Японіи съ Китаемъ, Англія была сначала на сторонѣ послѣдняго, а потомъ, когда Россія, Франція и Германія приняли Небесную Имперію подъ свою защиту, Англія повернула фронтъ къ Японіи. Вышло въ концѣ концовъ, что она ни одной сторонѣ не угодила и обѣ раздражила. Въ армянскомъ вопросѣ Англія хотѣла организовать особое автономное армянское государство въ Турціи. Этимъ она думала достигнуть двоякой цѣли: создать въ будущемъ затрудненія Россіи, у которой есть много своихъ армянъ, и захватить въ свои лапы это предполагаемое армянское

государство. Расчеты Англіи, однако, не оправдались. Ея происки въ Турціи кончились тѣмъ, что самъ султанъ сталъ недовѣрчиво смотрѣть на своихъ якобы исконныхъ покровителей.

Министерство Розбери потерпѣло полное пораженіе,—даже съ нѣкоторымъ комизмомъ. Парламентъ постановилъ сократить, въ видѣ штрафа за недостаточный запасъ пороха, содержаніе военнаго министра на 100 фун. стер. Слѣдствіемъ этого былъ министерскій кризисъ. Премьеромъ сдѣлался Салисбюри.

Италія занята очень серьезнымъ вопросомъ,—это войной съ Абиссиніей. Италія до нѣкоторой степени успѣла утвердиться на берегу Чермнаго моря. Генералъ Баратіери съ успѣхомъ защищалъ колоніи Италіи и твердою ногою сталъ на Абиссинскихъ горахъ. Но теперь наступаетъ критическая минута. Менеликъ, абиссинскій царь, готовится къ отпору итальянцамъ и, какъ передаютъ итальянскія газеты, собираетъ громадныя войска. Криспи готовъ вести войну, не столько, впрочемъ, въ расчетахъ выгоды для государства, сколько изъ желанія убаюкать общественное вниманіе внѣшними дѣлами, чтобы скрыть внутреннюю слабость своего управленія. Воинственные замыслы правительства совсѣмъ не находятъ поддержки въ странѣ, а главнымъ препятствіемъ къ столь серьезному предпріятію являются финансы. Финансы вообще самое больное мѣсто итальянскаго организма.

II.

Дальній Востокъ долго держалъ Европу въ выжидательномъ положеніи. Всѣ зорко смотрѣли, чѣмъ кончится неравная борьба маленькой Японіи съ громадной Китайской имперіей. Японія вышла побѣдительницей и совсѣмъ ужь не въ мѣру расхрабрилась, накинулась на Китай съ жадностью голоднаго волка. За Китай заступилась Россія. Триста лѣтъ Россія и Китай жили въ добромъ согласіи, ни разу не воевали другъ съ другомъ, на громадномъ пространствѣ границъ (до 3 тыс. верстъ) ни разу крупно не ссорились. Конечно, Россія не могла равнодушно относиться къ тому, что Японія протягиваетъ обѣ руки къ самому Пекину.

Россія, Франція и Германія сообща дипломатически повліяли на Японію. Послѣдняя уступила, — отказалась отъ Ліатонгскихъ полуострововъ.

Кромѣ того, Россія оказала еще одну услугу Китаю. Она заключила для него 4% заемъ въ 400 мил. франковъ. Реализація займа

главнымъ образомъ отнесена на парижскій денежный рынокъ, но Россія гарантируетъ цѣльность и исправность уплаты. Обезпеченіемъ долга со стороны Китая служатъ таможенные сборы. Это новый и важный шагъ къ утвержденію нашего вліянія въ Китаѣ.

Если прежде мы мало обращали вниманія на далекій Востокъ и не заботились извлечь какую-либо существенную для насъ выгоду, то теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, Востокъ представляетъ для насъ громадное значеніе. Постройка Сибирской желѣзной дороги и переселенческое движеніе въ Сибирь служатъ залогомъ развитія Сибири въ ближайшемъ будущемъ. Важнымъ условіемъ этого развитія является упроченіе торговой промышленной и культурной связи съ громадной Китайской имперіей, и великаго морского пути по Тихому океану. Уже давно мы ищемъ выхода въ открытое море. Выходъ изъ Чернаго моря закрытъ, Балтійское море совсѣмъ ужь не надежно, особенно послѣ проведенія Сѣвернаго канала. На Балтійскомъ морѣ мы можемъ быть только въ оборонительномъ положеніи, защищать свои берега, кстати сказать, населенныя элементомъ, не совсѣмъ-то равнодушнымъ къ враждебному намъ нѣмецкому „фатерланду“.

Въ „Русской Бесѣдѣ“ (мартъ) была уже указана необходимость основанія военнаго порта на Мурманѣ, который не загороженъ для насъ никакими зундами и каналами.

Но теперь морскія наши задачи усложняются. Мы не должны упускать изъ виду наши восточные берега. Развитіе флота и пріобрѣтеніе незамерзающаго порта на берегахъ Тихаго Океана является необходимымъ условіемъ нашей безопасности въ Сибири. Не надо забывать, что теперь Японія на насъ сердита. Японцы заявляютъ, что будь у нихъ многочисленный флотъ,—на требованія Россіи они не обратили бы вниманія. Хорошо, если въ будущемъ Японія сознаетъ, что вмѣшательство Россіи въ существѣ дѣла принесло пользу прежде всего самой Японіи. Если бы она оставила за собою Ліатонгскіе полуострова, это привело бы ее въ такія отношенія съ Китаемъ и Россіей, что потомъ она и сама была бы не рада. Но если Японія всего этого не пойметъ и будетъ считать Россію своимъ врагомъ—вѣдь это государство, какъ оказывается, очень притязательно—что тогда? Тогда мы будемъ имѣть подъ бокомъ другую Германію. Одна Германія усилилась на счетъ Франціи и начала строить намъ разныя козни,—а другой можно ожидать въ лицѣ Японіи, которая, набравъ денегъ у Китая, можетъ создать отличный флотъ намъ на бѣду.

Китай едва ли будетъ долго помнить оказанную ему услугу. Къ тому же онъ, пожалуй, еще долго будетъ находиться въ своей само-

надѣянной спячкѣ, и не извѣстно, когда онъ проснется. А Японія идетъ впередъ, и никогда не будетъ одинокой въ случаѣ столкновенія съ нами.

Намъ надо спѣшить упрочить свое положеніе въ Восточной Сибири: наряду съ заселеніемъ побережья и проведеніемъ желѣзной дороги, должно итти развитіе нашего тихоокеанскаго флота.

III.

Далекая Абиссинія въ первый разъ прислала своихъ представителей въ Россію. Князья Дамито и Белакіо, епископъ Габро Экзіаверъ со свитой явились привѣтствовать Русскаго Государя.

Пріѣздъ въ Россію абиссинскаго посольства составляетъ радостное для насъ, русскихъ, и быть можетъ чреватое благими для всего православнаго Востока послѣдствіями событіе.

Абиссинія, если и не вполнѣ православная, то во всякомъ случаѣ близкая и тяготѣющая къ православію страна. Абиссинцы держатся того же не искаженнаго Сѵмвола вѣры, какъ и мы, признаютъ тѣ же святыя Таинства, знаменуютъ себя одинаково съ нами троеперстнымъ крестомъ. Если и существуютъ въ Абиссинской церкви обрядовыя отличія, а быть можетъ и догматическія разномыслія (слѣды монофизитства), препятствующія пока признать эту Церковь вполнѣ равноправнымъ членомъ, составною частью Православной Вселенской Церкви, то во всякомъ случаѣ Православная Церковь и Православное Русское Государство не могутъ по отношенію къ Абиссинской Церкви и Абиссинскому народу не руководствоваться словами Христа: „приходящаго ко Мнѣ не изжену вонъ“... Догматическія и обрядовыя несогласія должны быть изучены, разсмотрѣны и общимъ стараніемъ всѣхъ Православныхъ Восточныхъ Церквей устранены; наша же Русская Церковь должна взять на себя въ этомъ дѣлѣ святой починъ и посредничество.

Такъ, конечно, смотритъ на абиссинское церковное дѣло наша церковная власть. Прибывшій въ составѣ посольства Харарскій епископъ Габро Екзіаверъ не участвовалъ въ сослуженіи съ нашими іерархами, но при совершеніи ими церковныхъ службъ онъ приглашался во св. алтарь и на амвонѣ стоялъ, хотя и необлаченный, непосредственно за нашими архипастырями. Вообще же все наше духовенство, съ Высокопреосвященнымъ Палладіемъ во главѣ, оказывало ему знаки самаго задушевнаго радушія и почтительнаго вниманія. Народъ же нашъ сразу почуялъ въ абиссинцахъ „своихъ“. Трогательно было видѣть какъ любовно,

особенно въ храмахъ Божіихъ, смотрѣлъ онъ на этихъ загорѣлыхъ и необычайно для него одѣтыхъ людей, усердно молившихся, правильно знаменовавшихъ себя крестомъ и благоговѣйно преклонявшихъ колѣна передъ св. Чашею и при пѣніи молитвы Господней.

Дай же Богъ, чтобы начавшееся взаимное ознакомленіе и дружба повели, и возможно скорѣе, къ полному церковному общенію, къ народному братству и государственному союзу! Великое въ этомъ отношеніи и отвѣтственное передъ исторіей дѣло предстоитъ снаряжаемой въ Абиссинію русской миссіи съ о. архимандритомъ Ефремомъ во главѣ. Дай имъ Богъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ и всякой удачи!

Мы твердо вѣримъ, что установившаяся нынѣ дружественная связь съ Россіей оградитъ Абиссинію отъ алчнаго посягательства итальянцевъ на ея самостоятельность и на ея владѣнія. Стоящая во главѣ всего Восточнаго Христіанства великая Православная Русь, конечно, не откажетъ въ своемъ могущественномъ заступничествѣ ищущему ея покровительства восьмимилліонному мужественному и глубоко христіанскому народу. Не отказала бы Россія Абиссиніи въ этомъ покровительствѣ даже если бы оно требовало только жертвъ и не обѣщала никакихъ выгодъ. Но дѣло стоитъ не такъ. Мы, русскіе, конечно, не нуждаемся подобно Германіи или Англіи въ обширныхъ африканскихъ колоніяхъ, чтобы сбывать туда избытокъ своего населенія; но Россія не только сухопутная, но и *великая морская держава*, по крайней мѣрѣ она должна быть такою. Владѣя многими тысячами верстъ морскаго и океанскаго побережья, она, чтобы быть полнымъ хозяиномъ у себя на берегу, должна быть ни отъ кого независимымъ господиномъ на океанахъ и моряхъ. А для этого Россіи необходимо имѣть въ отдаленныхъ отъ нея моряхъ свои собственныя пристанища и стоянки, особенно на главномъ пути, идущемъ чрезъ Дарданеллы и Суецъ по Красному морю въ Индѣйскій и Великій океаны къ восточнымъ нашимъ владѣніямъ. На этомъ пути вопросъ о свободномъ проходѣ чрезъ Суецъ и Бабъ-Эль-Мандебъ скоро получитъ для насъ такое же важное и жгучее значеніе, какъ и вопросъ о Дарданеллахъ и Босфорѣ. Имѣть у выхода изъ Краснаго моря въ Индійскій океанъ союзное свободное туземное государство, такое, какъ Абиссинія, и тамъ, по сосѣдству съ нею, свою собственную пристань и кусокъ береговой земли — представляется для Россіи дѣломъ первостепенной государственной важности. Необходимость для Россіи имѣть въ тѣхъ краяхъ свое опорное мѣсто давно уже сознается русскимъ обществомъ и отчасти правительственными кругами. Сознаніе это нѣсколько лѣтъ тому назадъ сказалось въ живомъ сочувствіи и поддержкѣ воинственному предпріятію „вольнаго русскаго ка-

зака“ Н. И. Ашинова и въ поѣздкахъ въ Абиссинію такихъ мирныхъ русскихъ добровольцевъ, какъ поручикъ Машковъ, а затѣмъ такъ безвременно утраченный русскою наукою и жизнью докторъ Елисѣевъ и о. Ефремъ и г. Леонтьевъ съ товарищами и спутниками. Не забудемъ, что предпріятію Н. И. Ашинова, имѣвшему цѣлью устроить казачьи поселенія на восточномъ берегу Африки и создать тамъ „русское“ море,—сочувствовала и русская печать (М. Н. Катковъ) и вліятельныя правительственныя лица, и не скончайся неожиданно управлявшій въ то время морскимъ министерствомъ И. А. Шестаковъ и отнесись нѣсколько иначе къ дѣлу наше дипломатическое тогдашнее начальство,—предпріятіе, не смотря на всѣ недостатки и ошибки вольнаго казака Ашинова, могло бы осуществиться. Вѣдь овладѣваютъ же и англичане и итальянцы и всѣ кому угодно изъ западныхъ европейцевъ чуть не каждый день все новыми и новыми пространствами африканской земли; почему же только для насъ, русскихъ, было бы это неисполнимо? Всѣ эти Стэнли и другіе англійскіе и нѣмецкіе піонеры, въ большинствѣ случаевъ, по характеру и нравамъ ничѣмъ не лучше нашего вольнаго казака, но они всегда находятъ себѣ поддержку въ своемъ отечествѣ и въ общественной и въ правительственной средѣ, оттого предпріятія ихъ почти всегда имъ и удаются. Мы же должны помнить, что Сагалло орошено русскою, притомъ неповинною дѣтскою кровью, искупленіемъ которой было бы только осуществленіе задуманнаго тогда дѣла. Эта, напрасно пролитая тогда, русская кровь оставила нѣкоторую тѣнь на свѣтлыхъ страницахъ исторіи русско-французскаго сближенія и дружбы. Теперь нашимъ друзьямъ-союзникамъ легко совершенно искупить тогдашнюю свою жестокую торопливость. Пусть они теперь облегчатъ Абиссиніи запастись боевымъ оружіемъ, въ которомъ та такъ нуждается теперь, для защиты своей самостоятельности. Русскій народъ будетъ имъ за это безконечно, благодаренъ, и пусть будутъ единомысленны и союзны намъ и въ дѣлѣ пріобрѣтенія нами удобной морской стоянки по сосѣдству съ Абиссиніей, для которой мы будемъ не злыми насильниками, а добрыми и желанными сосѣдями-друзьями. Свободная и вооруженная Абиссинія была бы прекраснымъ, далеко не маловажнымъ дополненіемъ къ Франко-Русскому союзу *).

---

*) Въ ближайшихъ книжкахъ Р. Б. будетъ помѣщена статья Н. П. Аксакова объ Абиссиніи въ церковномъ отношеніи.

Князь Дамто,

главный посолъ Абиссинскаго Царя.

Дозв. ценз. Спб., 19 іюля 1895 г. Тип. Е. Евдокимова, Троицкая, 18.

зака
русс
врем
о. Е
пре
лені
сочу
тел
мор
дѣл
на
ще
ком
вы
дл
гіе
те
на
п
ул
т
о
р
р
н
в
з
с
і

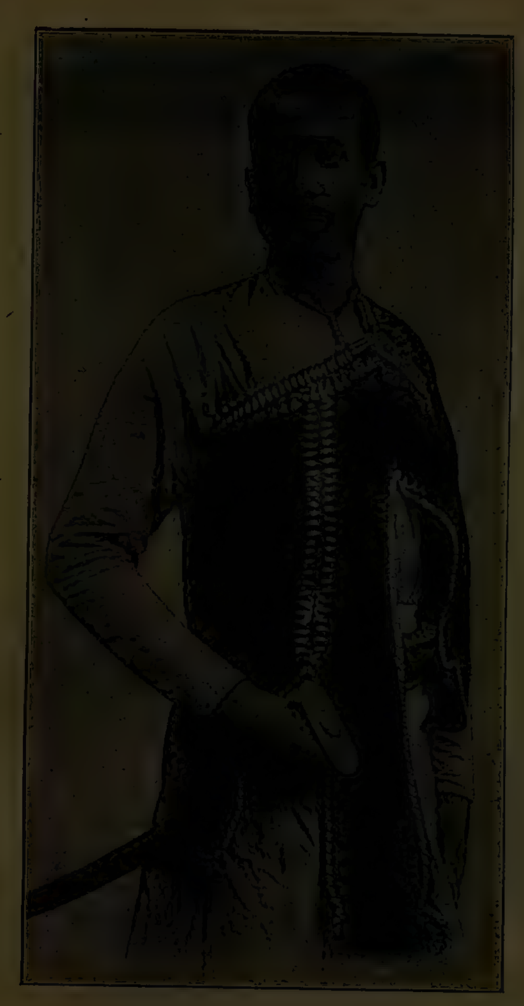
Князь Беллакіо.

Дозв. ценз. Спб., 19 іюля 1895 г.   Тип. Е. Евдокимова, Троицкая, 18.

Епископъ Харарскій Габро Екзіаверъ.

Дозв. ценз. Спб., 19 іюля 1895 г. Тип. Е. Евдокимова, Троицкая, 18.

Генералъ Ганемье.

Дозв. ценз. Спб., 19 Іюля 1895 г. — Тип. Е. Евдокимова, Троицкая, 18.

Наботковъ. Гешовъ. Вазовъ. Минчевичъ. Молловъ.
Тодоровъ. Митроп. Климентъ. Архим. Василій.

Дозв. ценз. Спб., 19 іюля 1895 г. Тип. Е. Евдокимова, Троицкая, 18.

IV.

Одновременно съ абисинцами въ Петербургѣ были болгарскіе послы, пріѣзжавшіе возложить вѣнокъ на гробницу Государя Императора Александра III и выразить чувства признательности и благодарности Россіи и ея Государю отъ лица Болгарскаго народа. Посольство, во главѣ котораго былъ весьма уважаемый пастырь болгарской церкви, митрополитъ Климентъ, составляли: Тодоровъ, президентъ народнаго собранія, И. С. Гешовъ, д-ръ Молловъ, д-ръ Минчевичъ, П. П. Наботковъ, поэтъ Вазовъ и архимандритъ Василій.

Митрополитъ Климентъ, въ міру Василій Друмевъ, воспитывался въ Россіи въ Кіевской духовной академіи. До вступленія своего въ духовный санъ онъ уже былъ извѣстенъ, какъ авторъ беллетристическихъ произведеній, которыя имѣли большой успѣхъ. Сдѣлавшись митрополитомъ Тырновскимъ, онъ проявилъ настойчивую дѣятельность въ дѣлѣ охраненія въ Болгаріи православія, извѣстенъ также, какъ краснорѣчивый проповѣдникъ. Большое вліяніе митрополита на народъ показалось опаснымъ правительству Стамбулова, который его обвинилъ въ измѣнѣ и заключилъ въ тюрьму, гдѣ владыка и томился до самаго паденія Стамбулова. Освобожденіе митрополита народъ привѣтствовалъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

Тодоровъ, президентъ болгарскаго народнаго собранія, высшее образованіе получилъ въ Одессѣ, въ Новороссійскомъ университетѣ. Въ качествѣ адвоката защищалъ митрополита Климента противъ обвиненій, возбужденныхъ Стамбуловымъ.

И. С. Гешовъ родился въ Филиппополѣ, образованіе получилъ въ Константинополѣ, а затѣмъ въ Англіи. Когда Болгарія была занята русскими войсками, Гешовъ служилъ при русскомъ генералъ-губернаторѣ Восточной Румеліи. Одно время былъ кметомъ (городскимъ головою) города Филиппополя. Въ настоящее время—депутатъ отъ Филиппопольскаго округа въ народномъ собраніи. Д-ръ Молловъ — питомецъ Московскаго университета; участвовалъ въ войнѣ 1877—78 гг. Болгарія обязана ему устройствомъ санитарной части въ княжествѣ и учрежденіемъ отдѣленія Краснаго Креста. По дѣлу Бѣльчева Молловъ былъ посаженъ на $1^1/_2$ года въ тюрьму; въ настоящее время онъ членъ народнаго собранія и членъ медицинскаго совѣта княжества. П. П. Наботковъ воспитывался также въ Россіи, въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ. Незадолго до войны за освобожденіе, во время волненій, ей предшествовавшихъ, вынесъ отъ турокъ 4-хъ мѣсячное тюремное заклю-

ченіе, во время же войны, состоя при штабѣ 12-й пѣхотной дивизіи, былъ посредникомъ между войсками и народомъ, занималъ общественныя должности въ Восточной Румеліи, теперь же—депутатъ народнаго собранія. И. Вазовъ извѣстенъ, какъ самый выдающійся изъ болгарскихъ писателей. Большинство его произведеній, стиховъ и прозы, одушевлены патріотизмомъ. Его сборники стихотвореній, и въ особенности романъ „Подъ иго-то“ (Подъ игомъ), который живо рисуетъ состояніе болгарскаго народа наканунѣ освобожденія, причемъ авторъ талантливо изображаетъ народные типы и сцены бытовой жизни, пользуются заслуженнымъ успѣхомъ не только въ Болгаріи, но и за границей, такъ какъ лучшія изъ его произведеній переведены на иностранные языки. Большое впечатлѣніе должны были произвести на Вазова и не остались, конечно, безъ вліянія на его литературную дѣятельность, тѣ несчастія, которыя ему выпали на долю въ бурные 1876 — 78 гг. Такъ въ 1876 году ему пришлось спасаться въ Румынію послѣ неудачнаго возстанія противъ турокъ, а въ слѣдующемъ году его отецъ былъ зарѣзанъ турками, и родной городъ поэта былъ сожженъ ихъ войсками.

29-го іюня болгары служили панихиду на гробницѣ Императора Александра III и возложили золотой лавровый, съ серебряною пальмовою вѣтвью посрединѣ, вѣнокъ, на лентахъ котораго надпись: Цесаревичу-полководцу, Царю-Миротворцу признательный болгарскій народъ“. Другой вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ былъ возложенъ на гробницу Царя-Освободителя Императора Александра II. Митрополитъ Климентъ произнесъ рѣчь, гдѣ говорилъ о чувствѣ признательности, которое болгарскій народъ сохраняетъ и будетъ сохранять на вѣчныя времена къ великому Всероссійскому Императорскому Дому и къ великому Русскому народу“.

5-го іюля болгары были приняты Государемъ Императоромъ.

Во все время пребыванія въ Петербургѣ болгарскимъ посламъ вездѣ былъ оказанъ самый радушный пріемъ. Ихъ чествовало и Славянское общество и многія частныя лица.

Настроеніе, съ которымъ уѣхало болгарское посольство изъ Петербурга прекрасно выражено въ словахъ Тодорова: „Мы встрѣтили въ Петербургѣ пріемъ, на который не смѣли разсчитывать. Мы глубоко счастливы этимъ пріемомъ и глубоко благодарны за него русскимъ, какъ представителямъ офиціальнаго міра, такъ и частнымъ лицамъ. Мы воочію убѣдились, что русское сердце отходчиво и что русскій народъ—воистину великодушный народъ. Мы поняли, что творецъ не можетъ не любить своего дѣтища, и что любить — значитъ,

по-русски, прощать. Въ Болгаріи есть различныя оппозиціонныя партіи: есть цанковисты, каравелисты, радослависты, но партіи, враждебной Россіи, болѣе нѣтъ. Да никогда и не было ея въ Болгаріи, такъ какъ у Стамбулова были личные приверженцы, сообщники, слуги, но настоящей партіи не было. Министерство Стоилова стоитъ за дружбу съ Россіей. На прошлой недѣлѣ въ министерскомъ совѣтѣ было постановлено соорудить въ Софіи въ память Царя-Освободителя православный храмъ во имя св. Александра Невскаго. Сооруженіе этого храма было рѣшено еще въ 1879 году; по народной подпискѣ собрано для этого милліонъ франковъ, но Стамбуловъ потомъ затормозилъ это дѣло. Теперь оно будетъ доведено до конца".

Теперь этого главнаго виновника офиціальнаго разрыва между Болгаріей и Россіей не стало. Какъ разъ во время пребыванія болгарскаго народнаго посольства въ Петербургѣ,—отъ котораго онъ всѣми силами старался отвратить умы и сердца Болгарскаго народа,—его самого въ Софіи постигла страшная кара Провидѣнія за его противонародную и противоцерковную дѣятельность. Теперь единственная помѣха полному примиренію Россіи съ Болгаріей и возстановленію между ними правильныхъ отношеній, это стамбуловскій и австрійскій ставленникъ — Фердинандъ, принцъ Кобургскій, насиліемъ и обманомъ взобравшійся на болгарскій княжескій престолъ, вопреки рѣшительно выраженному Россіей, создавшею этотъ престолъ, нежеланію видѣть его на немъ...

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

Внутреннее обозрѣніе.

(Добрый починъ вятскаго земства, дѣятельность министерствъ: финансовъ, юстиціи и земледѣлія, перемѣна директора).

Вятское земство въ послѣднее время приводитъ въ исполненіе задуманную земствомъ еще въ прошломъ году новую и весьма разумную мѣру для обезпеченія простого народа отъ величайшаго изъ бѣдствій,—пожара. Особенно почтенна эта мѣра теперь, когда цѣлый рядъ городовъ русскихъ, главнымъ образомъ западнаго края, выгорѣлъ почти до тла, съ церквами и присутственными мѣстами.

Эта противопожарная мѣра, до которой еще не додумались наши пожарныя общества, заключается въ ссудѣ крестьянъ деньгами на устройство кирпичныхъ заводовъ и въ удешевленіи и распространеніи между крестьянами кирпича настолько, что они находятъ выгоднымъ строить дома изъ кирпича, застраховывая себя, такимъ образомъ, отъ разорительныхъ пожаровъ, истребляющихъ рѣшительно все въ деревянныхъ и соломенныхъ нынѣшнихъ русскихъ деревняхъ. Сразу какъ будто кажется страннымъ, что земство именно лѣсной губерніи, гдѣ лѣсъ дешевъ и въ изобиліи, первое задумалось надъ вопросомъ о перестройкѣ деревень изъ деревянныхъ въ каменныя. Дѣло объясняется очень просто. Въ губерніяхъ съ дорогимъ лѣсомъ, какъ большая часть внутреннихъ и южныя, о развитіи кирпичедѣланія, какъ кустарнаго промысла, нечего и думать: такъ много требуется дровъ для обжиганія кирпича. Только въ лѣсныхъ губерніяхъ и возможно еще такое кирпичное, народное производство. Какъ привьется и пойдетъ оно въ Вятской губ. еще неизвѣстно, но уже съ начала, нынѣшнимъ же лѣтомъ вятское, кустарное, кирпичное производство оказало простому народу этого края ту не малую пользу, что всѣхъ, многочисленныхъ въ этой губ. крестьянъ, спеціально промышлявшихъ издѣліемъ кирпичей на большихъ, коммерческихъ заводахъ, въ видѣ отхожаго промысла, означенная мѣра земства удержала дома, на мѣстныхъ кустарныхъ кирпичныхъ заводахъ. На первый разъ вятское земство ассигновало, по словамъ газетъ, 20,000 руб. на выдачу ссудъ крестьянамъ для устройства кирпичныхъ заводовъ, и этотъ кре-

дитъ уже исчерпанъ (см. „Нов. Вр.“ № 6950). Хотѣлось бы знать, послѣдуютъ ли другія лѣсныя наши земства доброму примѣру своего вятскаго собрата.

Изъ нашихъ министерствъ наибольшее вниманіе русскаго общества къ своей дѣятельности вызываютъ министерства: финансовъ, юстиціи и земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Всего больше говорятъ о дѣятельности перваго изъ упомянутыхъ министерствъ, о томъ, какъ ему вообще везетъ, какъ все ему удается и улыбается, отъ выгодныхъ конверсій до питейной реформы, или какъ купечество или представители крупной промышленности то и дѣло посылаютъ г. министру благодарственныя телеграммы за разныя имъ льготы и улучшенія. И дай Богъ удачи всякой, въ особенности, чтобы удалось министерству что-нибудь сдѣлать для простого народа, которому покойный Н. Х. Бунге, будучи м-мъ финансовъ, помогъ освободиться отъ соляного акциза и подушной подати, И. А. Вышнеградскій помогъ прокормиться въ голодный годъ... При томъ же министрѣ Правительство взяло въ свое вѣдѣніе желѣзнодорожные тарифы. Тарифныя учрежденія (Комитетъ и Совѣтъ), состоятъ при министерствѣ финансовъ и хотя въ нихъ есть представители другихъ вѣдомствъ, но организованы они такъ, что рѣшающій голосъ во всѣхъ почти тарифныхъ вопросахъ принадлежитъ министерству финансовъ. Послѣднее очень пристально занимается тарифнымъ дѣломъ, тѣмъ не менѣе оно далеко еще не можетъ считаться упорядоченнымъ.

Въ настоящее время, напримѣръ, мы принимаемъ дѣятельное участіе въ борьбѣ чуть не со всѣмъ міромъ за обладаніе западно-европейскимъ хлѣбнымъ рынкомъ. Вопросъ этотъ настолько важенъ въ государственномъ отношеніи, что стоитъ нѣсколько подробнѣе остановиться на выясненіи того положенія, которое мы занимаемъ въ этой борьбѣ и какое значеніе имѣютъ въ этомъ дѣлѣ желѣзнодорожные тарифы.

Относительно стоимости производства хлѣба мы смѣло можетъ утверждать, что она, даже при нашихъ примитивныхъ пріемахъ, настолько низка, что въ этомъ отношеніи мы не найдемъ соперниковъ даже въ странахъ съ самыми усовершенствованными способами веденія хозяйствъ, но зато въ другомъ отношеніи мы далеко отстаемъ отъ нашихъ соперниковъ, это именно въ стоимости перевозки нашихъ грузовъ.

Сравнимъ, напримѣръ, стоимость перевозки пшеницы нашимъ самымъ грознымъ конкуррентамъ—американцамъ отъ Чикаго до Лондона и намъ отъ Тамбова до Лондона.

За провозъ пшеницы отъ Чикаго до Нью-Іорка, исключительно по желѣзнымъ дорогамъ, за 1529 верстъ платится 14,7 кредитныхъ копѣекъ за пудъ или по $^1/_{104}$ коп. съ пуда—версты, фрахтъ отъ Нью-Іорка до Лондона—4,72 кредитныхъ копѣекъ, а всего перевозка обойдется 19,42 кредитныхъ копѣекъ.

Отъ Тамбова и Либавы за 1523 версты за перевозку пшеницы намъ придется заплатить по 23,63 копѣйки съ пуда или по $^1/_{64}$ съ пуда версты, что составитъ на 61% дороже, чѣмъ платятъ американцы, а фрахтъ отъ Либавы до Лондона стоитъ 5,34 копѣйки или на 13% дороже, чѣмъ отъ Нью-Іорка, а всего отъ Тамбова до Лондона, не смотря на меньшее разстояніе, придется намъ заплатить за провозъ пуда пшеницы 28,97 коп. или на 9,55 коп. дороже, чѣмъ американцамъ. Приэтомъ нужно имѣть въ виду, что всѣ накладные расходы, какъ желѣзнодорожные, такъ и портовые, у насъ несравненно дороже, чѣмъ въ Америкѣ, а если къ этому прибавить у насъ расходъ на мѣшки, не существующій въ Америкѣ, то разница въ стоимости перевозки должна еще быть значительно повышена и дойдетъ копѣекъ до 12 на пудъ.

Кстати еще нужно обратить вниманіе на то, что хотя наша пшеница признается лучшей въ мірѣ по качеству, но вслѣдствіе злоупотребленій въ хлѣбной торговлѣ, какъ умышленное подмѣшиваніе сора къ ней или смѣшиваніе ея съ купленною за безцѣнокъ негодной пшеницей и даже выточками, цѣна на нашу пшеницу на Лондонскомъ рынкѣ всегда стоитъ на 10 копѣекъ дешевле, чѣмъ на американскую даже второго номера.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ тамбовскій производитель пшеницы выручитъ за свой продуктъ менѣе американца копѣйками 12-ю на пудъ вслѣдствіе высокой стоимости перевозки у насъ хлѣба, да еще, по крайней мѣрѣ, на 10 копѣекъ меньше вслѣдствіе неустройства торговли, а всего около 22 копѣекъ на пудѣ, что составляетъ болѣе 25% цѣны. Разумѣется, что при такихъ условіяхъ соперничать намъ съ американцами чрезвычайно трудно.

Упорядочить нашу хлѣбную торговлю въ томъ смыслѣ, чтобы нашъ хлѣбъ приходилъ на иностранные рынки въ чистомъ видѣ, пока трудно и требуетъ много времени и затратъ, потому что безъ элеваторовъ этого достигнуть невозможно, и не скоро еще русскіе хозяева избавятся отъ происходящихъ отъ этого потерь, но потери на стоимости перевозки хлѣбныхъ грузовъ могутъ быть легко и быстро значительно сокращены.

Не имѣя собственнаго флота, едва-ли намъ удастся понизить существующіе фрахты. Смѣшно сказать, что фрахтъ отъ Либавы до Лондона дороже, чѣмъ отъ Нью-Іорка до того-же Лондона, и мы должны

безропотно выносить эту несправедливость. Но что касается желѣзнодорожнаго тарифа, то онъ обязательно долженъ быть пониженъ.

Вообще у насъ какъ будто-бы не сознается государственная важность передвиженія хлѣбныхъ грузовъ, составляющихъ главный предметъ нашей вывозной торговли, и за провозъ хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ установленъ чрезвычайно высокій тарифъ.

На ближайшихъ разстояніяхъ для вывоза хлѣба въ направленіи къ границамъ и портамъ назначенъ чрезвычайно высокій тарифъ по $^1/_{24}$ копѣйки съ пуда-версты, затѣмъ приплата съ увеличеніемъ разстоянія хотя и значительно уменьшается (до $^1/_{67}$ коп.), но все-таки на среднія разстоянія, то-есть отъ 1000 до 1500 верстъ, тарифъ остается на столько высокій, что, какъ мы видѣли, превышаетъ на 61% американскій тарифъ на то-же разстояніе, наконецъ на весьма большія разстоянія приплаты еще уменьшаются (до $^1/_{122}$ коп.) и сверхъ 3000 верстъ тарифъ доходитъ до $^1/_{85}$ копѣйки и менѣе съ пуда-версты.

Въ результатѣ выходитъ, что на близкія и среднія разстоянія хлѣбъ не можетъ съ выгодой вывозиться за-границу, потому что тарифъ слишкомъ высокъ, а на большія разстоянія, несмотря на сравнительно низкій тарифъ, его везти не стоитъ, такъ какъ въ общемъ получается на столько высокая плата за провозъ, что ею поглощается почти вся рыночная стоимость хлѣба. Для большей ясности мы постараемся доказать это примѣрами.

Вопросъ о сбытѣ ржи является весьма существеннымъ для всей центральной Россіи. Главное мѣсто сбыта ржи—Германія и преимущественно Пруссія, причемъ берлинская биржа можетъ быть принята, какъ руководящая въ установленіи цѣны на рожь. Въ настоящее время, согласно торговымъ биллютенямъ, на берлинской биржѣ покупаютъ нашу рожь по 66 коп. кредитныхъ за пудъ (не считая пошлины). Для опредѣленія цѣны на рожь, которая можетъ быть предложена производителямъ ея въ центральныхъ губерніяхъ, нужно вычесть стоимость доставки ея съ мѣстъ производства до Берлина.

Возьмемъ стоимость провоза ржи до Берлина отъ Ельца, какъ одного изъ ближайшихъ пунктовъ средней Россіи, гдѣ начинаетъ чувствоваться избытокъ производства ржи надъ ея потребленіемъ. Для этого возьмемъ сначала направленіе исключительно по желѣзнымъ дорогамъ, черезъ ст. Александрово. За провозъ ржи отъ Ельца до Александрова за 1492 версты по существующему тарифу придется заплатить 23,38 копѣйки съ пуда да накладныхъ расходовъ 1,36 копѣйки, а всего 24,74 копѣйки; отъ Александрова до Берлина за 402 версты стоимость провоза съ накладными расходами опредѣляется въ 12 ко-

пѣекъ, слѣдовательно доставка пуда ржи обойдется всего 36,74 копѣйки или 56% ея стоимости въ Берлинѣ; присоединяя же къ этому стоимость мѣшковъ около 2 коп., коммиссіонные и маклерскіе расходы не менѣе 1 копѣйки, на станціи въ Ельцѣ экспортеру рожь должна обойтись не дороже 26,26 копѣекъ за пудъ; нельзя при этомъ допустить, чтобы торговецъ не искалъ пользы хотя въ 1 или въ 2 копѣйки съ пуда, да, кромѣ того, рожь въ самомъ Ельцѣ не растетъ, а требуется ее доставить изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ окрестностей, что также обойдется, смотря по разстоянію, отъ 3 до 5 копѣекъ; такимъ образомъ, droземледѣлецъ будетъ имѣть возможность получить за свою рожь не дороже 20—22 копѣекъ или только 33% ея берлинской цѣны. Въ дѣйствительности же цѣна ржи въ самомъ Ельцѣ въ настоящее время предлагается начиная отъ 23 копѣекъ.

Если отъ Ельца повезти рожь черезъ Либаву, то получится приблизительно тотъ же расчетъ: стоимость провоза по желѣзнымъ дорогамъ до Либавы (1293 версты) съ дополнительными сборами опредѣляется въ 21,78 копѣекъ съ пуда, накладные расходы въ Либавскомъ портѣ, въ среднемъ, составляютъ 3 копѣйки, фрахтъ отъ Либавы до Штетина 4,60 копѣйки, что составитъ 29,38 копѣйки; если къ этому добавить стоимость перевозки отъ Штетина до Берлина, то на Либаву можетъ быть и дешевле обойдется перевозка ржи на копѣйку или двѣ съ пуда, но зато въ этомъ направленіи въ зимніе мѣсяцы не всегда возможна перевозка хлѣба. Приблизительно то же самое обойдется стоимость провоза ржи отъ Ельца черезъ Одессу и кругомъ Европы.

Такимъ образомъ, какой путь ни избрать для провоза ржи отъ Ельца въ Берлинъ, елецкій хозяинъ не можетъ получить за свою рожь болѣе 33% ея стоимости на берлинской биржѣ или же долженъ искать себѣ другихъ рынковъ сбыта.

При цѣнѣ около 22 копѣекъ за пудъ, считая урожай, за вычетомъ сѣмянъ, даже въ 50 пудовъ съ десятины, можно выручить 11 рублей, а самая дешевая плохая издѣльная обработка 1 десятины ржи крестьянскимъ инвентаремъ обходится въ елецкомъ уѣздѣ не менѣе 6 рублей, да не менѣе 5 рублей обойдется молотьба и очистка зерна, всѣ же остальные расходы — по удобренію земли, надзору, администраціи, ремонту и другимъ хозяйственнымъ потребностямъ, а также повинности — окажутся чистымъ убыткомъ, не говоря уже о томъ, что земля никакой ренты не принесетъ.

Удешевляя-же перевозку только по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, сообразно стоимости перевозки по желѣзнымъ дорогамъ въ Америкѣ, то-есть приблизительно до 1/100 копѣйки съ пуда—версты, цѣна хлѣба

несомнѣнно увеличилась бы на 9 копѣекъ, а валовой доходъ на 4 руб. 50 коп. съ десятины, изъ которыхъ хотя окупились бы остальные расходы и, можетъ быть, что либо осталось бы въ видѣ ренты за землю.

При существующихъ же условіяхъ перевозки, центръ Россіи долженъ поставлять на берлинскую биржу рожь или въ убытокъ, или же уступить этотъ рынокъ другимъ государствамъ, которыя несравненно дешевле платятъ за провозъ ихъ произведеній.

Обращаясь къ торговлѣ пшеницей, мы придемъ почти къ тому же заключенію. Въ Берлинѣ за пшеницу на май платили 81,5 копѣйки за пудъ, доставка одного пуда пшеницы отъ Ельца до Берлина обходится 36,74 копѣйки или 45% ея стоимости, прибавляя къ этому расходъ на мѣшки, маклерскіе, барышъ купца и стоимость доставки пшеницы до ст. Ельца всего въ размѣрѣ отъ 8 до 10 копѣекъ окажется, что хозяинъ въ состояніи получить только 34,76 копѣйки или 43% цѣны своей пшеницы въ Берлинѣ. Хотя валовой доходъ нѣсколько въ этомъ случаѣ и возрастаетъ, но зато производство пшеницы обходится гораздо дороже ржи, и хозяинъ опять таки не въ состояніи будетъ разсчитывать на какую либо выгоду.

Что касается перевозки хлѣбныхъ грузовъ на дальнія разстоянія, хотя бы даже и по дешевому тарифу, то результаты выходятъ совсѣмъ плачевные. Такъ, напримѣръ, перевозка хлѣба отъ Челябинска до Александрова за 3347 верстъ обойдется, съ накладными расходами, 39,94 копѣйки, да отъ Александрова до Берлина 12 копѣекъ, а всего 52 копѣйки за пудъ, да прибавляя къ этому стоимость мѣшковъ, маклерскіе расходы и барышъ купца только въ размѣрѣ 5 коп. окажется, что въ Челябинскѣ, положимъ, рожь, стоющая въ Берлинѣ 66 коп., должна быть куплена не дороже 9 коп. за пудъ, а пшеница, стоющая въ Берлинѣ 81,5 коп., недороже 24 коп.; если же вычесть изъ этого стоимость провоза этихъ хлѣбовъ до ст. Челябинска отъ мѣстъ производства, то окажется, что хозяинъ долженъ будетъ отдать свои продукты чуть не даромъ. Слѣдовательно существующій у насъ пониженный тарифъ на перевозку хлѣба на громадныя разстоянія практическаго значенія не имѣетъ и можетъ лишь вызывать споры академическаго характера о тѣхъ поощреніяхъ, которыя дѣлаются нашими тарифами для вывоза хлѣба изъ далекихъ окраинъ, съ цѣлью развитія тамъ земледѣлія.

Обращаясь къ статистикѣ передвиженія у насъ хлѣбныхъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ, мы видимъ, что на разстояніе до 400 верстъ перевозится 65% общаго количества, отъ 400 до 1000 верстъ —

$12^1/_2$%, отъ 1000 до 1500 верстъ всего 21% и свыше 1500 верстъ всего только $1^1/_2$%.

Приведенныя цифры убѣдительнѣе всего доказываютъ, что съ одной стороны нашъ дешевый тарифъ на хлѣбные грузы, при перевозкѣ на дальнія разстоянія, имѣетъ исключительно академическій характеръ и ни какого практическаго значенія, такъ какъ на такое разстояніе, при современномъ обезцѣненіи хлѣба, его невозможно перевозить даже по дешевому тарифу, а съ другой,—что всѣ наши хлѣбные грузы перевозятся по существующему непомѣрно дорогому тарифу на короткія и среднія разстоянія, вдвое, втрое и даже вчетверо дороже, чѣмъ у нашихъ конкуррентовъ американцевъ.

Но кромѣ того, что наши хлѣбные тарифы должны быть признаны абсолютно дорогими и несоотвѣтствующими цѣнности перевозимаго хлѣба, еще можно доказать, что они и относительно чрезвычайно дороги, такъ какъ масса весьма цѣнныхъ грузовъ и даже предметовъ роскоши перевозятся по одинаковому или даже гораздо болѣе дешевому тарифу, чѣмъ хлѣбъ.

При вывозѣ хлѣба на короткое разстояніе въ 178 верстъ, какъ, напримѣръ, изъ Вильны до Вержболова, за вагонъ въ 610 пудовъ латится 44 руб. 50 к., а по пудно по 7,42 коп. съ пуда. Одинаковая почти плата взимается при перевозкѣ отъ Вержболова до Вильны или обратно за слѣдующіе предметы: канареечное сѣмя, тминъ, анисъ, сѣмена древесныя, крахмалъ маисовый, рисовый и пшеничный сухой, декстринъ, мясо домашнихъ животныхъ, гуси битые, сало костяное очищенное, сандалъ, паровыя пожарныя трубы, умывальники, мебель буковую, мебель всякую, билліарды и т. п.

Затѣмъ можно указать на многіе предметы, которые перевозятся на тоже разстояніе значительно дешевле хлѣба, а именно:

Наименованія товаровъ.	Стоимость провоза [1]). По-вагонно.	Стоимость провоза [1]). Попудно.
	руб.	коп.
Плетеная мебель и всякія плетеныя издѣлія	12	—
Клей гусеничный	15	2,46
Туки землеудобрительные	17	2,74
Жмыхи рициноваго сѣмени	17	2,74
Составы огнеупорные и огнегасительные	24	3,93
Костяной уголь при ввозѣ	23	—
Костяной уголь при вывозѣ	15	—
Артишоки, земляныя груши, помидоры, спаржа, томаты и т. п.	27	5,90
Солодковый корень	27	—
Сита волосяныя и рѣшота проволочныя	27	—

Наименованія товаровъ.	Стоимость провоза. По-вагонно.	Стоимость провоза. Попудно.
	руб.	коп.
Мякоть кокосовыхъ орѣховъ	30	—
Посуда стеклянная столовая и лабораторная	34	—
Арбузы и дыни	36	5,90
Конскіе Галеты	36	5,90
Выжимки кокосовыя	36	5,90
Мазь экипажная (колесная)	36	—
Сѣрная, соляная и азотная кислота	42	—
Подковы и т. п.	42	6,88

При разстояніи на 500 верстъ, примѣрно отъ Бобруйска до Вержболова, за 610 пудовъ хлѣба взимается 73 руб. 80 коп. или по 12,1 коп. съ пуда; а попудно провезти хлѣбъ обойдется по 18,75 коп. съ пуда, между тѣмъ многіе предметы везутся гораздо дешевле, а именно:

Наименованія товаровъ.	Стоимость провоза [1]). По-вагонно.	Стоимость провоза [1]). Попудно.
	руб.	коп.
Плетеная мебель и всякія плетеныя издѣлія	31	—
Гусеничный клей	34	5,57
Туки землеудобрительные	41	7,70
Костяной уголь при ввозѣ	41	—
Костяной уголь при вывозѣ	34	—
Посуда стеклянная столовая и лабораторная	54	—

Наименованія товаровъ.	Стоимость провоза. По-вагонно.	Стоимость провоза. Попудно.
	руб.	коп.
Жмыхи рициноваго сѣмени	47	7,70
Солодковый корень	69	—
Сита волосяныя и рѣшота проволочныя	69	—
Артишоки, земляная груша, спаржа, помидоры, томаты и т. п.	69	15,08

[1]) Согласно тарифу Русско-Германско-Нидерландскаго прямого товарнаго сообщенія № 5717

На разстояніе въ 1026 верстъ, примѣрно отъ Орла до Вержболова за вагонъ хлѣба въ 610 пудовъ придется заплатить 119 руб. 30 коп. или по 19,56 коп. съ пуда; за провозъ того-же хлѣба по-пудно придется заплатить по 35,42 коп., между тѣмъ за многіе другіе предметы, при перевозкѣ ихъ отъ Вержболова до Орла или обратно платится гораздо дешевле, а именно:

Наименованія товаровъ.	Стоимость провоза [1]).		Наименованія товаровъ.	Стоимость провоза.	
	По-вагонно.	По-пудно.		По-вагонно.	По-пудно.
	руб.	коп.		руб.	коп.
Плетеная мебель и всякія плетеныя издѣлія . . .	63	—	Рельсы новые	100	20,82
Клей гусеничный	63	10,32	Желѣзо въ болванкахъ .	109	17,87
Туки землеудобрительные	73	15,73	Чугунъ не въ дѣлѣ . . .	109	17,87
Костяной уголь при ввозѣ . .	83	—	Составы огнеупорные и огнегасительные и т. п.	115	18,85
Костяной уголь при вывозѣ .	63	—			
Жмыхи рициноваго сѣмени	96	15,73			
Посуда стеклянная столовая и лабораторная	96	—			

Наконецъ, даже на разстояніе въ 2985 верстъ, примѣрно отъ Челябинска до Вержболова, за вагонъ хлѣба въ 610 пудовъ платится 217 руб. 25 коп. или по 35,61 коп. съ пуда, а по-пудно придется заплатить 87,06 коп. съ пуда, тогда какъ находятся предметы болѣе цѣнные, чѣмъ хлѣбъ, за провозъ которыхъ отъ Вержболова до Челябинска или обратно взимается гораздо низшая плата, а именно:

Наименованія товаровъ.	Стоимость провоза.		Наименованія товаровъ.	Стоимость провоза.	
	По-вагонно.	По-пудно.		По-вагонно.	По-пудно.
	руб.	коп.		руб.	коп.
Суперфосфаты	152	45,90	Плетеная мебель	182	—
Рельсы новые	180	45,90	Желѣзо въ болванкахъ .	189	30,98
Клей гусеничный	182	29,83	Чугунъ не въ дѣлѣ . . .	189	30,98

[1]) Согласно тарифу Русско-Германско-Нидерландскаго прямого товарнаго сообщенія № 5717.

Изъ приведенныхъ сравненій можно смѣло заключить, что хлѣбные грузы у насъ далеко не пользуются привилегіей дешевой перевозки, а даже есть полное основаніе сдѣлать обратный выводъ.

Но каковы бы ни были условія перевозки нашихъ хлѣбныхъ грузовъ, въ виду изложенной выше потребности въ деньгахъ, русскій сельскій хозяинъ вынужденъ во что бы то ни стало продавать свой хлѣбъ, и чѣмъ онъ меньше выручаетъ за продаваемый хлѣбъ, тѣмъ въ большемъ количествѣ онъ долженъ его отчуждать для удовлетворенія все возрастающихъ потребностей.

Въ подтвержденіе приводимыхъ соображеній сошлемся мы на докладъ предсѣдателя Высочайше учрежденной въ 1888 году комиссіи по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія въ пятилѣтіе 1883—1887 гг. Послѣ подробнаго изученія хлѣбной торговли, комиссія пришла къ слѣдующему заключенію: [1])

„Ежегодно опредѣленная сумма денегъ, постоянно возрастающая, должна быть выручена сельскимъ хозяиномъ на рынкѣ; при обильномъ урожаѣ и пониженіи цѣнъ продается большее количество хлѣба; случается въ странѣ неурожай, значительная доля сбора, тѣмъ не менѣе, должна быть продана для вывоза. Въ минувшій неурожайный годъ вывозъ всѣхъ хлѣбовъ изъ Россіи по 1-ое декабря достигъ 351 мил. рублей, вмѣсто 319 мил. рублей предшествующаго 1890 года. Пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ началось съ 1883 года и съ этого времени средній вывозъ увеличился по сравненію съ предыдущимъ пятилѣтіемъ на 30 мил. пудовъ. Хозяйственный расчетъ, руководящій вывозомъ въ Россіи, построился такъ, что выгодны или не выгодны условія продажи хлѣба, вывозъ его постоянно возрастаетъ".

Въ прошломъ 1894 году это также блестяще подтвердилось, такъ какъ вывозъ хлѣбныхъ продуктовъ, не смотря даже на убыточность цѣны, достигъ даже не бывалыхъ размѣровъ.

При томъ же условіи, что съ уменьшеніемъ выручки отъ продажи хлѣба, мы должны большее количество его отчуждать, естественнымъ образомъ увеличивается предложеніе его на рынокъ, и предложеніе весьма назойливое, которое несомнѣнно вызываетъ паденіе цѣнъ на него. Потери, которыя несутъ сельскіе хозяева отъ такихъ условій торговли главнымъ ихъ продуктомъ—хлѣбомъ, ежегодно все болѣе и болѣе ухудшаютъ ихъ матеріальное положеніе. Недобирая въ теченіе многихъ лѣтъ значительную долю стоимости своихъ произведеній, разумѣется, невозможно было имъ составить какія либо сбереженія, а потому всякая невзгода, вродѣ

---

[1]) Стран. 42 Доклада.

переживаемой нынѣ, хотя бы имѣющая случайный и временной характеръ, прямо гибельно отзывается на имущественно истощенныхъ сельскихъ хозяевахъ, оказавшихся теперь дѣйствительно въ критическомъ положеніи.

Такимъ образомъ, въ числѣ прочихъ причинъ, непомѣрная высота желѣзнодорожныхъ тарифовъ на перевозку хлѣбныхъ грузовъ имѣетъ выдающееся значеніе какъ въ разстройствѣ экономическаго положенія главной массы населенія страны земледѣльцевъ, такъ и въ ухудшеніи условій нашей внѣшней торговли хлѣбомъ.

Не менѣе удручающее вліяніе имѣетъ эта высота желѣзнодорожныхъ тарифовъ и на внутреннюю торговлю хлѣбомъ. Необходимо при этомъ замѣтить, что даже изъ 50-ти коренныхъ губерній Европейской Россіи только 30-ть могутъ сами удовлетворять свою потребность въ продовольственномъ отношеніи и имѣютъ остатки, а остальныя 20-ть должны пользоваться, въ большей или меньшей степени, хлѣбомъ привознымъ, по самому скромному расчету до 100 мил. пудовъ. Кромѣ того, въ привозномъ хлѣбѣ нуждаются Привислянскія губерніи и Финляндія, затѣмъ мы могли бы имѣть довольно крупный рынокъ сбыта хлѣба въ своихъ закаспійскихъ и закавказскихъ владѣніяхъ. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ Россіи, нуждающихся въ хлѣбѣ, цѣна на него сравнительно высока и нерѣдко даже превышаетъ цѣну западно-европейскихъ рынковъ, но вслѣдствіе высоты желѣзнодорожнаго тарифа, мы совершенно лишены возможности помочь населенію этихъ мѣстностей. Попробуемъ прослѣдить какое вліяніе оказываютъ хлѣбные тарифы, напримѣръ, на наши нечерноземные губерніи, нуждающіяся въ привозѣ хлѣба для продовольствія. Въ этихъ губерніяхъ большинство населенія все-таки занимается земледѣліемъ, но вслѣдствіе климатическихъ и почвенныхъ условій изъ зерновыхъ хлѣбовъ оно производитъ почти исключительно рожь и овесъ. Первая идетъ на продовольствіе и ея еще не хватаетъ, а второй, за исключеніемъ удовлетворенія фуражныхъ потребностей, идетъ главнымъ образомъ на продажу.

Количество ржи, покупаемое населеніемъ этихъ мѣстностей, едва ли менѣе количества продаваемаго имъ овса, такъ что происходитъ какъ бы обмѣнъ овса на рожь.

Въ данномъ случаѣ для того, чтобы прослѣдить при какихъ условіяхъ можетъ произойти обмѣнъ овса на рожь, обратимся къ частному примѣру. Предположимъ, въ Смоленскѣ продаютъ овесъ съ цѣлью покупки ржи, которую можно достать лишь въ какой либо изъ центральныхъ черноземныхъ губерній, напримѣръ, Пензенской. Для опредѣленія цѣны какъ овса, такъ и ржи примемъ тѣ же основанія, какъ и раньше,

то-есть съ цѣны этихъ продуктовъ на берлинской биржѣ скинемъ стоимость ихъ провоза. Нужно при этомъ замѣтить, что цѣна на рожь и овесъ на берлинской биржѣ почти одинакова, около 66 коп. за пудъ. При этомъ расчетѣ овесъ въ Смоленскѣ не можетъ быть проданъ дороже 33 коп., такъ какъ доставка его до Александрова на 1037 верстъ обойдется 21 коп., а всего 33 коп. съ пуда. На томъ же основаніи высшая цѣна на рожь въ Пензѣ опредѣлится въ $24^3/_4$ коп., потому что за доставку до Александрова за 2040 верстъ придется заплатить $29^1/_4$ коп. и далѣе до Берлина 12 коп., а всего $41^1/_4$ коп. Провозъ ржи отъ Пензы до Смоленска на 1003 версты обойдется $20^1/_2$ коп., съ накладными расходами, слѣдовательно стоимость ржи въ Смоленскѣ опредѣлится въ $45\ ^1/_4$ коп. или на $12^1/_4$ коп. дороже, чѣмъ проданъ равный по цѣнности овесъ. Въ ту же цѣну обойдется рожь при покупкѣ ея въ Ельцѣ или Курскѣ.

Совершенно иной могъ бы быть результатъ, если бы у насъ хлѣбъ перевозился по $^1/_{100}$ коп. съ пуда-версты во всѣхъ сообщеніяхъ и направленіяхъ. Тогда смоленскій хозяинъ могъ бы продать свой овесъ по $42^1/_4$ коп., а пензенскому хозяину заплатилъ бы $32\ ^1/_4$ коп. за рожь, которая обошлась бы съ доставкою въ Смоленскъ всего только по $43^1/_4$ коп. за пудъ. Такимъ образомъ, обмѣнъ овса на рожь въ Смоленскѣ не вызвалъ бы никакихъ доплатъ по тарифу и только потребовалось бы приплатить 1 коп. за погрузку, выгрузку и станціонные расходы. Между тѣмъ пензенскій хозяинъ получилъ бы за свою рожь на $7^1/_2$ коп., а смоленскій за свой овесъ по $9^1/_4$ коп. дороже, чѣмъ теперь, и, кромѣ того, въ общемъ въ Смоленскѣ рожь обошлась бы на 2 коп. дешевле— вмѣсто $45^1/_4$ коп. всего только $43^1/_4$ коп. за пудъ.

Изъ приведеннаго примѣра достаточно ясно видно, какое вліяніе имѣютъ существующіе желѣзнодорожные тарифы на нашу хлѣбную торговлю. Съ одной стороны они значительно понижаютъ цѣны на хлѣбъ на мѣстахъ производства, исключительно въ ущербъ сельскимъ хозяевамъ, а съ другой удорожаютъ стоимость хлѣба въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, въ которыхъ въ его привозѣ нуждается населеніе для продовольствія.

Такимъ образомъ, нынѣ дѣйствующіе хлѣбные тарифы направлены какъ противъ интересовъ производителей хлѣба, такъ и противъ потребителей, то-есть голодающей части населенія, вынужденныхъ вслѣдствіе дороговизны хлѣба въ значительной части Россіи или ѣсть его съ мякиной и всякимъ сором, вродѣ березовой коры, и т. п., или же замѣнять его какими либо суррогатами, а въ крайнемъ и не рѣдкомъ случаѣ голодать.

Нельзя не удивляться, что въ Россіи, странѣ столь обильной хлѣбомъ, онъ дешевъ только тамъ, гдѣ никто въ немъ не нуждается, а за нѣсколько сотъ верстъ отъ такихъ мѣстъ населеніе весьма часто должно голодать или платить непомѣрно высокую цѣну за такой предметъ первой жизненной потребности, какъ хлѣбъ, главнымъ образомъ благодаря нашимъ тарифамъ.

Самымъ блестящимъ образомъ подтверждается, какъ все только что приведенное о дороговизнѣ хлѣба въ мѣстностяхъ, нуждающихся въ немъ, ведущей несомнѣнно къ сокращенію его потребленія, такъ и выводы коммиссіи сенатора фонъ-Плеве о томъ, что мы вывозимъ за границу нетолько избытки, но даже хлѣбъ, необходимый для потребленія, изслѣдованіемъ хлѣбной торговли, произведеннымъ департаментомъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ и положеннымъ въ основаніе при составленія хлѣбныхъ тарифовъ. Изъ этого изслѣдованія оказывается, что русскіе потребляютъ наименьшее количество хлѣба изъ всѣхъ западно-европейскихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, во Франціи потребляется на душу населенія 22,75 пуда, а въ Германіи 19,45 пуда исключительно только ржи, пшеницы, ячменя и овса, причемъ сильно развито въ народѣ потребленіе мяса; въ Россіи же, гдѣ мяса народъ почти не видитъ, потребляется тѣхъ же хлѣбовъ 14,21 пуда; если же изъ этого количества вычесть овесъ, скармливаемый животнымъ, и часть хлѣба потребнаго для винокуреннаго, пивовареннаго, крахмальнаго и т. п. производствъ, то едва ли останется даже по 11 пуд. на душу населенія. Если при этомъ принять во вниманіе, что на солдата, получающаго мясо, полагается 21 пудъ ржи, а на рабочаго не менѣе 24 пуд., то нужно только удивляться, чѣмъ живъ русскій народъ! Если даже принять во вниманіе, что дѣти и старики съѣдятъ только половину рабочаго пайка, то и въ такомъ случаѣ необходимо, въ среднемъ, отъ 17 до 18 пуд. на душу. Слѣдовательно, мы вывозимъ около 6 пуд. хлѣба на душу, потребнаго для продовольствія населенія, а не избытки.

Мы какъ бы гордимся возрастающимъ вывозомъ хлѣба отъ насъ, совершенно упуская изъ виду, какой цѣной этотъ вывозъ увеличивается. Разъ размѣръ вывоза находится въ тѣсной зависимости отъ потребности населенія въ деньгахъ, какъ это раньше указывалось, то разумѣется, намъ нужно употребить всѣ усилія для того, чтобы населеніе получало возможно большее количество денегъ за наименьшее количество вывозимаго хлѣба, а не поступать обратно, какъ это происходитъ нынѣ съ нашими желѣзнодорожными тарифами.

Въ виду столь важнаго экономическаго и даже государственнаго значенія хлѣбной промышленности для Россіи, всякое облегченіе ея, хотя

бы даже только установленіемъ справедливыхъ и дешевыхъ тарифовъ на хлѣбъ, является вопросомъ государственной важности.

Изъ трудовъ многихъ желѣзнодорожныхъ съѣздовъ мы видимъ, что эксплоатаціонные расходы по перевозкѣ грузовъ опредѣляются представителями дорогъ отъ $^1/_{150}$ [1]) до $^1/_{120}$ [2]) коп. съ пуда-версты и лишь при попудныхъ отправкахъ полагается, что расходы эти могутъ возрасти до $^1/_{100}$ [3]) коп. съ пуда-версты; въ настоящее же время хлѣбные грузы перевозятся, въ среднемъ, по $^1/_{40}$ коп. съ пуда версты, слѣдовательно пониженіе тарифа на хлѣбъ, и даже въ значительной степени, вполнѣ возможно и будетъ вполнѣ справедливо, такъ какъ многіе предметы даже роскоши перевозятся въ настоящее время дешевле, чѣмъ хлѣбъ, составляющій предметъ насущной потребности населенія какъ въ продовольственномъ, такъ и въ торговомъ отношеніи.

Новый министръ юстиціи г. Муравьевъ сразу обратилъ на себя всеобщее вниманіе, какъ иниціаторъ и предсѣдатель комиссіи при своемъ министерствѣ, для пересмотра нашихъ судебныхъ законовъ. Въ нашемъ жуналѣ уже была статья о Муравьевской комиссіи и о рѣчахъ сенатора Кони въ одномъ изъ совѣщаній этой комиссіи, (см. Русск. Бесѣда кн. 3), поэтому возвращаться къ ней мы не будемъ. Распорядительная дѣятельность новаго министра юстиціи характеризуется пока большою и быстрою перетасовкою и перемѣщеніемъ чиновъ въ составѣ министерства, причемъ члены петербургскаго суда и палаты видимо предпочитаются всѣмъ остальнымъ и быстро повышаются. Затѣмъ принципъ недопущенія въ среду присяжныхъ повѣренныхъ евреевъ при г. Муравьевѣ проводится строго.

Бывали случаи, когда не принимались министерствомъ въ прис. повѣренные даже евреи—помощники прис. повѣренныхъ, сдавшіе, такъ называемый, „четвертый рефератъ", какъ въ насмѣшку прозвали евреи, крестящіеся изъ за выгоды, а не по убѣжденію, — принятіе православія, какъ необходимое условіе къ полученію адвокатскаго значка. Впрочемъ, евреи, со свойственною имъ мудростью, превосходно обошли это министерское затрудненіе къ поступленію въ адвокатуру и, оставаясь помощниками, сполна поступаютъ въ кадры „антрепренеровъ адвокатуры", въ противоположность актерамъ адвокатуры, т. е. имѣющимъ значки, но не имѣющимъ или не гоняющимся за практикой. По-

---

[1]) См. «Протоколы засѣданій съѣздовъ по дѣламъ заморскихъ московско-кавказско-закаспійскихъ сообщеній» стр. 73. Выпускъ I-й 1891 г.

[2]) См. тамъ же, стран. 75 и выпускъ II-й, 1892 г. стр. 19-я.

[3]) См. тамъ же, Выпускъ II-й, 1892 г., стр. 6-я.

слѣднихъ безправные антрепренеры адвокатуры, захватившіе въ свои руки практику, — нанимаютъ, обыкновенно за пятитку, много за десятку, „на выходъ“, т. е. явиться за нихъ на засѣданіе и сказать тамъ то, что угодно антрепренерамъ. Такимъ образомъ, евреи и въ адвокатурѣ, какъ и въ литературѣ, какъ и на всѣхъ поприщахъ русской жизни, фатально исполняютъ свою историческую миссію — посредничать между людьми...

Удастся ли Муравьевской комиссіи хотя нѣсколько поднять упавшую въ общественномъ мнѣніи адвокатскую корпорацію, или уже поздно говорить ей: „духа не угашайте!!.“ Но во всякомъ случаѣ отъ Муравьевской комиссіи ждутъ очень многаго. Лично г. Муравьеву упорно приписывается глубокое убѣжденіе въ необходимости совершенно освободить земскихъ начальниковъ отъ судебныхъ обязанностей, съ возложеніемъ ихъ по прежнему на мировыхъ судей, хотя и не на судей по избранію, а на коронныхъ судей изъ юристовъ. Едва ли не вся Россія отъ души присоединится къ такому мнѣнію г. министра юстиціи и пошлетъ мысленно автору его самыя горячія пожеланія отстаивать это мнѣніе въ нашихъ высшихъ госуд. учрежденіяхъ всѣмъ своимъ выдающимся умомъ и извѣстнымъ, когда г. Муравьевъ былъ еще прокуроромъ, ораторскимъ талантомъ.

Дѣятельность министерства земледѣлія также носитъ преобразовательный характеръ, точнѣе сказать, характеръ постоянныхъ начинаній. Неизвѣстно, какія послѣдствія будутъ имѣть эти начинанія, но ихъ много: воспособленіе крупному землевладѣнію, казенная покупка хлѣба, кредитъ помѣщикамъ подъ соловекселя, преобразованіе Петровской академіи въ интересахъ крупнаго землевладѣнія, учрежденіе нѣсколькихъ среднихъ и цѣлаго ряда низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, упорядоченіе переселенческаго дѣла, облѣсеніе овраговъ и песковъ, образованіе кустарной комиссіи.

Въ общемъ дѣятельность министерства, при А. С. Ермоловѣ представляется несравненно болѣе живой и общественной, нежели при его предшественникѣ, не признававшемъ ни переселенческаго, ни кустарнаго вопросовъ и упустившаго можетъ быть единственный въ исторіи случай купить продававшійся казнѣ за ничтожную сравнительно сумму милліонъ десятинъ земли въ западномъ краѣ отъ наслѣдниковъ кн. Витгенштейна, для русскихъ поселеній, столь необходимыхъ для поддержки русской народности и государственности въ нашей ополяченной Бѣлоруссіи. Теперь, какъ извѣстно, витгенштейновскія земли проданы уже вчетверо дороже,

чѣмъ предлагались нашему правительству, и пріобрѣтены спекулянтами, а также евреями и нѣмцами на подставныхъ лицъ.

Въ составѣ мин. земледѣлія въ послѣднее время произошла крупная перемѣна; 10 лѣтъ управлявшій лѣснымъ департаментомъ этого министерства тайн. сов. Писаревъ назначенъ членомъ совѣта министра и предсѣдателемъ лѣсоохранительнаго комитета. Новымъ директоромъ назначенъ г. Никитинъ, управляющій харьковской палатой госуд. имущ., извѣстный, какъ земскій ораторъ, бывшій одно время предсѣдателемъ земской управы.

Орошеніе полей.

(Окончаніе).

Внутреннее море.

Я особенно долго останавливался на устройствѣ плотинъ, въ виду того что запрудамъ слѣдуетъ придавать громадное значеніе. Если мы сумѣемъ удешевить постройку плотинъ, то явленіе это будетъ чревато неисчислимыми послѣдствіями. Я предлагаю устроить внутреннее море въ Россіи, но море не сплошное, какъ предлагалось когда-то, но раздробленное на мелкіе куски. Т. е. я предлагаю одну сотую часть земли каждаго владѣльца отчуждать обязательно подъ прудъ для скапливанія снѣговой воды. Мы имѣемъ $^1/_2$ милліарда десятинъ земли въ Европейской Россіи. $^1|_{100}$ будетъ равняется 5.000.000 десятинъ. Мы испускаемъ вопли сожалѣнія о томъ, что Министерство Государственныхъ Имуществъ осушило Пинскія болота и лишили насъ испареній съ водной площади въ два милліона десятинъ. Правда, жалобы эти совершенно основательны. Только бывало и молится добрый людъ, чтобы повѣялъ вѣтерокъ съ Полѣсья и дождь тутъ какъ тутъ. Но я предлагаю почти утроить это количество испаряемой площади. Воды Полѣсья, какъ бы то ни было концентрировались въ одной мѣстности Россіи: при системѣ же, которую я предлагаю, вся Россія будетъ испещрена прудами и распредѣленіе водныхъ паровъ будетъ въ тысячу разъ правильнѣе. Средства для прудовъ, конечно должно дать Правительство.

Деньги же на это дѣло попадутъ въ карманъ бѣднѣйшихъ людей т. е., крестьянъ, которые будутъ строить плотины.

Распредѣленіе воды по орошаемому полю.

Теперь перехожу ко II Отдѣлу оросительныхъ работъ, т.-е. къ системѣ распредѣленія скопленной воды по орошаемому полю. Прежде описанія тѣхъ способовъ, которыхъ я держусь, въ двухъ словахъ опишу

систему Р. Жеребцова, принятую за образецъ весьма многими и въ томъ числѣ Начальникомъ общественныхъ работъ генераломъ Анненковымъ Это дѣлается такъ. Если мы имѣемъ стокъ воды изъ какого-либо водовмѣстилища, то мы сперва проводимъ канаву съ самымъ малымъ уклономъ (около $^1/_2$ вершка на 100 саженъ).

Перпендикулярно къ этой канавѣ, чрезъ каждыя 60 саженъ, проводятся канавы, называемыя распредѣлительными; онѣ снабжены уступами изъ кирпича на цементѣ, дабы распредѣлительная канава могла имѣть такой же малый уклонъ, какъ и главная.

Изъ распредѣлительной канавы вода поступаетъ въ оросительную, которая проводится перпендикулярно къ распредѣлительнымъ. Нижній край оросительныхъ канавъ имѣетъ форму вала. Сейчасъ сзади этого вала, рядомъ съ оросительной канавой, проводится вспомогательная, а ужъ изъ вспомогательной проводятся борозды черезъ каждый аршинъ, по которымъ вода идетъ по хлѣбу. Въ валу оросительной канавы помѣщены черезъ каждыя три сажени трубы или своды, дабы вода вытекала въ нихъ, не размывая вала. Такой способъ распредѣленія воды имѣетъ противъ себя очень многое.

1- Прежде всего первоначальная затрата громадна, такъ изъ „Землед. Газеты“ (1890 г. подъ № 31 стр. 620), мы узнаемъ, что у г. Жеребцова, при устройствѣ орошенія на площади въ 1200 десят. расходъ на проведеніе сѣти вышеописанныхъ канавъ, выразился почтенною цыфрой 46 рублей на десятину. Это при такомъ громадномъ количествѣ, какъ 1200 десятинъ! Но зная, что всегда „гуртомъ дешевле“, мы должны прійдти къ заключенію, что при меньшей площади цифру 46 руб. придется увеличить Затративъ такую сумму, мы не должны утѣшать себя мыслью, что намъ не понадобится вновь имѣть ежегодныхъ расходовъ. Нѣтъ! вы убѣдитесь, („Землед. Газета“. 1890 г. № 28, стр. 590) что ежегодно на поддержаніе разнаго рода вышеупомянутыхъ канавъ опять таки расходуется болѣе 5 руб. значитъ, капитализируя 6000 руб. ежегоднаго расхода на 1200 десятинъ, надо вновь имѣть капиталъ въ 120,000 рублей.

2) Поймы вдоль рѣки совсѣмъ нельзя орошать вышеописаннымъ способомъ, ибо весеннее водополье уничтожитъ сооруженіе канавъ.

3) Нельзя пускать пастись скотъ, который тоже можетъ размять всѣ эти сооруженія.

4) Лицу, желающему произвести опытъ въ небольшомъ размѣрѣ, трудно предпринять таковой, ибо нельзя обойтись безъ спеціалиста-инженера, который не можетъ не взять вознагражденіе за самый пріѣздъ свой.

5) Громадный отходъ земли на канавы, „имя же имъ легіонъ“.

6) Кромѣ того, въ первомъ пунктѣ ежегодныхъ расходовъ въ 5 руб. на поддержаніе канавъ мы должны прибавить еще по 2 руб. на десятину на рабочихъ, производящихъ самый процесъ поливы („Землед. Газ.“ 1890 г. № 28 (стр. 590).

7) Нельзя пахать плугомъ длинными загонами, ибо черезъ каждые 60 саж. мы упираемся въ канаву. Значитъ, приходится вертѣться на квадратѣ въ 60 саж.

8) Нужны рабочіе, производящіе орошеніе, и нужны кадры надсмотрщиковъ за ними. Прекрасно изучивъ на практикѣ описанную систему, я въ виду только что перечисленныхъ неудобствъ, прибѣгну къ особому способу, который послѣ многихъ улучшеній, предлагаю собратамъ по любви къ хозяйству. Если близь какой-либо точки на верху склона мы имѣемъ истокъ воды, то отъ этой точки вдоль верха склона мы также проводимъ канаву, съ самымъ малымъ уклономъ, а лучше и вовсе горизонтально; снабжаемъ эту канаву чрезъ каждыя 50 саженъ шлюзами Разбиваемъ площадь склона на правильные квадраты. По каждой изъ площадей проводимъ сохой зигзагообразныя канавы, давая имъ небольшой уклонъ. Естественно, что вода, пущенная по зигзагамъ, должна будетъ пробѣжать по нимъ и насытить промежутки между ними. При значительномъ количествѣ воды, которую мы пустимъ, по канавѣ по верху склона весьма легко устроить массу площадокъ, съ шлюзомъ предъ каждою изъ нихъ. Вода пущенная по канавѣ вверху склона, будетъ попутно забѣгать въ каждое изъ приготовленныхъ для ея входа отверстій. Выгоды такой системы неисчислимы.

1) Здѣсь полное отсутствіе рабочихъ рукъ: можно на ночь пустить воду и засимъ отпустить рабочихъ спать. Вода сдѣлаетъ свое дѣло безъ всякаго контроля.

2) Дешевизна первоначальнаго устройства поразительна, такъ что я отказываюсь назвать цифру затратъ на устройство такой сѣти канавъ. Помилуйте, цѣлая серія инженеровъ съ генераломъ Анненковымъ во главѣ вводятъ систему распредѣленія воды со стоимостью 46 руб. за десятину, какъ же я могу сопоставлять такой почтенный цифрѣ — дроби рубля.

3) Ежегодная затрата тоже самое вмѣсто 7 руб. уменьшается до копѣекъ.

4) Скотъ можно пускать пастись сколько угодно, ибо по снятіи хлѣба вся сѣть канавъ перепахивается до основанія.

5) По этому же самому пашня можетъ по желанію производиться во всю длину вашего имѣнія.

6) Никакого инженера для нанесенія сѣти канавъ не требуется ибо каждый простой плотникъ съ первобытнымъ ватерпасомъ въ рукахъ, сумѣетъ провести горизонтальную канаву.

7) Отходъ земли на канавы составляетъ менѣе 2%.

8) Поймы вдоль рѣкъ могутъ орошаться превосходно, ибо если весеннее водополье уничтожитъ всю сѣть канавъ, то новое нанесеніе этой сѣти, какъ крайне дешевое, не разоритъ владѣльца.

9) При орошеніи уже сильно возросшаго хлѣба по системѣ Жеребцова контроль надъ прохожденіемъ воды весьма затруднителенъ: приходится мять хлѣбъ, чтобы досмотрѣть всѣ ли канавы хороши; при системѣ же зигзаговъ этого не требуется.

Вотъ тотъ способъ который меня кормитъ 20 лѣтъ. Онъ простъ, не хлопотливъ и дешевъ. Но если вы хотите не жалѣть хлопотъ и не побоитесь затратъ деньгами, то я укажу вамъ 2-й способъ, по результатамъ составляющій чудо совершенства. Т.-е., я желаю рекомендовать вамъ поливку искусственнымъ дождемъ.

Пусть при точкѣ С. будетъ вмѣстилище для воды. Линія С. Д. есть горизонтальная канава, въ которую напущена вода изъ пруда. Тогда съ произвольной точки этой канавы поставимъ насосъ съ приводящимъ его въ дѣйствіе двигателемъ. Желѣзная труба состоитъ изъ 4 частей и соединена муфтами. Каждая изъ муфтъ снабжена краномъ. Теперь предположимъ, что труба протянута во всю свою длину отъ точки S перпендикулярно къ канавѣ С, Д, до точки Е. (фиг. 4).

Для того, чтобы начать орошать къ крану привинчивается короткій пеньковый рукавъ аршина въ 2 длины съ пришнурованнымъ къ нему шприцемъ, т. е. выкидною трубкой. Когда насосъ приведется въ движеніе, то если заткнуть отверстіе нашей желѣзной трубы—въ любомъ мѣстѣ получится извѣстной силы напоръ воды.

Ототкнемъ кранъ въ самомъ концѣ трубы Е.

Допустимъ, что длина струи фонтана, который при этомъ получится—будетъ равна 10 саженямъ, (не вертикально, а горизонтально). Направляемъ струю этого фонтана, сперва по одну сторону желѣзной трубы, потомъ по другую, получимъ поливное пространство к. о. h. g. m. Потомъ переходимъ съ нашимъ пеньковымъ рукавомъ къ муфтѣ Z. Какъ далеко должна отстоять эта муфта отъ первой муфты Е.?—на 20 саженъ, ибо, если струя наша равна 10 саженямъ, то мы получимъ отъ точки Е до точки g десяти-саженное разстояніе да отъ точки Z до той же точки g десяти-саженное, окол оэтой точки Y брызги сойдутся.

Когда я, вставъ около точки Z, привинчу мой пеньковый рукавъ къ муфтѣ, близъ этой точки находящейся, то буду орошать простран-

ство направо и налѣво отъ трубы ZV.—въ это время 2-й рабочій, отвинтивъ ненужный теперь конецъ трубы ZE, отводитъ его и протягиваетъ по линіи AP. Далѣе, когда я перейду къ муфтѣ S—то рабочій отвинчиваетъ кусокъ ZS, отвозитъ къ муфтѣ, гдѣ и свинчиваетъ и т. д. Такъ что, когда я подойду вплоть къ насосу—то найду совсѣмъ протянутую трубу по линіи ASP, по обѣимъ сторонамъ которой и буду продолжать орошеніе. Поливши площадь Y (превосходящую размѣромъ десятину), мы переводимъ насосъ къ пункту B. Теперь обратимъ вниманіе, на какое разстояніе долженъ быть отведенъ насосъ? Если фонтанъ длиной ложится на 10 саженъ отъ трубы—то насосъ долженъ быть отведенъ на 20 саженъ. Тогда отъ первой межи EP брызги займутъ полосу въ 10 саж. ширины, да отъ линіи B r тоже полосу въ 10 саженъ и при линіи 1 o, совпадутъ. Теперь сдѣлаемъ расчетъ, что будетъ стоить политая десятина.

Цѣна трубы въ 5 дюймовъ по 16 р. за сажень итого за 120 саж. 2140 руб., 7 муфтъ по 20 руб.—140 руб., и того около 2500 руб. Сколько же десятинъ мы можемъ полить изъ такой трубы въ лѣтній сезонъ? Труба 5″ ширины можетъ пропустить 8000 вед. въ часъ или 160.000 въ 20 часовъ, что составитъ 200 куб. саж. воды. Этого количества совершенно достаточно на 2 дес.

Слѣдовательно, для опредѣленія стоимости капитальныхъ затратъ нужно раздѣлить стоимость трубы 2500 руб. на то число десятинъ, которое пожелалъ бы оросить хозяинъ. Я лично стою за растяжимость сѣва ярового и озимого, и потому считаю, что для средней полосы Россіи минимальное количество оросительныхъ дней—сто пятьдесятъ, такъ что цифру 2500 руб. понадобится раздѣлить на 300, что составитъ немного болѣе 8 руб. Вотъ цифра единовременныхъ затратъ. При почвенномъ орошеніи г. Жеребцова 46 руб. Здѣсь 8 руб. много дороже моей системы зигзаговъ, но несравненно дешевле системы г. Жеребцова. Въ числѣ упрековъ, которые мнѣ приходится выслушивать въ томъ, что я преуменьшаю расходы предлагаемаго мною способа, встрѣчаются, между прочимъ, слѣдующіе; говорятъ, что я умалчиваю про расходъ на покупку локомобиля, или коннаго привода и насоса. Но я веду бесѣду о хозяйствѣ помѣщиковъ и предполагаю, что въ каждомъ хозяйствѣ и безъ орошенія имѣется уже конный или паровой двигатель, равно какъ и насосъ. Теперь перехожу къ ежегоднымъ расходамъ. Они составляются: изъ a) топлива на паровую машину, или изъ денегъ на прокормъ скота, b) жалованья механику и c) жалованья рабочимъ, перетаскивающимъ трубы и передвигающимъ насосъ. У меня паровой машины нѣтъ, и я употребляю конный двигатель.

При этомъ расходъ на рабочую скотину у меня очень не великъ, сходитъ почти на нуль; ибо, имѣя левады орошенныхъ выпусковъ я все лѣто держу скотину на подножномъ корму. Но для господъ интересующихся, я справлялся и говорятъ, что расходъ на топливо, смотря по разнымъ цѣнамъ на дрова или солому, колеблется между 3-мя или 4-мя рублями въ день на локомобиль въ 12 силъ. Значитъ, на десятину упадетъ отъ 1 р. 50 к. и до 2 рублей, прибавивъ къ этой цифрѣ 1 р. на рабочихъ, получимъ 3 руб. расходовъ на десятину. Повторяю, способъ этотъ сопряженъ съ хлопотами и расходами, но кто испытаетъ, тотъ будетъ признателенъ мнѣ, ибо послѣдствія получаются невѣроятно хорошія. Политый симъ способомъ хлѣбъ на цѣлый аршинъ поднимается выше того хлѣба, который политъ почвеннымъ способомъ и зерно получается вдвое больше.

О механической дѣятельности воды.

Лицо, потратившее деньги на устройство вышеописанныхъ гидравлическихъ сооруженій для орошенія полей—можетъ одновременно пользоваться ими для механической дѣятельности.

Такъ вѣтряной двигатель, долженствующій къ 1-му сентября окончить работу доставки воды на поля, можетъ тотчасъ выполнять другія работы: размалывать хлѣбъ, обдирать просо и гречу, разминать масляничныя сѣмена, пилить круглой пилой дрова, мять и прессовать глину для кирпича, пилить доски, приводить въ движеніе толчею и проч.

Вкратцѣ повторю то, что говорилъ я вамъ объ устраненіи нѣсколькихъ недостатковъ, присущихъ вѣтряному двигателю.

1) Полная пріостановка работы во время штиля и бури.

2) Порывистость, неравномѣрность оборотовъ рабочаго вала — во время благопріятнаго вѣтра.

3) Необходимость ставить его не тамъ, гдѣ мнѣ хочется, но непремѣнно на горѣ.

Но всѣ эти затрудненія устраняются, благодаря моему изобрѣтенію. Я преобразовываю капризную силу вѣтра въ силу другой стихіи—воды. Эта послѣдняя поддается нашей власти; ея работу можно соразмѣрять по произволу. Такимъ образомъ: 1) пріостановокъ работы во время штиля и бури болѣе не будетъ, ибо въ эти моменты будетъ выручать вода, ниспадающая изъ пруда на водяное колесо; 2) шкивы тѣхъ механизмовъ, которые требуютъ плавнаго или равномѣрнаго движенія, мы соединимъ съ рабочимъ валомъ водяного двигателя, а сей послѣдній

какъ извѣстно, идетъ правильно, какъ часы. Но какимъ образомъ устранить третій недостатокъ вѣтреного двигателя, т. е. его требованіе быть поставленнымъ непремѣнно на горѣ, тогда какъ мнѣ хотѣлось бы при посредствѣ его приводить механизмы, находящіеся подъ горою? Очень просто: вѣтрянка поднимаетъ воду изъ рѣки на гору, а воду, разъ она поднята на гору, весьма легко подъ извѣстнымъ уклономъ и при содѣйствіи желобовъ провести къ произвольному мѣсту, лежащему подъ горой. Подведя воды, пустимъ по трубамъ или по желобамъ къ тому мѣсту въ лощинѣ, гдѣ намъ нужна работа, мы низвергнемъ ее на водяное колесо и произведемъ требуемую работу.

Отсутствіе механической дѣятельности есть первая и самая сильная бѣда такой, по преимуществу сельско-хозяйственной, страны, какъ Россія, Мы не знаемъ, не умѣемъ перерабатывать сырье.

До сихъ поръ въ общемъ сбываемъ мы весь товаръ не иначе, какъ въ сыромъ видѣ. Неизмѣримое количество бумаги исписано было для перечисленія тѣхъ убытковъ, которые несетъ землевладѣлецъ отъ обычая вѣчно только вывозить изъ имѣнія и притомъ вывозить все безъ остатка: вывозить всю рожь, не оставляя отрубей для откорма скота, не оставляя барды для той же надобности; вывозить огуломъ весь урожай подсолнечныхъ и другихъ масличныхъ сѣмянъ, не оставляя жмыховъ у себя дома; вывозить все просо, не оставляя мякины, вывозить весь картофель, не выдѣлывая крахмала и патоки. Между тѣмъ именно въ Россіи съ ея шестимѣсячной зимой и должна бы производиться переработка (на свободѣ отъ полевыхъ работъ) всего сырья. Шесть мѣсяцевъ человѣкъ сидитъ сложа руки; шесть мѣсяцевъ работникъ, привыкши къ 18-ти часовому труду въ сутки, вдругъ по мановенію волшебнаго жезла превращается въ сурка и ложится на полугодовое спанье. Вопросъ о томъ, чтобы подыскать производительное занятіе на зиму, есть вопросъ первой важности. Люди науки, люди практическаго пошиба, всю душу кладутъ на то, чтобы путемъ разныхъ машинъ и приспособленій увеличить производительность рабочей скотины, чтобы вмѣсто полдесятины въ день, можно было вспахать на лошади полдесятины плюсъ полторы сажени. А вопросъ о пропажѣ ста восьмидесяти дней въ году забывается совершенно. Всѣ животныя, подверженныя спячкѣ, не ѣдятъ, по крайней мѣрѣ. А вѣдь человѣкъ продолжаетъ ѣсть преобстоятельно и зимой. Значитъ расходъ идетъ своимъ чередомъ, а приходъ—нуль.

Помѣщики образованные, которые должны были бы давать живой наглядный образчикъ производительной работы, заваливаются на зиму на полный покой или устремляются въ городъ, хотя бы даже и уѣздный. Нѣтъ ни одного голоса, который бы заикнулся о необходимости полез-

наго употребленія зимняго досуга. Между тѣмъ, работъ на осень и зиму не оберешься; нужно обдирать просо и четвертую часть урожая оставить на кормъ скоту. Не слѣдуетъ стремиться взять барышъ за свой трудъ,— нѣтъ! пусть вознагражденіемъ послужатъ лишь тѣ отбросы, та мякина, которая увозится постоянно изъ имѣнія. Такъ, если 4 пуда проса стоятъ 2 руб. и если „выходъ пшена", какъ выражаются мельники, будетъ равняться 3 пудамъ, то я буду счастливъ, если эти три пуда продадутся за 2 рубля, плюсъ расходъ на рабочихъ лишь бы мякина осталась въ экономіи и вернулась на мое поле въ видѣ навоза отъ скота, съѣвшаго эту мякину. То же надо сказать и про выработку масла изъ подсолнечныхъ и другихъ сѣмянъ. Но въ этомъ случаѣ не надо упускать изъ вида также и выгоду, получаемую отъ убавленія вѣса перевозимыхъ продуктовъ, ибо при выработкѣ масла получается 75% отброса. Послѣдніе годы мои сосѣди платили по 20 коп. съ пуда за перевозку масличныхъ сѣмянъ въ губернскій городъ, отстоящій всего на 120 верстъ. Изъ двухъ сосѣдей, у которыхъ родилось 4000 пуд. подсолнечныхъ сѣмянъ, одинъ повезъ сѣмя не переработанное на масло, и заплатилъ 800 руб. за провозъ. Другой переработалъ сѣмя въ масло и повезъ только 1000 пудовъ товара [1]), значитъ 600 руб. (за провозъ) у него осталось въ карманѣ. А ужъ, конечно, 1000 пуд. масла проданы хотя немного, но дороже, чѣмъ 4000 пуд. сѣмени. Для всякаго рода подобной дѣятельности намъ нужны механическіе двигатели.

Лица, составляющія смѣты для задуманнаго орошенія своихъ полей, должны внимательно прислушаться къ тому отдѣлу нашей бесѣды, гдѣ я говорю о второй функціи, которую можетъ отправлять поднятая на гору вода, т. е. о механической дѣятельности, столь необходимой въ каждомъ имѣніи. Кто что ни говори, а все-таки на первомъ планѣ въ каждомъ предпріятіи стоятъ три фактора: деньги, деньги и деньги. Мнѣ накладисто строить плиту спеціально только для того, чтобы жарить котлеты, но если мнѣ укажутъ, что кромѣ котлеты на той же плитѣ можно еще 30 кушаній сготовить, тогда я съ большею поспѣшностью и съ болѣе легкимъ сердцемъ приступлю къ дѣлу. Такъ и въ дѣлѣ орошенія. Вѣтряной двигатель въ 20 силъ (какъ мы говорили выше) смѣло размелетъ 1200 пуд. хлѣба въ сутки, и въ полтора мѣсяца работы окупитъ себя. Далѣе осенью та же вѣтрянка обмолотитъ весь нашъ урожай, истолчетъ всю коноплю, обдеретъ все просо и гречу, нарѣжетъ дрова на всѣ службы

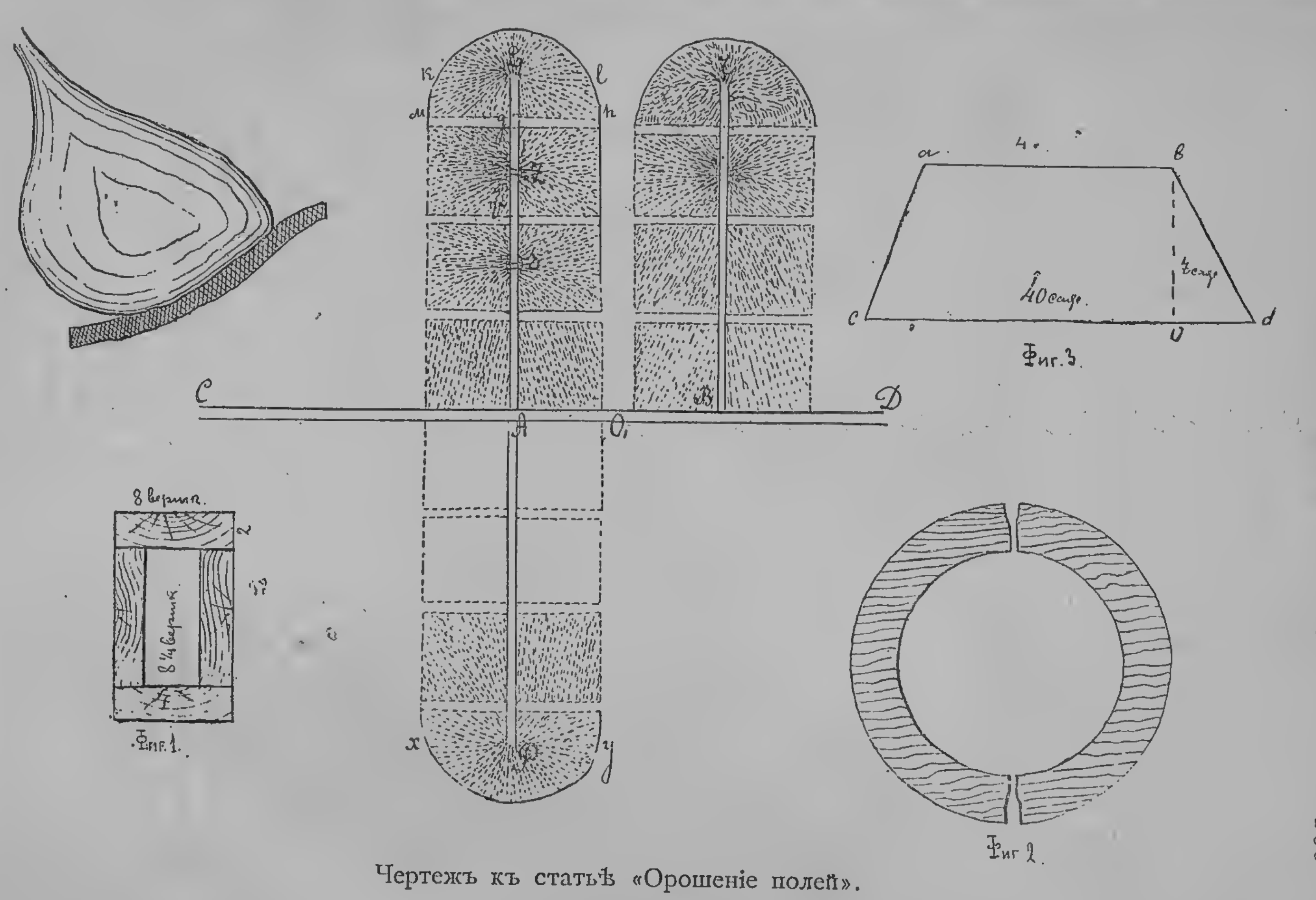
---

[1]) изъ 4 пуд. сѣмени выходитъ 1 пудъ масла.

на весь годъ и проч. Такимъ образомъ, учитывая, сколько я потратилъ денегъ на орошеніе, я погрѣшу противъ математики, если запишу всю сумму денегъ, затраченныхъ на разныя сооруженія, въ графу расходовъ подъ рубрикою „на орошеніе". Или откажитесь размалывать хлѣбъ на вѣтрянкѣ, или разчлените расходы на двѣ части: на орошеніе въ собственномъ смыслѣ и на сельско-хозяйственныя работы.

Г. И. Аристовъ.

Чертежъ къ статьѣ «Орошеніе полей».

По поводу образованія и разграниченія нѣкоторыхъ епархій въ Россіи.

Въ началѣ нынѣшняго 1895 года учреждена въ Сибири новая епархія Омская, изъ областей Акмолинской и Семипалатинской и нѣкоторыхъ частей, отдѣленныхъ отъ губерній Тобольской и Томской.

Вопросъ объ образованіи епархій: Читинско-Забайкальской и Омской поднятъ былъ въ 1885 году на соборѣ, въ Иркутскѣ, куда были приглашены архіереи ближайшихъ къ нему Сибирскихъ епархій. Тогда же постановленіе собора было утверждено Св. Правит. Сунодомъ, какъ это видно изъ отчета сунодальнаго оберъ-прокурора за 1886 годъ. Въ то время никакой сибирской желѣзной дороги не предполагалось, почему и границы вновь учреждаемой епархіи Омской составлены были несогласно съ нынѣшними нуждами населенія частей Тобольской губерніи.

Какъ извѣстно, Православная Церковь, при образованіи новыхъ епархій и парикій, руководствуется церковными канонами, по которымъ границы епархій должны совпадать съ границами административныхъ областей, дабы не было никакихъ затрудненій въ церковныхъ дѣлахъ, въ особенности при объѣздѣ епископами епархій. При образованіи новыхъ епархій или парикій должно сообразоваться и съ гражданскимъ дѣленіемъ городовъ и къ нимъ причисленныхъ селеній. Московскій соборъ 1667 и 1681 гг. постановилъ и для Русской Церкви правиломъ, чтобы „границы епархій строго согласовались съ административными границами областей“. До 1885 года постановленія относительно границъ епархій сохраняли свою силу и впервые были нарушены при учрежденіи Сухумской епархіи.

Обращаемся къ епархіи Омской. Къ ней, какъ мы выше замѣтили, выдѣляются нѣкоторыя части отъ губерній Тобольской и Томской, именно 92 церкви округовъ: Тюкалинскаго, Ишимскаго и Тарскаго, Тобольской губерніи, и 11 церквей Бійскаго округа, Томской губерніи. Выдѣляются эти церкви изъ Тобольской и Томской губерній въ виду

того, что „управленіе ими изъ Омска облегчается близостью разстоянія и удобствами сообщенія". („Церк. Вѣд." № 11).

Обращаясь къ спеціальной картѣ вышеназванныхъ губерній и областей, мы видимъ, что только одинъ Тюкалинскій округъ, граничащій съ Омскимъ, съ большимъ удобствомъ для населенія можетъ быть присоединенъ къ Омской епархіи, какъ ближайшій къ епархіальному городу Омску. Присоединеніе же частей округовъ: Тарскаго и Ишимскаго къ Омской епархіи едва ли будетъ удобно для населенія, а въ особенности администраціи, какъ духовной, такъ и гражданской. Каждый округъ или уѣздъ, какъ бы онъ ни былъ малъ, долженъ имѣть средоточное мѣсто, въ видѣ уѣзднаго или окружнаго города, въ которомъ находились бы административныя или уѣздныя власти и гдѣ находился бы соборный храмъ. Въ настоящее время къ Омской епархіи отходятъ южная часть Тарскаго округа, съ г. Тарой, и южная часть Ишимскаго, безъ г. Ишима, остающагося въ Тобольской епархіи. Такимъ образомъ болѣе значительная часть (болѣе $^1/_3$) Тарскаго округа не будетъ имѣть срединнаго мѣста такъ же, какъ и значительная часть Ишимскаго округа, входящаго нынѣ въ составъ Омской епархіи, лишается окружнаго духовнаго центра. Подобнымъ разграниченіемъ разрывается духовная или церковная связь населенія сѣверной части Тарскаго округа съ г. Тарой и южной части Ишимскаго округа съ г. Ишимомъ. Еще менѣе удобнымъ находимъ присоединеніе 11 церквей Бійскаго округа къ Омской епархіи. Собственно Омская епархія (т. е. области Акмолинская и Семипалатинская) граничитъ на востокѣ съ округами Томской губерніи: Змѣиногородскимъ и Барнаульскимъ. Бійскій же округъ значительно отдаленъ отъ Омска и никакими своими частями не соприкасается съ Акмолинскою или даже съ Семипалатинскою областью. На сѣверѣ онъ граничитъ съ округами: Кузнецкимъ и Барнаульскимъ, на западѣ Змѣиногородскимъ. Нѣтъ ни одной мѣстности или церкви, которая отстояла бы ближе отъ Омска, нежели отъ Томска; къ тому же въ г. Бійскѣ свой епископъ, хотя и не самостоятельный, имѣющій болѣе возможности надзирать за церквами своего Бійскаго округа, нежели отдаленный епископъ Омскій. Послѣдній для того, чтобы посѣтить церкви Бійскаго округа, долженъ каждый разъ испрашивать дозволеніе у Томскаго и Бійскаго епископовъ, которые, слѣдуя церковнымъ канонамъ, могутъ и недопустить Омскаго епископа въ свою епархію.

По отчету оберъ-прокурора св. Синода за 1891 годъ, въ Тобольской епархіи было: 11 соборовъ, 3 мужскихъ и 3 дѣвичьихъ монастырей, 418 приходскихъ (съ единовѣрческими) церквей и 76 домовыхъ, ружныхъ, кладбищенскихъ и приписныхъ. При нихъ состояло

547 протоіереевъ и священниковъ. Въ 1891 г. православныхъ жителей въ епархіи, по тому же отчету, было 1.225,000.

Въ Томской епархіи: 11 соборовъ, 2 мужскихъ и 2 дѣвичьихъ монастырей, 380 приходскихъ (съ единовѣрческими) и до 70 домовыхъ, ружныхъ, кладбищенскихъ и приписныхъ церквей.

Въ настоящее время отходитъ къ Омской епархіи отъ Тобольской епархіи:

	Приходск. и единовѣрч. церквей и соборовъ.	Прочихъ.	Протоіереевъ и священниковъ.	Православныхъ обоего пола (примѣрно).
Акмолинская обл. . . .	38	14	55	100,000
Уѣздъ Тюкалинскій и части уѣздовъ: Ишимскаго и Тарскаго . .	92	3	105	270,000
Отъ Томской епархіи:				
Обл. Семипалатинская .	23	1	30	60,000
Отъ Бійскаго округа .	11	—	13	25,000
Всего въ настоящее время будетъ въ Омской епархіи	164	18	203	455,000
Въ Тобольской епархіи [1])	397	60	387	855,000
Въ Томской [1]) . . .	349	68	436	875,000

Новая Омская епархія по числу православнаго населенія будетъ болѣе сибирскихъ епархій: Иркутской, Читинско-Забайкальской, Енисейской, Туркестанской и Камчатской.

Для пользы православнаго населенія какъ Омской, такъ и Тобольской епархій было бы много удобнѣе и желательнѣе, чтобы части округовъ Ишимскаго и Тарскаго, отошедшихъ къ Омской епархіи, были бы возвращены Тобольской, отъ которой взамѣнъ ихъ могъ бы быть присоединенъ къ Омской епархіи, весь Курганскій округъ, нынѣ соединяемый желѣзною дорогою съ Омскомъ и значительная часть котораго отстоитъ ближе къ Омску, нежели къ Тобольску.

Что касается 11 церквей Бійскаго округа, то присоединеніе ихъ къ Омской епархіи совершенно непонятно и противно-церковнымъ правиламъ границахъ епархій.

Безъ сомнѣнія было бы полезнѣе не только для Бійскаго округа, но и для всей южной части Томской епархіи, именно округовъ: Бій-

---

[1]) Не считая монастырей, которые всѣ остаются въ епархіи.

скаго, Змѣиногорскаго, Барнаульскаго и Кузнецкаго увеличить власть Бійскаго епископа, дабы впослѣдствіи изъ этихъ уѣздовъ, значительно отдаленныхъ отъ Томска, образовать особую самостоятельную епархію. Это тѣмъ болѣе является необходимымъ, что православное населеніе названныхъ округовъ значительно увеличивается путемъ переселенія изъ губерній европейской Россіи.

Въ довольно странномъ положеніи, противномъ церковнымъ постановленіямъ о границахъ епархій, находятся епархіи: Екатеринославская и Сухумская.

Какъ извѣстно въ 1887 году состоялось присоединеніе Таганрогскаго градоначальства и Ростовскаго-на-Дону уѣзда отъ Екатеринославской губерніи къ Донской области. Вслѣдъ за этимъ былъ образованъ Таганрогскій округъ изъ г. Таганрога, 1-го стана бывшаго Ростовскаго уѣзда и бывшаго Міусскаго округа; Ростовскій уѣздъ переименованъ былъ въ округъ и къ нему присоединены 5 и 6 засѣдательскіе участки Черкасскаго округа.

Казалось, что какъ скоро г. Таганрогъ и бывшій Ростовскій уѣздъ отошли, въ жизненныхъ интересахъ населенія, къ Донской области, то они должны были отойти къ Донской епархіи, какъ въ виду близости ихъ отъ Новочеркасска, такъ и значительнаго удобства для населенія. Городскія думы городовъ: Ростова и Таганрога, въ своихъ постановленіяхъ въ 1888 и 1890 годахъ, выразили желаніе, чтобы ихъ мѣстность была включена въ составъ Донской епархіи, съ чѣмъ согласилось и войсковое начальство области. Постановленіе Ростовской и Таганрогской думъ было препровождено въ Правительствующій Сvнодъ, который тогда же выразилъ желаніе удовлетворить справедливую просьбу населенія.

Въ настоящее время весь Таганрогскій округъ, за исключеніемъ г. Таганрога и 1-го его участка входитъ въ составъ Донской епархіи; изъ Ростовскаго округа $^1/_3$ часть тоже входитъ въ составъ Донской епархіи. Донской архіепископъ при обозрѣніи церквей Таганрогскаго и Ростовскаго округовъ не можетъ въѣхать въ ихъ окружные города, какъ не входящіе въ составъ его епархіи. Екатеринославскій же архіерей прежде, чѣмъ въѣхать въ Донскую область, для обозрѣнія церквей, принадлежащихъ къ его епархіи, долженъ каждый разъ испрашивать разрѣшеніе у Новочеркасскаго архіепископа.

Насколько города и мѣстности бывшаго Ростовскаго уѣзда и Таганрогскаго градоначальства отдалены отъ Екатеринослава и насколько они близко отстоятъ отъ Новочеркасска, соединенныя къ тому же желѣзною дорогою, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

	Отъ Екатеринослава.	Отъ Новочеркасска.
Ростовъ-на-Дону	485 верстъ.	47 верстъ.
Таганрогъ	419 „	115 „
Азовъ	522 „	73 „
Ейское б. укрѣпл. . .	650 „	165 „

Что касается нѣкоторыхъ селеній и мѣстечекъ Ростовскаго округа, то они отстоятъ еще далѣе отъ Екатеринослава.

Состоящія въ Донской области части Екатеринославской епархіи слишкомъ незначительны пространствомъ (78 квадр. миль), чтобы могли значительно сократить предѣлы Екатеринославской епархіи, которая безъ нихъ будетъ епархіей далеко не малой (1156 кв. миль) въ сравненіи съ прочими епархіями Европейской Россіи. Православное же населеніе, названныхъ частей (т. е. г. Таганрога и бывшаго Ростовскаго уѣзда) доходитъ до 300 тысячъ, при общемъ населеніи въ 375,000 жит. об. пола.

Въ 1890 году состояло по отчету Сѵнодальнаго оберъ-прокурора:

Въ епархіяхъ:	Соборовъ и приходск. церквей.	Прочихъ церквей.	Протоіереевъ и священник.	Православн. обоего пола.
Въ Донской	467	45	638	1.480,000
Въ Екатеринославской.	394	66	621	1.485,000

Такъ какъ въ отчетахъ по вѣдомству св. Сѵнода часто встрѣчаются значительные пропуски, то мы обращаемся къ Сборнику свѣдѣній по Россіи за 1890 годъ, изданному центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ. Изъ него видно, что въ

	Приходовъ съ соборами.	Церквей.	Священниковъ и протоіереевъ.
Донской области было . . .	492	512	669
Въ томъ числѣ въ частяхъ Екатеринославской епархіи, входящихъ въ составъ Донской области.	72	78	88
Въ Екатеринославской губ. .	398	430	516

Въ 1894 году было: въ

Донской области 2.200,000 жит., изъ нихъ правосл. до 1.800,000
Екатериносл. губ. 2.100,000 „ „ „ „ „ 1.850,000

И по числу православнаго населенія Екатеринославская губернія представляется губерніею далеко не малою, а напротивъ значительно населенною въ сравненіи съ большинствомъ епархій Россіи. Въ Екатеринославской епархіи нѣтъ викарнаго епископства, которое существуетъ въ Донской, и которое съ большимъ удобствомъ могло бы быть перенесено изъ Новочеркасска въ Таганрогъ или Ростовъ-на-Дону, для управленія церквами Таганрогскаго и Ростовскаго округовъ.

Городъ Ростовъ-на-Дону, въ которомъ въ мирное время населеніе достигаетъ чуть не 250 тысячъ, есть центръ раскола и всевозможныхъ ересей, которыя изъ него распространяются по всему поволжью. Пришлое рабочее населеніе, за малымъ числомъ церквей въ Ростовѣ (1 соборъ и 4 церкви съ подгородными), почти что ихъ не посѣщаетъ, почему различныя секты (какъ шалопуты, штундисты, баптисты, молокане и др.) свободно развиваютъ свою дѣятельность. Греческое населеніе тоже не посѣщаетъ русскихъ церквей, соорудить же греческую церковь ему не дозволяютъ. Пребываніе лѣтомъ въ такомъ населенномъ городѣ православнаго епископа крайне необходимо и желательно для пользы православія. Иначе Ростовъ-на-Дону будетъ долго еще служить разсадникомъ всевозможныхъ ересей, такъ какъ народъ, лишенный возможности посѣщать храмы Божіи, не находящій удовлетворенія своимъ духовнымъ потребностямъ, какъ бы невольно отдается въ руки различнымъ сектантамъ. Какъ гражданское, такъ и духовное правительство, въ дѣлѣ удовлетворенія нуждамъ и удобствамъ населенія должно бы итти рука объ руку. Въ Таганрогѣ и Ростовѣ-на-Дону населеніе видитъ высшія административныя власти, имѣетъ свой Окружный судъ (въ Таганрогѣ), но не имѣетъ не только въ средѣ своей епископа, но даже лишено возможности имѣть сношенія съ сосѣднимъ ближайшимъ епископомъ (Новочеркасскимъ), къ которому оно могло бы обращаться для удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ.

Переходимъ къ созданнымъ въ 1885 году епархіямъ: Сухумской и Гурійско-Мингрельской.

До 1885 году существовала Абхазская епархія, въ составъ которой входило бывшее княжество Абхазское. Престолъ или каѳедра этой епархіи вдовствовала съ 1860 по 1885 годъ. Передъ упраздненіемъ древней Абхазской епархіи, которою управляли съ 1455 до 1795 католикосы Имеретинско-Абхазскіе, а прежде Абхазскіе, древній и величественный соборъ католикосовъ въ Пицундѣ былъ отданъ Аѳонскому Пантелеимонову монастырю и обращенъ имъ въ скитъ. Въ составъ новоучрежденной Сухумской епархіи были включены: а) б. Абхазская епархія; б) Очемчирскій участокъ, населенный мингрельцами

и принадлежавшій Мингрельской епархіи и 13-ть церквей Черноморскаго округа, входившихъ въ составъ Кавказско-Ставропольской епархіи. Несмотря на то, что Сухумская епархія образовалась изъ частей трехъ епархій, она имѣетъ не болѣе 70 тысячъ православнаго населенія, изъ котораго до 30 тыс. мингрельцевъ и только 17,000 православныхъ абхазцевъ, такъ какъ прочіе абхазцы, крестившіеся до 1860 года и послѣ, или отпали въ магометанство, или же остались въ Турціи, куда выселились во время послѣдней русско-турецкой войны въ 1877 году. Рядомъ съ Сухумскою епархіей стоитъ обширная по пространству (1,946 кв. миль) и населенію (1.630,000 жителей), богатая Кубанская область, въ которой болѣе одного милліона православнаго населенія, и гдѣ епископу, среди значительнаго иновѣрнаго населенія, представляется обширное поле миссіонерской дѣятельности. Тѣмъ не менѣе Кубанская область, съ частью Черноморскаго округа не имѣетъ не только епархіальнаго, но даже викарнаго епископа, ибо подчинена Ставропольскому епархіальному архіерею. Сама же Ставропольская губернія, имѣющая 1,100 кв. миль, по числу православнаго населенія, доходящаго до 525,000 душъ, при общемъ населеніи въ 715,000 жит., тоже представляется губерніею не малою, и въ случаѣ выдѣленія изъ Ставропольской епархіи Кубанской области, была бы епархіей довольно значительной, въ сравненіи съ епархіями: Холмско-Варшавской, Рижской, Олонецкой, Архангельской, Астраханской и др.

Не удобнѣе ли было бы какъ для нуждъ православнаго населенія. такъ и въ видахъ миссіонерскихъ, взамѣнъ Сухумской епархіи, созданной ради русификаціи населенія (грузинъ и абхазцевъ, съ русскимъ епископомъ), образовать изъ обширной и населенной Кубанской области и Черноморскаго округа особую Екатеринодарскую епархію, присоединивъ Сухумскую епархію къ Мингрельской. Если нашлись средства для образованія такихъ незначительныхъ епархій, какъ Сухумской или Выборгско-Финляндской, то не понятно, почему не могутъ найтись средства для пользы не только православія, но и самаго населенія Кубанской области, къ образованію епархіи въ Кубанской области.

Чкондидская, или Мингрельская епархія, существовавшая съ X вѣка и имѣвшая каѳедру въ Чкондіи, на томъ мѣстѣ, гдѣ св. апостолъ Андрей Первозванный проповѣдывалъ евангеліе и посадилъ дубъ, какъ извѣстно, закрыта, по представленію бывшаго русскаго экзарха Грузіи Павла, въ 1885 году, такъ же, какъ и древняя епархія Гурійская или Джуматская, существовавшая съ начала XV вѣка. Взамѣнъ ихъ была учреждена въ г. Поти епархія Гурійско-Мингрельская. Насколько соединеніе двухъ епархій (созданныхъ на мѣсто шести существовавшихъ

до 1821 года) не согласовалось съ интересами и желаніемъ мингрельцевъ и гурійцевъ, видно изъ того, что въ 1889 году князья и дворяне Мингреліи и Гуріи просили, первые о возстановленіи святительской каѳедры въ Чкондіи—Мартвили, какъ центрѣ Мингреліи, а послѣдніе о возстановленіи епархіи въ Гуріи. При этомъ населеніе Лечгумскаго уѣзда, присоединеннаго къ Гурійско-Мингрельской епархіи въ 1885 году, просило св. Сѵнодъ возвратить его Имеретинской епархіи, съ которою оно издавна связано и отъ епархіальнаго города (Кутаисъ), котораго онъ отстоитъ ближе нежели отъ Поти. Дворянство Гуріи соглашалось даже принять содержаніе епископа на свои средства, но въ этомъ ему было отказано. Тѣмъ не менѣе вопросъ о разграниченіи епархій въ Грузіи стоитъ на очереди и требуетъ возможно скораго разрѣшенія, тѣмъ болѣе, что и населеніе восточной Грузіи (т. е. Кахетіи) то же, въ лицѣ своего высшаго сословія (князей и дворянъ) высказалось за возстановленіе въ ней отдѣльной епархіи, содержаніе которой оно рѣшилось принять на свои средства.

Въ недавнее время (въ мартѣ сего 1895 г.) послѣдовало закрытіе викаріатства въ древнемъ городѣ Ростовѣ-Великомъ, открытаго въ 1888 г., въ одно время съ возстановленіемъ въ Великомъ-Устюгѣ епископскаго престола, нынѣ вдовствующаго съ декабря 1894 года, и какъ слышно тоже предположеннаго, вслѣдствіи ходатайства Вологодскаго епископа, къ закрытію. Обо всемъ этомъ нельзя крайне не пожалѣть, тѣмъ болѣе, что число архіерейскихъ каѳедръ въ Россіи слишкомъ ограничено, и архіереи въ виду этого становятся совершенно недоступными для населенія. Древній и знаменитый Ростовъ-Великій, съ своими 6 монастырями и 30 церквами, имѣвшій святительскую каѳедру современную Просвѣтителю Россіи св. Владиміру, въ силу церковныхъ каноновъ, долженъ и по нынѣ считаться главнымъ престоломъ древней Ростовской епархіи, и если, въ виду административныхъ требованій, признано было въ 1787 году нужнымъ назначить Ростовскому архіепископу пребываніе въ Ярославлѣ, то едва ли могли явиться какія-либо обстоятельныя нужды лишать древній митрополичій градъ Ростовъ возможности имѣть въ своихъ стѣнахъ особаго викарнаго епископа, такъ же, какъ и закрывать Великоустюжское епископство, возсозданное всего 8 лѣтъ тому назадъ. Не финансовыя даже соображенія послужили къ закрытію сихъ двухъ епископствъ, а исключительно ходатайства архіереевъ Ярославскаго и Вологодскаго.

* *
*

Одна изъ насущныхъ нуждъ русской науки настоящаго времени.

Предъ нами ученый трудъ недавно скончавшагося московскаго профессора А. М. Иванцова-Платонова: „къ изслѣдованіямъ о Фотіи, патріархѣ Константинопольскомъ“, составленный ко дню недавняго торжественнаго празднованія всею Православною Церковію тысячелѣтія со времени кончины Константинопольскаго патріарха Фотія. Между прочимъ авторъ справедливо замѣчаетъ, что чествованіе памяти Фотія „и въ Россіи и въ Греціи совершилось слишкомъ скромно: не такъ чествуютъ юбилеи и менѣе замѣчательныхъ историческихъ церковныхъ и научныхъ дѣятелей—на Западѣ!..“ Но есть средство, говоритъ онъ затѣмъ, воспомнить эту скудость,—это новое и полное изданіе сочиненій Фотія въ Россіи въ греческомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ. Этою мыслію—о хорошемъ критическомъ изданіи всѣхъ сочиненій Фотія задавались уже и нынѣ многіе на Западѣ; объ этомъ говорили въ свое время Фабрицій и Минь и въ недавнее время—кардиналъ Гергенрётеръ. Но, замѣчаетъ А. М. Иванцовъ-Платонцовъ, мало было бы чести православному Востоку, если бы и въ этомъ отношеніи онъ былъ предупрежденъ Западомъ... Честь честью, прибавимъ мы, но и потребности православной Церкви неотложно требуютъ, чтобы это изданіе совершено было учеными представителями церкви православной. Какъ видно изъ книги о. Иванцова, содержащей въ себѣ, между прочимъ, позднѣйшую библіографію всего, что писано о Фотіѣ и изданій его сочиненій, въ существующихъ западныхъ изданіяхъ сочиненій Фотія текстъ ихъ изложенъ неисправно, какъ это доказано недавней критикой К. Иконникова, Валетты, Попадопуло-Керамевса. Произошла ли эта неисправность отъ недосмотра, или она въ такой или иной степени дѣло преднамѣренное—мы, съ своей стороны, беремся рѣшить. Но затѣмъ въ западныхъ изданіяхъ сочиненій Фотія къ тексту ихъ прилагаются такія примѣчанія и предисловія (въ изданіи Миня они писаны Гергенрётеромъ), въ которыхъ проводятся тенденціозные католическіе взгляды, съ которыми никакъ нельзя согласиться не только съ православной, но и съ объективно-научной точки зрѣнія. Къ этому слѣдуетъ присоединить, что

самое полное доселѣ изданіе сочиненій Фотія, сдѣланное Минемъ (Patrologiae cursus completus tt. CI—CVI ser. graee), не содержитъ въ себѣ всего, что написано Фотіемъ, да и изданіе Миня послѣ Парижскаго пожара 1867 года, истребившаго типографію Миня съ ея складомъ, составляетъ уже большую библіографическую рѣдкость.

Но главное понужденіе издать въ Россіи сочиненія Фотія въ греческомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ содержится, конечно, въ самомъ достоинствѣ этихъ сочиненій и въ томъ значеніи, какое они могутъ имѣть для нашего современнаго богословія. Что такое былъ Фотій? Это было орудіе Промысла Божія для спасенія восточнаго Православія. Не явись, по волѣ Провидѣнія, въ IX вѣкѣ Фотій, не устоять бы противъ натиска латинства тогдашнимъ представителямъ восточнаго вѣроисповѣданія, большею частію людямъ дряблой воли, падкимъ на подкупъ, малодушнымъ предъ волею тогдашней византійской свѣтской власти. Человѣкъ несокрушимой силы воли и неустанной энергіи, ума сильнаго и глубокаго, мужества и великодушнаго терпѣнія, Фотій одинъ сталъ какъ величественная скала въ морѣ, противъ грознаго и могущественнаго противника. Болѣе сильнаго борца на защиту Православія не знаетъ исторія, и его борьба имѣетъ тѣмъ большую цѣну, какъ говоритъ о. Иванцовъ, что ведена была не на его почвѣ субъективно-раціоналистической протестантской, которая при всей своей разницѣ въ частностяхъ, имѣетъ, въ принципѣ много общаго съ католичествомъ, а на почвѣ неизмѣнно сохраняющагося древняго христіанскаго преданія, вселенскаго Православія". „Его истинно православные принципы, его глубокое пониманіе потребностей и состоянія церковной жизни, его необычайная прозорливость, его горячая ревность о твердости и свѣтлости церковнаго зданія—должны быть признаны всѣми. „Фотій—великое имя", говоритъ современный греческій писатель К. Иконниковъ. „Мы доселѣ держимся на принципахъ Фотія, говоритъ А. М. Иванцовъ. На Западѣ насъ называютъ фотіанцами. И намъ незачѣмъ отказываться отъ этого названія".

Великій богословъ былъ человѣкъ науки вообще. Еще въ то время, когда онъ былъ міряниномъ и занималъ высокую должность при дворѣ, время своего пребыванія во дворцѣ онъ сокращалъ до степени необходимости и спѣшилъ въ свой кабинетъ для своихъ учено-литературныхъ занятій. Сдѣлавшись патріархомъ, Фотій весь подвигъ своего многотруднаго служенія Православію совершалъ посредствомъ пера же. Плодомъ этого подвига и явилось множество его сочиненій, въ которыхъ выразились его глубокій и обширный умъ, его ученость, его великіе принципы. „Фотій справедливо считается свѣтиломъ учености и образованности, говоритъ И. Е. Забѣлинъ. Отъ Юстиніана до паденія Византіи никто не принесъ столько

услугъ наукамъ. При немъ положено начало и славянской образованности въ переводѣ св. книгъ на славянскій языкъ. Св. Кириллъ былъ его ученикомъ“ и amicus forrissimus. „Пока живъ въ человѣчествѣ научный интересъ, говоритъ Ѳ. И. Успенскій, имя Фотія будетъ безсмертно, потому что въ его богословскихъ и философскихъ сочиненіяхъ нашли себѣ завершеніе классическія традиціи, и въ первый разъ выраженъ культурный интересъ новаго періода византійскаго. Пока раздастся славянская рѣчь, имени Фотія не суждено умереть между нами, ибо по его почину мы пользуемся благами культуры и церковной свободы“.

Къ этимъ сужденіямъ о Фотіѣ столькихъ авторитетовъ нужно сдѣлать одно дополненіе. Фотій прежде всего и главнымъ образомъ богословъ. Наше научное Богословіе ведетъ свое начало съ Запада (разумѣемъ Богословіе Ѳеофана Прокоповича). Но еще Хомяковъ справедливо замѣчалъ, что въ доктринѣ Стефана Яворскаго видна окраска католическая, а въ Богословіи Ѳеофана—окраска протестантская. Въ недавнее время слышались упреки нашему Богословію въ чрезмѣрномъ вниманіи Богословію католика Перроне, а о настоящемъ времени они говорятъ, что мы безъ нѣмецкихъ богослововъ-католическихъ и протестантскихъ— не можемъ сдѣлать шагу. Не время ли, въ самомъ дѣлѣ, освѣтить наше Богословіе обращеніемъ къ его первоисточникамъ, къ числу которыхъ принадлежатъ и сочиненія Фотія.

Въ газетахъ пронесся слухъ о предстоящемъ учрежденіи общества русскихъ византинистовъ. Изученіе византійской исторіи у насъ уже поставлено на новую дорогу и произошли уже большія перемѣны во взглядахъ на значеніе и смыслъ ея. Трудами Е. Г. Васильевскаго, В. И. Ламанскаго, Ѳ. И. Успенскаго, И. Е. Троицкаго и многихъ другихъ освѣщено не мало сторонъ событій византійской исторіи первостепенной важности. Но вотъ наиболѣе достойный предметъ дѣятельности будущаго общества—изданіе сочиненій Фотія! Хотя время Монфоконовъ, какъ и Оригеновъ, миновало уже, но гдѣ бы ни основалось это общество, въ Петербургѣ ли, Москвѣ или въ какомъ-либо другомъ изъ университетскихъ городовъ, вездѣ найдется достаточное число лицъ, могущихъ взять на себя это дѣло. Въ Петербургѣ имѣются лучшіе византинисты и знатоки греческаго языка и литературы: академики В. Г. Васильевскій, и П. В. Никитинъ, профессора Ламанскій, Е. И. Ловягинъ, И. Е. Троицкій, Н. А. Скабаллановичъ, Э. В. Регель и др. Но и Москва, и Харьковъ, Кіевъ, Казань и Одесса могутъ выставить не мало ученыхъ силъ, вполнѣ пригодныхъ для дѣла.

Но ближайшимъ образомъ дѣло, по крайней мѣрѣ, изданія сочиненій Фотія на русскомъ языкѣ есть дѣло нашихъ духовныхъ академій.

Въ Академическомъ уставѣ есть особый параграфъ, разрѣшающій и даже обязывающій духовныя Академіи учреждать ученыя общества для разростки тѣхъ или другихъ отраслей Богословскаго знанія. Доселѣ этотъ параграфъ остается мертвою буквою. Вотъ прекрасный случай осуществить его, примѣнить къ дѣлу! И прежде всего—въ С.-Петербургской Академіи, которая трудами Е. И. Ловягина уже ознакомила читающее общество съ однимъ недавно найденнымъ сочиненіемъ Фотія, напечатала на страницахъ „Христіанскаго Чтенія“ лучшее доселѣ въ русской литературѣ сочиненіе о Фотіѣ митрополита Герасима Яреде, а также дѣльную критику В. П. Голубкова на сочиненіе о Фотіѣ Гергенрётера, сдѣлала въ томъ же журналѣ—переводъ нѣсколькихъ писемъ Фотія.

„Время само себѣ своихъ слугъ поставляетъ“, сказалъ древнерусскій учитель Церкви, соименный великому константинопольскому патріарху... Мы живо помнимъ тѣ условія, среди которыхъ *начато* было— къ сожалѣнію, лишь начато — систематическое изданіе сочиненій Фотія на русскомъ языкѣ покойнымъ архіепископомъ казанскимъ Павломъ, въ бытность его профессоромъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи. Носились тогда слухи объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ папской нунціатуры; парижскій лучшій проповѣдникъ Сойэръ прибылъ въ С.-Петербургъ, чтобы своими блестящими проповѣдями въ католической церкви св. Екатерины пропагандировать католичество въ петербургскомъ бомондѣ; нѣсколько видныхъ представителей изъ среды русской аристократіи открыто перешли въ католичество. Какъ разъ въ это время основанъ былъ по мысли митрополита Григорія новый духовный еженедѣльникъ „Духовная бесѣда“, который и сдѣлалъ одною изъ главныхъ своихъ задачъ борьбу съ враждебнымъ Церкви православной движеніемъ. Въ то время, какъ протоіерей И. К. Яхонтовъ печаталъ въ „Духовной Бесѣдѣ“ свои замѣчательныя письма къ отступнику православія, о. Павелъ принялся за оружіе, которое считалъ лучшимъ въ борьбѣ съ католицизмомъ— за переводъ на русскій языкъ сочиненій Фотія, начавъ съ его писемъ. Трудился онъ надъ этимъ дѣломъ съ увлеченіемъ; всякій листъ, сдававшійся въ типографію, былъ всегда писанъ его рукою, даже корректуру онъ держалъ всегда самъ. Трудъ преосвященнаго былъ встрѣченъ читающимъ обществомъ весьма сочувственно, послуживъ главною причиною того, что новооснованный духовный органъ твердо сталъ на ноги (1859 г.). Слухи объ учрежденіи нунціатуры замолкли; Сойэръ возвратился въ Парижъ ни съ чѣмъ, послуживъ впродолженіе нѣсколькихъ недѣль предметомъ развлеченія для празднаго бомонда. Но, въ то же

время, какъ перешедшіе въ католицизмъ русскіе князья повели изъ Парижа усиленную аттаку, издавая брошюру за брошюрой, вродѣ La Russie sera-t-elle catholique, переводъ писемъ Фотія на русскій языкъ, неожиданно прекратился, когда было издано ихъ на русскомъ языкѣ не болѣе одной десятой части... „Время само своихъ слугъ поставляетъ...“ И въ настоящее время, въ настоящій именно моментъ, не слѣдуетъ ли обратиться къ продолженію труда, начатаго преосвященнымъ Павломъ, предпринявъ въ нынѣшнемъ же году, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, изданіе на русскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ писемъ Фотія? Одно изъ прекраснѣйшихъ явленій нашего времени, поистинѣ великое, если не по своимъ теперешнимъ размѣрамъ, то по своей задачѣ, это—возвратить весь христіанскій міръ на ту почву, съ которой сошелъ онъ во время Фотія, почву ученія Церкви нераздѣленной,—разумѣемъ такъ называемое старокатолическое движеніе—въ чемъ можемъ найти себѣ лучшую поддержку, если не въ сочиненіяхъ Фотія, объективно выясняющихъ истинныя причины постигшей Церковь Христову величайшаго изъ всѣхъ постигавшихъ ее бѣдствій, бѣдствія раздѣленія и вражды?

Наконецъ трудъ изданія греческаго текста сочиненій Фотія и перевода ихъ на русскій языкъ можетъ быть раздѣленъ между обществомъ византинистовъ если учрежденіе его состоится, и Духовными Академіями. Какъ извѣстно Фотій оставилъ послѣ себя сочиненія едва ли не по всѣмъ отраслямъ науки, извѣстнымъ въ его время. „Поистинѣ нужно удивляться, говоритъ А. М. Иванцовъ, необыкновенному богатству и разнообразію его свѣдѣній,—развѣ лишь у очень немногихъ писателей можно найти такое разнообразіе знаній? Сочиненія изъ области богословія, именно 1) амфилохіи и другія догматико-экзегетическія (противъ латинянъ, иконоборцевъ, монофизитовъ, павликіанъ и др.), 3) каноническія (Syntagma canonum, Synagoge Nomocanon и др.), 4) слова, рѣчи, церковныя пѣснопѣнія, 5) сочиненія нравоучительныя—могли бы сдѣлаться предметомъ изданія Духовныхъ Академій и возможныхъ при нихъ ученыхъ обществъ. Сочиненія же философскія (о категоріяхъ Аристотеля и др.), историческія сокращенія филосторгіевой исторіи, исторія соборовъ въ формѣ письма къ князю Михаилу-Борису и пр.) критико-библіографическія (міробибліонъ или библіотека,—самое большое сочиненіе Фотія, занимающее полтора тома—CIII и половину CIV—въ патрологіи Миня), филологическія (словарь рѣдкихъ реченій у древнихъ писателей и др.) и всѣ прочія, имѣющія смѣшанный характеръ—могли бы быть переводимы обществомъ византинистовъ. Или же Общество византинистовъ могло бы заняться изданіемъ греческаго текста сочиненій Фотія, а русское изданіе

ихъ могло бы быть раздѣлено между духовными Академіями и имѣющими открыться при нихъ учеными обществами, на подобіе того, какъ былъ раздѣленъ между академіями трудъ предварительнаго перевода св. Писанія на русскій языкъ.

Такъ или иначе, одно несомнѣнно: изученіе греческаго текста сочиненій Фотія и ихъ русскаго перевода составляетъ насущную и неотложную потребность науки въ настоящее время.

Н. Барсовъ.

Что у кого болитъ *)...

Въ отвѣтъ Московскому Комитету грамотности.

Изъ двадцати вопросовъ о всеобщемъ народномъ образованіи, предложенныхъ недавно Московскимъ Комитетомъ грамотности вниманію господъ спеціалистовъ-„педагоговъ", нѣсколько вопросовъ, едва ли не самыхъ существенныхъ, доступны и въ высшей степени интересны не для однихъ господъ „педагоговъ", но и для всякаго православнаго русскаго, которому любо и дорого преуспѣяніе „темнаго царства" на пути просвѣщенія умственнаго и нравственнаго.

У кого изъ насъ, получившихъ такъ называмое высшее образованіе и надолго заброшенныхъ въ „эти бѣдныя селенія", не болитъ душа, видя вокругъ себя отсутствіе всякаго образованія? Всякому жителю полей то и дѣло даютъ о себѣ знать *плоды невѣжества* „нашего сѣятеля и хранителя", русскаго мужика крестьянина.

Не будучи спеціалистомъ педагогомъ, но близко стоя къ „сѣрому люду" и всегда близко принимая къ сердцу нашу спеціально-русскую бѣду народную, — безграмотность, я четверть вѣка присматриваюсь ко всему, что творится въ нашихъ сельскихъ училищахъ и *въ семьяхъ крестьянъ*, посылающихъ въ эти училища своихъ ребятишекъ.

За послѣднее время (лѣтъ десять-пятнадцать) мнѣ приходится недоумѣвать и горевать: за чѣмъ дѣло стало? Что отшатнуло крестьянъ отъ школьнаго дѣла, почему отцы семействъ въ селахъ и деревняхъ охладѣли къ „книжному искусству"? Не одни крестьяне: всѣ сословія уѣзда отшатнулись отъ дѣла всенародной грамотности, предоставивъ все стараніямъ тѣхъ, „кому о томъ вѣдать надлежитъ". То ли я видѣлъ, тому ли я былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ въ шестидесятыхъ годахъ!

---

*) Это начало русской пословицы—«Что у кого болитъ, тотъ про то и говоритъ»—было общимъ названіемъ всѣхъ моихъ статей въ «Русскомъ Дѣлѣ».

Живо помню я начало и конецъ хорошаго добраго времени. Словно какая-то духовная весна сошла на Русскую Землю, все пробуждая, все оживляя, все обновляя!..

Все преисполнилось жаждой новаго... и надеждами на новое!

Все, за что только принимались добрые люди, все у нихъ изумительно какъ спорилось, на всемъ было видимо благословеніе Божіе. Воочію сбывалась старинная крестьянская поговорочка русская, столь любимая нашими удалы-добры-молодцами, стародавняя поговорка: — „Отъ рукъ человѣческихъ ничто не отобьется“.

Всюду, во всемъ, по всему лицу Русской Земли шла дружная, глубокоосмысленная, цѣлесообразная работа, упорная, спѣшная работа. Европейцы только ахали и недоумѣвали.

Заспѣшили, заторопились русскіе граждане, точно устремились наверстать въ нѣсколько лѣтъ упущенное за цѣлые вѣка...

Милое, доброе время! „Какое сердце не дрожитъ, тебя благословляя!..“

Не было тогда газеты „Гражданинъ“, и князь Мещерскій мракобѣсія не проповѣдывалъ, Суворинъ былъ „Незнакомцемъ“, покойный Михаилъ Никифоровичъ Катковъ стоялъ *за* просвѣщеніе бѣдняковъ, а не *противъ*, какъ подъ старость, и громилъ всѣхъ враговъ самодѣятельности: — земства, суда и независимой печати, всѣхъ враговъ воскрешенія русской народности и животворныхъ преобразованій Императора Александра Николаевича. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ издавалъ „День“. Славное время, незабвенное время! Благодатный дождь, обильный долгожданный дождь преобразованій разумныхъ, необходимыхъ для нашей общественной жизнедѣятельности, такъ и лился и лился на Святорусскую Землю, казалось, и конца-то ему не будетъ! Да развѣ это были преобразованія народной самодѣятельности?!. Слишкомъ слабое выраженіе: реформы, преобразованія... Нѣтъ, это было *творчество!..*

II.

Смилосердился Царь Небесный надъ православнымъ народомъ, пало рабство по манію великаго Царя, взошло надъ Святой Русью солнце правды и наступило „лѣто Господне благопріятно“, воскресла старина Владиміра Красна-Солнышка и Ярослава Великаго, воскресла у насъ наша общественная жизнедѣятельность. Хватились: какъ быть съ милліонами новыхъ вольныхъ гражданъ, — во мракѣ пребываетъ „сѣятель и хранитель нашъ“; безъ суда, безъ правъ долго жилъ. Пришлось дать

освобожденнымъ посредниковъ между бывшими рабами и бывшими ихъ господами, пришлось дать судей, *захлопотали и о просвѣщеніи народномъ*... Хватились,—гдѣ достать общественныхъ дѣятелей? Надо было отвѣтъ давать на новые общественные вопросы.

Людей нѣтъ!

Благодареніе Господу: люди нашлись. И какіе люди! богатыри! Словно изъ земли выросли строители обновленной жизни народной и совершили дружно „великое дѣйство". Все пошло ладно, тихо, благопристойно и стройно въ новой жизни „Святого Царства". Суды и судьи по Божьи судить стали. Съ высоты престола вышло разрѣшеніе не взирать на лица. На бестыжіе глаза Ѳемиды, Россійской великій Государь повелѣлъ набросить покрывало и вложилъ ей въ руки вѣсы правды. Взяточники юркнули въ щели, надули губы, отдались злобѣ, но языки прикусили. Казнокрады вышли изъ моды. Появились новыя слова: „гласность", „общественное имущество", „общественныя обязанности". Полиняли старыя слова и цѣлыя выраженія прежнія улетучились. Общественное дѣло, общественное благо, общественныя пользы и нужды стали дѣломъ всеобщей заботы и попеченія. Объ общемъ дѣлѣ *всѣмъ вѣдать надлежитъ*. „Свѣту, больше свѣту!" раздовалось ежечасно изъ милліона устъ. Но откуда взять просвѣтителей?..

Усердно ринулись одни учить, другіе учиться. Заусердствовала молодежь обоего пола. Въ ту пору уѣздныя барышни на скуку и тоску не жаловались, афоризмовъ Шопенгауэра не читали и картъ въ руки не брали.

III.

Помню одна изъ моихъ двоюродныхъ сестеръ, развившаяся рано физически и умственно, уже пятнадцати лѣтъ отъ роду основала школу въ имѣньи отца и ревностно, какъ-то вдохновенно вся отдалась преподаванію въ ней, хотя сама еще продолжала брать уроки у ученой нѣмки. Много лѣтъ бодрость ея не ослабѣвала, учила она до замужества (мужъ увезъ ее въ Лондонъ). Бывшіе ученики ея доселѣ пользуются уваженіемъ въ крестьянской средѣ не только между односельчанами *), но и въ окрестныхъ селахъ. До сихъ поръ въ видѣ наилучшей рекомендаціи говорятъ: Онъ учился у Н. П. А...ой.

Другая моя двоюродная сестра З...а Н... Р....а, выдержавъ испытаніе при университетѣ, устроила превосходную школу въ Лукояновскомъ

*) Село Чердымъ, Саратовской губ., Петровскаго уѣзда.

уѣздѣ Нижегородской губерніи и тоже до замужества съ неустанной охотой сама ежедневно учила. Я поражался быстрымъ успѣхамъ, какіе дѣлали ея ученики. Въ ту пору Лукояновскій уѣздъ былъ однимъ изъ передовыхъ. Въ немъ было много народолюбцевъ-дѣятелей. „Помѣщики“ смотрѣли на устройство школъ и распространеніе знанія въ народѣ, какъ на свою первую и священную обязанность.

Третья близкая мнѣ школа, долго процвѣтавшая, основана была тоже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ другомъ моего дѣтства, и тоже барышней, въ Сызранскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, госпожею Л. П. Б. Троимъ избраннымъ, лучшимъ по успѣхамъ ученикамъ было доставлено основательницей школы образованіе сначала въ среднихъ, а потомъ въ высшихъ учебныхъ зведеніяхъ. Всѣ эти три школы появились на свѣтъ Божій въ самомъ разгарѣ преобразованій Александра II-го. Я былъ тогда гимназистомъ старшихъ классовъ и, пріѣзжая на каникулы, заставалъ ученье въ школахъ еще въ полномъ ходу *) и внимательно приглядывался къ этому живому дѣлу. Тогдашніе гимназисты были не такъ сильны въ древнихъ языкахъ, но гораздо болѣе нынѣшнихъ увлекались школами воскресными и постоянными и другими отправленіями новѣйшей жизни.

IV.

Московскій Комитетъ Грамотности въ нынѣшнемъ году спрашиваетъ: „Вездѣ ли крестьяне желаютъ учить дѣтей?“ „Не замѣчается ли усиленіе потребности ученія?“ „Главныя причины обученія не всѣхъ мальчиковъ и дѣвочекъ?“ Ужели для Московскаго Комитета это все еще не разрѣшенныя недоумѣнія?

Вся наша повременная печать либеральная, за исключеніемъ Русскихъ Вѣдомостей, торопитъ Правительство относительно введенія у насъ обязательности всеобщаго народнаго образованія. Для этого необходимо увѣрить, кого слѣдуетъ, что весь крестьянскій людъ, какъ одинъ человѣкъ, жаждетъ грамотности и школъ, школъ... Я не буду обвинять въ неискренности всю либеральную печать нашу. Можетъ быть, по поговоркѣ, „курицѣ просо снится“ или „чего хочется, тому и вѣрится“. Но маленькое противорѣчіе, господа: зачѣмъ силой обязывать всѣхъ, когда всѣ такъ и рвутся (по вашему мнѣнію, рвутся)? Вѣдь мы насмѣшили бы, напримѣръ, разославъ приказъ по полиціи, чтобы крестьяне всѣхъ дере-

*) А теперь уже вскорѣ послѣ пасхи почти вездѣ пустѣютъ. Отцы находятъ за нужное оставлять дѣтей для разныхъ подѣлокъ домоводства.

вень и селъ въ Крещенье 6-го Января *обязательно всѣ* брали бы по церквамъ святую воду, когда и безъ того такая давка въ церквахъ всей Россіи съ кувшинами и бутылками идетъ ежегодно; или повелѣть бы всѣмъ ребятишкамъ, чтобы, какъ ягоды по лѣсамъ и лугамъ поспѣютъ, то, чтобы *обязательно всѣ* дѣти спѣшили бы: одни въ лѣсъ, другіе въ луга. Всякая ложь—гадость, господа! Предоставимъ ее въ полную собственность лагерю „назадняковъ" *). Зачѣмъ отымать послѣднее у обскурантовъ,—гасильниковъ, изувѣровъ? Вѣдь ложь—ихъ оружіе, вѣдь это у нихъ: цѣль освящаетъ средства, даже и такія средства, какъ лукавство и ложь; вѣдь это у нихъ всегда „все обстоитъ благополучно", и только немножечко, такъ чуточку еще нужно подтянуть, притянуть, *обязать*... Что махать мечемъ, встрѣчая „гордіевы узлы" жизни, куда намъ въ Александры Македонскіе лѣзть, не дать бы маху мимо. Давайте-ка попытаемся развязывать одинъ за другимъ узелки.

Первый „гордіевъ узелъ" нашихъ дней, первая задача—загадка это вопросъ: Отчего при несомнѣнной жаждѣ знанія, жаждѣ свѣта духовнаго въ нашемъ простонародьѣ, отцы семействъ въ крестьянской средѣ охладѣли къ училищному дѣлу? Вѣдь „шильца въ мѣшкѣ не утаишь", не словами, не разглагольствованіями сказывается живая потребность у людей. На новый колоколъ охотно соберутъ „православные" 600 или 800 р., какъ я видѣлъ то недавно въ сосѣднемъ большомъ селеніи, а на устройство училища въ томъ же „обществѣ" не дадутъ и шестидесяти—восьмидесяти рублей, несмотря на ясно выраженное желаніе самого господина земскаго начальника. На сооруженіе новыхъ церковныхъ домовъ, т. е. домовъ для причта, поохаютъ православные, погуторятъ на завалинкахъ промежъ себя, что молъ хорошъ и крѣпокъ еще домикъ, но, глядишь, „обложились" года на три, призаймутъ рублей пятьсотъ—шестьсотъ, и пошла стройка, перестройка, какъ вотъ теперь „въ нашемъ благочиніи" въ одно нынѣшнее лѣто въ пяти селахъ одновременно. Судьба закидывала меня въ разные уголки Россіи, отстоящіе другъ отъ друга на тысячи верстъ, и всюду меня мучила загадка-задача... вездѣ то же.

Всего болѣе знакома мнѣ духовная и матеріальная жизнь нашего Петровскаго уѣзда Саратовской губерніи, гдѣ и сейчасъ живу. Уроженецъ благодатнаго уголка черноземной Россіи, я часто гощу по долгу на родинѣ. Живы среди земляковъ крестьянъ бывшіе товарищи дѣтскихъ игръ, привыкшіе съ дѣтскихъ лѣтъ говорить со мною по душѣ. Я очень

---

*) Этимъ словцомъ весьма удачно В. И. Ламанскій окрестилъ направленіе, представляемое княземъ В. П. Мещерскимъ.

этимъ дорожу: чрезвычайно трудно вызвать на откровенность русскаго крестьянина; въ большинствѣ случаевъ онъ „вашимъ же добромъ вамъ же челомъ бьетъ“, смѣясь въ душѣ надъ вами. Бойкій уголокъ. Много дворянъ-помѣщиковъ и лѣто и зиму не покидаютъ свои имѣнья, сами дѣятельно занимаясь хозяйствомъ, не довѣряя „управителямъ“, входя изо дня въ день въ непосредственное соотношеніе съ поселянами, что разумѣется способствуетъ поднятію умственнаго развитія односельчанъ. Много крупныхъ винокуренныхъ заводовъ (городки, какъ ихъ зовутъ у насъ мужики) доставляютъ хорошооплачиваемый заработокъ, какъ на самихъ заводахъ, часто курящихъ круглый годъ, такъ и извозомъ спирта въ Пензу и Саратовъ. Эти же заводы содѣйствуютъ развитію овцеводства, выдѣляя винокуренную барду, представляющую собой дешевый питательный кормъ для всѣхъ домашнихъ животныхъ. Земля и безъ удобреній родитъ самъ-десять, а иногда самъ-двадцать.

„Нехватки“ для уплаты податей не бываетъ. Не было недоимокъ въ нашей Лопатинской волости и въ сосѣднихъ съ нами волостяхъ даже и въ голодные годы. На гумнахъ виднѣется прошлогодній, а иногда трегоднишній хлѣбъ. Но какая „нехватка“ средствъ просвѣщенія! Есть приходы по тысячѣ душъ и болѣе безъ церковно-приходской школки даже до сегодня.

V.

Я умышленно употребилъ слово „нехватка“. Это излюбленное выраженіе Глѣба Успенскаго, который ничего не признаетъ, какъ корень золъ, кромѣ „нехватки“ у крестьянъ, т. е. низкій уровень экономическаго благосостоянія. Въ бѣдности ли искать причину косности? Или спросимъ такъ: въ одной ли бѣдности крестьянъ вся разгадка?..

Въ майской книжкѣ Русской Мысли за нынѣшній годъ помѣщена статья господина Вахтерова, озаглавленная такъ: *Условія распространенія образованія въ народѣ*. Авторъ говоритъ:

„Мы не можемъ обойти молчаніемъ одного очень распространеннаго мнѣнія, по которому дѣло народнаго образованія будто бы всецѣло обусловливается высотою экономическаго благосостоянія... будто бы только одни именно факты экономическіе опредѣляютъ сознаніе человѣка, его идеалы... въ защиту такого мнѣнія обыкновенно ссылаются на земскіе статистическіе отчеты и съ цифрами въ рукахъ предсказываютъ, что поступательное движеніе народнаго образованія возможно лишь тогда, когда увеличатся достатки народа, что, имѣя средства, крестьяне навѣрное построили бы школы. Но мы пола-

гаемъ, что само экономическое благосостояніе населенія зависитъ отъ распространенія знанія въ народѣ. Факты предшествуютъ сознанію и идеаламъ—это правда; но извѣстный фактъ можетъ существовать тысячу лѣтъ и не дойти до сознанія человѣка, не влiять ни на его промышленность, ни на его идеалы... факты, въ томъ числѣ и экономическіе могутъ быть у двухъ народовъ одинаковыми, но народъ, раньше другихъ угадавшій условія времени и понявшій значеніе окружающаго, остается и будетъ благоденствовать, а народы, хуже другихъ понявшіе, осуждены на историческую смерть. Мы находимъ въ земскихъ статистическихъ сборникахъ чрезвычайно богатый матерьялъ. Правда это тотъ самый матерьялъ, изъ котораго и дѣлали выводъ о роковой зависимости между степенью народной грамотности и экономическими факторами; но мы надѣемся, что люди безъ предвзятыхъ взглядовъ изъ тѣхъ же самыхъ матерьяловъ сдѣлаютъ совсѣмъ другой выводъ. Разсматривая матерьялы по данному вопросу, встрѣчаешься съ любопытнымъ процессомъ: какъ предвзятая точка зрѣнія можетъ влiять на ходъ работъ самаго добросовѣстнаго изслѣдователя.

„Главнымъ признакомъ крестьянскаго благосостоянія считается количество скота и земли. И вотъ составляются таблицы, съ подраздѣленіемъ мѣстностей на группы по степени грамотности... и вдругъ оказывается, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ получаются выводы совершенно противоположные ожидаемымъ: чѣмъ больше у населенія земли и скота, тѣмъ меньше грамотныхъ... (примѣры цифръ я опускаю, читатель можетъ ихъ найти на 152—3 стр. майской книжки Р. М.) У государственныхъ крестьянъ надѣлъ больше, а процентъ грамотности меньше, нежели у бывшихъ удѣльныхъ, равно какъ у собственниковъ изъ помѣщичьихъ надѣлъ значительно больше, а процентъ грамотности нѣсколько меньше, нежели у дарственниковъ.

„Г. Боголѣповъ въ своемъ трудѣ: Грамотность среди дѣтей школьнаго возраста, также приходитъ къ выводу, что „неграмотность среди дѣтей школьнаго возраста обусловливается преимущественно экономическими условіями, — бѣдность во всѣхъ ея видахъ и степеняхъ“, что вліяніе этихъ условій совершенно подавляетъ вліяніе всѣхъ остальныхъ причинъ, что на долю первыхъ приходится около 52% всего количества случаевъ безграмотности, а на долю всѣхъ прочихъ только 48% и, дѣйствительно, изъ составляемыхъ г. Боголѣповымъ таблицъ видно, что первое мѣсто въ общемъ порядкѣ условій, опредѣляющихъ собою неграмотность сельскаго населенія, занимаютъ экономическія обстоятельства: 35% неграмотныхъ дѣтей не посѣщали школы по бѣдности. *Отношенія населенія къ школѣ играли роль, по словамъ автора, въ до-*

вольно ограниченномъ числѣ случаевъ — 12,4% (г. Вахтеровъ мало останавливается на подчеркнутыхъ словахъ, мало вниманія удѣляетъ приведеннымъ имъ цифрамъ г. Боголѣпова, а это-то и составляетъ главную задачу-загадку, о которой я и собираюсь поговорить. Но продолжимъ выборку изъ статьи г. Вахтерова):—Этотъ выводъ, тщательно обоснованный, сдѣланъ на основаніи подворныхъ изслѣдованій двухъ типичныхъ уѣздовъ Московской губерніи. Этотъ выводъ былъ признанъ поразительнымъ. На изслѣдованіе г. Боголѣпова ссылались тѣ, кто предлагалъ подождать съ устройствомъ школъ до тѣхъ поръ, пока экономическое благосостояніе народныхъ массъ не поднимется на значительную высоту... Меня обвиняли, продолжаетъ г. Вахтеровъ въ томъ, что я въ своемъ рефератѣ *Всеобщее начальное обученіе*, принимая въ расчетъ, во что обойдется содержаніе школъ, упустилъ изъ виду вопросъ, во что обходится населенію снарядить въ школу ребенка („сшить платье, сапоги") и улучшенное его питаніе („съ сухимъ хлѣбомъ въ школу не пошлешь"). Въ своемъ рефератѣ я ограничился только ссылками на собранныя въ четырехъ губерніяхъ статистическія данныя, смыслъ которыхъ по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что большая часть экономическихъ затрудненій для семьи ученика совпадаютъ съ значительными разстояніями отъ школы и легко преодолимы, когда семья живетъ вблизи училища.

„Изслѣдованіе г. Боголѣпова имѣетъ въ виду Московскую губернію, занимающую одно изъ первыхъ мѣстъ въ дѣлѣ распространенія начальнаго образованія. Естественно, что въ Московскомъ уѣздѣ гдѣ 91% мальчиковъ грамотны и только 9% не могли научиться читать и писать, разстоянія отъ школъ не могли играть первостепенной роли. Экономическія затрудненія возростаютъ съ разстояніями: теплая одежда и обувь особенно нужны для большихъ разстояній, а небольшое разстояніе ребенокъ пробѣжитъ въ чемъ угодно. Богатый мужикъ можетъ нанять для своего сына квартиру въ отдаленной семьѣ, а бѣдный не можетъ. И если бы возможно было дѣлать обобщенія на основаніи данныхъ, касающихся только двухъ уѣздовъ, съ которыми имѣетъ дѣло г. Боголѣповъ, то мы должны были бы придти къ слѣдующимъ выводамъ. *При наличности сознанія среди мѣстнаго населенія въ необходимости* грамотности (и при достаточномъ числѣ училищъ) огромное большинство дѣтей будетъ посѣщать школу, не смотря на экономическія препятствія, ни на семейныя обстоятельства, ни на что другое... Рѣшительно всѣ статистическія изслѣдованія, безъ единаго исключенія, подтверждаютъ, что значеніе почти всѣхъ факторовъ, обусловливающихъ неграмотность населенія, не исключая и экономическихъ, парализуется болѣе и болѣе по мѣрѣ сокращенія школьныхъ разстояній.

„И на сѣверѣ и на югѣ мы видимъ, что при увеличеніи школьныхъ разстояній въ два и нѣсколько разъ, количество учащихся уменьшается вдвое, втрое и вчетверо и даже болѣе разъ. *Недостаточное число училищъ*—вотъ ближайшая и очевидная причина нашей безграмотности. Правда, *этотъ факторъ* находится въ извѣстной зависимости отъ финансовъ казны и земства, но въ еще большей *зависимости отъ господствующихъ взглядовъ* на необходимость образованія *въ народѣ*.

„Въ московскомъ уѣздѣ число дѣтей, не посѣщающихъ школы по экономическимъ причинамъ, не превышаетъ трехъ человѣкъ на сотню и составляетъ менѣе двухъ на каждую школу. Требовалось бы распространеніе обществъ вспомоществованія учащимся въ деревняхъ, подобно тому, какъ это существуетъ для учащихся въ городахъ. Но *помѣхами* къ возникновенію такихъ обществъ служатъ не столько экономическія причины, сколько *недостаточно распространенное* въ деревнѣ *сознаніе о необходимости* для мѣстнаго общества заботиться о школѣ и оказывать ей всестороннюю помощь...

„Точкой отправленія широкихъ реформъ въ области народнаго образованія во Франціи былъ 1870 годъ, — моментъ погрома, огромной контрибуціи и разоренія страны. Значитъ, причина быстраго распространенія народнаго образованія была другая, а не высокое экономическое благосостояніе народа. У насъ такимъ исходнымъ пунктомъ былъ 1855 годъ, отнюдь не совпадающій съ особымъ подъемомъ народнаго благосостоянія“.

Я взялъ въ союзники г. Вахтерова, верховнаго апостола *обязательнаго*, чтобы пошатнуть главный предразсудокъ, будто бы бѣдность—главная причина тому, что лучъ свѣта не пробивается въ жизнь „темнаго царства“. Нѣтъ, не въ бѣдности разгадка того грустнаго явленія, что кабакъ вытѣсняетъ школу. Лучшимъ лично для меня доказательствомъ тому судьбы нашего Петровскаго уѣзда Сар. губ.

Не одно бы только матеріальное благосостояніе, казалось бы, должно быстро двигать нашъ уѣздъ на пути просвѣщенія народнаго. Высокообразованные земцы братья Ермолаевы, рьяные народники (народники въ самомъ благородномъ значеніи этого слова), вотъ уже скоро лѣтъ тридцать посвящаютъ свои силы народнымъ пользамъ и нуждамъ на разныхъ поприщахъ общественнаго служенія [1]). Въ послѣднее время предсѣдатель управы Михаилъ С... Ермолаевъ и жена его А... В...а (попечи-

[1]) Константинъ С... былъ нѣсколько трехлѣтій мировымъ судьей и послѣ упраздненія мировыхъ судей превратился въ сельскаго учителя и даже не у себя въ имѣньи.

тельница многихъ школъ) просто чудеса дѣлаютъ относительно увеличенія числа маленькихъ школокъ, улучшенія быта учителей и поощренія кустарной промышленности въ средѣ крестьянскихъ дѣтей, сдѣлавшись предметомъ поклоненія у „сѣраго люда“ и темой оживленныхъ толковъ на завалинкахъ. Повсюду только и слышишь: „Такихъ господъ не знай найдешь ли еще по всей Россеѣ...“

Рука объ руку съ предсѣдателемъ земской управы усердствуетъ инспекторъ народныхъ училищъ г. Феликсовъ, любимецъ сельскихъ учителей и учительницъ.

Казалось бы, столько благопріятныхъ условій, и однако, крестьяне поражаютъ холодностью по отношенію къ школьному дѣлу, какой и подобія не было въ шестидесятыхъ годахъ. Въ каждой вновь возникающей школѣ спервоначала приходитъ человѣкъ шестьдесятъ—семьдесятъ, а къ рединѣ зимы тридцать, а великимъ постомъ двадцать, и т. д.

Сравнительно съ временемъ шестидесятыхъ, годовъ крестьяне, такъ сказать, разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ. Наши печальники народнаго просвѣщенія, всѣ, кромѣ славянофиловъ, впадаютъ до сихъ поръ въ то же заблужденіе относительно нашихъ православныхъ, въ какое впали всѣ европейскіе дипломаты относительно японцевъ. Политики циклопы, благодаря укоренившемуся предразсудку, благодаря предзаданности, продолжали упорно, не взирая ни на какія факты, относиться съ высоты своего европейскаго величія къ предпріимчивымъ островитянамъ, какъ къ папуасамъ, кафрамъ или патагонцамъ. Такъ и наши заправилы народнаго просвѣщенія черезчуръ уничижительнаго мнѣнія о нашемъ простолюдинѣ. Составители книжекъ для чтенія крестьянскимъ дѣтямъ, повидимому, не подумали о томъ, что вѣдь не для сиротъ пишутъ они, что родители могутъ критиковать содержаніе книжечекъ. Встрѣчаются среди крестьянъ самородки съ философскимъ складомъ ума, съ Ломоносовскими дарованіями. „Сознаніе того, что я человѣкъ, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо“, которымъ кичился великій Гёте, бываетъ сродно и богато одаренному „православному“. Вопросъ датскаго принца „быть или не быть“ волнуетъ душу „нашего сѣятеля“ и въ юности и въ старости, и „во Христѣ бодрствующій“ [1]) стремится къ положительному на него отвѣту. Какъ смотрятъ отцы на то, чему учатъ ихъ дѣтей, и какъ учатъ,—этотъ вопросъ въ нашей педагогической литературѣ, да и вообще нигдѣ и ни кѣмъ не поднимался. Все

---

[1]) Мнѣ понравилось выраженіе «во Христѣ бодрствующій», употребленное въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Богатства» на стр. 160 г. Протопоповымъ; онъ привелъ его, глумясь и кощунственно издѣваясь надъ вѣрующими, такъ себѣ здорово живешь при анализѣ умствованій гр. Л. Н. Толстого.

„птенцы гнѣзда Петрова“ —бери, что даютъ, изъ добра заморскаго, а не то вотъ она, дубинка-то! Все только обязать, понудить, заставить: спасибо, одни „Русскія Вѣдомости“ говорятъ резонно: прежде, чѣмъ *наложить обязанность* всѣмъ учиться, *дайте право и возможность* всѣмъ учиться.

Я убѣдился, что родители всюду и вездѣ живо интересуются и слѣдятъ внимательно за тѣмъ, чему, кромѣ „книжнаго искусства“, т. е. искусства читать и писать, учатъ ихъ дѣтей въ школахъ, какія книжки даютъ для чтенія въ школахъ и на домъ—„ни къ чему эти бездѣлушки“, ворчатъ домовладыки, „брось, не читай вслухъ!“ Прямо таки не позволяютъ читать дома при себѣ громко многіе степенные отцы семейства.

Да, представьте себѣ впечатлѣніе, производимое на взрослыхъ мужиковъ книжкой г. Баранова: „Солома ржи внутри пустая... корень растетъ въ землѣ... колосъ въ воздухѣ... въ колосѣ хлѣбное зерно“ и т. п. Отцы ворчатъ: „Опричь грамоты, чему учатъ нашихъ дѣтокъ въ школѣ? Либо тому, что знаютъ всѣ деревенскіе по всей Рассеѣ, либо тому, что, жимши бымши, безпремѣнно всѣ нашинскіе дѣтки допряма узнаютъ и безо всякихъ училищъ; барчукамъ ништо, кои сроду деревню не видали, надобность есть вдалбливать все такое...,“ потомъ пѣсни да сказки... ни къ чему нашимъ все это.

Если въ приходѣ съ тысячью обывателей найдется хотя одинъ „самородокъ“ изъ поколѣнія отцовъ и заропщетъ на нигилизмъ въ преподаваніи школьномъ и на всѣ порядки школы, — бѣда тогда школѣ.

Очень неохотно родители пускаютъ дѣтей учиться въ школѣ, и только дѣтское любопытство поддерживаетъ исправное хожденіе въ школу спервоначала... А вѣдь вспомните свое дѣтство, читатель, и гимназисты младшихъ классовъ, дѣти образованныхъ родителей, не всѣ же охотно бѣгутъ въ гимназію, и часто приходится папенькамъ и маменькамъ понуждать.

Да, отцы семействъ разочаровались въ своихъ ожиданіяхъ: „народъ они темный, да и изъ тьмы ихъ не выводятъ ни чуточки“, а они въ эпоху шестидесятыхъ годовъ вознадѣялись было, „духовной жаждою томимы“, что жажду знанья, жажду свѣта утолятъ дѣти у отцовъ и дѣдовъ, когда дѣти отвѣдаютъ сладкихъ плодовъ ученія, и что же? — „неученье тьма“, по пословицѣ, да и ученіе, каково оно сейчасъ, тоже тьма сущая...

Павелъ Аристовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Доз. Цензурою СПБ., 21 іюля 1895 г. Печ. Е. Евдокимова, Троицкая ул., 18.

БЛАГОВѢСТЪ

Іюль

1895

Кормчій Ѳ. Четыркинъ.

ГАЛИЦКАЯ МИТРОПОЛІЯ

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. Д. ТИХОМІРОВА.

Главы четвертая и пятая. Продолженіе будетъ въ августовской книжкѣ.

Приложеніе къ «Русской Бесѣдѣ».

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 23-го мая 1895 года.
Цензоръ Протоіерей **А. Автономовъ.**

Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

Константинополѣ рѣшили сдѣлать пріятное южному князю, на просьбу котораго тамъ могли не обратить ни малѣйшаго вниманія, а преимущественно и, можетъ быть, исключительно потому, что самъ кандидатъ Петръ произвелъ на патріарха болѣе выгодное впечатлѣніе чѣмъ Геронтій. Впрочемъ, не будемъ объ этомъ болѣе распространяться, а скажемъ только, что если все это было такъ, какъ думаетъ почтенный профессоръ, то странно и непонятно, почему это было такъ, а не иначе. Не лучше ли и не болѣе ли сообразно съ истиной согласоваться съ указаніемъ лѣтописей, которыя единодушно называютъ св. Петра митрополитомъ Кіевскимъ, а нигдѣ и никогда—Галицкимъ?

Подведя же итоги всему нами сказанному, мы теперь имѣемъ, кажется, полное право сказать, что въ достаточной степени уяснили выше поставленный нами вопросъ относительно имени Петра, значащагося въ Казиміровомъ перечнѣ Галицкихъ митрополитовъ. Не подлежитъ, думаемъ, ни малѣйшему сомнѣнію, что король Казиміръ въ своемъ перечнѣ разумѣлъ не кого другого, какъ именно нашего митрополита Петра, хотя послѣдній и не бывалъ никогда митрополитомъ спеціально Галицкимъ и можетъ быть названъ имъ лишь постольку, поскольку былъ митрополитомъ Кіевскимъ и „всея Руси“, въ которую входила и Галиція. Казиміръ, очевидно, зналъ про попытку Юрія, но или ему ее не вѣрно передали, или же онъ нарочно и легкомысленно извратилъ истинныя обстоятельства дѣла, надѣясь, можетъ быть, на снисхожденіе или недогадливость Константинопольскаго патріарха.

Итакъ, дважды Юрій Львовичъ дѣлалъ попытки къ созданію у себя церковной обособленности и независимости Галиціи отъ Кіевскаго митрополита, но при всемъ своемъ стараніи онъ не достигъ того, о чемъ такъ усиленно хлопоталъ. Для него было желательно дать Галиціи прочное, самостоятельное церковное управленіе и сохранить его на все послѣдующее время, но этого послѣдняго онъ и не достигъ. Правда, по его желанію въ Галиціи была открыта въ 130²/₃ году независимая митрополія, но она слишкомъ мало времени существовала и послѣ смерти перваго ея митрополита была закрыта, хотя Юрій, какъ мы видѣли, и хлопоталъ объ ея вторичномъ открытіи. Ставъ въ прежнее подчиненное отношеніе къ поставленному митрополиту Кіевскому Петру, она оставалась подъ властію послѣдняго, нужно думать, до самой смерти его [1]), послѣдовавшей въ 1326 году, [2]), о чемъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что погребеніе святителя совершалъ епископъ

[1]) Макарій, IV, 21; Чистовичъ. Очеркъ ист. I, 8; ср. Павловъ, стр. 222.
[2]) Полн. собр. лѣт. Воскр. 200; Новгор. I, 73; Никон. III, 131.

Луцкій Θеодосій, [1]), который прибылъ къ нему, навѣрное, по дѣламъ епархіальнымъ [2]) и, можетъ быть, уже не засталъ его въ живыхъ. [ю]).

3) Галицкій митрополитъ 1331 г. (Гавріилъ).

Черезъ два года (безъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ) послѣ смерти св. митрополита Петра, въ 1328 году прибылъ въ Россію митрополитъ изъ грековъ Θеогностъ [3]). Онъ зашелъ въ Кіевъ, побывалъ во Владимірѣ Суздальскомъ, потомъ прибылъ въ Москву и „сѣде на мѣстѣ Петра и въ его дворѣ нача жити" [4]). Но Θеогностъ не оставался долго въ Москвѣ: въ 1329 году онъ уже находился въ Новгородѣ [5]), а въ слѣдующемъ—1330 году—онъ отправился отсюда „въ Волынскую землю [6]) и оттуду иде въ Галичъ и въ Жарову, и оттуду пріиде въ Кіевъ" [7]), изъ котораго онъ обратно возвратился во Владиміръ-Волынскій въ слѣдующемъ году [8]). Это путешествіе, о которомъ разсказываютъ намъ лѣтописи, Θеогностъ предпринялъ, конечно, ради епархіальнаго осмотра своей обширной митрополіи, которая обнимала собой всю сѣверо-восточную и юго-западную Галицко-Волынскую Русь. Митрополитъ Θеогностъ, такимъ образомъ, получилъ въ свое завѣдываніе русскую митрополію въ томъ же объемѣ, въ какомъ она была предоставлена его предшественнику—митрополиту Петру, т. е. съ присовокупленіемъ Галицко-Волынскихъ и, можно думать, Литовскихъ епархій. Въ этихъ южныхъ епархіяхъ Θеогностъ былъ принятъ, какъ законный митрополитъ [9]), о чемъ свидѣтельствуютъ совершенныя имъ тамъ поставленія епископовъ. Изъ Волыни Θеогностъ отправился въ Константинополь и скоро—въ томъ же 1332 году—возвратился оттуда въ Москву [10]). Зачѣмъ ходилъ митрополитъ въ Царьградъ? Лѣтописи не даютъ намъ на это никакихъ разъясненій и говорятъ только объ его возвращеніи изъ Константинополя въ Москву. Но, строя на этотъ счетъ разныя предположенія, мы, кажется, вѣрно дога-

---

[1]) Новг. I, 73; Ник. III, 131.
[2]) Макарій, IV, 21; Павловъ, стр. 222.
[3]) Полн. собр. лѣт. I, 230; III, 74; V, 218; VII, 201; Ник. III, 139.
[4]) Никон. III, 139.
[5]) Новг. I, 74; IV, 51; Воскр. 201; Соф. I, 218; Ник. III, 151.
[6]) Воскр. 202; Новг. I, 75, Ник. III. 154.
[7]) Ник. III, 154.
[8]) Ник. III, 155.
[9]) Е. Е. Голубинскій. Митр. Θеогностъ (Богословскій Вѣстн. 1893 г., февраль, стр. 231.
[10]) Ник. лѣт. III, 160.

дываемся, зачѣмъ Ѳеогностъ, недавно прибывшій изъ Константинополя, опять отправился туда. Дѣло въ томъ, что тамъ появился Галицкій митрополитъ, поставленный на митрополію не ранѣе апрѣля 1331 года, подъ которымъ онъ значится засѣдающимъ въ патріаршемъ синодѣ съ наименованіемъ «ὑπέρτιμος» [1]), т. е. въ званіи митрополита [2]). Вполнѣ вѣроятно, что Ѳеогностъ и отправился въ Константинополь ходатайствовать предъ патріархомъ Исаіею (1328—1333 г.), поставившимъ Галицкаго митрополита, объ устраненіи послѣдняго. Какой успѣхъ имѣла эта поѣздка Ѳеогноста въ Царьградъ, мы, за неимѣніемъ свѣдѣній, не можемъ сказать ничего положительнаго; но мы все-таки предполагаемъ, что эта поѣздка могла быть и не безуспѣшной, такъ какъ Ѳеогностъ, по возвращеніи изъ Константинополя, если и не заходилъ опять въ юго-западную Русь, то, безспорно, вскорѣ онъ опять побывалъ въ ней, именно въ 1335 году, и былъ принятъ юго-западными епископами, какъ законный митрополитъ. Основаніе для такого утвержденія намъ даютъ не лѣтописи, въ которыхъ объ этомъ посѣщеніи Ѳеогностомъ юго-западной Руси и намека нѣтъ, а открытыя недавно В. Э. Регелемъ въ папской Ватиканской библіотекѣ „Записи о поставленія русскихъ епископовъ при митрополитѣ Ѳеогностѣ“, найденныя имъ въ одномъ греческомъ рукописномъ сборникѣ и переведенныя на русскій языкъ В. Васильевскимъ [2]). Въ этихъ греческихъ записяхъ [3])—числомъ 13—мы очень часто—7 разъ изъ 13—встрѣчаемся съ именами юго-западныхъ епископовъ—Аѳанасія Владимірскаго, Ѳеодора Галицкаго, Григорія Холмскаго, Ѳеодосія Луцкаго, Марка Перемышльскаго и Стефана Туровскаго, которые присутствовали, въ бóльшемъ или меньшемъ числѣ, при нѣкоторыхъ случаяхъ поставленія Ѳеогностомъ епископовъ. Согласно съ этими записями, хронологическая точность которыхъ, повидимому, не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ ихъ показанія въ большинствѣ случаевъ подтверждаются свидѣтельствами лѣтописей и отчасти исправляютъ послѣднія [3]), Ѳеогностъ съ самаго прихода на Русь—въ 1328 году—находился въ общеніи съ вышепоименованными Галицко-Волынскими епископами и однимъ Литовскимъ (Туровскимъ) епископомъ. Когда онъ только еще шелъ изъ Константинополя, пробираясь на сѣверъ и побывавъ, по лѣтописямъ, въ Кіевѣ, онъ уже здѣсь или въ какомъ-либо другомъ городѣ южной или юго-западной Руси посвятилъ въ маѣ мѣсяцѣ 1328 года двоихъ южнорусскихъ епископовъ — Аѳанасія во Владиміръ-Волынскій и Ѳеодора въ

---

[1]) Acta patriarchatus Constantinopolitani, éd. Miklosich et Müller, t. 1, p. 164.
[2]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1888 г. январь стр. 445—463.
[3]) Ibidem, стр. 455.

Галичъ [1]). Въ свое второе пребываніе въ южной Руси, куда онъ прибылъ не позднѣе апрѣля 1330 года [2]), Ѳеогностъ посвятилъ, въ присутствіи южно-русскихъ епископовъ, 25 августа 1331 года Василія въ Новгородъ-Великій [3]), 6 декабря того же года—Трифона въ Луцкъ [4]) и въ апрѣлѣ слѣдующаго 1332 года—Павла въ Черниговъ [v]) [5]). Около этого времени, т. е. около времени поставленія Павла Черниговскаго, Ѳеогностъ, какъ можно догадываться, и ходилъ въ Константинополь. Но вотъ вопросъ, ранѣе или послѣ его поставленія онъ отправился туда? Такъ какъ въ началѣ декабря 1331 года, какъ мы сейчасъ видѣли, Ѳеогностъ находился въ южной Руси, тамъ же онъ былъ и въ апрѣлѣ 1332 года, то, вѣроятно, въ промежутокъ между декабремъ и апрѣлемъ онъ никуда не уходилъ изъ юго-западной Руси и пережидалъ тамъ зиму, чтобы весной отправиться въ Константинополь. Слѣдовательно, митрополитъ ходилъ въ Царьградъ послѣ посвященія Павла Черниговскаго, такъ какъ ранѣе его путешествію должна была мѣшать зима. Въ свое пребываніе въ южной Руси, гдѣ онъ ставилъ епископовъ и на сѣверныя, и особенно на южныя каѳедры, которыя, вслѣдствіе плохой заботливости о нихъ престарѣлаго и всецѣло отдавшагося своему любимому Московскому князю Ивану Калитѣ митрополита св. Петра, долго, вѣроятно, оставались незамѣщенными, Ѳеогностъ уже тамъ, конечно, узналъ о поставленіи въ Константинополѣ особаго Галицкаго митрополита. Рѣшивъ всячески устранить этого непріятнаго для него соперника, посягнувшаго на цѣлость его митрополіи, Ѳеогностъ позаботился, разумѣется, заранѣе подготовить въ Галиціи для себя благопріятную почву, заручившись расположеніемъ тамошнихъ епископовъ, особенно недавно имъ поставленныхъ. Въ концѣ весны или въ началѣ лѣта 1332 года онъ отправился въ Константинополь; пробылъ въ своей поѣздкѣ все лѣто и къ осени того же года онъ возвратился въ Москву, гдѣ 20 сентября 1332 года онъ уже освящалъ выстроенную Калитою церковь [6]). Новопоставленнаго Галицкаго митрополита Ѳеогностъ еще встрѣтилъ, вѣроятно, въ Константинополѣ [aa]) и прилагалъ, конечно, всѣ мѣры къ его устраненію. Всѣ права на Галицкую митрополію были на сторонѣ Ѳеогноста, такъ какъ она была предоставлена ему посвящавшимъ его патріархомъ Исаіею при самомъ его отправленіи на Русь. Имѣя это въ виду, Ѳеог-

---

[1]) Записи о поставленіи русскихъ епископовъ при митр. Ѳеогностѣ, Регеля и Васильевскаго, № I и II, стр. 450.
[2]) Е. Е. Голубинскій. М. Ѳеогностъ, стр. 231, прим. 3.
[3]) Записи... № 12, стр. 452.
[4]) Ibid., № 4, стр. 450.
[5]) Ibid., № 5, стр. 451.
[6]) Ник. лѣт. III, 160.

ность, разумѣется, далъ понять патріарху, какъ незаконно совершенное имъ дѣяніе, потому что имъ патріархъ изобличается если не въ безчестности, то, во всякомъ случаѣ, въ крайнемъ непостоянствѣ. Какъ подѣйствовали на Исаію, человѣка далеко не приглядного въ нравственномъ отношеніи [1]), убѣжденія Ѳеогностовы, мы не знаемъ, но можемъ предполагать, какъ замѣчали мы выше, что умный и политичный Ѳеогностъ успѣлъ одержать побѣду надъ своимъ противникомъ [2]), такъ какъ въ 1335 году мы опять его видимъ въ союзѣ и общеніи съ южно-русскими епископами—Аѳанасіемъ Владимірскимъ, Ѳеодоромъ Галицкимъ, Григоріемъ Холмскимъ, Трифономъ Луцкимъ и Іоанномъ Смоленскимъ, съ которыми онъ посвятилъ іеромонаха Іоанна епископомъ въ Брянскъ. какъ даетъ намъ знать одна изъ нашихъ греческихъ записей [3]) [66]). Возможно даже и то, что при возвращеніи изъ Константинополя, Ѳеогностъ опять завертывалъ на короткое время въ юго-западную Русь, для утвержденія въ ней своего пошатнувшагося святительскаго авторитета, хотя объ этомъ мы и не имѣемъ никакихъ историческихъ указаній.

Кто былъ этотъ Галицкій митрополитъ?

Если сообразоваться съ перечнемъ короля Казиміра, то тамъ очередь стоитъ за какимъ-то Гавріиломъ, который, можетъ быть, и былъ этимъ Галицкимъ митрополитомъ.

Любопытны разсужденія по поводу митрополитствованія названнаго Гавріила у Pelesz'a. Остановимъ на нихъ нѣсколько наше вниманіе. Ученый Pelesz, стремящійся непремѣнно назначить годы митрополитствованія всѣхъ поименованныхъ въ грамотѣ Казиміра лицъ, Гавріилу отводитъ время съ 1326 по 1329 годъ. Объ этомъ Гавріилѣ онъ разсуждаетъ такъ: „Вѣроятно, по смерти Петра (1326 г.) или еще раньше, именно въ то время, когда онъ утвердилъ свое постоянное мѣстопребываніе въ сѣверной Россіи, Галицкимъ княземъ Юріемъ II (или еще его предшественникомъ Львомъ) былъ назначенъ Галицкимъ митрополитомъ Гавріилъ, который, однако, не могъ утвердиться въ своемъ положеніи, потому что при немъ и его наслѣдникѣ Ѳеодорѣ митрополитъ Кіевскій и всей Россіи Ѳеогностъ осматривалъ области Галицкой митрополіи, чего онъ не могъ бы дѣлать, если бы въ то время въ Галичѣ былъ свой митрополитъ. Такъ, мы узнаемъ, что Ѳеогностъ съ 1329—1331 г. жилъ во Владимірѣ-Волынскомъ и посвятилъ тамъ епископа для Новгорода, при чемъ присутствовали, помимо другихъ, епископы—Галицкій,

---

[1]) А. П. Лебедевъ. Очерки исторіи византійско-восточной Церкви отъ XI—XV в. стр. 397—403.

[2]) А. С. Павловъ. О нач. Гал. и Лит. митр., стр. 224.

[3]) Записи... № 13, стр. 452.

Перемышльскій, Холмскій и Владимірскій. Если бы въ то время въ Галичѣ былъ свой митрополитъ, то они, конечно, не соприсутствовали бы чужому митрополиту. Отсюда слѣдуетъ, что въ Галичѣ—по крайней мѣрѣ, за время съ 1329 по 1331 годъ—не было своего митрополита. Поэтому, если Гавріилъ, дѣйствительно, историческая личность, чего оспаривать нельзя, хотя собственно онъ и неизвѣстенъ туземнымъ хроникерамъ, то онъ долженъ былъ быть поставленнымъ по смерти митрополита св. Петра (или въ послѣдніе годы его управленія) и былъ митрополитомъ въ послѣдующіе годы до 1329 года, ибо въ 1331 году епископомъ Галицкимъ называется уже Өеодоръ, хотя такимъ образомъ, что онъ былъ назначенъ Галицкимъ митрополитомъ, но не былъ утвержденъ патріархомъ“ [1]). Съ этимъ разсужденіемъ Pelesz'а мы никакъ не можемъ согласиться, такъ какъ оно построено на однихъ гадательныхъ предположеніяхъ и лишено всякихъ дѣйствительныхъ основаній. Обращаясь къ имѣющимся у насъ подъ руками свидѣтельствамъ исторіи, мы съ очевидностью убѣждаемся въ томъ, что время, назначенное Pelesz'омъ митрополитствованію Гавріила (1326—1329 г.), исчислено имъ совершенно произвольно и безосновательно, такъ какъ оно находитъ себѣ ясное опроверженіе въ высказанныхъ нами ранѣе замѣчаніяхъ, что предъ самой своей смертью св. митрополитъ Петръ находился въ общеніи съ Волынскими епископами, каковое общеніе поддерживалъ съ ними и его преемникъ — Өеогностъ, на пути изъ Греціи въ Москву поставившій въ епископы *въ 1328 году* Аөанасія Владимірскаго и Өеодора Галицкаго, что̀, очевидно, осталось совершенно неизвѣстнымъ Pelesz'у. А это обстоятельство прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что за указываемый Pelesz'омъ періодъ времени Галиція не имѣла своего митрополита, иначе Өеогностъ не могъ бы распоряжаться на Волыни. Если признавать Гавріила дѣйствительнымъ митрополитомъ, то уже болѣе основаній относить его къ 1331 году, о чемъ свидѣтельствуетъ тотъ греческій синодальный актъ, въ которомъ мы имѣемъ указаніе на Галицкаго митрополита, почтеннаго титуломъ ὑπέρτιμος. Если же, дѣйствительно, Гавріилъ былъ назначенъ въ 1331 году Галицкимъ митрополитомъ, то Галицкій епископъ Өеодоръ долженъ былъ стать по отношенію къ нему какъ бы митрополичьимъ викаріемъ, или же, предполагалось, долженъ былъ получить какую-либо другую каөедру. Значитъ, и та мысль Pelesz'а, „что Өеодоръ въ 1331 году былъ нареченъ митрополитомъ, но не былъ утвержденъ патріархомъ“, должна быть признана совершенно неосновательной, тѣмъ болѣе, что ея безуслов-

---

[1]) Pelesz. Geschichte..., стр. 283.

ная голословность, не подтвержденная никакими доводами, сама собой обнаруживаетъ ея несостоятельность.

Кромѣ Pelesz'а, касается занимающаго насъ теперь вопроса и профессоръ А. Павловъ, но высказывается какъ-то слишкомъ неопредѣленно. Впрочемъ, такая неопредѣленность вполнѣ понятна и извинительна, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ нашей исторіи приходится бродить какъ въ потьмахъ, имѣя подъ руками слишкомъ мало историческихъ данныхъ, если не сказать — никакихъ, а съ такими средствами болѣе чѣмъ трудно и даже прямо невозможно прійти къ какимъ-либо опредѣленно точнымъ и яснымъ выводамъ.

Проф. Павловъ допускаетъ возможность митрополитствованія Гавріила, но только въ видѣ предположенія. „Возможно, говоритъ онъ,— что св. Петръ, удаляясь съ юга на сѣверъ, оставилъ въ Галичѣ своего намѣстника или викарія въ лицѣ упоминаемаго Казиміромъ Гавріила, поручивъ ему, на тѣхъ или другихъ условіяхъ, завѣдываніе всѣми южно-русскими епархіями“ [1]). Невозможнаго въ этомъ предположеніи, дѣйствительно, ничего нѣтъ, хотя нельзя ничего сказать ни за, ни противъ его, такъ какъ мы не имѣемъ для этого никакихъ историческихъ указаній; но дѣло только въ томъ, что эта возможность не даетъ никакого права строить на ней какіе-либо дальнѣйшіе выводы, напримѣръ, относительно того, что этотъ викарій Гавріилъ еще при жизни св. Петра или тотчасъ послѣ его смерти могъ быть Галицкимъ митрополитомъ; противъ этого предположенія вполнѣ ясно говоритъ, какъ мы видѣли, то обстоятельство, что, передъ смертью св. Петра и послѣ ея, юго-западные епископы находились въ общеніи съ Московскимъ митрополитомъ; нѣтъ историческихъ основаній предполагать противное и про весь періодъ митрополитствованія св. Петра. Проф. Павловъ, впрочемъ, этого вывода не высказываетъ опредѣленно и не настаиваетъ на немъ, не скрывая отъ себя всѣхъ доводовъ противъ его основательности; но, признавая „проблематическое и, во всякомъ случаѣ, непродолжительное митрополитствованіе въ Галичѣ Гавріила“ [2]), онъ, видимо, наклоненъ относить его ко времени св. Петра. Что же касается митрополита 1331 года, то проф. Павловъ, хотя, какъ видится, не пользовался сочиненіемъ Pelesz'а, высказывается въ общемъ согласно съ нимъ. Онъ утверждаетъ, что искателемъ Галицкой митрополіи въ 1331 году былъ никто другой, какъ Галицкій епископъ Ѳеодоръ. Соглашаясь съ предположеніемъ преосв. Ма-

---

[1]) Павловъ. О началѣ Галиц. и Лит. митр., стр. 222.
[2]) Ibidem, стр. 227.

карія, „что этотъ Галицкій епископъ былъ одно лицо съ архимандритомъ Θеодоромъ, котораго, по свидѣтельству первоначальнаго житія св. Петра, послѣдній передъ смертію „наименова (вмѣсто себя) на митрополію“, и который или не ѣздилъ за митрополичьимъ саномъ въ Константинополь, или ему тамъ отказали въ искомомъ [1]), — проф. Павловъ болѣе склоненъ представлять дѣло такъ, что Θеодоръ заявлялся въ Константинополь, но не получилъ почему-то сана митрополита Московскаго и былъ, разумѣется, этой неудачей сильно огорченъ. Правда, въ утѣшеніе онъ былъ поставленъ Θеогностомъ епископомъ въ Галичъ, но честолюбивому Θеодору этого было мало, и онъ, постоянно питая враждебныя отношенія къ русскому митрополиту, предвосхитившему у него митрополичій санъ, „сталъ домогаться митрополичьей власти, по крайней мѣрѣ, надъ южно-русскими епископіями, еще недавно имѣвшими въ Галичѣ свою митрополію. Конечно, съ этими домогательствами онъ ѣздилъ въ 1831 г. въ Константинополь и здѣсь на одномъ засѣданіи патріаршаго синода (въ апрѣлѣ) почтенъ былъ титуломъ ὑπέρτιμος, т. е. митрополита. Но, вѣроятно, это была простая вѣжливость патріаршихъ нотаріевъ, допущенная на основаніи старой росписи архіерейскихъ каѳедръ, въ которой Галичъ числился еще митрополіей“, такъ какъ Θеодоръ возвратился изъ Константинополя такимъ же простымъ епископомъ, какимъ онъ и уѣзжалъ туда [2]).

Что сказать объ этомъ мнѣніи почтеннаго профессора?

Съ перваго взгляда оно кажется довольно правдоподобнымъ, такъ какъ ничего, вѣдь, нѣтъ страннаго въ томъ, что одинъ честолюбивый архимандритъ, по имени Θеодоръ, обманутый въ своихъ прежнихъ притязаніяхъ, сталъ усиленно добиваться сана митрополита Галицкаго и хотя не успѣлъ получить желаемаго, „но нѣкоторое поощреніе своихъ честолюбивыхъ домогательствъ онъ все-таки находилъ въ самой патріархіи“ [3]). Но дѣло въ томъ, что если въ какомъ-либо нашемъ предположеніи нѣтъ ничего страннаго и оно логически вполнѣ вѣроятно, то еще нѣтъ никакого основанія представлять его состоятельнымъ и съ исторической точки зрѣнія. Всякое предположеніе (историческаго характера) свое оправданіе и подтвержденіе должно находить прежде всего въ исторіи, фактическое соотвѣтствіе которой только и можетъ дать ему какую-либо цѣну или значеніе. Что же касается высказаннаго предположенія Павлова, то оно лишено именно этого послѣдняго качества, т. е.,

---

[1]) Макарій, IV, стр. 21 и прим. 26.
[2]) Павловъ. О нач. Гал. и Лит. митр., стр. 222—224.
[3]) Павловъ, О нач. Гал. и Лит. митр. стр. 224.

будучи логически, повидимому, состоятельнымъ, оно не только не подтверждается историческими данными, но, напротивъ, имѣетъ ихъ не въ защиту, а въ опроверженіе себѣ. Во-первыхъ, нѣтъ никакихъ историческихъ основаній смѣшивать, какъ дѣлаетъ Павловъ согласно съ преосв. Макаріемъ, двухъ Ѳеодоровъ, которые не имѣли, вѣроятно, никакихъ отношеній другъ къ другу уже по тому одному, что, „наименованный на митрополію“ архимандритъ Ѳеодоръ, по всей вѣроятности, былъ сѣверянинъ родомъ и даже москвичъ, а извѣстный намъ Галицкій епископъ Ѳеодоръ былъ, вѣроятно, родомъ южанинъ и, можетъ быть, природный галичанинъ, а, какъ таковой, по мѣсту своего происхожденія, не могъ быть намѣченъ Петромъ своимъ преемникомъ по каѳедрѣ, такъ какъ это шло бы въ разрѣзъ съ тѣми политическими задачами, которыя при своей жизни съ такой неуклонной убѣжденностью преслѣдовалъ Московскій святитель. А, во-вторыхъ, въ высшей степени сомнительной, если прямо не сказать—невозможной, представляется поѣздка епископа Ѳеодора въ 1331 году въ Константинополь съ его домогательствами митрополичьей власти. Прежде всего, мы не имѣемъ никакихъ историческихъ указаній на означенную поѣздку Ѳеодора, и, напротивъ, имѣемъ уже извѣстныя намъ историческія основанія, съ убѣдительностью свидѣтельствующія о томъ, что въ промежутокъ времени отъ 1330 по 1332 г. епископъ Ѳеодоръ былъ дома и находился въ общеніи съ митрополитомъ Ѳеогностомъ, вмѣстѣ съ нимъ участвуя въ поставленіи епископовъ, о чемъ упоминаетъ и самъ проф. Павловъ [1]). Потомъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что если митрополичьяго сана добивался этотъ Ѳеодоръ, то онъ не получилъ желаемаго, такъ какъ уже 25 августа 1331 года и далѣе онъ дѣйствуетъ, какъ простой епископъ, подчиненный Ѳеогносту. А если такъ, то поѣздка послѣдняго въ Константинополь положительно теряетъ всякій смыслъ, такъ какъ и безъ его присутствія тамъ все кончилось для него вполнѣ благопріятно и не требовало съ его стороны никакихъ хлопотъ. Эта поѣздка имѣла бы свой вполнѣ понятный смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы Ѳеогностъ предпринялъ ее не лѣтомъ 1332 года, когда совсѣмъ незачѣмъ было ѣхать ему въ отдаленную столицу Византіи, а въ 1331 году, когда требовалось тамъ его личное присутствіе, чтобы успѣшнѣе бороться съ честолюбивыми происками объявившагося тамъ въ это время соперника. Предположить же, что Ѳеогностъ слишкомъ поздно узналъ о домогательствахъ Ѳеодора и предпринятой имъ безъ его вѣдома поѣздкѣ въ

---

[1]) Павловъ. О нач. Гал. и Лит. митр., стр. 224.

Константинополь, совершенно невозможно, такъ какъ въ это время, какъ намъ извѣстно, митрополитъ находился на югѣ, занимаясь обозрѣніемъ и устройствомъ южно-русскихъ епархій. Не будетъ, думаемъ, никакой ошибки сказать, что если Ѳеогностъ ѣздилъ въ Константинополь въ 1332 году, то только потому, что именно около этого времени узналъ онъ, какую неожиданность приготовили ему тамъ патріархъ съ императоромъ (все дѣло съ Галицкимъ митрополитомъ могли вести тамъ тайно. до поры до времени держа его въ секретѣ), или же потому, что тогда только понадобилось въ Константинополѣ его личное присутствіе, чтобы съ успѣхомъ отразить всѣ посягательства на цѣлость его митрополіи [вв]). Въ концѣ концовъ, противъ того предположенія, что въ 1331 году съ своими домогательствами въ Константинополь заявлялся епископъ Ѳеодоръ, говоритъ вполнѣ убѣдительно то обстоятельство, что въ этомъ году, видимо, былъ кто-то поставленъ Галицкимъ митрополитомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ титулъ «ὑπέρτιμος», который былъ приданъ засѣдавшему въ патріаршемъ синодѣ Галицкому архіерею. Это же ясно указываетъ на то, что не епископа Ѳеодора, ничего не достигшаго въ предполагаемыхъ домогательствахъ митрополичьяго сана, нужно считать дѣйствительнымъ искателемъ митрополіи, а кого-то другого, который достигъ того, чего искалъ. Правда, проф. Павловъ говоритъ, что этотъ титулъ «ὑπέρτιμος» былъ выраженіемъ простой вѣжливости патріаршихъ нотаріевъ, такъ сказать—по старой памяти почтившихъ простого епископа титуломъ митрополита; такъ-что въ сущности никакого митрополита въ 1331 году и не было, а былъ только неудачный искатель митрополичьяго сана, изъ уваженія къ которому и былъ приданъ ему на синодальномъ засѣданіи фиктивный титулъ митрополита. Противъ этого послѣдняго предположенія проф. Павлова нѣтъ нужды и спорить, такъ какъ за него нельзя привести ни одного болѣе или менѣе вѣскаго доказательства. Для насъ вполнѣ очевидно, что если Павловъ высказываетъ это предположеніе, то только потому, что хочетъ во что бы то ни стало провести свое мнѣніе объ епископѣ Ѳеодорѣ, какъ искателѣ митрополіи въ 1331 году; но если бы онъ отрѣшился отъ этого своего мнѣнія, то никогда не сказалъ бы и этого совершенно голословнаго предположенія, которое явилось у него исключительно послѣдствіемъ его желанія спасти имя епископа Ѳеодора съ навязанными ему домогательствами митрополичьяго сана.

Итакъ, мы не можемъ согласиться съ разобраннымъ мнѣніемъ проф. Павлова, а держимся своего взгляда, что въ 1331 году былъ, дѣйствительно, назначенъ въ Галицію митрополитъ, которымъ и былъ, вѣроятно, названный въ грамотѣ Казиміра Гавріилъ. Но, къ сожалѣнію, намъ ничего неизвѣстно изъ судьбы этого митрополита, кромѣ его одного, ни-

чего намъ не дающаго имени. Мы совершенно не знаемъ, какая была причина новаго открытія Галицкой митрополіи, только-что отданной патріархомъ Исаіей митрополиту Θеогносту. Теряясь въ различныхъ на этотъ счетъ догадкахъ, мы можемъ не безъ основаній дѣлать только одно, думаемъ, правильное заключеніе, что безъ болѣе или менѣе крупной подачки денегъ корыстолюбивому патріарху тутъ дѣло не обошлось, а это и послужило, можетъ быть, главной, если не единственной причиной неожиданнаго возобновленія Галицкой митрополіи. Не имѣемъ мы свѣдѣній также и относительно того, откуда появился этотъ, словно изъ воды вынырнувшій, Галицкій митрополитъ. Но, вѣроятно, онъ не былъ какимъ-либо узурпаторомъ-авантюристомъ, всѣми неправдами успѣвшимъ получить санъ митрополита, а былъ избранъ и посланъ въ Константинополь, по всей вѣроятности, отъ лица Галицкаго князя, какимъ былъ тогда Юрій II Андреевичъ (1324—1336 г.) [1]). Можетъ быть, впрочемъ, онъ былъ и не галичанинъ, а грекъ, избранный въ Константинополѣ и только испрошенный Галицкимъ княземъ). Если поѣздка Θеогноста въ Константинополь имѣла успѣхъ, то онъ, навѣрное, и не заявлялся въ Галицію, получивъ взамѣнъ этой митрополіи какую-либо другую — въ предѣлахъ Византіи — митрополичью каθедру (особенно, если онъ былъ грекъ по происхожденію), или остался въ Константинополѣ въ положеніи титулярнаго, не имѣющаго каθедры митрополита, какихъ тогда было не мало въ Греціи. Самый же синодальный актъ, гдѣ онъ былъ почтенъ титуломъ ὑπέρτιμος, впослѣдствіи былъ отмѣненъ, относительно чего надъ нимъ сдѣлана оффиціальная замѣтка [2]), чѣмъ заявлялось, можетъ быть, о незаконности поставленія названнаго Галицкаго митрополита. Впрочемъ, о побѣдѣ Θеогноста надъ новопоставленнымъ Галицкимъ митрополитомъ мы можемъ говорить только съ вѣроятностью и предположительно, такъ какъ могло случиться и такимъ образомъ, что протестъ Θеогноста остался безъ всякаго успѣха, а Галицкій митрополитъ вполнѣ легально заявился въ Галицію въ 1332 году и занималъ митрополичью каθедру года два или три, послѣ чего онъ умеръ или былъ устраненъ съ митрополіи, Галицко-Волынскія же епархіи около 1335 года опять были подчинены Θеогносту. Но, какъ бы то ни было, несомнѣннымъ считать нажно только одно, что въ 1331 году былъ поставленъ для Галиціи самостоятельный митрополитъ; трудно только опредѣлить, былъ ли онъ въ своей митрополіи или застрялъ въ Византіи.

---

[1]) Шараневичъ, стр. 137; Иловайскій, II, 77.
[2]) Acta patriarchatus, t. I, p. 164.

Въ одномъ недатированномъ греческомъ памятникѣ, но, безъ сомнѣнія, происшедшемъ отъ преемника патріарха Исаіи—Іоанна Калеки (1334—1347 г.)—приблизительно въ 1337 году—упоминается, какъ и въ вышеуказанномъ памятникѣ 1331 года, какой-то ἱερώτατος ἀρχιερεὺς τοῦ Γαλίτζης, но безъ прибавленія ὑπέρτιμος [1]). Мы затрудняемся рѣшить, былъ ли названный Галицкій архіерей митрополитомъ или же архіепископомъ Галицкимъ. Gelzer склоняется къ послѣднему предположенію, основываясь на ранговомъ распорядкѣ поименованныхъ въ этомъ памятникѣ іерарховъ. Онъ догадывается, что такъ какъ Миѳимнскій (τοῦ Μηθύμνης) митрополитъ стоитъ въ немъ выше Галицкаго архіерея, а, между тѣмъ, по Андрониковой росписи каѳедръ, онъ стоялъ ниже послѣдняго (Миѳимна занимала 88-е мѣсто въ ряду митрополій, а Галиція 81 или 82) [2]), то, значитъ, Галицкій архіерей былъ пониженъ, т. е. изъ митрополитовъ былъ обращенъ въ архіепископа [3]). Догадка эта, можетъ быть, и вѣрна, но мало убѣдительна. Но вотъ любопытный вопросъ, кто былъ этотъ ἱερώτατος ἀρχιερεὺς τοῦ Γαλίτζης, зачѣмъ-то забравшійся изъ родной Галиціи въ Константинополь? Можетъ быть, это былъ новый искатель митрополичьяго сана, но добившійся только титула архіепископа? Но если это такъ, то не былъ ли имъ извѣстный намъ епископъ Ѳеодоръ, продолжавшій, по всей вѣроятности, занимать въ это время каѳедру Галича? Конечно, болѣе чѣмъ затруднительно отвѣтить съ полной удовлетворительностью на этотъ вопросъ, но нѣтъ, думаемъ, особенныхъ препятствій дѣлать такое предположеніе, что послѣ вторичнаго пріѣзда митрополита Ѳеогноста въ южную Русь и отъѣзда оттуда въ 1335 году Галицкій епископъ началъ хлопотать о митрополичьемъ санѣ, который онъ впослѣдствіи, какъ мы увидимъ ниже, и получилъ. Въ первые годы своего епископства онъ могъ еще смущаться смѣлостью такого рода притязаній, тѣмъ болѣе что и Ѳеогностъ въ это время слишкомъ зорко слѣдилъ за юго-западными епархіями, а теперь, когда прежнее вниманіе его къ юго-западной Руси, можетъ быть, успѣло уже ослабѣть, Галицкій епископъ могъ съ бо́льшей смѣлостью предъявлять свои притязанія. Впрочемъ, не будемъ распространять нашей догадки, которая можетъ принять очень широкіе размѣры, но въ то же время она будетъ лишена своего главнаго достоинства — подтвержденія историческими данными, которыя у насъ отсутствуютъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что если это былъ тотъ или другой Галицкій митрополитъ или архіепи-

---

[1]) Ibidem, t. I, p. 171.
[2]) Ралли и Потли, т. V, стр. 494.
[3]) Gelzer. Beiträge zur russischen Kirchengeschichte, стр. 259.

скопъ, то совершенно новый и не имѣющій никакого отношенія къ предыдущему митрополиту 1331 года, такъ какъ передъ 1337 годомъ, именно въ 1335 году, митрополитъ Θеогностъ несомнѣнно имѣлъ въ подчиненіи южно-русскія епархіи, чего не могло бы быть, если бы былъ живъ или управлялъ ими Галицкій митрополитъ, поставленный въ 1331 году. Не имѣлъ онъ никакихъ отношеній и къ слѣдующему за нимъ Галицкому митрополиту, который былъ поставленъ во время происходившихъ въ Константинопольской Церкви и государствѣ смутъ (1341 — 1347 года), если только это былъ не указанный нами епископъ Θеодоръ.

Объ этомъ митрополитѣ мы и поведемъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Попытки къ церковной обособленности Галиціи послѣ пресѣченія династіи ея природныхъ князей Романовичей, при иноземныхъ (литовско-польскихъ) владѣтеляхъ.

4) Θеодоръ.

Мы говорили выше, что послѣ смерти Галицко-Волынскаго князя Юрія Андреевича, умершаго въ 1336 или 1337году, Галицко-Волынскія земли сначала (до 1340 года) были подъ властью Болеслава Мазовецкаго, послѣ же его насильственной смерти, онѣ перешли къ Любарту Гедиминовичу, но не могли въ своей цѣлости удержаться въ его рукахъ и были, послѣ упорной и продолжительной борьбы, подѣлены между Литовскими владѣтелями—Любартомъ, Ольгердомъ и Кейстутомъ Гедиминовичами—и Польскимъ королемъ Казиміромъ Великимъ. Этотъ переходъ Галицко-Владимірскаго княжества подъ власть иноземныхъ владѣтелей отразился довольно сильно не только на гражданско-политическомъ положеніи Галицко-Волынскихъ земель, но и на церковно-административномъ ихъ устройствѣ. Если уже при князьяхъ Романовичахъ, по своему происхожденію и по своимъ преданіямъ тѣсно связанныхъ съ сѣверной Русью, возникалъ рядъ попытокъ къ церковной обособленности Галиціи, то при Литовскихъ и Польскихъ владѣтеляхъ эти попытки должны были стать болѣе частыми, настойчивыми и упорными, такъ

какъ было гораздо болѣе основаній къ ихъ возникновенію. Уже и при послѣднихъ Галицко-Волынскихъ князьяхъ Галиція стояла какъ-то особнякомъ отъ сѣверной Руси, начиная забывать, видимо, о своей родовой связи съ нею. Когда же въ Галиціи и Волыни засѣли литовцы и поляки, то всѣ націальныя связи ея съ сѣверной Русью должны были еще болѣе ослабнуть, а потомъ и совсѣмъ почти замереть. Какъ литовцы, такъ и поляки были исконными врагами русскихъ князей, съ которыми они соперничали въ своихъ политическихъ стремленіяхъ къ расширенію своихъ владѣній. Отсюда возникали между тѣми и другими частые случаи военныхъ столкновеній. [дд]) Такъ, великій князь Ольгердъ: человѣкъ недюжиннаго ума и талантливый политикъ и полководецъ, постепенно раздвигая свои владѣнія съ сѣверо и юго-восточной стороны, велъ почти постоянную борьбу съ такимъ же воинственнымъ, какъ и онъ самъ, Московскимъ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ, три раза подходя подъ самую Москву и два раза разоряя ея окрестности [1]). [ее]) Во время этой борьбы русскій митрополитъ, именовавшійся еще Кіевскимъ, но уже всецѣло принадлежавшій Московскому государству, естественно становился на сторону послѣдняго и поддерживалъ исключительно только его выгоды въ ущербъ выгодамъ противной стороны. Уже одно это могло составить сильнѣйшее основаніе для Литвы быть недовольной Кіевскимъ митрополитомъ и стремиться къ церковному отдѣленію отъ него. А такъ какъ Галицко-Волынскія земли, какъ мы говорили выше, перешли въ своей бо̀льшей части подъ власть Литовскихъ князей, то послѣдніе и начали усиленно хлопотать объ ихъ церковной обособленности отъ русскаго митрополита,—тѣмъ болѣе, что они знали уже нѣсколько примѣровъ ихъ раннѣйшаго отдѣленія отъ него.

И дѣйствительно, мы видимъ, что во время владычества въ Галицко-Волынскомъ княжествѣ Любарта, брата Ольгердова, появляется въ немъ новый, независимый Галицкій митрополитъ, который, какъ даютъ намъ знать греческіе памятники, воспользовался происходившими въ Константинополѣ смутами и добился своего утвержденія въ санѣ Галицкаго митрополита. Мы не знаемъ въ подробности всѣхъ обстоятельствъ открытія этой митрополіи, такъ какъ греческія грамоты, изъ которыхъ мы почерпаемъ нужныя для насъ свѣдѣнія, говорятъ—и то довольно общо̀—уже объ ея закрытіи. Но мы вполнѣ должны быть увѣрены въ томъ, что это открытіе произошло исключительно по желанію и ходатайству Волынско-Литовскихъ владѣтелей—братьевъ Любарта и Ольгерда Гедиминовичей, происходившая же въ Константинополѣ смута послужила

---

[1]) Никон. лѣт. IV, стр. 22, 27 и дал.

только удобнымъ поводомъ и благопріятнымъ временемъ къ исполненію ихъ желанія. Что Любартъ былъ не безучастенъ въ этомъ открытіи митрополіи, объ этомъ можно судить уже по одному тому, что объ закрытіи ея увѣдомлялся между прочимъ и онъ (Любартъ),—во-первыхъ потому, что онъ былъ тогда владѣльцемъ Волыни, а во-вторыхъ, и въ особенности, потому, что ему было слишкомъ близко это дѣло, починъ котораго принадлежалъ ему [1]). Кромѣ Любарта, самое живое участіе въ заботахъ объ открытіи Галицкой митрополіи принималъ, какъ мы сейчасъ говорили, и братъ его Ольгердъ, который, захвативъ въ 1345 году, при помощи своего брата Кейстута, великокняжескій столъ въ Вильнѣ, изгнавъ оттуда брата Явнута, [2]) началъ съ этого времени постепенно расширять свою власть и свои владѣнія, считая себя и будучи на самомъ дѣлѣ самымъ сильнымъ княземъ въ западной Руси. Простирая свое вліяніе не только на свои земли, но и на владѣнія своихъ братьевъ, и выгоды послѣднихъ разсматривая, какъ бы свои собственныя, онъ, понятно, и на попытку Любарта смотрѣлъ какъ не на его только, но и свое личное дѣло и, естественно, желалъ въ этомъ случаѣ помочь брату,—тѣмъ болѣе, что онъ намѣревался, по всей вѣроятности, подчинить церковному вѣдѣнію Галицкаго митрополита и православныхъ подданныхъ своего княжества. Но Ольгердъ, оказывая въ этомъ случаѣ самую дѣятельную помощь Любарту, не хотѣлъ, нужно думать, выставляться въ этомъ дѣлѣ на видъ; онъ оставался какъ будто совершенно въ сторонѣ отъ затѣи своего брата и, служа для него только руководителемъ, предоставлялъ веденіе переговоровъ съ патріархомъ ему—Любарту, такъ какъ этотъ послѣдній какъ наслѣдникъ южно-русскихъ князей, бывшихъ прежде въ сношеніяхъ съ патріархами и посылавшихъ къ нимъ для поставленія въ митрополиты своихъ кандидатовъ, имѣлъ гораздо бо́льшую возможность успѣшно вести переговоры и въ данномъ случаѣ. Хлопоты братьевъ, долго, можетъ быть, не приносившія никакихъ плодовъ, наконецъ, благодаря наступившимъ въ Константинополѣ смутамъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и въ Галиціи появился свой отдѣльный митрополитъ.

Скажемъ нѣсколько словъ, для уясненія дѣла, объ этихъ смутахъ.

Послѣ смерти патріарха Исаіи († 1334 г.), преемникомъ его былъ упоминавшійся нами выше Іоаннъ Калека, избранникъ Іоанна Кантакузина—главнаго совѣтника (доместика) императора Андроника Младшаго и впослѣдствіи ставшаго наслѣдникомъ его престола. Іоаннъ Кантакузинъ,

---

[1]) Срав. Павловъ. О нач. Гал. и Лит. митр. стр. 216.

[2]) Никон. III, 182, Густ. 350; Latopisiec Litwy изд. Даниловича и помѣщ. въ учен. записк. II отд. Акад. Наукъ. кн. I, 1854 г. стр. 27—28).

избирая его въ патріархи, желалъ пріобрѣсти въ немъ вѣрнаго и неизмѣннаго союзника въ проведеніи своихъ честолюбивыхъ плановъ, но жестоко ошибся. Какъ только умеръ (1341 г.) императоръ Андроникъ и дѣлами имперіи стала править отъ имени малолѣтняго Андроникова преемника Іоанна V Палеолога—мать его, императрица Анна, великій доместикъ Кантакузинъ, какъ опасный для императорскаго дома человѣкъ, былъ отстраненъ отъ престола и объявленъ измѣнникомъ государству, что произошло согласно желанію императрицы Анны и патріарха Іоанна Калеки, который самъ желалъ принимать участіе въ регентствѣ и опекѣ надъ малолѣтнимъ императоромъ. Какъ врагъ Кантакузина, патріархъ поступалъ и въ дѣлахъ церковныхъ. Въ его патріаршество умы грековъ волновали споры „о свѣтѣ ѳаворскомъ“, главными виновниками которыхъ были Варлаамъ съ своимъ ученикомъ Акиндиномъ и св. Григорій Палама, митрополитъ Ѳессалоникійскій. По поводу этихъ споровъ въ Константинополѣ были составляемы соборы (1341—1345 г.) въ защиту то одной, то другой стороны. Сначала патріархъ былъ противъ Варлаама и на соборѣ 1341 года объявилъ его еретикомъ, но послѣ взялъ его сторону, высказавшись за него на соборѣ 1845 года. Такую перемѣну отношеній Іоанна Калеки къ Варлааму вызвало его желаніе повредить Григорію Паламѣ, котораго онъ тщетно старался вооружить противъ Іоанна Кантакузина, и стремленіе унизить этого послѣдняго, покровительствовавшаго паламитамъ. Но, осудивъ Паламу, патріархъ торжествовалъ недолго, такъ какъ императрица Анна, проникнувъ въ политическіе замыслы патріарха, приблизила къ себѣ Паламу и на соборѣ 1347 года достигла осужденія Калеки и низведенія его съ каѳедры. Этому способствовалъ и Іоаннъ Кантакузинъ, успѣвшій въ это время уже сдѣлаться императоромъ [1]).

Вотъ этимъ смутнымъ временемъ въ Константинополѣ, когда государство волновалось ожесточенной борьбой политическихъ партій за и противъ Кантакузина, а церковь—религіозными спорами, и воспользовались юго-западные князья, добившись у довольно легкомысленнаго патріарха и слабой правительницы Анны открытія у себя независимой митрополіи. Воспользовались они въ этомъ случаѣ и слабостью вліянія патріарха на подчиненныя ему церкви. Въ концѣ его патріаршества Константинопольскій патріархатъ лишился громадной своей части—Сербіи, которую знаменитый ея императоръ Стефанъ Душанъ возвелъ къ концу 1345 или началу 1346 года на степень патріархата [2]), воспользовавшись, по всей

---

[1]) А. П. Лебедевъ. Очерки... стр. 403—406; Гр. Недѣтовскій. Варлаамитская ересь (Тр. Кіев. Дух. Акад. 1872 г. т. I, стр. 316—346).

[2]) Е. Е. Голубинскій. Краткій очеркъ Прав. Церк., стр. 472.

вѣроятности, непопулярностью и слабостью обезславившагося въ паламитскихъ спорахъ патріарха. Около этого же времени была, нужно думать, открыта и Галицкая митрополія,—вѣроятно, вскорѣ послѣ собора 1345 года, когда Іоаннъ Калека перешелъ на сторону Варлаамитовъ и этимъ еще болѣе усилилъ церковную смуту. По крайней мѣрѣ, объ этомъ можно судить по грамотамъ императора Іоанна Кантакузина и патріарха Исидора, преемника Іоанна Калеки, въ которыхъ прямо говорится, что митрополія была открыта „недавно" (πρὸ ὀλίγου), т. е. незадолго предъ 1347 годомъ. Время для выполненія желанія юго-западныхъ князей было выбрано весьма удачно. Патріархъ въ это время, вѣроятно, совсѣмъ началъ терять голову, видя церковные споры еще болѣе ожесточающимися, а свой патріаршій авторитетъ постепенно падающимъ, чему ревностно способствовали и враги внутренніе — въ лицѣ паламитовъ, и враги внѣшніе, вродѣ сербскаго императора, самовольно отторгнувшагося отъ его патріаршей власти и утвердившаго въ своемъ государствѣ независимое отъ него церковное управленіе. Въ виду такого положенія обстоятельствъ, Галицкому епископу, лично присутствовавшему въ Константинополѣ и прилагавшему всѣ мѣры къ утвержденію себя въ санѣ Галицкаго митрополита, не трудно, думаемъ, было достигнуть желаемаго успѣха, путемъ денежнаго подарка или путемъ угрозы патріарху обратиться за выполненіемъ своего желанія, въ случаѣ его отказа, къ только что образовавшемуся сербскому патріархату или же, что̀ самое лучшее, прямо послѣдовать его примѣру, самому устроивъ у себя независимое церковное самоуправленіе. „Вотъ недавно, — пишетъ Іоаннъ Кантакузинъ князю Любарту,—приходившій сюда Галицкій архіерей... пользуясь временемъ бывшихъ здѣсь смутъ, склонилъ на свою сторону тогдашняго Константинопольскаго патріарха, а съ нимъ увлекъ и дурныхъ, злонамѣренныхъ правителей государства и общественныхъ дѣлъ, и такимъ образомъ возведенъ былъ изъ епископовъ въ митрополиты [1]).

Кто же былъ этотъ Галицкій епископъ?

Греческіе и русскіе памятники не сохранили намъ его имени, такъ-что относительно его остается ограничиваться однѣми догадками. Въ извѣстномъ намъ перечнѣ Галицкихъ митрополитовъ короля Казиміра послѣднимъ изъ нихъ названъ какой-то Ѳеодоръ. Не былъ ли этимъ Галицкимъ митрополитомъ именно этотъ упомянутый Ѳеодоръ, который былъ бы, дѣйствительно, послѣднимъ предъ временемъ Казиміра Галицкимъ митрополитомъ, такъ какъ позднѣе 1345 — 1347 г., когда Галиція опять добилась утвержденія у себя митрополичьей каѳедры, въ ней не было

[1]) Приложен. № 6, стр. 31—32.

другихъ, до времени короля Казиміра, митрополитовъ? Правда, она была подчинена вскорѣ Литовскому митрополиту Роману, но Казиміръ, по своимъ личнымъ соображеніямъ, опустилъ его въ своемъ перечнѣ, какъ мы и замѣчали объ этомъ выше. Принимая это во вниманіе, мы и думаемъ, что никто другой, какъ этотъ Θеодоръ, и былъ нашимъ Галицкимъ митрополитомъ.

Съ именемъ его мы встрѣчались уже ранѣе, когда говорили объ его постановленіи въ Галицкіе епископы митрополитомъ Θеогностомъ и когда строили нашу догадку, не былъ ли онъ искателемъ митрополичьяго сана еще въ 1337 году. Этотъ епископъ Θеодоръ и въ первое пребываніе Θеогноста въ юго-западной Руси (1330—1332 г.), и во второе (1335 г.) участвовалъ во всѣхъ (5) случаяхъ поставленія тамъ митрополитомъ епископовъ [1]). Позднѣе 1335 года мы о немъ уже нигдѣ и ничего не слышимъ, такъ что, вслѣдствіе этого, можно подумать, что вскорѣ послѣ 1335 года онъ померъ, какъ это и полагаютъ нѣкоторые [2]). Основаніе для такого предположенія они находятъ въ приводимомъ нами выше обращеніи въ 1539 году православныхъ галичанъ и подолянъ къ Кіевскому митрополиту Макарію, гдѣ они просятъ поставить для нихъ епископа и говорятъ ему, что „тому есть 200 лѣтъ и одинъ рокъ минуло, якъ владыка на Галичи былъ [3]). Такъ какъ, если вѣрить галичанамъ, у нихъ не было епископа уже 201 годъ, то, слѣдовательно, послѣдній ихъ епископъ умеръ въ 1338 году (1539 — 201 = 1338). Этимъ послѣднимъ Галицкимъ епископомъ и считается нашъ Θеодоръ, время смерти котораго пріурочиваютъ къ 1338 году. Но съ этой догадкой о времени смерти Θеодора, хотя и основывающейся на вышеуказанномъ свидѣтельствѣ, мы не считаемъ нужнымъ соглашаться. Правда, галичане слишкомъ точно указываютъ время смерти ихъ епископа, но, нужно думать, они въ своей хронологической датѣ намѣренно или ненамѣренно дѣлаютъ ошибку, такъ какъ далеко позднѣе 1338 года—незадолго до 1347 года—въ Константинополѣ мы видимъ искателемъ митрополіи никого другого, какъ именно Галицкаго епископа. Такого же Галицкаго епископа, впрочемъ, нѣсколько сомнительнаго, мы встрѣтимъ и ниже, въ числѣ участниковъ на соборѣ 1416 года, избравшемъ Кіевскимъ митрополитомъ Григорія Цамблака. Итакъ, мы думаемъ, епископъ Θеодоръ могъ быть живъ и, дѣйстви-

---

[1]) Записи... №№ 3, 4, 5, 12, 13, стр. 450—452.

[2]) Шараневичъ. Історія... стр. 206; Петрушевичъ. Галиц. сборн... вып. I, стр 18 и прим. 16; Филевичъ. Борьба... стр. 281.

[3]) Акты зап. Россіи, т. II, стр. 361.

тельно, былъ живъ и послѣ 1338 года. А если такъ, то онъ вполнѣ могъ оказаться искателемъ Галицкой митрополіи, если довѣрять перечню Казиміра, такъ какъ другого епископа Θеодора и притомъ Галицкаго — мы не знаемъ. Что именно этотъ епископъ Θеодоръ добивался въ Константинополѣ сана митрополита, объ этомъ такъ думаютъ Макарій [1]), Барсовъ [2]), Васильевъ [3]), Чистовичъ [4]), Павловъ [5]), Pelezs [6]), Gelzer [7]) и другіе [жж]).

Но вотъ вопросъ, почему не кто-либо другой, а именно епископъ Θеодоръ сталъ домогаться сана Галицкаго митрополита? Отвѣтить на этотъ вопросъ нѣсколько затруднительно. Дѣло въ томъ, что Галичъ никогда не занималъ выдающагося мѣста между викаріатствами [8]), и епископъ Галицкій Θеодоръ, въ ряду перечисляемыхъ вмѣстѣ съ нимъ другихъ епископовъ, стоитъ не на первомъ мѣстѣ, а обыкновенно на второмъ, уступая первенство епископу Владимірскому. Такой именно распорядокъ епископовъ мы видимъ въ нашихъ „Записяхъ о поставленіи русскихъ епископовъ при митрополитѣ Θеогностѣ", гдѣ Θеодоръ всегда стоитъ ниже Аθанасія Владимірскаго [9]), который, очевидно, считался главнымъ южно-русскимъ епископомъ и во всякомъ случаѣ выше Θеодора, которому онъ былъ предпочтенъ уже при самомъ своемъ поставленіи на епископію Владимірскую, хотя и Θеодоръ былъ выставляемъ на эту каθедру въ качествѣ ея кандидата [10]). Но все это, по нашему мнѣнію, весьма мало говоритъ противъ того предположенія, что именно Галицкій епископъ оказался искателемъ митрополичьяго сана, такъ такъ, во-первыхъ, этотъ распорядокъ былъ чисто церковный, основанный на церковныхъ требованіяхъ и соображеніяхъ, [зз]) а, во-вторыхъ и самое главное, Галицкій епископъ, если по церковному распредѣленію былъ и не главнымъ епископомъ, все-таки вполнѣ могъ итти добиваться сана митрополита, заручившись для этого только благоволеніемъ свѣтской власти, которая могла бы оказать ему свою помощь и содѣйствіе. А что епископъ Θеодоръ у свѣтскаго правительства имѣлъ нѣкоторое значеніе и, пожалуй, пользовался вліяніемъ, это съ полной

---

[1]) Ист. Рус. Ц. т. IV, 26.
[2]) Конст. патр. и его власть надъ Рус. Ц., стр. 383,
[3]) Записи о пост. рус. еп. при Θеогн., 453.
[4]) Очеркъ исторіи зап.-русск. Церкви, I, стр. 107.
[5]) О нач. Гал. и Лит. митр... стр. 225—227.
[6]) Geschichte... I, стр. 383—387.
[7]) Beiträge... стр. 259—261.
[8]) Gelzer. стр. 258, прим. 2-е.
[9]) Записи... № 4, 5, 12, 13.
[10]) Записи... № 1 и 2.

очевидностью доказываетъ упоминаніе его въ грамотѣ 1334 года Галицко-Волынскаго князя Юрія II-го къ великому магистру Лудеру, герцогу Браунгшвейскому, гдѣ князь обязывается хранить миръ отъ имени своего и вельможъ Галицкихъ, а также и епископа Галицкаго Ѳеодора (cum nostris baronibus, nec non commilitaribus (дружины), vidilicet Chodore Episcopo Galicensi) [1]. Въ этой важной въ политическомъ отношеніи грамотѣ выставляется въ качествѣ церковнаго поручителя никто другой, а именно нашъ епископъ Ѳеодоръ, хотя въ то время былъ живъ и епископствовалъ во Владимірѣ вышеупомянутый Аѳанасій, по церковному распорядку стоявшій прежде епископа Ѳеодора. Ясно, что Ѳеодоръ изъ ряда другихъ епископовъ пользовался расположеніемъ и значеніемъ при дворѣ князя Юрія и, можетъ быть, тогда уже если не предпринималъ какихъ-либо мѣръ къ своему повышенію на іерархической лѣстницѣ, то уже сильно началъ помышлять объ этомъ [2]. Но онъ, или долго не рѣшался разорвать связи и общенія съ поставившимъ его въ епископы митрополитомъ Ѳеогностомъ, или не находилъ благопріятныхъ условій для успѣшнаго выполненія своихъ плановъ, или же, хотя онъ, можетъ быть, и изъявлялъ патріарху свои притязанія [3], но встрѣчалъ съ его стороны какія-либо затрудненія,— только вполнѣ опредѣленно и съ полнымъ успѣхомъ Ѳеодоръ заявляетъ свои исканія не ранѣе 1345 года, когда уже умеръ и расположенный къ нему князь Юрій, а въ Галицко-Волынскомъ княжествѣ появились новые, не природные правители — сначала Болеславъ, а потомъ Любартъ. Успѣвши, по всей вѣроятности, снискать расположеніе и у этого послѣдняго, выдвинувъ себя въ его глазахъ какими-либо заслугами или услугами ему, Ѳеодоръ и посланъ былъ имъ въ Константинополь хлопотать объ открытіи Галицкой митрополіи и объ утвержденіи себя въ санѣ ея митрополита. Какъ мы видѣли, его хлопоты не пропали даромъ: Ѳеодоръ добился желаемаго и возвратился въ Галицію митрополитомъ. Патріархомъ Іоанномъ Калекою были изданы синодальныя опредѣленія или, какъ ихъ называетъ Іоаннъ Кантакузинъ въ посланіи къ князю Любарту, „церковыя грамоты“ [4], которыми объявлялось возобновленіе Галицкой митрополіи и высказывались, вѣроятно, тѣ или другія основанія, которыя побудили патріарха согласиться на возстановленіе послѣдней. Но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ этихъ лю-

---

1) Карамзинъ. Исторія... IV, примѣч. 276.
2) См. выше.
3) См. выше.
4) Приложен. № 6.

бопытныхъ „церковныхъ грамотъ“, такъ какъ онѣ не дошли до насъ. Куда дѣвались эти грамоты, намъ совершенно неизвѣстно, но, кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что всѣ такого рода документы *нарочно* уничтожались въ патріаршей канцеляріи, чтобы стереть всѣ слѣды тѣхъ дѣяній, которыя впослѣдствіи были сочтены или незаконными, или, по меньшей мѣрѣ, бросающими тѣнь на ихъ виновниковъ [1]). Но, какъ бы то ни было, намъ приходится довольствоваться уже одними актами о закрытіи митрополіи, откуда мы узнаемъ и о томъ, что опредѣленіемъ патріарха новопоставленному митрополиту были подчинены слѣдующія Галицко-Волынскія епархіи: Галицкая, Владимірская, Холмская, Перемышльская, Луцкая и Туровская [2]), т.-е. тѣ же епископіи, какія были отданы, какъ мы выше видѣли, и Нифонту. "") Эти епархіи въ то время въ политическомъ отношеніи принадлежали разнымъ владѣтелямъ: главная часть ихъ (Владимірская, Холмская и Луцкая) подчинена была Любарту; Туровская епархія, пріобрѣтенная еще Гедиминомъ [3]),—Ольгерду; собственно Галиція или, какъ она тогда называлось по своей столицѣ, Львовская земля, принадлежала Польскому королю Казиміру [4]); Перемышльская область управлялась какимъ-то бояриномъ Димитріемъ Дѣдко [5]). Но всѣ эти земли, раздробленныя въ гражданскомъ отношеніи, патріаршимъ опредѣленіемъ были соединены въ церковно-административномъ, составляя одну нераздѣльную митрополію.

Неизвѣстно въ точности, какъ былъ принятъ въ Галиціи прибывшій туда изъ Константинополя новый митрополитъ, но, кажется, не совсѣмъ дружелюбно. Любартъ и Ольгертъ были, вѣроятно, весьма довольны его постановленіемъ, такъ-какъ они достигли съ нимъ своей цѣли—церковнаго обособленія отъ Москвы, но Галицко-Волынское населеніе и нѣкоторые изъ епископовъ встрѣтили его далеко недоброжелательно. Если вѣрить хрисовулу Іоанна Кантакузина и грамотѣ патріарха Исидора, открытіе митрополіи и появленіе въ ней новопоставленнаго митрополита оказалось тягостнымъ и ненавистнымъ для всѣхъ тамошнихъ христіанъ [6]) и вызвало противленіе со стороны „епископовъ и другихъ лицъ“ [7]), не желавшихъ повиноваться новому митрополиту. Не знаемъ, почему противостали ему Волынскіе епископы, но со всей вѣроятностью можно пред-

---

[1]) Ср. Павловъ. О нач. Гал. и Лит. митр.... стр. 238.
[2]) Приложен. № 3, 7.
[3]) Иловайскій. Исторія, II, стр. 58.
[4]) Ibid. стр. 81—82; Андріяшевъ. Очеркъ Волынской земли, стр. 211.
[5]) Андріяшевъ. Очеркъ... стр. 210.
[6]) Прилож. № 3, стр. 16.
[7]) Ibid. № 7, стр. 38.

полагать, что у нихъ были съ митрополитомъ какіе-то личные счеты, возбуждавшіе противъ него общее неудовольствіе. Виноватъ въ этомъ былъ, вѣроятно, самъ митрополитъ, который, пользуясь расположеніемъ югозападныхъ князей (Любарта, Ольгерда), началъ можетъ быть, еще будучи епископомъ, слишкомъ широко и не по сану располагать своимъ вліяніемъ и своей властью, нарушая права сосѣднихъ епископовъ; еще только замысливъ добиваться митрополитства и подготовляя для этого нужныя средства, онъ, можетъ быть, уже и въ санѣ епископа началъ поступать, какъ поставленный митрополитъ, вмѣшиваясь въ кругъ вѣдѣнія и власти другихъ епископовъ. ") Но, какъ бы то ни было, прибывшему митрополиту они отказали въ повиновеніи, считая, можетъ быть, самое постановленіе его въ митрополиты дѣломъ незаконнымъ, во-первыхъ, потому, что ранѣе онъ былъ среди нихъ не главнымъ епископомъ, вслѣдствіе чего его настоящее повышеніе, ничѣмъ, по ихъ мнѣнію, незаслуженное, они могли разсматривать, какъ крайнюю несправедливость и даже какъ обиду, нанесенную имъ самимъ, а, во-вторыхъ, можетъ быть, потому, что его поставленіемъ нарушались права ихъ законнаго митрополита — Θеогноста, котораго, какъ можно догадываться, они глубоко почитали, какъ своего верховнаго и заботливаго о нихъ начальника.

Не желая разрывать связи съ любимымъ митрополитомъ и подчиняться счастливому баловню судьбы, совершенно случайно и благодаря только благопріятному стеченію обстоятельствъ и, можетъ быть, личной пронырливости успѣвшему захватить власть въ свои руки, южнорусскіе епископы отказались повиноваться Галицкому митрополиту и нашли въ этомъ случаѣ, вѣроятно, крѣпкую поддержку въ лицѣ митрополита Θеогноста. Этотъ послѣдній еще болѣе, чѣмъ южнорусскіе епископы, былъ недоволенъ, конечно, появленіемъ въ Галиціи независимаго отъ него митрополита, оторвавшаго отъ его церковной области довольно значительную часть. Этотъ Галицкій митрополитъ былъ вдвойнѣ непріятенъ для Θеогноста, какъ человѣкъ, посягнувшій на права его личной митрополичьей власти, отторгнувъ отъ нея нѣсколько принадлежавшихъ ей епархій, и какъ лично ему враждебный человѣкъ, противъ котораго имъ уже ранѣе предъявлялъ какія-то обвиненія [1]). Неизвѣстно, въ чемъ состояли эти обвиненія Θеогноста; но такъ какъ они были предъявлены имъ патріарху Іоанну Калекѣ, кажется, еще ранѣе, чѣмъ Галицкій епископъ получилъ санъ митрополита, то, можно предполагать, они состояли въ какихъ-либо учиненныхъ имъ обидахъ южнорусскимъ епископамъ, о

---

[1]) Прилож. № 4, стр. 23—24; № 6, стр. 31—32; № 8, стр. 39—40.

которыхъ они пожаловались Θеогносту, а этотъ ихъ жалобу перенесъ на судъ патріарха. Возможно, что Галицкій епископъ, еще до полученія имъ сана митрополита, пользуясь, какъ мы говорили выше, смѣло и широко своею властью и вліяніемъ, чѣмъ-либо задѣлъ и права митрополита Θеогноста, не разъ нарушая, можетъ быть, долгъ каноническаго повиновенія ему; особенно это было возможно, если онъ и ранѣе уже добивался сана митрополита, что могло быть, какъ нами было говорено выше, еще въ 1337 году; а это не осталось, конечно, тайной для Θеогноста и должно было послужить началомъ и главнымъ основаніемъ непріятныхъ между ними отношеній [1]). Но, или обвиненія, предъявленныя Θеогностомъ, были слишкомъ незначительны, или своенравный патріархъ Іоаннъ Калека не желалъ обратить на нихъ почему-либо своего вниманія,—только жалоба Θеогноста не имѣла никакого успѣха, и „Галицкій епископъ, не смотря на предъявляемыя противъ него обвиненія, по которымъ онъ,—какъ выражается грамота Іоанна Кантакузина князю Любарту,—долженствовалъ дать отвѣтъ предъ священнѣйшимъ митрополитомъ Кіевскимъ, пречестнымъ и экзархомъ всей Руси, кѵръ Θеогностомъ,—былъ возведенъ изъ епископовъ въ митрополиты“ [2]). Можно думать, что Θеогностъ и къ себѣ не разъ призывалъ его на судъ прежде, чѣмъ обращаться къ патріарху, но упрямый и гордый Галицкій епископъ не являлся на его зовъ, совершенно, можетъ быть, не признавая въ немъ своего начальника,—и вотъ теперь онъ самъ сталъ митрополитомъ. Понятно, какъ долженъ былъ опечалиться и даже возмутиться митрополитъ Θеогностъ, когда услыхалъ, что непокорный епископъ не только не потерпѣлъ отъ патріарха никакого наказанія, но напротивъ, еще былъ возвеличенъ, сравнявшись по власти съ нимъ—митрополитомъ и узаконивъ то, чѣмъ онъ ранѣе пользовался иногда совсѣмъ незаконно. Но мало того, что Галицкій епископъ одержалъ полную побѣду въ Константинополѣ, онъ нашелъ поддержку въ патріархѣ и по прибытіи въ свою митрополію. Здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, его встрѣтила вражда подчиненныхъ ему епископовъ, но Галицкій митрополитъ пожаловался на нихъ въ Константинополь, и патріархъ Іоаннъ Калека наложилъ на нихъ „церковное запрещеніе“ [3]), т. е. временно лишилъ ихъ епископскаго достоинства. Это патріаршее запрещеніе, какъ можно догадываться, не произвело своего дѣйствія, и обостренныя отношенія между митрополитомъ и неповинующимися епископами остались во все время его митро-

---

[1]) Ср. Павловъ. О нач. Гал. и Лит. митр. стр. 226.
[2]) Прилож. № 6, стр. 31—32.
[3]) Прилож. № 7. стр. 37—38.

политствованія. Но скоро возникшія распри и всеобщее недовольство митрополитомъ разрѣшились довольно неожиданнымъ образомъ именно,—низверженіемъ митрополита, который долженъ былъ противъ своего желанія оставить занимаемую имъ митрополичью каѳедру. Это произошло въ 1347 году, когда опредѣленіемъ императора Іоанна Кантакузина и преемника Іоанна Калеки—патріарха Исидора—Галицкая митрополія была закрыта и опять возвращена въ вѣдѣніе митрополита Ѳеогноста, о чемъ намъ даютъ знать выданныя ими грамоты Судя по грамотамъ императора и патріарха, закрытіе митрополіи произошло по ходатайству Московскаго великаго князя Семена Ивановича и митрополита Ѳеогноста, обращавшихся въ Константинополь съ просьбами объ уничтоженіи митрополіи и присоединеніи ея къ области Кіевскаго митрополита[1]). Къ сожалѣнію, эти грамоты нашего князя и митрополита не сохранились, вслѣдствіе чего мы лишены возможности точно и подробно передать ихъ содержаніе. Впрочемъ, мы можемъ отчасти угадывать, отчасти воспроизводить послѣднее по нѣкоторымъ, мимоходомъ брошеннымъ, замѣткамъ въ греческихъ грамотахъ императора Іоанна Кантакузина. Въ пріятномъ для слуха императора и патріарха тонѣ писалъ имъ князь Семенъ о томъ, „что царство Ромеевъ и святѣйшая Великая Церковь Божія есть источникъ всякаго благочестія и училище *законодательства* и освященія“,[2]) и какъ таковая—продолжаемъ мы воспроизводить письмо, великаго князя—она должна позаботиться о возстановленіи попраннаго *закона*, закрывъ *незаконно* открытую Галицкую митрополію, чѣмъ и старинныя права Кіевскаго митрополита будутъ вполнѣ удовлетворены и старинный обычный порядокъ церковнаго управленія придетъ въ прежнее *законное* положеніе. Это письмо Семенъ Ивановичъ отослалъ въ Константинополь, вѣроятно не ранѣе, какъ тамъ перемѣнилось и свѣтское и церковное правительство, т. е., когда на престолъ вступилъ Іоаннъ Кантакузинъ, а патріархомъ сдѣлался Исидоръ. Великій князь Московскій зналъ, конечно, при какихъ обстоятельствахъ была возстановлена Галицкая митрополія и какія лица были виновниками ея открытія, и поджидалъ, когда перемѣнятся въ Константинополѣ и времена, и лица. Дождавшись же перемѣны тѣхъ и другихъ, онъ и сталъ хлопотать, согласно желанію митрополита Ѳеогноста, о закрытіи Галицкой митрополіи. Той же смѣной Константинопольскаго правительства воспользовался и Ѳеогностъ, отправивъ въ Константинополь и отъ себя лично пословъ съ грамотой [3]). Въ своей грамотѣ митрополитъ Ѳеогностъ, какъ и князь

---

[1]) Прилож. № 3, стр. 15—16; № 5, стр. 25—26, № 7, стр. 35—38.
[2]) Прилож. № 5, стр. 25—26.
[3]) Прилож. № 4, стр. 21—22.

Семенъ, просилъ о закрытіи Галицкой митрополіи и возстановленіи своихъ законныхъ правъ на нее; но, кромѣ этой просьбы, онъ обращался къ императору и патріарху съ старыми обвиненіями, которыя онъ возбуждалъ противъ Галицкаго митрополита еще ранѣе[1]). Хлопоты князя Семена и митрополита Ѳеогноста увѣнчались полнымъ успѣхомъ, такъ какъ Галицкая митрополія, согласно ихъ просьбѣ, была закрыта, а Галицкій митрополитъ былъ позванъ въ Константинополь на судъ [2]). Но, кажется, своимъ успѣхомъ они обязаны были не столько своимъ настойчивымъ просьбамъ, сколько личному, чисто произвольному желанію закрыть митрополію самого Константинопольскаго правительства. Вступивъ на императорскій престолъ и прогнавъ съ патріаршей каѳедры ненавистнаго Іоанна Калеку, Іоаннъ Кантакузинъ съ своимъ послушнымъ слугой-патріархомъ Исидоромъ [3])—началъ свое царствованіе изглаживаніемъ всего того, что напоминало о его бывшемъ врагѣ и его дѣлахъ, послѣдствіемъ чего и было закрытіе возобновленной Іоанномъ Калекой митрополіи. Не будь такого стеченія обстоятельствъ, не будь разсказанной нами выше смуты въ Византіи, не было бы и ея послѣдствій, т. е. открытія и закрытія митрополіи. На хлопоты митрополита Ѳеогноста могли бы не обратить никакого вниманія ни Кантакузинъ, ни Исидоръ; если же они обратили на нихъ свое вниманіе, то только потому, что эти хлопоты митрополита согласовались съ личными желаніями того и другого. Никифоръ Григора разсказываетъ, что около времени закрытія митрополіи Семенъ Ивановичъ и другіе русскіе князья послали въ Константинополь большую сумму денегъ въ качествѣ доброхотнаго пожертвованія на возстановленіе упавшей въ 1345 году апсиды съ восточной стороны св. Софіи [4]). Не имѣло ли это пожертвованіе, какъ догадывается профессоръ Е. Е. Голубинскій [5]), какого либо отношенія къ дѣлу о закрытіи Галицкой митрополіи, какъ благодарность за послѣднее или какъ его побудительная причина [кк]). Если это такъ (а это вполнѣ могло быть такъ), то, оказывается, и возстановленіе митрополіи, и ея закрытіе произошло самымъ обычнымъ греческимъ порядкомъ, т. е. послужило поводомъ къ наживѣ грековъ и яко бы добровольнымъ денежнымъ пожертвованіямъ русскихъ. Впрочемъ, что бы ни вліяло на вопросъ о закрытіи Галицкой митрополіи—деньги или что-либо другое, несомнѣннымъ

---

[1]) Ibid. № 4, стр. 23—24, № 8, стр. 39—40.
[2]) Прилож. № 8, стр. 39—40.
[3]) А. П. Лебедевъ. Очерки... стр. 410—411.
[4]) Historia Byzantinae lib. XXVIII, c. 35; lib. XXXVI, c. 31; Гал. сборн. III, стр. 178.
[5]) Митр. Ѳеогностъ (Богосл. Вѣст. 1893 г. февр. стр. 233—кон. прим.).

остается одно то, что оно произошло всего менѣе потому, будто императоръ и патріархъ заботились о благѣ Галицкой церкви, а не о своей личной выгодѣ, хотя въ своихъ грамотахъ они и стараются показать это.

Закрытіе Галицкой митрополіи было обнародовано вышеупомянутыми грамотами императора и патріарха. Іоаннъ Кантакузинъ въ августѣ 1347 года издалъ хрисовулъ (указъ), въ которомъ открытіе Галицкой митрополіи признавалось „новизной“ (καινοτομία), нарушившей „обычай, издревле установившійся на всей Руси“ [1]), вслѣдствіе чего она опять, волею императора, присоединилась къ той области, отъ которой была отторгнута. Говоря объ открытіи Галицкой митрополіи, какъ о „новизнѣ“, императоръ, очевидно, или неправильно выражался, или же нарочно употребилъ особое дипломатическое выраженіе, которое въ сущности никакъ нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ Галицкая митрополія, какъ мы знаемъ, открывалась и ранѣе, такъ что ея теперешнее открытіе было только воскрешеніемъ старой митрополіи, слѣдовательно, дѣломъ совсѣмъ не новымъ [2]). Кромѣ оффиціальнаго указа, императоръ разослалъ отъ себя еще свои личныя грамоты къ тѣмъ лицамъ, кто добивался закрытія Галицкой митрополіи, т. е. митрополиту Ѳеогносту [3]) и Московскому великому князю Семену Ивановичу [4]), а также и виновнику ея открытія—Волынскому князю Любарту [5]), извѣщая всѣхъ ихъ о состоявшемся закрытіи Галицкой митрополіи. Примѣчательна грамота императора къ послѣднему. Извѣщая, какъ и другихъ, князя Любарта о закрытіи Галицкой митрополіи, императоръ выставляетъ виновникомъ ея открытія собственно одного Галицкаго епископа съ патріархомъ Іоанномъ Калекой, самого же Любарта онъ считаетъ, повидимому, какъ бы совершенно непричастнымъ къ этому дѣлу,—по крайней мѣрѣ, о соприкосновенности его дѣлу открытія митрополіи онъ ничего не говоритъ и даже не намекаетъ объ этомъ ни однимъ словомъ. Но это умалчиваніе императора о несомнѣннѣйшемъ участіи въ открытіи митрополіи князя Любарта показываетъ только дипломатическую ловкость Іоанна Кантакузина, который, виня во всемъ одного Галицкаго епископа съ патріархомъ, думалъ такимъ образомъ, во-первыхъ, наименѣе обидѣть случившимся самого Любарта, а, во-вторыхъ, нѣсколько оправдать предъ нимъ самого себя, выставляясь какъ бы ничего не знающимъ о преж-

---

[1]) Приложен. № 3, стр. 14—16.
[2]) Павловъ. О нач. Гал. и Лит. митр. стр. 226.
[3]) Приложен. № 4.
[4]) Ibid. № 5.
[5]) Ibid. № 6.

немъ дѣятельномъ участіи Волынскаго князя въ дѣлѣ возстановленія Галицкой митрополіи. Рѣшеніе императора о закрытіи Галицкой митрополіи было подтверждено соборомъ—во главѣ съ патріархомъ Исидоромъ, которымъ была издана объ этомъ особая соборная грамота [1]). Въ ней объявлялось о закрытіи митрополіи и присоединеніи входившихъ въ нее епархій къ области Кіевской митрополіи, и повелѣвалось всѣмъ епископамъ ихъ „признавать митрополита Кіевскаго своимъ первенствующимъ іерархомъ и повиноваться ему, какъ было изначала“; вмѣстѣ съ этимъ, отмѣнялось „недавно состоявшееся, во время смутъ, соборное дѣяніе о Галицкой митрополіи“, по которому непослушные епископы были подвергнуты церковному запрещенію; теперь это послѣднее, „какъ неправильно учиненное“, „разрѣшалось и соборне снималось“ [2]). Кромѣ этого, патріархъ Исидоръ послалъ особую грамоту самому Галицкому митрополиту, въ которой онъ, извѣщаясь о закрытіи митрополіи, приглашался имъ въ Константинополь, чтобы дать отвѣтъ „предъ священнымъ и божественнымъ соборомъ“ во взводимыхъ на него митрополитомъ Ѳеогностомъ обвиненіяхъ [3]). Такъ какъ въ Константинополѣ не особенно, видимо, надѣялись на добровольное удаленіе низложеннаго митрополита съ его каѳедры и на прибытіе его на судъ патріарха, то императоръ въ своемъ письмѣ къ князю Любарту требовалъ отъ него „содѣйствовать удаленію того галицкаго архіерея и побудить его прибыть въ Константинополь“ [4]) [лл]). Ходилъ ли Галицкій митрополитъ на судъ къ патріарху и если ходилъ, то чѣмъ кончился судъ надъ нимъ, и какова была дальнѣйшая судьба его—низложеннаго митрополита, мы, за неимѣніемъ свѣдѣній, ничего не знаемъ. Можно предполагать только, что Галицкій митрополитъ не былъ, вѣроятно, лишенъ совершенно священнаго сана, такъ какъ поступить съ нимъ такъ жестоко ни императоръ, ни патріархъ не рѣшились бы изъ боязни слишкомъ разобидѣть его сильныхъ покровителей—Литовско-Волынскихъ князей; но, по всей вѣроятности, онъ былъ только низведенъ изъ сана митрополита и обращенъ въ свое первобытное состояніе, т. е. оставленъ въ санѣ простого епископа [5]). Между тѣмъ, митрополитъ Ѳеогностъ, получивъ обратно отторгнутыя отъ его власти епархіи, вступилъ въ ихъ управленіе и скоро предпринялъ въ югозападную Русь путешествіе для обозрѣнія ихъ

---

1) Прилож. № 7.
2) Ibid. стр. 37—38.
3) Прилож. № 8, стр. 39—40.
4) Ibid. № 6, стр. 33—34.
5) Zelzer, стр. 261.

и для личнаго утвержденія тамъ своего авторитета [1]). Какъ отнеслись къ этому посѣщенію Гедиминовичи и особенно князь Ольгердъ, мы не знаемъ, но, вѣроятно, не совсѣмъ дружелюбно, хотя и не посмѣли съ нимъ поступить такъ, какъ потомъ рѣшился поступить Ольгердъ съ митрополитомъ Алексѣемъ, когда тотъ посѣтилъ южныя епархіи.

Но почему ни Любартъ, ни Ольгердъ не вступились за своего митрополита и дозволили разрушиться тому дѣлу, изъ-за котораго онъ хлопоталъ.

Любарту, нужно думать, было просто-на-просто не до митрополита, такъ какъ онъ всецѣло отдался въ это время заботамъ чисто политическаго характера, т. е. борьбѣ за Волынско-галицкое наслѣдіе, которое съ 1349 года, при вновь возгорѣвшейся войнѣ, совсѣмъ уплывало изъ его рукъ. Ему совсѣмъ некогда было заботиться о судьбѣ открывшейся, но потомъ скоро закрытой митрополіи, такъ какъ и его собственная судьба была слишкомъ незавидна и требовала не малыхъ хлопотъ и терзаній, потому что въ лицѣ короля Казиміра онъ получилъ такого врага, который каждую минуту готовъ былъ обрушиться на его злосчастную голову и держалъ его вслѣдствіе этого въ постоянномъ безпокойствѣ. Когда же въ 1349 году онъ былъ лишенъ Казиміромъ почти всѣхъ своихъ владѣній и остался съ однимъ Луцкимъ удѣломъ [2]), тогда ему и подавно было не до митрополита. Могъ бы поддержать Галицкаго митрополита Ольгердъ, но онъ также былъ втянутъ въ борьбу съ Польшей и кромѣ того съ крестоносцами, отъ которыхъ въ 1348 году онъ съ другими Литовскими князьями потерпѣлъ жестокое пораженіе [3]). Можетъ быть, впрочемъ, онъ былъ чѣмъ нибудь и недоволенъ новопоставленнымъ митрополитомъ, отъ котораго, навѣрное, ждалъ многаго лично для самого себя, надѣясь, можетъ быть, при его содѣйствіи расширить и усилить свою власть и вліяніе въ юго-западныхъ земляхъ, но митрополитъ почему-либо не оправдалъ его надеждъ, такъ какъ ему самому было не до политическихъ плановъ Ольгерда, когда приходилось считаться съ непокорными епископами и вести съ ними борьбу. Не особенно доволенъ митрополитомъ былъ, вѣроятно, и король Казиміръ, такъ какъ, отдавъ въ его вѣдѣніе только что завоеванную Львовскую землю, онъ опасался, можетъ быть, съ его стороны какого-либо вреднаго для себя противодѣйствія и, по всей вѣроятности, искренно порадовался, когда тотъ палъ. Впрочемъ,

---

[1]) Никон. лѣт. III, стр. 192.
[2]) T. Dlugossi. Histor. Polonica, lib. 9, p. 1087.
[3]) Шараневичъ. Исторія.., стр. 164; Иловайскій. Исторія, II, стр. 82.

Казиміръ, нужно думать, къ его судьбѣ былъ сравнительно болѣе равнодушенъ, чѣмъ Любартъ и Ольгердъ, такъ какъ, не осѣвшись окончательно въ Галиціи, онъ устремлялъ все свое вниманіе пока на одну борьбу за политическое обладаніе ею. Итакъ, ни одинъ изъ владѣтелей юго-западной Руси не вступился за развѣнчаннаго митрополита; но въ этомъ обстоятельствѣ былъ виноватъ отчасти, конечно, и самъ разжалованный митрополитъ, такъ какъ, не сумѣвъ поставить себя, какъ слѣдуетъ, къ своимъ подчиненнымъ епископамъ и возбудивъ всюду вражду и противодѣйствіе себѣ, онъ оказался лицомъ, совершенно не подходящимъ для отвѣтственной митрополичьей каѳедры, гдѣ требовался особый тактъ и умѣнье держать себя слишкомъ осмотрительно, чего недоставало, видимо, нашему митрополиту. Съ этой стороны особенно долженъ былъ не нравиться послѣдній политику—Ольгерду, который болѣе всего цѣнилъ въ человѣкѣ, конечно, тѣ качества, которыми онъ самъ былъ надѣленъ въ избыткѣ и которыя доставили такой блескъ его славному княженію, т. е. политическую проницательность и дипломатическій тактъ; а такъ какъ нашъ митрополитъ былъ лишенъ именно этихъ нужныхъ Ольгерду качествъ и вслѣдствіе этого не подавалъ никакой надежды сдѣлаться образцовымъ и въ тоже время послушнымъ ему политикомъ, то Литовскій князь и долженъ былъ безусловно отказаться отъ него, совершенно въ немъ разочаровавшись. Но, отказавшись отъ этого митрополита, Ольгердъ совсѣмъ не думалъ бросать своей прежней мысли дать юго-западной Руси свое особое церковное самоуправленіе, обратившись за этимъ опять къ Константинопольскому патріарху, — только теперь онъ рѣшилъ дѣйствовать одинъ, не обращаясь за содѣйствіемъ къ брату Любарту, который, впрочемъ, будучи всецѣло занятъ своими собственными стѣсненными обстоятельствами, оказался бы очень плохимъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ. Но, рѣшивъ приступить къ выполненію своего замысла, Ольгердъ прежде этого долженъ былъ еще позаботиться о подысканіи кандидата на митрополію и притомъ такого, въ которомъ не пришлось бы разочароваться, какъ въ прежнемъ разжалованномъ митрополитѣ. А для этого нужно было, чтобы онъ вполнѣ отвѣчалъ его требованіямъ, будучи его собственнымъ митрополитомъ, всецѣло преданнымъ его политическимъ планамъ. Планы же Ольгерда были очень широкіе, такъ какъ Литовскій князь, не довольствуясь собственными владѣніями, простиралъ свои виды на всю Русь и, по крайней мѣрѣ, на бо́льшую часть ея. Онъ самъ заявлялъ, что вся Русь должна перейти подъ власть Литвы, и къ этому направлялъ всѣ свои стремленія [1]).

---

[1]) Филевичъ. Борьба... стр. 278.

А между тѣмъ, поперекъ его политическихъ замысловъ стояла Москва и вмѣстѣ съ нею представитель народнаго и религіознаго единства Руси—Московскій митрополитъ, все еще оффиціально носившій титулъ Кіевскаго. Онъ — Ольгердъ, въ своемъ собственномъ сознаніи считавшій себя русскимъ государемъ, щитомъ и охраной Руси отъ Нѣмцевъ, нападенія которыхъ онъ такъ часто выносилъ на своихъ плечахъ, признавалъ своимъ законнымъ правомъ просить и себѣ такого же митрополита, какимъ владѣла и успѣшно пользовалась Москва. Но и душою, а, можетъ быть, и по вѣрѣ русскій, мм) онъ, вслѣдствіе опасности со стороны Нѣмцевъ, вынужденъ былъ оставаться язычникомъ или, по крайней мѣрѣ, казаться таковымъ предъ своими язычествующими подданными [1]), въ глазахъ же Константинопольскаго патріарха „быть врагомъ креста, не вѣрующимъ въ Господа нашего Іисуса Христа, но скверно и безбожно покланяющимся огню [2])“, — и вслѣдствіе этого онъ не можетъ смѣло и настойчиво просить у патріарха особаго митрополита, такъ какъ тотъ всегда можетъ отказать въ просимомъ нечестивому „огнепоклоннику [3])“. Поэтому Ольгердъ и дѣйствуетъ сначала за спиной православнаго брата Любарта, предоставляя ему вести переговоры съ патріархомъ и какъ бы одному добиваться для юго-западной Руси митрополита. Но вотъ онъ увидалъ, какъ неудачно окончилось успѣшно было выполненное дѣло, и задумалъ теперь уже единолично обратиться къ патріарху съ своими законными, казалось ему, требованіями. Но какого митрополита хотѣлось получить Литовскому великому князю? Онъ могъ просить у патріарха дать митрополита для его собственныхъ областей и могъ надѣяться, что патріархъ не откажетъ, авось, въ его просьбѣ, такъ какъ такого рода митрополиты, какъ мы видѣли выше, бывали въ Литвѣ и ранѣе. Но не такого митрополита хотѣлось имѣть Ольгерду; ему недостаточно было того, чтобы его митрополитъ былъ только Литовскимъ, ибо черезъ это онъ выигрывалъ весьма немного. Въ самомъ дѣлѣ, получивши отъ патріарха Литовскаго митрополита, онъ освобождалъ своихъ православныхъ подданныхъ отъ унизительной и опасной, какъ казалось ему, подчиненности Кіево-Московскому митрополиту, но зато этотъ послѣдній опять оказался бы сторонникомъ Московскаго князя и сторонникомъ болѣе сильнымъ по значенію, чѣмъ Литовскій митрополитъ, такъ какъ вліяніе митрополита Литовскаго могло простираться самое бо́льшее — лишь на Литву и тѣ города и епархіи, которыя были под-

---

[1]) Иловайскій. Исторія... II, стр. 83.
[2]) Приложен. № 20, стр. 117—118.
[3]) Ibidem, № 30, 167—168.

Стр.
XIV. Что у кого болитъ. Отвѣтъ Московскому Комитету грамотности. *Павла Аристова* 180
XV. Объявленія 191

Приложеніе. **БЛАГОВѢСТЪ**. Іюнь 1895 г.

Содержаніе: Галицкая митрополія. Главы IV (продолж.) и V церковно-историческое ислѣдованіе *Н. Д. Тихомірова*.

„РУССКАЯ БЕСѢДА“

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Статьи политическія по выдающимся событіямъ въ Россіи и заграницей. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки; монографіи, воспоминанія, путешествія, жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера. 5) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и народныя пѣсни. 6) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 7) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій; извѣстія и письма внутреннія и заграничныя. 8) Обозрѣніе газетъ и журналовъ. 9) Библіографія и критика. 10) Извѣстія и разныя новости. 11) Рисунки, соотвѣтствующіе содержанію статей. 12) Справочный отдѣлъ и объявленія.

Приложеніе: БЛАГОВѢСТЪ. Статьи богословскаго и церковно-историческаго содержанія.

Условія подписки на 1895 годъ:

Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи и заграницу:

На годъ **6** руб. | На полгода **3** руб.

Допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ до полной уплаты подписной цѣны.

Можно требовать высылки изданія съ наложеннымъ платежемъ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ—**одинъ рубль.**

Подписка принимается:

Въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 18, въ СПБ. Славянскомъ Обществѣ, площадь Александринскаго театра д. 9, а также въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ; Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ и Москвѣ, и во всѣхъ другихъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Плата за объявленія: за цѣлую страницу 20 рублей, за полстраницы—10 р., за 1/4 5 р.

Адресъ Редакціи „РУССКОЙ БЕСѢДЫ“; С.-Петербургъ, Большая Морская, домъ № 56, кв. 3.

Издатели: А. В. Васильева. Е. А. Евдокимовъ. В. С. Драгомірецкій.

Редакторъ: *В. Драгомірецкій.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Іюля 1895 года.